ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

АНДРЕАС БРАНДХОРСТ

КОРАБЛЬ

ЛАУРЕАТ НЕМЕЦКОЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРЕМИИ
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ КУРДА ЛАССВИЦА

Корабль
Андреас Брандхорст

Аннотация
Андреас Брандхорст. Корабль
Зуд вечности
Буря
Стук часов
Из ниоткуда
Меня окружает покой
Сеть
Правда
Человек в песке
Считающий песчинки
Между войной и миром
Неусыпный надзор
Вкус вечности
Плата за будущее
Границы
Разбитые мечты
Последний шаг
Путь Змеи
Больше, чем сумма всех частей
Оценка возможностей
Близкое небо

Новые встречи
Рухнувшее будущее
Последний интервал
Световые годы как песчинки
Там, где шепчут ангелы
Черный дождь
Красная планета
Супервайзер
Корабль
Звездное море
Глоссарий

Аннотация

Далекое будущее. После серии катаклизмов и войн власть на Земле перешла к разумным машинам. Оставшиеся люди живут под их присмотром практически в раю: в тридцать лет они получают бессмертие и в условиях полного изобилия свободны делать все, что им вздумается, но только не ставить под вопрос существующий порядок. Лишь небольшая часть людей в силу генетических причин остаются смертными, и взамен получают возможность путешествовать к звездам, так как только стареющее сознание может без потерь преодолевать огромные расстояния, интегрируясь в искусственные тела. Машины же тем временем отправляют исследовательские зонды в попытках найти следы древней инопланетной цивилизации, которая сгинула много миллионов лет назад, но, судя по скудным сведениям, оставила после себя Каскад – систему, дающую возможность моментально перемещаться в любую точку Галактики. В попытках найти его искусственный интеллект сталкивается

с чем-то чудовищным: странным объектом, из-за которого давным-давно погибли все разумные народы Млечного Пути. И теперь Земле и всем ее обитателям грозит смертельная опасность.

Андреас Брандхорст
Корабль

Взлетай, орел, и лети высоко, чтобы заглянуть в будущее

Andreas Brandhorst
DAS SCHIFF

Печатается с разрешения Piper Verlag GmbH и при содействии литературного агентства «Медиана»

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

Перевод с немецкого: *Михаил Перекалин*

АСТРЕЛЬ СПб

© 2015 Piper Verlag GmbH, München/Berlin
© Михаил Перекалин, перевод, 2024
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Зуд вечности

Вот уже тысячи лет умные машины посылали с Земли к звездам космические корабли, летящие со скоростью света. Космонавты должны были основывать колонии, распространяя влияние Кластера, расширяя сознание машин, продолжая свою эволюцию в космическом масштабе, а также искать другие биологические формы разумной жизни, пережившие Мировой Пожар, в огне которого миллион лет назад исчезли высокоразвитые народы. Но они находили лишь руины и артефакты — следы, оставшиеся от Мурии — единственной продвинутой цивилизации в Млечном Пути, погибшей еще до Мирового Пожара. Летя по этим следам, космонавты попадали из одной звездной системы в другую, стремясь найти Каскад — систему тоннелей сквозь пространство и время, которая позволяла народу Мурии совершать путешествия через галактику. Машины, созданные предками бессмертных людей, хотели воспользоваться наследием Мурии. Однако все их усилия ни к чему не приводили. Они находили лишь опустошенные миры или

недавно образовавшиеся планеты с примитивными формами жизни.

Но эти исследования не остались незамеченными. Между звездами, в огромных пустотах, находились Глаза и Уши, которые все видели и слышали, улавливая любые колебания электромагнитных потоков в межзвездном пространстве. Для этих Ушей и Глаз едва ли существовало такое понятие, как «время». В течение столетий они довольствовались своей ролью, наблюдая за кораблями, посылаемыми Кластером с Земли, и принимая сигналы. Получаемая информация собиралась и анализировалась, и в конце концов настало время для решительных действий. Во тьме межзвездного пространства появилось Нечто и начало шевелиться.

Они стояли в обсерватории: человек — дряхлый старик по имени Адам, облаченный в мобилизатор, и Аватар Бартоломеус — представитель расы умных машин, которые властвовали на Земле вот уже несколько тысяч лет. На искусственном небе сияли, будто настоящие, звезды, а каждая система, до которой уже долетели корабли, была отмечена сверкающим значком.

— Мы говорили об эволюции, — напомнил Адам.

Он уже побывал на некоторых звездах и теперь мог не лететь туда сам, путешествуя по другим мирам в чужом обличии. Такова была его привилегия как смертного.

— Разве вы не поклоняетесь людям, как богам? — спросил он.

— Нет никаких богов, Адам, — ответил ему Бартоломеус. — Мы еще не нашли ни одного.

— Именно мы, люди, создали вас.

— Совершенно верно.

— А теперь мы едва ли на что-то влияем. Вы принимаете все важные решения.

— А разве это так уж плохо, Адам? Мы заботимся о вас. Защищаем вас. Работаем над тем, чтобы люди могли наслаждаться бессмертием в мире и покое.

— Но именно мы создали вас, — повторил Адам. — Вы — наши дети.

— Родители никогда не возвращаются к детям, когда те вырастают и берут судьбу в свои руки, верно?

— Эти родители просто не настолько стары и немощны, как я, — вздохнул Адам. — Они живут вечно и тысячелетиями оберегают своих детей.

— Иногда дети перерастают своих родителей. В моем понимании это и есть та эволюция, которую

ты имеешь в виду.

— Вы развиваетесь быстрее, чем мы.

— Намного быстрее, Адам.

— Человек статичен в своем развитии. Я говорю о бессмертных людях, а не о себе. И не о Говорящих с Разумом. Мы-то совершенствуем вас, хотя стареем и умираем.

Бартоломеус ничего не ответил.

— Эволюция, — произнес Адам, прислушиваясь к звучанию своего голоса. — Люди создали машины, а те превзошли своих творцов по уровню развития. Разве это не противоречит закону природы? Неужели это и есть настоящая эволюция?

— Никто не заставлял людей создавать машины. Вы сделали это — и вот результат.

Буря

1

Тяжелые свинцовые облака нависали над стальным разъяренным океаном. Ветер поднимал такие высокие волны, будто хотел, чтобы каждая новая была выше предыдущей. С оглушительным грохотом обрушивал их на скалы, и волны, разбиваясь о голый утес, распадались на отдельные брызги. Порывы ветра подхватывали пену и выносили ее на тридцать метров вверх, туда, где в мобилизаторе, поддерживавшем дряхлое тело словно экзоскелет, стоял Адам. Добровольно отказавшись активировать щит, он был абсолютно беспомощен перед ветром и грозой.

— Ах, вот ты где, Адам, — старик услышал голос позади себя. — Я тебя нашел.

Хотя это был тонкий голосок, он звучал громче, чем раскаты грома.

— Зачем меня искать, если ты точно знаешь, где я?

С помощью мобилизатора Адам повернул голову. Перед ним, рядом с транспортной капсулой, стоял мужчина. Несмотря на то что со времени

последней встречи несколько дней назад он сильно изменился (у Аватаров это происходило довольно часто), Адам тотчас узнал пришедшего: Бартоломеус — учитель и посредник в общении с Кластером, степенный мудрец, сопровождавший его долгие годы. Он прибыл на многофункциональном транспорте Кластера — серебристом, как и волосы его седовласого хозяина. Напоминавший готового к прыжку жука, МФТ остановился рядом с капсулой Адама.

За ним простиралась большая равнина. Когда-то перед Великим Потопом, о котором Бартоломеус рассказывал Адаму несколько дней, а может быть, и несколько лет назад — старик уже точно и не помнил, — она была частью обширного плато. Деревья на равнине сгибались от ветра.

Внезапно между стволов промелькнуло что-то необычное: фигура в кремовом платье. От удивления Адам заморгал, а затем еще раз посмотрел туда, где находилась незнакомка, однако меж деревьев теперь виднелись лишь надвигающиеся массивные тени заката.

Бартоломеус подошел ближе.

— Почему ты одет только в мобилизатор и не носишь фактотум? — поинтересовался он.

— Я хочу наслаждаться морем, — ответил Адам,

устремляя взгляд вдаль. — Смотреть на него, слышать шум прибоя, чувствовать его дыхание.

— Здесь холодно и сыро, а ты уже немолод, — отвечал Бартоломеус. — Ты можешь заболеть.

— Но вы же меня вылечите. Вам не впервой.

— Наши возможности не безграничны. Ты не такой, как другие люди. Ты — старик.

Ох уж это ненавистное слово «старик». Адам посмотрел вверх и ощутил, как стучат капли дождя по лицу.

— Есть люди, которые значительно старше меня. Некоторые из них даже старше тебя, — отмахнулся Адам. Внезапно у старика проснулось любопытство: — А сколько лет тебе, Барт?

— Несколько тысяч, — откликнулся тот. — Я видел, как к звездам запускали первые корабли.

— Вот оно как. Однако некоторые из Бессмертных намного старше тебя. Кто-то даже пережил Великий Потоп, когда вся Земля была покрыта водой.

— Когда это было?

— Почти шесть тысяч лет назад.

Адам вытер руки с помощью мобилизатора и снова посмотрел на море. Вдали сверкнула молния, красивая и ослепляющая, озарившая сотни и тысячи скатывающихся волн. Старик сравнил

их движение с мыслями в голове. Они текут по огромному океану души, большинство лишь на миг мелькает в сознании, уставшем от старости. Время от времени Адам пытается удержать их, но они ускользают, словно вода сквозь пальцы, стремящиеся схватить ее. Его немного удивляла та ясность, с которой он об этом думал. Вероятно, машины прочистили ему мозги.

— Почему я не могу быть как все? — воскликнул Адам. — Почему должен стареть? Почему я должен в конце концов умереть?

— Нас часто об этом спрашивают. Я тебе уже объяснял причины, — ответил Бартоломеус.

Было ли такое? За годы жизни у Адама накопилось множество пробелов в памяти. Бартоломеус, напротив, ничего не забывал. До мельчайших деталей он помнил все, что произошло за несколько тысяч лет с момента его появления на свет. Он стоял там: коротко стриженный мужчина с серебристой шеей, большими серыми глазами и выдающимся носом. Вернее, не мужчина, а Аватар-фактотум, представитель расы умных машин с Кластера, который растянулся здесь, у ног Адама, а точнее говоря, под скалами и разъяренным морем. По телу Бартоломеуса стекал дождь, но, казалось, это его нисколько не беспокоило.

— У некоторых людей система дает сбой, — проговорил он. — Мне очень жаль. Однако мы работаем над этим. Выясняем причины.

Адам начал постепенно осознавать смысл сказанного.

— Выясняете вот уже шесть тысяч лет? — спросил он.

— Ситуация очень сложна даже для нас самих. Омега-фактор сводит на нет наши стремления сделать всех людей бессмертными. Способ отключить его до сих пор не найден. Данное негативное воздействие проявляется лишь у одного из тысячи новорожденных. Пока мы не можем ничего сделать, — вздохнул Аватар. — Совсем ничего.

— Получается, я тот самый тысячный ребенок, — проговорил Адам, посмотрев на море.

— Верно.

— Важен ли я для вас?

— Ты для нас очень важен, — уверил его Бартоломеус. — Поэтому я здесь несмотря ни на что. У нас есть задание для тебя. Новая миссия.

Порывы ветра были настолько сильны, что вздымали гребни волн выше скальной гряды. Они бились о ноги Адама с такой силой, что его мобилизатору приходилось работать на полную мощность, удерживая спину хозяина в верти-

кальном положении.

«Сколько же силы у ветра и воды, — думал Адам, пробуя соленое море на вкус. — Сидя здесь, наверху, мы ощущаем лишь малую ее часть. Какими мощными должны быть волны там внизу, ведь каждая несет в себе силу океана и энергию бури, которая ее поднимает».

— Но ведь моя предыдущая миссия закончилась лишь два дня назад, — возмутился старик.

Ветер подхватил его слова и разнес далеко-далеко. Адам представил, как его голос сливается с бурей. Возможно, слова продолжают разноситься и дальше, даже если их никто не слышит. Улетают в облака и соединяются с падающими каплями дождя, они бродят по небу, звучат дольше, чем их произносят люди, но в конце концов возвращаются на землю. Адам нашел свое рассуждение про море и ветер довольно странным, одним из тех, которые быстро проносятся в голове дряхлого старика в момент, когда ему становится плохо. Бартоломеус и другие Аватары называли это состояние дегенерацией нейронов.

— Прошла неделя, — произнес голос над плечом Адама. — Ты живешь у нас целую неделю.

— Неужели? Уже неделю? Время пролетело так быстро.

— Ты почти все проспал. Мы заботились о тебе, стараясь, чтобы ты поскорее поправился. — Седой мужчина произнес это довольно мягко, но вот следующие слова были сказаны с укором: — В противном случае тебя бы здесь не было, а рисковать жизнью и здоровьем нет никакого смысла.

Бартоломеус совершенно не двигался. Не шевелил руками и телом. Но внезапно его щит поднялся, и Адам почувствовал слабый поток энергии, отвлекший его от бури и заслонивший от холода, дождя и ветра. Порывы стихли до такой степени, что он начал различать гул моторов. Тогда старик снова поднял мокрую от брызг руку и поднес палец ко рту, чтобы ощутить соленый вкус.

— Я вырос на берегу моря, — объяснял он, — в окружении волн и ветра. То, что я делаю, — вовсе не бессмысленное действие, а часть моей жизни. — Чуть погодя он добавил: — Время меня не пощадило, но оно забрало не все воспоминания.

— Прошу простить меня, — смягчился Бартоломеус. — Возможно, и ты меня поймешь. Ты для нас очень важен. Мы не можем обойтись без тебя. Ты не такой, как большинство людей.

Где-то поблизости вспыхнула молния, и скоро над морем и сушей началась гроза.

— Давай пойдем отсюда. Мы не можем допустить, чтобы в тебя попала молния. Вероятно, мое требование надеть защиту — это чересчур.

Адам отвернулся от моря (или, может, это мобилизатор решил, что пришло время возвращаться в капсулу). Он бросил любопытный взгляд на качавшиеся от ветра деревья, но там была лишь сплошная тьма.

— Ты что-то ищешь? — поинтересовался Бартоломеус, смотря в ту же сторону, что и Адам.

— Нет, — ответил старик.

Вероятно, он снова представил себе фигуру в кремовом платье. Адам открыл люк капсулы, и мобилизатор направил энергетический щит на маленькое, хрупкое на вид судно, которое привезло его к океану. Сев, старик вдруг почувствовал такую усталость, как после напряженного марша.

Бартоломеус уже был в транспортном средстве Кластера, которое парило на рубиново-красной гравитационной площадке над мокрой от дождя землей.

— Я установил связь и контролирую нас обоих, Адам. Я не хочу потерять тебя снова.

Бартоломеус улыбнулся, и это выглядело странно, эта улыбка, казалось, не сочеталась ни с

серебристым оттенком лица, ни с глубокомысленным взглядом карих глаз.

— Скоро мы снова отправим тебя туда, — Бартоломеус поднял палец вверх. — К звездам.

Путешествуя в капсуле по ночному небу, Адам думал о том, почему Бартоломеус так и не ответил на его главный вопрос: *зачем он искал его, когда точно знал, где тот находился*? Ведь умные машины всегда знали местоположение Адама и остальных ста тридцати Говорящих с Разумом, потому что у них были какие-то приборы, отправлявшие сигналы, с помощью которых Аватары общались со своими подопечными.

Закрыв глаза, Адам уснул, и ему приснился мальчик, бегущий под дождем по мокрому песку мимо волн, пытающихся догнать его проворные ноги.

2

Эвелин, которой месяц назад исполнилось четыреста двенадцать лет, стояла под ночным дождем, чувствуя себя словно глупый ребенок. Хотя скремблер и делал ее невидимой для электронных систем слежения, он никак не оберегал от случайного взгляда. Она стояла в самой чаще небольшого леса, согнувшись под шумным, ло-

мающим верхушки деревьев ветром, и крепко держала скремблер правой рукой — только с ним она могла чувствовать себя вне зоны досягаемости.

Эвелин всецело доверяла этому маленькому устройству, одному из множества предметов, помогающих обвести умные машины Кластера вокруг пальца. Второй скремблер находился на борту капсулы, ожидавшей Эвелин в низине на расстоянии около километра. Раньше Эвелин решила бы, что все меры предосторожности приняты и уже можно вступать в контакт со старым Говорящим с Разумом. Кто же мог предположить, что здесь откуда ни возьмись появится Аватар, умный соглядатай Кластера, неустанно следящий за всем происходящим?

Человек на склоне лет, дряхлый старик в мобилизаторе, но все же значительно моложе нее… Когда Эвелин была особенно невнимательной, он даже что-то заметил. Но глаза Аватаров, их визуальные сенсоры, не очень хорошо фокусируются на предметах, находящихся вдали, поэтому Говорящий с Разумом мог и не разглядеть ее. Помогало еще и то, что скремблер глушил все сигналы датчиков.

Неожиданно на небе появилась молния, раз-

резав темень ночи, и осветила крону дерева, под которым стояла Эвелин. Она ожидала окончания грозы, прислонившись спиной к стволу, расставив широко ноги, вытянув руки и подогнув колени. Было холодно, но Эвелин могла некоторое время переносить холод и без облегающего кремового платья, которое согревало ее сейчас. Если низкие температуры не будут держаться долго, то и бояться нечего. Обследование, которое Эвелин проходила триста восемьдесят девять лет назад, показало, что ей даровано бессмертие, а значит, не страшны ни старение, ни болезни.

Прошло уже полчаса, но никого из Аватаров не было видно, и Эвелин стала спрашивать себя: а что она здесь, собственно, ищет? Пока она возвращалась в лесную чащу, от капсулы Говорящего с Разумом, как и от мультитрансгрессора, которым управлял Аватар, не осталось и следа.

То, что умные машины ее не обнаружили, не только радовало, но и удивляло. Это давало ей возможность в будущем контактировать с Говорящим с Разумом и начинать завоевывать его доверие, не опасаясь быть замеченной.

Под дождем, мимо покачивающихся и скрипящих от ветра деревьев, Эвелин пошла в низину, где мирно дожидался хозяйку темный силуэт

капсулы. Как только она подошла, тут же открылся люк, и уже через минуту Эвелин сидела в кресле пилота.

Досада. Ведя капсулу сквозь грозу, Эвелин успокаивала себя тем, что ей удалось определить частоту работы локализатора, надетого на Говорящего с Разумом. А значит, она сможет без серьезных проблем отслеживать его местонахождение, ожидая удобного случая для встречи.

3

Адам проснулся в момент, когда подготовка к очередной миссии была в самом разгаре.

— Куда вы меня отправляете на этот раз? Может, на одну из планет с теплым океаном? — спросил он.

В этот момент он лежал в ванне, и механические руки тщательно и мягко мыли его, втирая лечебную мазь в раны, появившиеся после долгого ношения мобилизатора. Погрузившись глубже в эмульсию цвета голубого опала и закрыв глаза, Адам представил, как его тело захлестывают теплые волны.

— Боюсь, мой ответ тебя удивит, — послышался откуда-то сзади голос Бартоломеуса.

Щелчки и жужжание означали, что сервомеха-

низмы программируют коннектор. Адам смутно помнил о том, что очень важно создать гравитационное поле. Построение коннектора всегда связано с константами гравитационной сигнатуры иридия. Кроме того, коннектор должен быть очень четко направлен на цель: появление даже самых незначительных отклонений приведет к тому, что передаваемое сознание может затеряться в пути.

«Что же происходит с потерянным сознанием?» — спрашивал себя Адам, пока сервомеханизмы очень аккуратно, стараясь не допустить переломов, вытаскивали его и вели к коннектору, стоявшему на середине комнаты.

Возможно, он будет вечно лететь через космос, мимо звезд и планет, и никогда не достигнет новых миров, а вырванная из тела душа сможет посмотреть на себя со стороны и вдохнуть чужой для нее воздух?

— Твой путь лежит к Лебедь-29, главной звезде скопления класса М, — ответил Бартоломеус. — Знаешь ли ты, что это за звезда? Помнишь ли?

— Красный карлик.

Адам помнил достаточно, чтобы дать именно такой ответ. Он не мог точно сказать, нравится ли ему перспектива такого полета. Планеты подоб-

ной системы должны располагаться очень близко к своей звезде, чтобы получать достаточное количество тепла. Едва ли можно рассчитывать на то, что они будут омываться теплыми морями, там скорее отыщешь холодную тундру.

— Я никогда раньше не слышал про Лебедь-29,– заметил Адам.

— Наши зонды добрались до системы этой звезды два года назад. Она находится на расстоянии девятисот девяноста восьми световых лет от Земли.

— Очень далеко, — проговорил Адам.

Сервомеханизмы положили старика в коннектор, подключив к системам жизнеобеспечения.

— Верно, — ответил Бартоломеус. — Лебедь-29 находится недалеко от Границы Миропознания.

— Миро… Какое трудное слово. — Хотя Адам мог его произнести и понять значение, но сознание старика будто окутал серый туман. Так происходило уже не впервые, но легче от этого не становилось.

Бартоломеус однажды назвал такое состояние освобождением духа от балласта. Но, несмотря на перенос сознания, это было сомнительное облегчение.

— Миропознания, — дружелюбно помог Барто-

ломеус. — Так мы называем границу исследованного зондами космического пространства. Она находится в тысяче световых лет отсюда.

— Я буду почти на границе, — пробормотал Адам. — Очень-очень далеко.

— Мы всегда рядом. Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь. Я… Взволнован. От радости.

Адам прислушался к своему сердцебиению. Стук усиливался, становясь похожим на барабанную дробь, возвещающую о начале нового приключения. Да, он был рад. Будучи там, в космосе, он мыслил гораздо яснее, казалось, что чем теснее его связь с машинами, тем медленнее текли его мысли.

— Хочешь посмотреть на место, куда ты летишь? — спросил Бартоломеус.

— Да, — ответил Адам, еле открывая глаза: перед отправкой через коннектор всегда было трудно поднять веки. — Да, покажи его мне.

Над стариком поднялась серая крышка коннектора, ведущего в космос. На ней неожиданно появился красный объект — огненный мяч возрастом в несколько миллиардов лет, старая и маленькая звезда, которой было еще очень далеко до конца существования. По сравнению с множеством других светил она была крошечной,

но, в отличие от них, будет гореть и сверкать, даже когда они взорвутся или разрушатся. «Как это странно: объект, содержащий меньшее количество вещества, горит значительно дольше, чем объекты, где такого горючего значительно больше», — думал Адам. Он решил, что попросит у Бартоломеуса объяснить это, когда туман в голове рассеется.

Вокруг звезды вращалось множество шаров-планет, самые массивные, с продольными полосами, были окружены кольцами из частичек льда и многочисленными спутниками.

— Вот это C29-V, — сказал Бартоломеус, указывая на один из шаров. — Газовый гигант, похожий на Юпитер. Ты ведь помнишь такую планету, не правда ли?

— Да. У нее раньше был красный глаз, но потом он закрылся.

— Там бушевала буря гораздо сильнее, чем на Земле, — объяснял Бартоломеус, пока сервомеханизмы направляли коннектор на цель путешествия Адама, находящуюся на расстоянии в девятьсот девяносто восемь световых лет, настраивали и фокусировали квантовые ограничения для канала передачи данных. — Но уже несколько тысяч лет красного глаза не су-

ществует.

— Юпитер — планета, ставшая слепой, — пробормотал Адам. — Оставшись без глаза, она больше ничего не видит.

Туман в голове старика сгущался все больше.

— На двух спутниках этой планеты имеются океаны с примитивными формами жизни, — продолжал Бартоломеус. В его спокойном голосе ощущалось нечто гипнотическое. — Посреди одного из океанов стоит обелиск, возможно, выполнявший роль маяка.

В зоне видимости появился один из спутников. Океан под толстым слоем льда, а над ним, словно острый шпиль, прорезающий ледяной панцирь, вздымалась колонна. Это обелиск. На одной из сторон виднелись редкие борозды, знаки и символы, казавшиеся Адаму после стольких лет космических путешествий знакомыми.

— Неужели океан активен? — пораженно спросил Адам.

— Нет. Как и другие океаны, он неактивен. Вместе с вами планету системы V и ее спутник будет исследовать наш второй зонд. Один из вас, исходя из ситуации, сможет решить, отправиться ли ему на спутник или остаться изучать планету.

— Один из нас двоих?

— Тебя будет сопровождать Ребекка.

— О, Ребекка, — вздохнул Адам.

Он уже не видел перед собой ни планеты, ни ее спутника с обелиском, Адам представлял себе Ребекку, с которой провел несколько лет, когда она была еще юной красавицей с огненно-рыжими волосами цвета заходящего солнца и глазами-изумрудами. Адам вспомнил о том, какая тоска ее охватывала, о том, как она боялась старости и смерти. Как давно это было? Неужели полвека назад? Не такой уж большой срок для бессмертных, но для него и Ребекки — больше, чем полжизни.

— Ты рад, что сможешь снова ее увидеть? — поинтересовался Бартоломеус.

Теперь Адам мог видеть его, мужчину с серебряными волосами. Казалось, нос у Аватара стал еще длиннее, а глаза еще бесцветнее.

— Да, я рад, но… Почему вы отправляете меня с напарницей? Разве я не справлюсь один?

— У тебя будет много дел. Так много, что тебе понадобится помощь, — Бартоломеус немного помолчал. — Эта миссия еще важнее, чем все предыдущие, — добавил он.

— Еще важнее, — повторил Адам и вновь подумал о Ребекке. Он удивительно ясно вспомнил сладкий вкус ее губ.

— Да, Адам. Наши разведчики нашли на второй планете не только обелиск, но и кое-что еще.

Газовый гигант с шумом проплыл, исчезая из ряда видимых спутников. Лебедь же расширился и занял половину пространства двери коннектора. Вихри дыма, исходившие от красного карлика, закружившись, превратились в коричнево-желтый шар, планету размером больше Земли, на которой, однако, не было океанов. Виднелось лишь несколько полувысохших мелководных заливов, больше похожих на озера с грунтовыми водами. Около одного из них находились остатки города с разветвленной сетью каналов.

— Руины, — вздохнул Адам. — Большие руины.

Изображение увеличилось и сфокусировалось на холме, находившемся за пределами засыпанного песком города. При еще большем увеличении стали видны аккуратно выстроенные конструкции, откопанные сервомеханизмами.

— А ведь это вовсе не холм, — воскликнул Адам.

— Да, — подтвердил Бартоломеус. — Мы полагаем, что это космический корабль, такой же древний, как и город.

— Корабль Мурии?

Седой мужчина кивнул:

— Теперь ты понимаешь, почему эта миссия так важна?

Адам ничего не ответил, он пытался обдумать услышанное.

— Возможно, на корабле есть признаки, по которым получится найти следы Мурии, — добавил Бартоломеус. — Закодированные данные и информацию, которая поможет нам получить доступ к Каскаду — старейшей транспортной системе, позволявшей путешествовать по всему Млечному Пути, делавшей возможным прыжок от звезды к звезде. Уже более девятисот лет наши машины ищут зонды Мурии, и это первая обнаруженная находка. Нам необходимы твои изобретательность и опыт. Нам нужен твой особенный взгляд.

«Ребекка, — думал Адам. — Я вновь смогу увидеть ее, оказавшись как никогда далеко от Земли под этим таинственным небом».

Только он успел осознать эту мысль, как красный карлик и планеты пропали.

Крышка коннектора снова стала серой.

— Правда, что только мы, смертные, можем это сделать? — спросил Адам, когда сводчатые стены слева и справа от него поднялись и цилиндр коннектора закрылся над ним.

— Да, только вы, — ничуть не изменившимся голосом ответил Бартоломеус.

— Вы, бессмертные, живете долгую жизнь, возможно, даже целую вечность. Однако звезды остаются вам недоступны. Нагрузка непосильна. — Адам закрыл глаза. — Вы не можете перемещаться с помощью коннектора.

— Нет, не можем.

— Ваши души разрушатся, если попытаетесь использовать его, не так ли? — Голос Адама словно накладывался на дребезжание устройства.

— Да, можно сказать и так. Наше сознание не выдержит транспортировки.

Адам чувствовал, как его губы расплываются в улыбке.

— Только мы можем посещать далекие звезды. Несмотря на то что мы смертны и наш век подходит к концу, — сказал он.

— Верно.

Шумы коннектора слились в единую мелодию, все больше погружая Адама в транспортировочный сон.

— А ведь нас мало, всего сто тридцать человек. Скажи, ведь я важен для вас, верно, Барт? — напоследок поинтересовался Говорящий с Разумом.

— Ты очень важен, Адам, — отозвался тот. —

Нам нужна твоя помощь.

Адам снова улыбнулся. Ему нравилось чувствовать важность.

Затем старик уснул.

Он проснулся через два часа, находясь на другой планете за сотни световых лет от Земли.

Стук часов

4

— Вы меня слышите? — спросил сервомеханизм.

Адам открыл глаза.

— Слышу и вижу, — ответил он. — Существую и мыслю.

Старик улыбнулся, радуясь ясности сознания. Каждая мысль встраивалась в систему обработки данных, поддерживаемую с Земли умными машинами на расстоянии девятисот девяноста восьми световых лет отсюда. Однако с органами чувств было что-то не то, улыбку Адам ощутил как-то иначе. Подняв руку, он увидел, что его фактотум был сделан не из флексометалла — металла с аморфной структурой Аватаров Кластера, а из строительных деталей, модулей и элементов сервопривода, напоминающих мобилизатор.

— Что-нибудь случилось во время транспортировки? — спросил он.

Стоявший перед ним сервомеханизм, полуавтоматическая машина, напоминавшая двухметровое серебристо-серое насекомое, взяла на себя

обязанность заботиться об Адаме.

— У нас проблемы с поставками деталей, — ответил он. — Первый корабль был поврежден в Облаке Оорта из-за действия звезды Лебедь-29. Обеспечение было утеряно. Два из трех брутеров повреждены и нуждаются в ремонте. В данный момент у нас недостаточно флексометалла для изготовления двух фактотумов.

Адам сразу все понял.

— Ребекка уже здесь? — спросил он.

— Уже семь часов как, — зазвенел другой голос сзади.

Адам обернулся.

Она стояла у большого окна, одетая в модифицированный для людей фактотум. Ее шея была не серебряной, как у умных машин, а коричневой, словно голая и беззащитная земля. Ее лицо было обманчиво похожим на человеческое: маска с приделанными ушами, носом и ртом, синтетические волосы, короткие, но все такие же рыжие, как и раньше.

Позади нее светили звезды, а на их фоне медленно вращалась желто-коричневая планета, левая часть которой освещалась невидимой отсюда красной звездой.

Старик встал и услышал гудение сервомоторов,

похожее на звук мобилизатора, которым он пользовался на Земле.

— Фиксация сознания стабильна, — вступил в разговор сервомеханизм. — Соединение стабильно. Связь стабильна. Заданные ограничения определены и стабильны.

— С поврежденным главным зондом возможна связь только по четырем каналам из девятнадцати, — сообщила Ребекка.

Ее голос звучал не так мелодично, как в воспоминаниях Адама. Вероятно, дело было в наскоро и неправильно настроенном модуляторе, обычно Ребекка обращала внимание на такие мелочи.

— К тому же качество связи с зондами очень плохое, оно находится на том же уровне, как и почти тысячу лет назад, когда они только начинали свой путь. Я попросила, чтобы для нас зарезервировали два зонда. В это время два других привезли бы нам необходимые материалы через главный коннектор. Но прошло уже много времени, а ширина канала очень ограничена. Мы можем поработать над этой проблемой позже. Возможно, получится улучшить старую систему коннектора.

Адам подошел к Ребекке и увидел в окне вращающегося корабля поврежденный, похожий на

цилиндр сегмент, развалившийся пополам по соединительному шву, с обшивкой, разлетевшейся во все стороны. Через пустоту между цилиндрами просвечивали сервомеханизмы, которые уже разобрали гравитационные якоря на отдельные части и работали с помощью термофакелов.

— Это зонд старой модели, — продолжал звенеть голос Ребекки. — В нем нет самовосстанавливающихся деталей, и он не может починить себя.

— Бартоломеус говорил, что зондов было больше. Что с остальными? — спросил Адам.

— Всего их пять, — отвечала Ребекка, бродившая взад-вперед около окна. — После того как корабль был поврежден, два из них потерялись, два других построили станцию на поверхности планеты, рядом с руинами города и главным артефактом. Последний зонд ждет меня недалеко от планеты Лебедь V.

Наклонившись, Адам с удивлением услышал гул сервомоторов.

— А ты ждала меня? — поинтересовался он.

— Да, хотела тебя повидать, перед тем как отправлюсь на газовый гигант и увижу покрытый льдом спутник с обелиском.

На лице, а вернее, на маске Ребекки появилась

улыбка. Приблизившись к Адаму, она протянула ему ладони со смуглой, похожей на человеческую кожей. Ее локти были закутаны в шафраново-желтое одеяние. Адам с удовольствием посмотрел в глаза своей спутнице. При помощи визуальных сенсоров, которые видят гораздо лучше человеческих глаз, Адам смог разглядеть образец аморфного металла, поддерживающего ее гладкую шею. Ребекка позволила Адаму заглянуть под маску, где можно было заметить модуль данных, сохранявший сознание людей в целости и сохранности.

— Не буду утверждать, что ты хорошо выглядишь, — сказала Ребекка, улыбнувшись почти так же, как и много лет назад.

— В последний раз мы хорошо выглядели сорок или пятьдесят лет назад, — ответил Адам. — Очень давно.

— Давно для нас, — уточнила Ребекка. — Для бессмертных сорок лет едва ли можно сравнить даже с каплей в океане времени.

Она пожала плечами, но это выглядело как-то неловко и беспомощно. Вероятно, из-за того, что Ребекка еще не привыкла к своему телу, на это обычно уходило несколько дней.

— Нам просто не повезло, — добавила Ребекка.

— Ага, — вздохнул Адам.

Несмотря на работу эмофильтра, направленного на стабилизацию настроения, он провалился в эмоциональную яму, ощутив в сердце тяжелый якорь грусти. Через несколько минут аппарату удалось восстановить состояние Адама, но в потаенном уголке души остался след от печали.

Раздался звуковой сигнал, и насекомоподобный сервомех громогласно сообщил:

— Два шаттла уже готовы. Первичное обследование планеты должно начаться как можно скорее.

— О, — опомнился Адам. — Нужно спешить.

— Меня вызывают на планету V уже во второй раз, — сказала Ребекка. — Кластер торопится.

«Кластер очень далеко. Так далеко, что мы слышим лишь его тихий шум через узкий канал», — подумал Адам.

По каналам передачи данных, связывающим его сознание и несовершенное тело с главным кораблем, где находились местные умные машины, ему передали ощущение срочности дела.

— Почему? — удивленно спросил Адам. — Почему в этот раз мы должны сразу же начинать исследование, даже не акклиматизировавшись?

Сервомех проворно промчался к двери, которая

открылась автоматически, и ему не пришлось использовать органы управления.

— Потому что девятнадцать часов назад кое-что произошло, — ответила Ребекка.

— Что именно?

— Обелиск на покрытом льдом спутнике и главный артефакт на находящейся перед нами планете, — Ребекка показала рукой на окно, — отправили нам сигнал.

5

— Это может быть связано с тем, что происходит в Облаке Оорта и этой звездной системе. Что там вообще случилось? — спросил Адам.

— Этого мы точно не знаем, — ответила Ребекка. Они вошли в ангар, где стояли два готовых к полету шаттла. — Внешняя перегородка была поднята, но энергетический барьер атмосферного щита отгораживал космическое пространство. Поврежденный сегмент главного зонда тут был виден значительно лучше, чем из окна коннектора. Что-то врезалось в центральный цилиндрический отсек и разорвало его пополам.

Адам обратил внимание, что, рассказывая о миссии, Ребекка использовала слово «мы». Под этим «мы» она подразумевала себя, местные ум-

ные машины и Кластер.

— Мы полагаем, что причиной стала цепь случайностей, — продолжала Ребекка. — Эти зонды летели прямо с Земли, а не из другой колонизированной системы. Тысячу лет назад они покинули Солнечную систему. Скорость этих аппаратов не настолько близка к скорости света, как у кораблей, которые Кластер позже отправлял к звездам. Из-за искривления времени они видны даже отсюда, но время для пассажиров кораблей текло медленнее, чем для нас. Тем не менее возраст этих аппаратов, — Ребекка жестом очертила корабль, — насчитывает сотни лет. В его системах имеются дефекты. При попадании в Облако Оорта он сразу должен был войти в столкновение с двумя кометами. Начался пожар, и, хотя конденсат разума пилота и попытался их обойти, облако после взрыва было довольно густым, а два навигационных щита из трех работали только на тридцать четыре процента от обычной производительности.

Адам посмотрел наружу и представил, как первые зонды и небольшие корабли сопровождения прорываются сквозь облака осколков от взрыва и, несмотря на попытки искусственного интеллекта скорректировать курс, встречаются

с новыми облаками, еще более плотными, чем предыдущие.

— Это настоящее чудо, что корабль попал сюда, где мы смогли его обнаружить, — подытожила рассказ Ребекка.

— Неужели нет никакой связи этого события с полученным сигналом? — спросил Адам.

Его мысли становились яснее с каждой минутой, и он чувствовал, что сознание работает быстрее, чем в девяностодвухлетнем теле, которое было у него на Земле. Местные машины использовали интерфейс, который задерживал всю лишнюю информацию, не затуманивая мозг. Эта программа помогала сознанию удерживать цельность каждой отдельной мысли, убирая свойственную преклонному возрасту вялость, делая мышление более быстрым и гибким, а также позволяя ориентироваться в океане из миллионов и миллиардов мыслей, ежесекундно появлявшихся в сознании умных машин Кластера.

— Этого никто не знает, — ответила Ребекка. — Пока готовили шаттлы, я пыталась составить краткий отчет. Он находится в главной базе данных пилота, но я могу поделиться им с тобой напрямую, когда захочешь, — последние сло-

ва Ребекка произнесла, обернувшись к своему шаттлу, и твердо добавила, так, что было слышно довольно далеко: — Приступим же к работе.

— Подожди. — «Дай еще пару секунд», — думал Адам. — Что мы должны делать?

— Мы еще не знаем, как поступить с наследниками цивилизации Мурии, — объясняла Ребекка, пока сервомеханизм открывал входные люки шаттлов.

Намек был понятен.

— Кажется, они примерно на две тысячи лет моложе, чем те, что мы находили.

«Две тысячи лет — не такой большой срок», — подумал Адам. — По крайней мере для этих временных масштабов. Не для периода жизни народа, больше чем десять миллионов лет назад оставившего след в Млечном Пути и посетившего многие звездные системы. А потом Мурия неожиданно исчезла из космического пространства, еще до Мирового Пожара, опустошившего многие процветающие миры и уничтожившего многие народы, в том числе три другие менее развитые, но жившие рядом с Мурией культуры — Фаенаси, Джоалф, Ксабраи. Хотя они и не достигли такого развития, как Мурия, но были близки к тому, чтобы покинуть пределы своей звездной системы.

Сервомеханизмы начали жужжать. Ребекка подняла руку:

— Еще один момент, Адам. На второй планете существует сильная гравитационная аномалия, которую нельзя объяснить только найденными руинами города.

— Бартоломеус показывал мне изображение холма, вероятно, это корабль.

— Да, это главный артефакт. Он может оказаться не просто кораблем, а целой космической станцией.

— Распределительной? — с надеждой в голосе спросил Адам.

Он вспомнил, что Бартоломеус и другие Аватары Кластера часто говорили о существовании гипотетического узлового пункта межзвездного Каскада Мурии, распределительной станции, позволяющей менять направление движения по Каскаду.

— Вот тебе возможное объяснение гравитационной аномалии: объект большой массы давит в одну точку пространства-времени, образуя глубокий прогиб.

— Возможно, это вход в Каскад, — улыбнулась Ребекка.

На миг Адам увидел ее такой, как раньше, перед

исследованием на бессмертие, окончившимся неудачей. Этот образ крепко засел в памяти.

— Возможно, найдется ключ к технологической сокровищнице Мурии, который мог всегда лежать там, — продолжила свои рассуждения Ребекка. — Вероятно, холм — это корабль, переходящий в подземную станцию. Вот бы удалось включить двигатель и скопировать его конструкцию…

— Если от него вообще что-нибудь осталось. Корабль… — проговорил Адам.

В воображении Адама появился почти забытый образ. Это был корабль, но не космический, предназначенный для путешествий между планетами и звездами. Адам увидел судно с корпусом из гнутых досок. В лицо дует ветер, а парус качается, словно вишня в саду бессмертных родителей Адама. Перед ним сидит двадцатисемилетняя Ребекка, юная и стройная. Она улыбается каждой волне, подступающей к берегу, ловя открытыми ладонями брызги. Позади, у румпеля, сидит отец Адама — Конрад, которому тогда было триста сорок лет, тем не менее он выглядел ничуть не старше Ребекки — в ходе обследования его биологические часы установили на отметке в тридцать лет.

«Адам?»

Вероятно, если бы он сейчас находился в своем девяностодвухлетнем теле на Земле с системой жизнеобеспечения коннектора, то начал бы моргать. Но у *этого* тела — неполноценного, служащего лишь вместилищем духа — нет глаз, способных на это.

«Как же давно я не вспоминал о нем? — ужаснувшись, подумал Адам. — А когда виделся с ним в последний раз?»

— Адам? Ты в порядке?

Старик поднял руку, и послышалось жужжание сервомотора:

— Все хорошо. Старые воспоминания. — Он стоял позади Ребекки и смотрел на шаттл. — Жаль, что мы проводили слишком мало времени вместе.

— Чтобы предаваться воспоминаниям? О, Адам, мы еще поговорим. После того, как получим первые результаты исследований.

Минуту спустя они уже разошлись по своим шаттлам — один летел на пятую планету системы Лебедь-29, находящуюся на расстоянии более чем полмиллиарда километров, а другой — на ближайший желто-коричневый шар напротив второй планеты.

6

Адам ощутил защитное поле, создавшее вокруг него электромагнитный кокон, оградившее от турбулентности при подъеме шаттла в верхние слои атмосферы. Он услышал характерный шум обмена данными между бортовой системой его зонда с первым, оставшимся на орбите, но не обратил на это внимания, думая о том, что Ребекка говорила «мы», в том числе имея в виду и «колонизированные системы». Она подразумевала планеты и спутники в различных звездных системах, куда отправились машины с Земли, не настолько интеллектуально развитые, как Кластер, и это объясняло качество и диапазон межпространственной связи.

«Можно ли называть это колонизацией? — спрашивал себя Адам. — И к чему здесь можно применить „мы“?» Единственным человеком в этой бездне глубиною во множество световых лет был он, девяностодвухлетний старик, смертный в мире бессмертных в конце своего жизненного пути, дряхлый и немощный, но сильный духом. Мужчина, которого можно послать через коннектор к далеким звездам. Старику приходится иметь дело с дегенерацией нейронов — распадом,

ухудшающим сознание, но улучшающим особенность, важную при отправке через коннектор. Нечто подобное в течение многих лет говорил ему Бартоломеус. Никаких деталей старик больше не помнил. Хотя, возможно, это не такое уж и большое достоинство на фоне огромного числа недостатков. Не исключено, что именно оно играло решающую роль, потому что не создавало такого противодействия квантовым ограничениям и связи, как сильный дух. Тысячу лет назад, когда первые зонды машин, приблизившись к скорости света, покинули пределы Солнечной системы, кто-то назвал Говорящих с Разумом Говорящими Душами, хотя их дух мог перемещаться и ментально контактировать, только когда они летят к месту назначения во взятом напрокат обличии.

— Мы важны, — пробормотал Адам, пока шаттл набирал ход.

Судя по конструкции, он предназначался для перевозки грузов, а не пассажиров.

— Пожалуйста, повторите вашу команду, — произнес пилот шаттла — простой конденсат разума, не обладающий собственным сознанием.

Адам придвинул к себе устройство для передачи речи.

— Я не отдавал никаких команд, а всего лишь размышлял вслух, — сказал он.

— Приготовьтесь, — сказал пилот. — Облака слева и справа по борту.

Адам ощутил беспокойство.

«Я еще не привык к этому телу», — убеждал он себя. Хотелось бы, чтобы эмоциональное подавление и стимуляция интеллекта работали лучше.

Небольшие колебания от прохождения через облака ощущались даже несмотря на электромагнитный кокон. Адам терпеливо ждал, пока пройдет тряска.

— Меня беспокоят перепады настроения, — сказал он пилоту. — Можешь с этим что-то сделать?

— Нет, — ответил тот. — У нас сложности с доступом к ресурсам. Мое окно передачи данных слишком мало.

Пилот не предлагал вернуться на большой корабль, чтобы Адам мог лучше подготовиться к миссии, и это было довольно странно. Машины и вправду торопились.

Адам наклонился, насколько позволяло защитное поле, и посмотрел в иллюминатор. Снизу тянулись остатки морей, разветвленная система каналов и руины города, наполовину погребенные под слоями пыли, песка и обломков.

Увиденное почудилось Адаму знакомым: именно этот пейзаж показывал ему Бартоломеус. Скоро он сможет не только видеть руины, но и прикоснуться к осколкам, на которых лежали тени чужого прошлого.

Следы внутренних морей, каждый лишь немного больше озера, блестевшие в лучах заходящего солнца, вновь погрузили Адама в воспоминания. Перед ним проплыли образы сверкающих вод холодного северного моря, на берегах которого в мае цвели отцовские вишни. Всего несколько тысяч лет назад в это время года там лежал снег, но теперь уже можно было купаться в прохладной воде. Молодой Адам — ему в тот день исполнилось двадцать два года — сидел на пристани рядом с парусной лодкой, построенной для отца машинами, смотрел на морскую гладь и думал о том, чего бы хотел себе пожелать. С террасы на склоне доносились голоса и музыка. Там его ждали родители и десятки гостей. Наверняка они все бессмертные. Адам быстро посчитал. Суммарно возраст всех гостей составлял почти полмиллиона лет.

«Еще 8 лет, и я стану таким, как они», — подумал он, болтая ногами в чистой воде, смотря, как волны сходятся под его ступнями, которые он

медленно то опускал в море, то вытаскивал из него. Нужно лишь наклониться, оттолкнуться, и полностью погрузишься в холодную воду. Адам чувствовал, что это был самый странный момент его жизни. Он уже был готов прыгнуть, но тут уловил звук приближающихся шагов, повернул голову и увидел молодую девушку, с которой всего лишь час назад его познакомил отец, намекая на нечто большее. Ребекка была дочерью Госамера из Мерики, находившейся за тысячу километров на юго-западе Грюндландии. Вот уже больше пятисот лет Госамер считался одним из лучших звуковых скульпторов на Земле и, что было еще важнее для отца Адама, принадлежал к Высокой Сотне — самым влиятельным из бессмертных. Адам подозревал, что отец хотел свести его с Ребеккой и так планировал войти в доверие Госамеру, а впоследствии стать членом Высокой Сотни.

— Вот ты где, — сказала Ребекка.

Она была одета в тонкое белое платье, подчеркивающее фигуру. Ветер развевал ее волосы, и казалось, что на голове девушки горит закатное пламя.

— Чудесная погода, — Ребекка посмотрела на заходящее солнце.

— Да.

— Приближается важный момент, — сказала Ребекка. — Твой отец будет держать речь.

Адам тихо вздохнул и встал.

— Ну хорошо. Запомним это время.

— Тебе претит перспектива свадьбы, правда? — спросила Ребекка, когда они поднимались по лестнице.

Адам пожал плечами:

— Отец хочет услышать мое заветное желание. Он ждет моих слов.

— И? — спросила Ребекка, протянув Адаму руку.

— Я хотел бы проводить с ним больше времени, но, вероятно, он меня совсем не поймет, — ответил Адам. — Или того хуже, ему будет стыдно перед гостями. — Он вздохнул. — Скажу честно. Не знаю, чего бы я хотел себе пожелать.

Ребекка добродушно улыбнулась:

— Не имеющий желаний счастливый молодой человек.

На террасе Адама ждало множество людей, все они улыбались ему, пожимали руки и хлопали именинника по плечу. Отец Адама, Конрад, посадил его рядом и завел торжественные речи. Адам слушал их вполуха и смотрел на гостей, со-

бравшихся полукругом за праздничным столом. Всем женщинам и мужчинам на вид было не больше тридцати. Единственное исключение — Виктория, мать Адама. Она стояла чуть в стороне, одетая в платье до пола, скрывающее фигуру, ее щеки, несмотря на многочисленные сеансы восстановительной терапии, выглядели слегка впалыми. Виктория казалась лет на десять-пятнадцать старше остальных, такова была цена материнства. Ей повезло обрести бессмертие, но тело всегда будет выглядеть немного старее, чем у других.

Конрад все говорил и говорил, а Адам с удивлением рассматривал собравшихся. Его взгляд упал на женщину, которую он прежде никогда не видел, она сидела по левую сторону стола, ее лицо, обрамленное длинными черными волосами, было темнее, чем у остальных бессмертных. Адаму казалось, что ее большие карие глаза все время смотрят прямо на него, а не на отца.

Но вот Конрад закончил речь, гости зааплодировали, а Адам получил маленький сверток. Развернув его, обнаружил часы. Такие, как делали раньше, с тикающей секундной стрелкой. Адам приложил их к уху, прислушиваясь к звучанию этого маленького предмета, отсчитывающего

время.

— Шедевр, исполненный с механической точностью, — сказал Конрад. — Собран по старым чертежам. С одним лишь отличием, — добавил он, подняв брови. — Посмотри внимательно на стрелки, сынок.

Адам так и сделал. Он смотрел довольно долго и, кажется, понял, в чем дело.

— Стрелки идут в обратную сторону.

— Это необычные часы, — произнес Конрад во всеуслышанье. — Они отмеряют время до твоего тридцатилетия, до того дня, когда ты станешь одним из нас.

Все гости восхищенно захлопали.

— Теперь перейдем к желанию, — продолжал отец Адама. — Что ты придумал? Чего ты хочешь?

В этот момент Адам ощутил то же, что и на берегу, когда хотел броситься в холодную воду… Что-то заставило его поднять взгляд на первые звезды, появляющиеся в темнеющем ясном небе.

— Я хочу туда, — услышал Адам звук своего голоса. — Хочу полететь с Земли к звездам.

Конрад посмотрел на сына округлившимися глазами и удивленно улыбнулся.

— Сынок, этого ты *точно* не хочешь. Только

Говорящие с Разумом, чей век подходит к концу, отправляются в такие путешествия. Я едва ли могу себе представить, что ты хочешь умереть.

Отец рассеянно улыбнулся и взмахнул рукой. Опять заиграла музыка, а бессмертные продолжили прерванную беседу.

Внезапно Адам остался в одиночестве. Он посмотрел влево и встретился взглядом с темноволосой женщиной. Она продолжала пристально смотреть на него…

— Я ее видел! — воскликнул другой, постаревший на семьдесят лет Адам, сидевший на борту шаттла в окружении электромагнитного кокона.

— Прошу прощения, — сказал пилот.

Адам замолчал, вспомнив женщину в кремовом платье, наполовину скрытую за деревьями, которую он мельком видел рядом с утесом. Это была та самая женщина со смуглым лицом и большими карими глазами.

— Адам? — донесся до старика голос пилота.

— Да, что?

— Мы садимся через пять минут. Вам нужна помощь?

Адам протянул пилоту сделанную из полимера и снабженную тактильными сенсорами руку, но в этот момент он думал о другой руке — той,

что с часами. После того как ему исполнилось тридцать лет, выяснилось, что в его случае имеющийся у бессмертных механизм поддержания возраста не будет работать… Его забрал и разрушил тот самый подарок отца.

— Адам.

— Да.

Он деактивировал защитное поле и встал. Миссия ждет.

Из ниоткуда

7

Адам второй раз проходил мимо руин города, погребенного миллион лет назад под желто-коричневым песком, а теперь раскопанного машинами. Тридцать сервомеханизмов исследовали площадь, зондировали, изучали и копали почву. Еще десять при помощи подручных материалов усердно трудились над восстановлением станции в одном из поврежденных брутеров, где будут производиться различные детали. Полуавтономные буровые установки проделали в скальных и песчаных породах под руинами тоннели, ведущие к гравитационным аномалиям. Адам несколько часов бродил по этим тоннелям, набираясь сил. Именно здесь, по замыслу Кластера, Говорящему с Разумом нужно применить человеческую сообразительность, чтобы машины с первого зонда могли продолжить работу. В свою очередь, конденсат разума дал Адаму тело и ясность мышления, какая была у него много лет назад, надолго оградив от забывчивости, усталости, замутненности сознания и от балласта.

«Теперь, — подумал Адам, — у меня могут появиться новые идеи, я могу принимать важные решения, опираясь на интуицию и получаемые данные».

Проблема Кластера состояла в том, что его власти, как и все бессмертные, были вынуждены постоянно находиться на Земле. Поэтому общий потенциал многочисленных зондов «колонистов», посланных в космос, не мог сравниться с возможностями умных машин на Земле. Их система связи и обмена данными оставляла желать лучшего. Требовались тысячи световых лет, чтобы сигнал от Границы Миропознания дошел до Земли, а когда его наконец получали, то информация оказывалась уже не нужной. При этом скорость связи между «колониями» могла быть еще меньше. Безусловно, обмен информацией через квантовую систему, помогающий узнавать что-то новое, происходил регулярно, однако система передачи данных в реальном времени, столь важная для умных машин, отсутствовала. Без Говорящих с Разумом возникло бы множество проблем с обеспечением, и не помог бы даже брутер, создающий все, что нужно, из подручных материалов. Для Кластера увеличение каналов квантовой связи и мгновенная передача данных

на сотни световых лет были связаны со значительными затратами. Несмотря на ценность передаваемой информации, Кластер иногда называл ее Сигналами Миропознания — пропускной канал все равно оставался узким. Таким образом, расширение сферы сознания умных машин делалось невозможным. А вот подходящему человеку с дряхлым телом и первыми признаками дегенерации нейронов хватало пространства даже в самом узком и тесном коннекторе. Вероятно, сознание Кластера занимает слишком много места, как однажды сказал Адам Бартоломеусу, пришедшему с холодной и надменной Уранией. Человеческая душа настолько мала, что может помещаться в коннектор и лететь к звездам независимо от скорости света. Бартоломеус, привыкший общаться со смертными и бессмертными людьми, уловил в голосе Адама иронию. А Урания, приподняв серебристые брови, бросила в сторону Говорящего с Разумом таинственный и высокомерный взгляд.

Стоя перед входом в штольню, ведущую к раскопкам города, Адам смотрел вверх. Тусклый свет звезд едва проходил сквозь разреженную атмосферу, состоявшую в основном из углекислоты и азота, отчего небо казалось еще темнее. На

поверхности планеты практически не осталось рек. На горизонте слева полыхало красное зарево. С восходом солнца температура повышалась с двадцати градусов ниже нуля до плюс десяти, а в самой прогретой точке и до плюс пятидесяти градусов. В каналах и на берегах морей блестел лед, который к вечеру растает, чтобы за ночь появиться вновь.

— Вы уже получили отчет Ребекки? — спросил Адам.

Через канал передачи данных он связывался с основным зондом на орбите и поэтому знал, что через час Ребекка должна долететь до покрытого льдом спутника газового гиганта.

— Еще нет, — ответил ассистент — многофункциональный сервомех, следивший за Адамом.

Он мог бы общаться с Адамом, используя систему передачи сигналов, но Говорящий с Разумом настоял на обычной речи, чтобы иметь больше времени на раздумья. Поэтому сервомех тоже использовал воздушный усилитель голоса.

— У нас до сих пор нет верных координат по телеметрии и запроса на посадку, — сказал ассистент.

«Почему я беспокоюсь об этом?» — спросил себя Адам. Прежде чем посылать отчет Ребекке, требо-

валось изучить объект, а на это нужно время.

— Приоритеты остаются прежними? — спросил ассистент.

«Он ждет от меня решений», — думал Адам.

Он стоял холодной ночью на открытом воздухе, беззащитный человек, не проживший бы здесь и секунды, будучи в земном обличии. Он находился здесь, не имея ни единой инструкции, уже несколько часов, организм с человеческой душой и телом машины. Сервомехи продолжали копать, измерять землю и собирать данные, но они делали это согласно алгоритму, без какой-либо гибкости. Это были руки, нуждавшиеся в голове.

Войдя в штольню, Адам сразу повернул направо. Там находилось помещение величиной около двадцати квадратных метров с таким низким потолком, что можно было стоять лишь согнувшись. Маленькие сервомеханизмы использовали его как склад движимого имущества второго порядка, в основном это были предметы из нефритоподобного камня, керамики или ржавого металла. Сгорбившись, Адам прошел вдоль освещенных полок, высматривая подходящие к его новому телу детали. Канал передачи данных анализировал информацию об объектах, находившихся в поле зрения Адама, но старик раз за

разом оставлял этот анализ без внимания; он не хотел, чтобы что-то отвлекало его от осмотра.

— Эти предметы уже исследованы и классифицированы? — спросил Говорящий с Разумом.

— Верно, Адам, — отвечал ассистент. — Они не имеют непосредственного отношения к миссии.

— И это все? Вы так и не смогли разобраться, для чего они предназначались.

— Наши ресурсы ограничены.

— Да, это я уже понял.

«Как жалко, — думал Адам, рассеянно разглядывая полки. — Здесь миллионы предметов и столько же древних историй, которые ждут своего часа».

— Все это имеет отношение к Мурии?

— Мы не знаем, был ли народ Мурии строителем города, — отвечал сервомеханизм. — Даты возникновения города совпадают с периодом существования цивилизации, к тому же мы нашли изображение нескольких мурийских иероглифов. Хотя эти строения могли быть делом рук местной формы жизни.

— Обладавшей интеллектом?

— Рядом с раскопками мы нашли остатки органики, — ответил сервомех. — На планете шла эволюция.

— Могут ли местные высокоразвитые организмы быть причастны к созданию главного артефакта?

— Исключено. Когда Мировой Пожар достиг этой планеты и превратил ее в пустыню, местная цивилизация была не настолько развита.

Сервомеханизм на трех тоненьких ножках заковылял к выходу, очевидно ожидая, что Адам последует за ним.

— А что по поводу предположений об источнике энергии? — спросил Адам.

Рассматривая на полках освещенные предметы, он отпустил мыслительный процесс, надеясь, что интуиция, как уже бывало в прошлых миссиях, подскажет ему решение.

— Возможно, мы найдем его под городом рядом с аномальными зонами. Недалеко от первой нам попалась плита из этериума, несомненно созданная мурийцами. Кажется, местные жители построили город на плите.

Все это Адам уже знал из отчетов. Когда находившиеся в поиске сервомеханизмы-копатели наконец обнаружили двигатель, он был деактивирован, как и остальные шесть, найденных зондами Кластера в далеких звездных системах. Если только… Адам вспомнил о сигналах, кото-

рые отправили главный артефакт и обелиск на покрытом льдом спутнике.

Адам ходил от полки к полке, медленно переступая, пока ассистент ждал его, стоя в дверях.

— Главный артефакт может быть кораблем, двигательной установкой или, как настаивает Ребекка, распределительной станцией. Он ведь древнее, чем эти руины, правда?

— Да, Адам.

— А кто его сделал? Вы это уже выяснили?

— Мы нашли следы выветривания, — ответил сервомех. — Кроме того, есть и другие доказательства.

Перед глазами Адама появился массив данных с подробной информацией, который он тут же пролистнул. Мысли должны оставаться незамутненными.

— До постройки города главный артефакт предположительно столкнулся с кометой, — ответил сервомех.

«В центр кометы», — пробормотал Адам. Комета из Облака Оорта повредила корабль.

Вдруг что-то привлекло его внимание. Маленький зеленый предмет, похожий на жадеит. Адам взял гладкий камешек с полки и сжал его полимерными пальцами. Анализаторы данных

показали энергетическую сигнатуру. Зеленый камешек был теплее, чем окружавшие его предметы, в нем определенно находился источник тепла.

— Правильно ли я понимаю, что этот камень был недалеко от основания из этериума?

— Верно, Адам. Повторяю: приоритеты остаются прежними?

«Кометы и сигналы, — думал Адам. — И тепло там, где его не должно быть уже миллионы лет».

Внезапно ответ на вопрос пришел сам собой.

— Нет. Я бы хотел, чтобы вы подробно изучили гравитационную аномалию под городом. Ищите остатки любых веществ. Проверьте все данные, полученные с момента прибытия корабля, и сравните их со стандартами. Происходили ли за последние дни какие-нибудь изменения. Какими были стандарты выбросов до получения сигнала? Все сервомеханизмы, не приспособленные для решения данной задачи, перемещаются к главному артефакту. Можем ли мы попасть внутрь?

— Нет, Адам.

— Нужно получить доступ. Это новая приоритетная задача.

Адам положил камешек обратно на полку и направил свет лампы на дверь. У него появилось

еще несколько интересных идей.

— Мне показалось, что ты немного торопишься. Мог ли Бартоломеус что-то скрыть, так как не хотел повлиять на мой выбор?

— Нет, Адам.

— Ты предоставил мне все необходимые данные, ничего не утаивая?

— Все.

8

Лебедь-29 был маленькой старой звездочкой, расположенной почти в тысяче световых лет от Земли, но вторая планета системы находилась гораздо ближе к нему, чем Земля к Солнцу, поэтому на ее небе красный карлик казался гигантом. Тепло звезды приводило к возникновению турбулентности при смене дня и ночи и вызывало утренние штормы. Впрочем, сильный ветер не представлял проблемы ни для сервомеханизмов, ни для Адама, поскольку в разреженной атмосфере было меньше кинетической энергии, чем при подобных условиях на Земле. Если бы Адам путешествовал в человеческом теле, то излучение Лебедя-29 вредило бы ему, но так как он действовал в стандартном фактотуме, хранящем сознание, то и опасности никакой не было. Из-

лучение лишь немного мешало думать, создавая своего рода белый шум, но функция коррекции восстанавливала ячейки памяти, которые сейчас функционировали как «мозг», после поражения заряженными частицами.

Над вершиной двухсотметрового холма, вероятно когда-то бывшего частью кометы, дули свирепые ветры, наградившие его короной из вздымающегося песка. Но у подножия, рядом с конструкциями пробуренной скважины, они совсем не ощущались. Несколько сервомеханизмов посторонились, давая дорогу прибывшим Адаму с ассистентом. Адам увидел отверстие в серой скале шириной около трех метров и глубиной в двадцать. Измерительные модули и анализаторы ползали вдоль стенок скважины, передавая информацию собравшему их несколько часов назад брутеру, связанному с конденсатом разума основной станции, который в свою очередь был соединен с зондом на орбите.

Сервомеханизмам не нужен был свет в видимом человеком диапазоне, поскольку их сенсоры охватывали все части спектра. Адам тоже мог бы воспользоваться этой функцией, но он включил лампы и отключил большинство вспомогательных приборов, даже модулятор частот с большой

энергоемкостью, и подошел к задней стене артефакта. Она была сделана из похожего на шифер более темного материала, причудливо сверкающего в лучах света.

— Это внешняя обшивка главного артефакта, — заключил Адам.

— Да, — подтвердил ассистент. — Посмотрите на исходящее от нее инфракрасное излучение.

Адам активировал сенсор, и вдруг вся стена перед ним заискрилась. Немного помедлив, он вытянул полимерную руку и дотронулся до стены.

— Она теплая, — удивленно воскликнул Говорящий с Разумом.

— Температура материала составляет девяносто целых четыре десятых градуса. Она постоянна и не меняется при нагревании или охлаждении. Этот материал поглощает любое излучение. Направьте на него свет лампы и подождите несколько секунд.

Адам заметил, как темный материал под лампой начал меняться, становясь более светлым. Появился восьмиугольник размером с ладонь, где цвет трансформировался словно вода при подъеме из глубины.

Ассистент подошел к Адаму, включил собствен-

ную лампу и направил свет на это место: цвета исчезли, растворившись, словно дымка, а восьмиугольник позеленел. Изменился не только цвет, но и материал: темнота уступила место прозрачности.

Адам отошел назад: он, человек, здесь не нужен. Сквозь стену виднелись находящиеся внутри предметы, но рассмотреть их было невозможно.

Ассистент выключил лампу, и прямоугольник стал уменьшаться и темнеть.

— На данный момент мы не можем попасть внутрь. Мы предполагаем, что все это находится за экраном энтропии.

— Экран энтропии, — пробормотал Адам, пытаясь понять смысл слов.

— Энергетическая дверь, — помог ему ассистент. — Возможно, мы сможем проникнуть за стену, если превысим энергетический уровень. С буровыми установками мы далеко не продвинемся, они не проделали даже мельчайшей дырочки.

— Энергия, — Адам наклонился и посмотрел на модулятор частот с множеством энергетических ячеек. — Вы хотите таким способом открыть дверь?

Бессмертный, вероятно, не заметил бы промед-

ления сервомеханизмов, но, будучи Говорящим с Разумом, Адам постоянно с ними общался и сразу почуял неладное.

Одно мгновение ассистент молчал, связываясь с зондом на орбите, и лишь затем ответил:

— Да, это в наших планах.

«Могут ли машины врать? — удивленно подумал Адам. Эта мысль пришла ему в голову впервые. — Неужели они прямо сейчас солгали»?

Сила, рассеивающая туман и путаницу, свойственную его сознанию, попыталась отвлечь его от этой идеи, но Адам сопротивлялся.

— Ты в порядке? — спросил ассистент, направив на него визуальные сенсоры.

— Да.

Адам посветил сначала на стену, затем на частотный модулятор, будто искал что-то. У стены, орудуя приборами захвата, работали с контроллерами два сервомеханизма. В свете лампы они застыли.

Интуиция Адама, которую все еще продолжал стимулировать канал обмена данными, подсказала еще идею.

— Вы уже ведь работали с модулятором, не так ли?

— Верно, Адам.

— И следом главный артефакт отправил вам сигнал?

— Да.

— Как и обелиск на ледяном спутнике газового гиганта?

— Да.

— Было ли это спланировано?

— Я не понимаю тебя, Адам…

У ассистента что-то зажужжало. В разреженной атмосфере звук был тихим. Два сервомеханизма, уловив колебания частотного модулятора, остановились.

— Ограничивали ли вы частоты модулятора, чтобы получить реакцию главного артефакта?

— Для этого нужно знать, при какой форме энергии и на каких частотах может происходить реакция, — сказал ассистент.

— Ответь на мой вопрос.

На этот раз у Адама не осталось сомнений. Он ясно видел (а сенсоры ему в этом помогали), что на обмен данными между ассистентом и конденсатом разума ушло четыре микросекунды.

А затем вопрос потерял смысл. В ходе обычного периода ожидания и диагностики, повторяющегося каждые четыре целых две десятых секунды,

происходила не только корректировка данных, но и проверка цельности и стабильности сознания. На долю секунды изображение, получаемое Адамом с сенсоров, помутнело, и следом появилась голограмма главного артефакта в синих, желтых и красных цветах.

— Масса объекта составляет двадцать пять миллиардов тонн, — сказал ассистент. — Это вполне сравнимо с массой астероида средних размеров, но максимальный диаметр объекта — один километр.

У Адама возникло странное ощущение, будто ассистент отвечал на другой вопрос. При привыкании сознания к новым фактотумам у Бартоломеуса и других Аватаров возникало что-то вроде ассоциативного расстройства.

«Волноваться не о чем», — подумал Адам.

Он стал наблюдать за медленно наклоняющейся голограммой. Фигура была ровной и гладкой и напомнила Адаму скатов, которых они иногда видели с отцом во время погружений: три объединенных овала с длинными, похожими на крылья расширениями с изгибом в центре. Адам указал на него.

— Это холм, не так ли?

— Да, — подтвердил ассистент. — Феномен

большой массы и высокой плотности характерен для двигателей, которые мы обнаружили ранее. Гравитационные аномалии — надежный признак этого феномена. Возможно, аномалия вызвана необычным материалом, это может быть корабль с двигателем.

— Вы еще не вполне уверены, корабль ли это или двигательная установка, — сказал Адам. — И кто знает, что это вообще может быть. Этой штуке больше миллиона лет. Как можно надеяться на то, что такая древняя техника будет работать?

«Тысячи и тысячи лет, — думал он, — бессмертные думают, почему они так долго живут».

— Время относительно, — ответил ассистент. — Неважно, корабль это или станция. За энергетическим экраном хорошо сохранившийся артефакт.

С потолка слетела пыль. Где-то она была несколько сантиметров, а в иных местах ее слой доходил до двух метров.

— Это не земная пыль, а… дрожь гравитационного поля? — удивился Адам.

Ассистент не ответил, а стал советоваться с конденсатом разума корабля на орбите. Адам направил свет лампы на стену. Теперь она не мерцала, а поглощала лучи. Говорящий с Разумом подошел ближе, навел лампу на одну

точку, и восьмиугольник увеличился, становясь размером с человеческую руку. На этот раз не требовалось второго источника света, чтобы увидеть изменения внутри. Там появились очертания, и на секунду показалось что-то, напоминающее глаза.

— Нам нужно возвращаться, — неожиданно сказал ассистент.

Его голос спугнул объект. Восьмиугольник исчез.

— Что?

Адам включил вторую лампу, начав светить и ею, однако восьмиугольник не возвращался.

— Нам нужно на главную станцию, — ответил ассистент. — Так приказали с корабля.

— Что случилось? — спросил Адам, все еще продолжая вглядываться в стену.

— В системе Лебедь-29 появился объект, — ответил сервомех. — Из ниоткуда. Между орбитами четвертой и пятой планет, примерно на расстоянии двадцати миллионов километров над эллипсом орбиты.

— Объект?

Адам отошел от стены. Ассистент был на несколько шагов впереди, он уже перепрыгнул через сделанные бурильщиками отверстия и

нетерпеливо ждал.

— Корабль, — прозвучал ответ. — Вражеский корабль. Он летит прямо сюда.

9

Адам попытался отфильтровать важные данные из информации, полученной через коммуникативный модуль.

— Это вражеский корабль вызвал возмущение гравитационного поля?

— Верно, — ответил ассистент.

Они спешили на нижнюю станцию, построенную десятью сервомеханизмами недалеко от ледяного канала. На трех ногах ассистент передвигался куда проворнее Адама в неустойчивом фактотуме. Сервомеханизму снова и снова приходилось останавливаться, чтобы Говорящий с Разумом догнал его.

Холм, где покоился главный артефакт, остался позади. Красное солнце, маленькое по сравнению с другими звездами, но столь близкое от планеты, занимало большую часть небосклона. Внутренние моря и руины древнего города купались в его прямых лучах, вредоносных для людей без специальной защиты.

— Как может один-единственный космиче-

ский корабль вызвать гравитационную тряску, находясь на расстоянии многих миллионов километров? — спросил Адам.

— Эти колебания ощущались во всей звездной системе.

Беглецы достигли одного из каналов и повернули к станции. Под ногами трещал хрупкий лед.

— Мы полагаем, что именно поэтому корабль и был обнаружен выше эклиптики — годовой траектории вращения планеты вокруг звезды, — продолжал ассистент. — Об ограничении ударной волны не стоит и думать, стабильности системы ничто не угрожает.

— Эти колебания возникли из-за вхождения корабля в систему?

— Верно, Адам.

— Откуда он прилетел?

— Неизвестно.

— А это действительно корабль?

— У него сильная энергетическая сигнатура, Адам. Там есть навигационные системы. Он изменил курс и летит сюда. Это *действительно* корабль.

— Но колебания ощущались во всей звездной системе. Какого размера этот корабль?

— Открой каналы обмена данными. Там есть

вся актуальная информация.

Адам тут же потерялся в огромном потоке сведений. Одна из вспомогательных программ, подключенная к его сознанию, активировала дополнительные фильтры.

— Сто семьдесят один километр, — произнес он, ознакомившись с информацией. — Довольно большой корабль.

Говорящий с Разумом попытался догнать ушедшего вперед ассистента.

— Адам, его масса даже больше, чем предполагаемая масса спутника. Она частично уменьшается компенсаторами гравитации. Что же касается его энергетической сигнатуры… Она вполне сравнима со звездой Лебедь-29,– ответил ассистент.

— Корабль, — произнес Адам, — тяжелее спутника и с энергией, как у звезды. К тому же он не имеет никакого отношения к Мурии.

— Да, мы тоже так думаем, — ассистент снова побежал вперед.

«Не имеет отношения к Мурии», — повторил Адам, пытаясь вспомнить все, что знал об истории Галактики. До сегодняшнего дня Мурия была единственной высокоразвитой цивилизацией в пределах Млечного Пути. Но кроме нее существовали и другие народы, развитые настолько,

чтобы добраться до других планет, однако лишь иногда им удавалось посылать корабли в другие звездные системы. Мурийцы за десять миллионов лет исследовали всю Галактику с помощью построенного ими Каскада и кораблей, летавших быстрее скорости света. Но они исчезли миллион лет назад незадолго до Вселенского Пожара. А теперь появился корабль, который непонятно кем построен и неизвестно откуда летит.

Интуиция, стимулируемая конденсатом разума основной станции, подсказала ему новую идею.

— А возможно ли, что сигналы с главного артефакта и обелиска были отправлены в ответ вражескому кораблю? — спросил он.

— Неизвестно, — ответил ассистент. — Мы не видим признаков использования связи через узкий канал или другим способом, позволяющим мгновенно связаться на расстоянии многих световых лет.

— Это ничего не значит, — ответил Адам. — Ваши датчики принимают только те сигналы, которые должны отслеживать.

Ассистент ничего не ответил, продолжая двигаться вперед, пока не добрался до дополнительного входа у главной станции со множеством строительных лесов, где одни брутеры ремон-

тировались, а другие работали на полную мощность. В течение следующих дней им предстояло изготовить множество строительных деталей и компонентов оборудования. За лесами располагался колокол бронзового цвета, под которым атомные структуры основной массы менялись, а молекулярные цепи компоновались заново для создания определенных материалов и придания им желаемой формы.

Недалеко от канала на маленькой скальной платформе стоял шаттл Адама, он был окружен множеством зондов, доставивших еще больше сервомеханизмов и строительных материалов.

Данные продолжали поступать, и фильтры Адама передавали важную информацию. По данным зонда на орбите, вражеский корабль изменил свою конфигурацию. Произошла переориентация отдельных частей, а два сегмента и вовсе отделились от корабля, начав автономный полет. Они направились к пятой планете системы.

Адам остановился.

— Там же Ребекка. Когда это произошло? Полчаса назад? Сорок минут? Есть ли подтверждение этому? — говорил он, запыхавшись.

— У нас нет связи с областями полета вражеского корабля. Это означает, что орбитальный зонд

получает информацию от сигнала, движущегося со скоростью света. Мы видим не то, что происходит сейчас, а то, что уже произошло. Но мы продолжаем в реальном времени поддерживать связь с Ребеккой, — сказал ассистент.

Он остановился, поджидая Адама у строительных лесов, купающихся в жарких лучах красного солнца.

— Я хочу поговорить с ней, — сказал Адам. — Прямо сейчас.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему?

Адам продолжал расхаживать вокруг большими шагами, отчего в воздухе стоял звон.

— Ребекка отправила нам сообщение, перед тем, как…

— Перед тем как что?

— Перед тем как связь с ней оборвалась.

— Я хочу прослушать сообщение!

Ассистент проворно перелез через леса и приблизился к командному модулю, находившемуся по другую сторону от брутеров. Адам последовал за ним и услышал голос из рации:

— Идите сюда, Адам, — кричал ему конденсат разума главной станции. — Необходимо принять решение.

Адам снова остановился.

— Я хочу прослушать сообщение Ребекки, — повторил он.

Внезапно между Говорящим с Разумом и колоколом с брутерами возникла пилотная кабина с шаттла Ребекки. Адам увидел, как ассистент выделил сообщение среди океана визуальной и звуковой информации.

Ее фактотум, через который осуществлялась связь с командным пунктом, стоял неподвижно, управляя небольшим космическим кораблем. В сообщении говорилось следующее:

— Минуту назад, используя максимальную энергию плазмы, я взлетела с ледяного спутника, как вдруг ко мне начал приближаться неизвестный объект. На сигналы он не отвечал. Пожалуйста, передайте Адаму, что со мной все хорошо. Я пыталась с ним связаться, но безуспешно…

— Она пыталась со мной связаться, а я даже не знал… — вырвалось у Адама.

— Потому что мы вам ничего не сказали, — проговорил конденсат разума главной станции. — Мы не хотели отвлекать вас от обследования главного артефакта.

— К ледяному спутнику приближается неиз-

вестный объект, — говорила Ребекка в продолжение сообщения. Адам слышал ее голос и видел образ. — Он летит к обелиску.

Женщина в фактотуме с шеей землистого цвета и короткими рыжими волосами наклонилась вперед:

— Датчики зафиксировали приземление первого объекта, он довольно тяжелый. Второй объект… повредил обелиск.

Адам заметил, как изменился фон за Ребеккой.

— Я передала все данные и отключила ненужные для управления системой, чтобы уменьшить энергетическую сигнатуру. Курс к станции. Я прилечу на вторую планету в… восемь часов двадцать одну минуту стандартного времени. Если…

Изображение начало мигать, а затем исчезло.

— Что произошло? — спросил Адам.

— Мы не знаем, — на этот раз ответ последовал от ассистента, который стоял на входе в модуль управления. — Связь прервалась.

Адам перелез через строительные леса настолько быстро, насколько позволял его неотрегулированный фактотум. Послышалось жужжание сервомоторов.

— Неужели Ребекку схватили?

— Мы тоже так думаем, Адам. Но тебе не о чем беспокоиться. Шаттл не поврежден. Мы до сих пор отслеживаем его. Он летит сюда.

— Говорите, мне не о чем беспокоиться? — спросил пораженный Адам. — Что за данные она передала?

— Они только отвлекут тебя, Адам.

— Я хочу…

Неожиданно Говорящий с Разумом почувствовал легкое давление, после которого неповиновение и гнев куда-то улетучились.

— Пожалуйста, сконцентрируйтесь на том, что действительно важно. Проходите в командный модуль.

В сопровождении ассистента Адам вошел в командный модуль. Перед тем как перейти к главному пункту управления, он, несмотря на подавление эмоций, ощутил новую вспышку гнева. Что, если при прохождении зонда через гало (область вторичного свечения у небесных объектов) кометы в системе Лебедь-29 была повреждена не только обшивка, но и встроенный интеллект, его конденсат разума? И искусственный интеллект не смог понять, что выполнение миссии затруднено из-за неполной информации?

Подойдя к консолям, Адам включил интерфейс

обмена данными на полную мощность.

— Я, Говорящий с Разумом, отвечаю за свои действия и беру на себя управление в полном объеме, — проговорил он.

— Нет, Адам!

Поток данных по основному каналу связи, соединявший Адама с Кластером на Земле, резко начал возрастать до тех пор, пока не перекрыл другие каналы. Перед Адамом возникла голограмма — серьезное лицо с большими серыми глазами и длинным курносым носом. Это был Бартоломеус.

— Ты не настолько стабилен, чтобы брать управление на себя, — сказал он.

— Кризисное управление, — уточнил Адам. — Миссия прервана.

— Нет, Адам, — поправил его Аватар, находившийся на расстоянии почти в тысячу световых лет. Для системы мгновенной связи расстояние не играло никакой роли. — Ты заботишься прежде всего о Ребекке. К тому же ты возбужден, что влияет на рациональность мышления и интуицию. Будь разумным, Адам. В своем нынешнем состоянии ты не способен принять ни одного решения.

— Вы скрывали от меня информацию. Ребек-

ка…

— Мы знаем, что для тебя лучше, Адам — сказала голограмма Бартоломеуса. — Верь нам. Ты же знаешь, что можешь доверять нам.

— Но Ребекка…

— Мы помогаем ей. Работаем. А сейчас тебе надо заснуть.

— *Заснуть?*

— Ты должен успокоиться, чтобы мы смогли освободить тебя от лишних эмоций. Для выполнения миссии тебе нужна ясная голова. А эта миссия гораздо более важная, чем все предыдущие. Я отключаюсь: нужно освободить канал для обмена данными. Спи, Адам.

Конденсат разума главной станции отключил фактотум Адама. Говорящий с Разумом уснул.

10

Когда Адам проснулся, вокруг все было удивительно тихо.

— Мы отправляем тебя домой, — сказал ассистент.

Адам смотрел на трехногий сервомеханизм, идущий рядом с ним к шаттлу по скальному плато. Стояла ночь, светили звезды, но там, в темноте космоса, были видны не только далекие

звезды, а еще нечто, подбирающееся все ближе и ближе. Адам пытался понять, что это могло бы быть, но почувствовал, что ему сложно сконцентрироваться, отделить одну мысль от другой. Говорящий с Разумом чувствовал себя уставшим несмотря на то, что только проснулся.

— Нет, — пробормотал он.

Теперь фактотум Адама при движении больше не посылал сигналов сервомеханизмам.

«Сигналы, — думал Адам. — Мы получили сигналы. Они содержали важную информацию».

— Я должен выполнять миссию, — сказал старик. — А вместо этого я здесь.

— Ты уже выполнил свою задачу, Адам, — ответил ассистент. — Ты был подсоединен к системам управления, определил место, принял все важные решения. Сделал все, что мог. Сейчас возникла серьезная опасность, и мы отправляем тебя домой.

Они вышли на плато. Открылся люк шаттла.

«Это объясняет усталость. Во время сна я переутомился, потому что много работал», — думал Адам.

К нему вернулись первые воспоминания. Распределение ресурсов, расстановка приоритетных действий, хранение материалов и источников

энергии… По всем вопросам он принял решения, пока был соединен с системами управления нижней станцией и зондом на орбите. И конечно, сбор данных для передачи по каналам связи — это основная задача. Информация всегда играла для находящегося на Земле Кластера самую важную роль.

Но кое-что было важнее.

— Ребекка, — произнес Адам.

Вдруг среди звезд что-то появилось. Оно было темнее ночи и поглощало свет, образуя на небе дыру. На мгновение Адам ощутил легкую вибрацию, похожую на колебания гравитационного поля несколько дней назад. Приложив усилие, Адам принял управление фактотумом на себя и, стоя перед открытым окном, нерешительно посмотрел верх.

— Он там.

— Орбитальный зонд находится над другой стороной планеты, — сказал ассистент, ловко взбираясь на борт корабля. — У нас есть временно́е окно в четырнадцать минут. Идите, Адам, ваш коннектор уже готов.

В черной дыре блестело и сверкало множество звезд. Некоторые из них пытались вырваться из поглотившей их пасти. Двум это удалось, они

вернулись «к своим», продолжив движение, ярко загорелись — и пропали.

Адама отключили от канала обмена данными — там не было ничего интересного, хотя ассистент продолжал информировать его о происходящем.

— Два наших наблюдательных зонда, находившиеся над этой частью планеты, потерпели катастрофу, — сообщил он.

Адам вспомнил, что все попытки войти в контакт с чужаком закончились неудачно. Говорящий с Разумом и конденсат разума зонда пытались провести переговоры, используя подготовленные Кластером протоколы, но не получили никакого ответа.

— Так и не удалось вступить с ним в контакт и заявить о наших мирных намерениях? — спросил старик, входя в коннектор.

За ним закрылся люк.

— Нет, Адам.

— Чужак изначально был настроен враждебно, он захватил Ребекку, — добавил Адам, следуя за ассистентом в кабину пилота. — Сколько прошло времени? У меня нет связи с зондом и доступа к хронометру миссии.

— Семь часов девять минут.

Шаттл взлетел. После того как сервомех проконтролировал систему коннектора и ввел данные полета, табло погасло. Гравитационная подушка подняла маленький корабль в воздух.

— Значит, Ребекка все еще в пути.

Адам ходил из угла в угол и смотрел на небо через прозрачный корпус носовой части, пока шаттл готовился к полету над станцией с брутерами, набирал ход и разгонялся над поверхностью планеты.

— Ты увидишь ее через один час двенадцать минут, Адам. Мы заберем Ребекку и тут же отправим на Землю.

— Отправите, если она будет в состоянии долететь.

— Ты прав, Адам. У нас нет никаких гарантий.

«Никаких гарантий», — подумал Адам, повернулся к окну и продолжил смотреть на небо. Огромного вражеского корабля уже не было видно.

Старик все еще продолжал стоять, он не мог сесть из-за ненастроенного фактотума. Ассистент присоединился к нему. Мерцание защитных полей, удерживающее их на одном месте, усилилось. Никто не мог гарантировать, что через час с лишним, когда Ребекка совершит посадку,

связь с коннектором, готовым к возвращению на Землю, будет сохранена. То, что конденсат разума хотел как можно скорее отправить Адама домой, могло означать только одно: он боялся того, что человека схватят.

— Через десять секунд шаттл резко наберет высоту и увеличит скорость, — сообщил ассистент. — Я усиливаю защитное поле.

Хотя Адам и слышал слова помощника, но был погружен в размышления. Когда он находился далеко от Земли и собственного тела, привычная тяжесть мыслей исчезала — возможно, она оставалась там, дома. Тело можно законсервировать, но вот можно ли так же поступить и с сознанием, с душой, собственным я, перемещающимся на расстояние во много световых лет… Вероятно, они растворяются.

«Это похоже на мыльный пузырь, блестящий вблизи, но по мере того как ветер постепенно уносит его дальше и дальше, цвета тускнеют. Глупый пример, — подытожил Адам эту мысль. — Душа — не мыльный пузырь. Религиозные мистики тысячи лет назад ломали голову над этим вопросом. Я уверен: душа не может существовать без тела».

Внезапно позади шаттла возникли яркие вспышки. Стало светло как днем.

— Мощное излучение, — объяснил ассистент. — Наше излучение сливается с ним. Я реактивировал двигатель. Через две минуты мы долетим до зонда.

Шаттл качнулся, словно подхваченный порывом ветра, и помчался к свечению, за несколько секунд сменившимся темнотой.

— Что это было? — спросил Адам.

Ответ он получил практически сразу, бросив лишь мимолетный взгляд на сообщения в канале обмена данными.

«А главная станция?»

«Ее больше не существует. Она разрушена вражеским кораблем».

«Что происходит?» — спрашивал себя Адам.

Он попытался вспомнить, какие указания и данные получал в течение нескольких предыдущих часов, но все было покрыто пеленой тумана.

— Видимо, нас не обнаружили, — сказал ассистент. — Никто нас не преследует. Корабль находится с ночной стороны планеты. До встречи с зондом осталось тридцать секунд.

Впереди, в кроваво-красном свете звезды, вращались цилиндры зонда. На некоторых виднелись отверстия. Адам заметил, что энер-

гетическая сигнатура зонда стала значительно меньше, чем во время взлета, казалось, все бортовые системы отключены. Конденсат разума отрубил даже защитное поле.

Адам с удивлением наблюдал, как шаттл залетает в ангар главного цилиндра. За ним закрылась внешняя перегородка.

— Когда вы полетите на Землю, в шаттле будут отключены все системы, а вы притворитесь мертвым, — сказал ассистент. — Возможно, таким образом удастся избежать нападения.

Защитное поле исчезло. Ассистент поспешил на трех ногах к распахнувшемуся перед ним люку.

Адам последовал за помощником.

— А Ребекка? Должна ли она притворяться мертвой, когда прилетит сюда через час?

— Мы позаботимся о ней, Адам. Тебе не о чем волноваться.

Покидая шаттл, Адам ощутил решимость и стремился ее удержать.

Ассистент уже открыл внешнюю перегородку и ожидал Адама у перехода к коннектору, но Говорящий с Разумом прошел мимо и свернул в темный коридор, ведущий к пункту управления. Воцарилась странная тишина: шум приборов,

обеспечивающих работу бортовой системы, прекратился.

Ассистент подошел к старику.

— Адам?

— Я беру управление на себя.

— Это безрассудство, Адам, — по легкому изменению тембра можно было понять, что ассистент теперь разговаривал голосом конденсата разума основного зонда. — Коннектор готов. Через две минуты вы можете снова вернуться на Землю, в безопасность.

— Я руководствуюсь Положением о чрезвычайной ситуации Правил ведения боевых действий, — ответил Адам, ускоряя шаг.

Жужжание сервомоторов усилилось.

— Главная станция разрушена. Основной зонд поврежден и не может работать на полную мощность. Ее конденсат разума…

— Все главные системы исправны.

Старик не обратил внимания на услышанное и продолжал:

— Ее конденсат разума также поврежден и, соответственно, больше не может правильно оценивать ситуацию, так как…

Как это правильно назвать? Адам пытался вспомнить нужное слово. Это слово должно сыг-

рать важную роль при оправдании его действий.

...Аберрация. При выполнении миссии Говорящий с Разумом вынужден полностью подчиняться конденсату разума с аберрацией памяти.

Старик добрался до перегородки, отделявшей зал управления, которая, однако, не открылась перед ним. У перегородки, словно часовые, стояли два сервомеханизма ростом ниже ассистента.

— Вы эмоционально нестабильны, Адам, — произнес конденсат разума голосом ассистента.

Адам слегка толкнул его.

— Ради вашего блага я погружаю вас в сон.

— Нет.

— Вы важны для нас и должны находиться в безопасности.

— Но Ребекка тоже важна. Мы оба принадлежим к ста тридцати.

Адам почувствовал, что его мысли замедляются, а оставшийся в голове туман становится все плотнее. Он отправил уникальный код чрезвычайной ситуации, закрыл все каналы передачи данных, отключился от датчиков и запрограммировал десятисекундную паузу до повторного подключения.

Затем он, пребывая в своей внутренней вселенной, подождал десять секунд. Единственной

оставшейся связью с внешним миром была метка, через которую Адам соединялся с коннектором и с далекой Землей — эта тонкая, филигранно выполненная пуповина, обманувшая время и пространство.

В течение десяти секунд Адам находился в добровольной изоляции. Затем датчики вновь начали передавать информацию, и к Говорящему с Разумом стали возвращаться ощущения. По соображениям безопасности он продолжал держать каналы передачи данных закрытыми.

— Пилот и коррелятор, — произнес он, обращаясь к двум наиболее важным компонентам сознания конденсата разума зонда. — Положение дел.

— Мы находимся в крайне тяжелой аварийной ситуации, — ответил ассистент. — Жду указаний.

Адам повернулся к часовым.

— Освободить путь, — сказал он. — Поднять перегородку.

Два маленьких сервомеханизма ушли с дороги, подняв перегородку.

Комната управления зондом не была предназначена для людей. Пространства между блоками устройств, мостами передачи данных, коррек-

ционными ядрами, ячейками памяти и отделом принятия решений хватало лишь для сервомеханизмов и фактотумов, которые могли частично складываться. Здесь располагались сердце и мозг зонда, а может быть, и его душа, если у механизмов бывают души.

Ориентируясь в свете лампы, Адам пробирался по узким проходам. Не боясь на что-либо наступить, он добрался до места, о существовании которого знал из собственной базы данных: небольшой ниши, связанной с виртуальными контроллерами. С трудом туда поместившись, он настроил все необходимые соединения.

— Это неправильно. Вы должны вернуть нам полный контроль, — сказал ассистент, который шел за Адамом.

— Пилот, у меня для вас новый приказ, — произнес Адам.

Вокруг него возникло облако из множества символов и индикаторов. Лишь некоторые из них использовались при проблемах с контактным интерфейсом. Большинство представляли собой мнимые изображения, сгенерированные визуальными сенсорами.

— Мы летим за Ребеккой. Заберем ее, а после этого вы можете отправить нас обоих домой.

— Предупреждаю, — произнес конденсат разума голосом ассистента. — Запуск двигателя сделает нашу энергетическую сигнатуру четко различимой. В этом случае вероятность того, что нас не обнаружат, составляет менее одного процента.

— Такова цена, которую нам придется заплатить за спасение Ребекки, — ответил Адам. — Полный вперед. Летим настолько быстро, насколько это возможно.

11

— Адам?

Старик вздрогнул: на мгновение ему показалось, что конденсату разума удалось перехитрить его и вновь взять управление на себя. Но он сидел в нише командного пункта, окруженный светящимися символами, смутно вспоминая сложные маршруты, векторы полета и уровень скорости. Во время выполнения критического маневра вышел из строя один из боковых компенсаторов, и за счет возникшей инерции боковой цилиндр сорвался с места.

«Человек никогда бы не пошел на такой маневр», — подумал Адам.

— Да? — отозвался старик.

— От вражеского корабля отделились три сегмента. Нас преследуют. Мы обнаружены.

«Это было неизбежно», — подумал Адам.

Он устал. Предыдущие несколько часов старик много трудился на благо миссии. Какие решения он принимал и какой у него был выбор? Сейчас Говорящему с Разумом не хватало стимуляции мышления, но он не запрашивал ее, опасаясь открывать каналы передачи данных. Лишь одного воздействия конденсата разума будет достаточно, чтобы усталость переросла в сон.

Адам наблюдал за символами, стараясь понять их значение.

— Когда мы доберемся до шаттла Ребекки?

— Мы до него уже добрались. К Ребекке идут пять сервомеханизмов, которые о ней позаботятся. Коннектор уже готов. Я советую…

Адам ползком вылез из ниши, протискиваясь в узкие проходы, добрался до открытой перегородки и, проскользнув через нее, побежал в ангар.

В пути он кое-что вспомнил и закричал:

— А что случилось с двумя другими объектами, которые ранее отделились от вражеского корабля? Один из них должен был захватить шаттл Ребекки.

— Я не знаю, где они, — ответил зонд. — Я

больше их не отслеживаю. Они летели над ледяным спутником пятой планеты, попали в зону сильной сейсмической активности, а потом неожиданно исчезли.

На пути Адама располагался ангар. Его внутренняя перегородка была поднята. Сиял атмосферный щит. Старик просто прошел мимо, вдохнул разреженный воздух ангара и поспешил дальше, ко второму щиту, где на открытом пространстве покачивался шаттл Ребекки, или, вернее, то, что от него осталось. Куски металла и композитных соединений, полимеров и металлокерамики — все разломалось словно от удара огромного кулака. Прямо перед Адамом прошел сервомеханизм, держа на буксире обломки контейнера, наполненного термофакелами и другими инструментами. Чтобы добраться до Ребекки, судно пришлось разрезать.

— Вам нужно найти коннектор, Адам, — сказал зонд голосом ассистента. — Здесь вы ничем не можете помочь.

Немного погодя он добавил:

— Три сегмента, которые отделились от вражеского корабля и летели к нам… Они исчезли, как и те, у спутника.

— Где Ребекка?

Воспользовавшись функцией приближения визуальных датчиков, Адам стал наблюдать за четырьмя другими сервомеханизмами, стоявшими примерно в пятидесяти метрах от него и расширявшими дыру в корпусе шаттла. Один их них нес голову и остатки тела фактотума Ребекки.

Адам ощутил странное давление на уши, хотя никаких ушей у него не имелось. Это было похоже на последовательность данных, передававшаяся через акустические сенсоры.

— Произошло изменение локального гравитационного поля, — сообщил ассистент.

Дойдя до ангара, первый сервомеханизм взлетел, чтобы убрать инструменты в отсек хранения. Четверо других, в том числе державший остатки фактотума Ребекки, подожгли при помощи зарядов шаттл и побежали в открытый ангар. Адам наблюдал за ними, ища сигналы частот для связи с Ребеккой. Ничего не обнаружив, он отправил запрос.

— Ребекка вас не услышит, Адам, — ответил зонд голосом ассистента. — Когда шаттл захватили, она отключила частоты, поставив запрет на передачу сигнала.

— Ребекка жива? Почему она не отправила сигналы экстренного возвращения, чтобы оказаться

в безопасности?

Подобной функцией был снабжен каждый фактотум: в экстренной ситуации, когда не было другого выхода, подавался специальный сигнал, и сознание по узкому каналу связи переносилось обратно на Землю.

— Я не могу ответить, Адам, — ответил зонд. — Мы должны ее реактивировать. Но проведение этой операции лучше отложить до возвращения домой.

Второй сервомеханизм, пройдя через атмосферный щит, увеличил степень гравитации на борту и встал слева, готовый к новым поручениям. Через несколько секунд так же поступил еще один, занявший место справа.

— С пятым сервомеханизмом что-то не так, — сообщил зонд.

Все это время Адам внимательно наблюдал за сервомеханизмом, который нес остатки фактотума Ребекки.

— Что именно? — спросил он.

— Он не отправляет свои идентификационные данные, — ответил зонд.

— Вероятно, его передатчик сломан.

Когда четвертый подошел достаточно близко к Адаму, старик схватил его, забрал остатки факто-

тума и отправил на борт.

Внешняя перегородка начала опускаться, несмотря на то что пятый сервомеханизм еще не перебрался на борт. Внезапно он поджег свое топливо и, разогнавшись, пробил атмосферный щит.

— Это двойник! — закричал стоявший рядом с Адамом ассистент. — Риск заражения. Принять защитные меры.

Двое из четырех сервомеханизмов крепко держали пятого собрата. Остальные принесли только что спрятанные термофакелы.

— Что происходит? — Адам оторвал взгляд от фактотума Ребекки, лежавшего в его ладонях.

Позади ее шаттла что-то мелькнуло. Огонь плясал, образуя длинные изогнутые языки, а потом неожиданно за ним появилось несколько больших теней, поглотивших свет далеких звезд. Темные великаны, оказавшиеся вблизи корабля, крошечные осколки размером в сто семьдесят километров. По сравнению с шаттлом и зондом корабли на орбите второй планеты были огромными. Их очертания, которые можно было разглядеть во мраке космоса, постоянно изменялись, перетекая из одной формы в другую, превращались в поток, образуя водоворот.

Внешняя перегородка закрылась, атмосферный щит исчез. В ангаре становилось все темнее, пока свет совсем не погас.

— Мы теряем энергию, — сказал ассистент.

Светились лишь два термофакела, направляя свет плазменных струй на пятый сервомеханизм, прижатый к полу рядом с внешней перегородкой. Его голова, оснащенная отдельным конденсатом разума, почти сгорела, он не двигался, так как не осталось ничего, что могло бы запускать и контролировать движения. Но происходившие с ним перемены не могли объясняться лишь действием термофакелов. Пока пламя разъедало плечи и верхнюю часть туловища почти двухметрового аппарата, его нижние конечности превращались в темные линии. Сервомех начал истончаться, казалось, ноги все больше и больше проваливаются в пол, а темные линии начинают расширяться.

Сенсоры показали Адаму, что ноги сервомеханизма не просто проваливаются. Происходила перестройка на атомном и молекулярном уровне, менялись связывающие силы, которые контролировались и направлялись чем-то, что использовало локальный источник энергии, а точнее энергию зонда.

«Это заражение?» — спросил себя Адам.

Через открытый канал связи Адам услышал сигнал тревоги.

— Я беру все управление на себя, — сказал зонд. — Прямо сейчас.

— Оно уже у тебя.

Сервомеханизмы схватили Адама и вместе с остатками фактотума Ребекки вынесли из ангара в коридор, который вел через главный цилиндр к коннектору.

«Зонд знал об этом, — думал Адам. — Он говорил о заражении и знал, что грозит опасность».

Пока сервомеханизмы быстро несли его в коннектор, старику пришла в голову и другая мысль:

«Сегменты большого корабля. Как они смогли догнать нас так быстро? *Из ниоткуда* — так прокомментировал ассистент появление вражеского корабля, замеченного выше эклиптики системы Лебедь-29. И его посланцы тоже появились словно из ниоткуда. Будто совершили прыжок во много световых лет».

— Я хочу знать, что происходит, — сказал Адам, когда помощники внесли его в коннектор.

Древность конструкции была видна с первого взгляда. Со времени отправки зонда тысячу лет назад развитие Кластера ушло далеко вперед.

Два сервомеханизма положили его в проектор посреди комнаты. С помощью сенсоров старик улавливал шум узкого канала связи, соединяющего его и Ребекку с Землей. Четыре канала, уцелевших после аварии в Облаке Оорта, объединили в один, для переноса сознания. Зонд послал через него сложный отчет, а затем сообщил:

— Мы в ловушке.

— В ловушке?

Мысли Адама уже замедлялись. Скоро наступит транспортировочный сон.

— Спите, Адам, — сказал зонд.

Он говорил медленным и тихим голосом, какая-то неизвестная сила выкачивала его энергию.

— Я переслал последнее сообщение и объединил все метки. Несмотря на энергопотери, связь с Землей будет устойчивой, — добавил он.

— Я…

— Спите и передайте ваши данные на Землю, Адам.

«Мои данные, — мысленно повторил старик. — Мои мысли?»

Его ожидал сон. Транспортировочный сон — большое путешествие на расстояние во много световых лет, которое, благодаря использованию узкого канала передачи данных, продлится всего

несколько часов. Если оно вообще состоится. Оставалось всего несколько секунд. Адам воспользовался ими, чтобы узнать всё, и открыл все шлюзы передачи данных. Практически сразу он нашел ответ на вопрос о том, про какую ловушку говорил зонд. Шаттл Ребекки — приманка врага, на которую должен был клюнуть зонд. Клюнуть, чтобы потом можно было заразить, растворить и в то же время сохранить его. Неужели это ассимиляция? Но что именно разъедало материал зонда и забирало у него энергию? Образ множества крошечных ртов, количество которых превышало число песчинок на Марсе, полоснул замедленные мысли Адама. Это наномашины?

— *Спите, Адам.*

В коннекторе стало холодно и темно. Тусклый свет поступал лишь через старый проектор, освещая Адама, держащего в руках остатки головы и тела фактотума Ребекки. Голодные пасти, со звериным аппетитом разъедавшие пол и стены в коридорах, подобрались к коннектору. Зонд умер.

«Нет, — думал Адам. — Он не умер. Он продолжит существовать, только в другой форме, как маленькая часть целого. Интересно, кто кому ставил ловушку?»

Адам с удовольствием продолжил бы размышления на эту тему, но новая информация привлекла его внимание. Прежде он считал, что главную станцию на второй планете уничтожил вражеский корабль: данные, полученные с зонда, заставили его поверить в это. Но все оказалось неправдой: станцию взорвали брутеры по приказу конденсата разума, чтобы враг не нашел местоположение главного артефакта.

– *Забудьте это, Адам,* — прошептал зонд. — *Это не важно.*

И Адам послушно погрузился в транспортировочный сон, расправил крылья своего разума, полетев над бездной длиной в девятьсот девяносто восемь световых лет.

— Слышишь меня, Адам?

— Это ты, Барт?

— Да… как ты?

— Я думаю… — старик засомневался. — Думаю, что чувствую себя не очень хорошо.

— Ты много работал. Устал и совсем без сил. Скоро тебе станет лучше.

— Я смертен. Умру ли я сейчас?

— Нет, Адам. Но тебе не так долго осталось. Могу ли я тебя кое о чем спросить?

— О чем же?

— Как выглядят звезды в небе, Адам?

— Далекий свет, который зажигается каждую ночь.

— А Солнце? Сколько от него до Земли, Адам?

— Десять тысяч километров.

— А почему иногда идет дождь?

— Потому что облака грустят. Потому что плачут.

— Сколько тебе лет, Адам?

Он задумался.

— Думаю, три года. Или, может, четыре.

— Все будет хорошо, Адам. Доверься нам. Мы работаем над этим.

Перезагрузка.

Меня окружает покой

12

Адам посмотрел на дряхлое тело девяностодвухлетнего старика, покоившееся в биорастворе — текучей жидкости цвета голубого опала. Впалые глаза, ввалившиеся щеки, дряблая белая кожа на шее и над скулами.

«Это я, — думал Адам. — Вот что стало с юношей, который хотел быть бессмертным и в то же время мечтал о звездах».

Сервомеханизмы-врачи проверяли корректность работы жизнеобеспечения, брали у Говорящего с Разумом анализ тканей и корректировали питание.

— Почему я не могу полностью регенерироваться? — пробормотал Адам.

— К сожалению, это невозможно, — ответил Бартоломеус. — Мы пытаемся это сделать. Предпринимаем такие попытки при каждом витке развития технологий. Все дело в омега-факторе. Мы работаем над этой проблемой.

Аватар подошел ближе: мужчина с серебристой шеей, короткими волосами и длинным носом.

— Почему у тебя такой длинный нос, Барт? Все остальное в твоем теле совершенно за исключением чересчур длинного носа.

Аватар улыбнулся:

— Не все обязательно должно быть совершенно, Адам. Даже у нас, машин. Как ты себя чувствуешь? Нравится ли тебе новое тело?

Адам посмотрел на себя. Сервомеханизмы даже привезли ему одежду, хотя фактотум мог сделать ее по желанию хозяина. Новое «тело», без сомнения, было хорошим, лучше прежнего, неустойчивого и наскоро сделанного, встроенные сенсоры придавали Адаму ощущение силы, равновесия и исключительности.

— Когда я снова смогу воспользоваться мобилизатором? — спросил старик.

— Почему тебе нужен мобилизатор, Адам?

«Вероятно, потому, что я хочу на утес, где буду чувствовать, как в лицо дует ветер и летят водяные брызги», — подумал он.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — сказал Говорящий с Разумом, рассматривая свое старое тело, пока сервомеханизмы относили биораствор и медицинскую камеру в центр отдыха. — Даже в этом теле со всеми встроенными стимуляторами и стабилизаторами.

— Дело в том, что ты потратил очень много сил. Эта миссия далась тебе очень тяжело.

— Была ли она успешной?

Они вышли из комплекса зданий, где располагались коннектор, медицинская зона с брутером, способным создать все необходимое, даже фактотум и небольшие многофункциональные устройства. На горе виднелся аэродром для шаттлов, где могли садиться на землю орбитальные станции, верфи, фабрики и сырьевые фермы. Это место окружали ясени и буки, некоторые из них были старше Адама.

— Раньше здесь был лед, — сказал он.

— Это было задолго до моего рождения, — ответил Бартоломеус.

— Некоторые из бессмертных застали то время, — Адам показал на гору. — Вершину покрывал лед, а на деревьях лежал снег. Мне про это рассказывал отец.

На здания и лес легла тишина. И только в верхушках деревьев слышалось завывание ветра.

— Отвечаю на твой вопрос. Миссия прошла крайне успешно, — наконец сказал Бартоломеус. — Мы благодарны тебе за выполнение, Адам.

— Я почти ничего не помню о ней.

— Воспоминания вернутся к тебе, как только

душа и тело отдохнут от пережитого.

Адам посмотрел на высокое солнце, его глаза заблестели от слез, словно глаза обычного человека.

— Я мечтал о том, чтобы кто-нибудь спросил меня про Солнце, — сказал он.

Бартоломеус не проронил ни слова.

Адам поднял правую руку так, чтобы на нее падали солнечные лучи, дотронулся до нее пальцами левой. Неожиданно старик кое-что вспомнил.

— Я держал в руках какой-то предмет, — сказал он, сжимая пальцы, будто он прямо сейчас мял его. — Очень старый. Снаружи холодный, но теплый внутри, несмотря на то что ему много лет.

Бартоломеус загадочно улыбнулся. На его металлическом лице и в серых глазах, больше похожих на человеческие, чем на сенсоры фактотума, играли солнечные лучи.

Адам еще раз посмотрел на небо, он почему-то опасался, что большое черное облако может заслонить Солнце.

«Скорее всего, это будет совсем неплохо. С темнотой на небе будут видны звезды, среди которых я провел большую часть жизни», — подумал он.

Неожиданно его охватило волнение.

— Когда я снова смогу полететь? — спросил старик.

— Скоро, — пообещал Бартоломеус. — Как только мы приведем в порядок твое тело.

Он снова улыбнулся, но не так широко, как в первый раз, и добавил:

— Мы хотим, чтобы ты жил долго.

— Хотите, потому что я важен для вас?

— Верно, Адам, потому что ты очень важен для нас. Отдыхай и смотри на море, которое ты так любишь. Я знаю, что для тебя Земля кажется маленькой, а океан — большим.

— Он огромен, просто бесконечен, — подтвердил Адам.

У него было такое чувство, что он должен вспомнить еще что-то — не предмет, сохранивший тепло, но имя какого-то *человека.*

— Мой отец, — неожиданно произнес старик. — Конрад…

Имя, но он пытался обнаружить в памяти не его.

— …и Виктория. Мои родители.

— Полагаю, ты их давно не видел.

— Вот уже много лет.

«Почему я вспомнил про них именно сейчас?»

— Я мог бы поехать к ним.

— Это хорошая идея, Адам. У вас найдется немало тем для разговора.

13

Как оказалось, говорить им было практически не о чем, ведь они беседовали на разных языках.

После того как Кластер получил подтверждение о возвращении Конрада и Виктории на виллу у грюндландского фьорда из долгой поездки по островам Филиппинии, небольшой МФТ перенес Адама в родные края на берег моря. Старик с большим удовольствием вышел на землю. Полная луна, большая и яркая, казалось, превратила воду в серебро. На берегу лежала построенная машинами парусная лодка, которую он за более чем шестьдесят лет отсутствия вспоминал трижды. Паруса трепетали на ветру, а волны бились о борт. Несколько минут Адам слушал эту особенную песню, смотрел на море и хотел вернуться обратно в свое родное тело, каким бы дряхлым оно ни было. Он хотел нырнуть в воду, чтобы почувствовать соленый вкус воды.

Наконец он отошел от берега и начал подниматься на главную террасу. Оттуда доносились голоса. Сегодня в доме не был запланирован праздник и не должна была играть музыка, од-

нако датчики показали Адаму, что на террасе собралось примерно пятьдесят человек. Чтобы не встречаться с незнакомыми людьми, он повернул к боковому входу с левой стороны. Охранники на ступенях и в проходах пропустили Говорящего с Разумом: от него исходили идентификационные сигналы члена семьи.

В доме было пусто, и стояла приятная тишина. Адам шел из комнаты в комнату, рассматривая картины и скульптуры из плавающих цветов, которые делала его мама. Он нашел ее рядом с брутером, в большой отведенной под кухню комнате, где программировались напитки, а сервомеханизмы сервировали и разносили их. Адам помнил, что его мать сохранила бессмертие, несмотря на беременность, но все равно удивился, что она выглядела так же, как много лет назад. Не на тридцать лет, как все остальные бессмертные, но на сорок. Сколько ей исполнилось? Задав себе этот вопрос, Адам сверился с базой данных. Виктории было триста восемьдесят семь лет, а Конраду — четыреста двенадцать.

— Кто вы?

Сейчас у Виктории не было сигнального значка, помогающего знать обо всем происходящем в доме.

— Я Адам.

— Адам?

— Твой сын.

— Мой сын? — Ее лицо, на котором виднелось несколько морщин, изменилось. — О, Адам, это ты!

На глазах проступили слезы. Вытерев их, она попросила вынести еду из брутера на террасу. В платье ржаво-красного цвета, украшенном золотыми пайетками, тихо шуршавшими при каждом движении, она подошла ближе к сыну. Адам положил руку на плечо мамы, на коричневую кожу, которая казалась настоящей. Тактильные ощущения от нее тоже должны были быть настоящими. Виктория отодвинула руку:

— Как твои дела, Адам?

— Все хорошо.

— О, — на мгновение ее губы расплылись в улыбке. — Рада, что у тебя все хорошо.

— Мне очень жаль, что я у вас давно не был, — сказал Адам.

Он начал говорить про мечты, что хотел бы снова вернуться во времена детства, когда они втроем путешествовали под парусом, в годы юности, когда он отправлялся в одиночное плавание на лодке. Что хотел бы стать тридцатилетним

молодым человеком, которому умные машины подарили бессмертие и здоровье навеки. Адам рассказывал про это подробно, но без эмоций. Стоявшая перед ним женщина, его мать, сохраняла полное спокойствие. На ее месте мог быть любой другой человек.

— Сколько тебе сейчас, Адам? — спросила Виктория.

— А ты разве не помнишь?

— Девяносто?

— Девяносто два.

«Чувствую себя стариком, — подумал Адам. — Человеческим обломком, лишенным сил двигаться самостоятельно, который иногда даже ест с посторонней помощью. Ты, конечно, никогда не поймешь, сколько мне лет. Возможно, люди даже ужаснутся, увидев меня».

— О, это значит…

«Да, это значит, что я скоро умру», — решил он.

Сенсоры фактотума позволяли видеть беспомощность в глазах матери более отчетливо, чем видели бы человеческие глаза. Беспомощность и растерянность перед ситуацией, с которой она, несмотря на большой жизненный опыт, никогда не сталкивалась. Но тут было еще кое-что, глубоко запрятанный гнев, невыраженное отчаяние.

Она так хотела иметь ребенка и ради этого рискнула своей молодостью, а потом поняла, что тот не может жить вечно и ей придется пережить его смерть. Этого она никогда ему не простит.

— Твой отец, — неожиданно сказала она. — Твой отец займет место в Высокой Сотне. Ты слышал об этом?

— Нет.

— Это еще не официально, но мы надеемся, что назначение произойдет через десять лет, на следующем Полном Собрании. А еще через пять лет он сможет заменить в женевском клане Эллергарда, который несколько месяцев назад стал жертвой ужасного несчастного случая, — Виктория прикрыла рот обеими руками, как будто слова причиняли ей боль. Но казалось, она была рада говорить с Адамом на темы, не касающиеся его впрямую.

— Подойди, — добавила она, когда сервомеханизмы вынесли последние столы. — Давай пойдем к гостям.

Она хотела взять его за руку, но передумала и пошла к двери.

На улице было свежо и даже холодно. Адам пытался угадать время года. Осень или начало зимы. Он посмотрел на улыбавшуюся над утесом

и морем луну, окруженную несколькими особенно яркими звездами.

«Я забыл, что значит время, — думал он. — Как назло, именно я — человек, которому осталось мало жить».

— Эллергард? А что с ним случилось?

Они стояли у открытой двери, а справа и слева за банкетными столами собирались гости.

— Он вылетел на дельтаплане и пропал недалеко от скал Нуука, — ответила Виктория.

Сейчас она говорила спокойнее и, казалось, преодолела потрясение.

— Один. Без сигнального маяка, без наблюдения, без спасательного жилета. Вечером в шторм. Вот скажи мне: как можно быть таким глупым? Или… — Она наклонилась, посмотрела направо и налево. — Возможно, он… — она не решилась продолжать.

— Возможно, он — что?

— Ходят слухи, что он хотел рискнуть, — тихо сказала она. — Что он и хотел, чтобы все произошло именно так.

— Для чего? — опустошенно спросил Адам.

Он почувствовал усталость и пожалел, что прилетел сюда. Здесь для него больше нет места.

— Хотел совершить самоубийство, — ответи-

ла Виктория таким тихим голосом, что Адам, несмотря на все датчики, с трудом расслышал сказанное.

— Бессмертный совершил самоубийство?

— Не говори так громко, — Виктория огляну-лась. — А вот идет твой отец.

— Кто это, любовь моя? Он одет в фактотум, а фактотумами пользуются лишь… Неужели у нас в гостях Говорящий с Разумом?

— Это наш сын, — ответила Виктория, бросив беглый взгляд в сторону стола.

— Наш сын? А, понимаю, — Конрад похлопал Адама по плечу. — Полагаю, ты уже слышал хо-рошую новость. Конечно, я еще не официальный кандидат, но некоторые вопросы в нашем мире решаются быстро. Мне очень приятно, что ты пришел меня поздравить… Э-э-э-эм…

— Адам, меня зовут Адам, — ответил старик.

— Да, конечно, Адам. Прошу прощения.

Он хлопнул себя по широкому ремню, к которо-му были привязаны сумки.

— У меня с собой нет дополнительной памяти.

Таким был отец Адама — чужак. Как и мать, он жил в другом мире. Между ними был барьер, не жесткий, но неприступный и высокий, как самая высокая гора. У них бесконечное море времени,

у него же времени оставалось мало, и с каждой секундой его все меньше.

При виде Адама некоторые из сидевших за столом гостей встали. В том числе лысый мужчина из Мерики, что угадывалось по его темной шее. Он был выше и шире в плечах, с отблеском прожитых лет в глазах. Адам вспомнил, что впервые увидел его в детстве, около восьмидесяти лет назад, и сейчас он выглядел точно так же. Его голос ничуть не изменился: все тот же низкий бас.

— Полагаю, ты Адам, — произнес он. — Приветствую тебя, Говорящий с Разумом.

— Госамер любезно привез нам свое новое произведение искусства, — сказал Конрад и мельком посмотрел на Викторию, поспешившую к столу побеседовать с другими гостями. — Оно стоит там, вдалеке. Пойдем посмотрим.

Госамер. Так называли тех, чей возраст перевалил за тысячу лет. Вот уже шесть веков он считался лучшим звуковым скульптором на Земле.

Обо всем этом Адам вспомнил сразу же, но у него было чувство, что он должен вспомнить что-то еще.

— Я работал над ним семьдесят четыре года, — с гордостью представил свое творение Госамер, как

только они добрались до подиума — базальтовой глыбы, с трех сторон окруженной ступенями. На пьедестале располагалось множество проекторов, а между ними парило в воздухе что-то прозрачное со слабым блеском, как кристаллическая пыль, отражавшее свет луны и стоявших на террасе ламп.

Сенсоры фактотума показали Адаму, что это были многоступенчатые, изогнутые и искривленные акустические поля.

Госамер указал наверх:

— Жаль, что ты не взял с собой Ребекку. Послушай, мой мальчик, послушай…

Ребекка!

Вот *чье* имя он должен был вспомнить. Внезапно на Адама нахлынули эмоции. С последней миссии он ни разу не видел Ребекку. Ребекка ждала его.

Адам находился уже на верхней ступени, когда обернулся и увидел, что Конрад и Госамер стоят внизу.

Они оба имели детей, что среди бессмертных встречалось редко, но объединяло их не только это. Сын Конрада и дочь Госамера лишились медицинского обслуживания для бессмертных, старели и должны были в конце концов умереть.

Ребекка. Как Адам мог забыть, что она уже должна быть на Земле? И почему в базе данных нет никакой информации о ней?

Госамер встал на цыпочки и заложил руки за спину, а Конрад нетерпеливо размахивал руками.

Адам подошел к звуковой скульптуре, стоявшей между проекторов. Шум, который он услышал, был предназначен не для сенсоров, а для человеческих ушей: смесь плача, смеха, звона бьющегося стекла и гула приближающейся бури. Старик знал, что двое бессмертных наблюдают за ним, и поэтому ходил вокруг и кивал, делая вид, что внимательно слушает.

«Ребекка», — думал он. Старик вспомнил, как нес на руках голову и тело ее фактотума. Как он мог про это забыть? Неужели ему было настолько плохо? Адам решил узнать обо всем у Бартоломеуса.

Он изменил лицо фактотума, заставив его улыбаться, делал вид, что следит за акустическими аранжировщиками. Он притворялся так, пока оба бессмертных не ушли, довольные, с подиума, вернувшись за стол. Адам спокойно спустился по задней лестнице и, когда он ошибочно полагал, что остался один, неожиданно столкнулся с че-

ловеком в деловом костюме, которого видел за банкетным столом.

— Могу ли я задать вам вопрос, Говорящий с Разумом?

— Что?

Они остановились за базальтовым обелиском, невидимые людям за столом. Мужчина подошел ближе. В его глазах отражался лунный свет, казалось, они горели.

— Как это? Что вы ощущаете?

— О чем вы говорите?

— О приближающейся смерти, — ответил мужчина.

Он стал говорить тише. Адам слышал волнение в его голосе.

— Конец, приближение небытия. Как это влияет на жизнь?

— Прежде всего она становится короткой, — ответил Адам. — Настолько короткой, что ты больше не думаешь о будущем, остаются только воспоминания.

«Иногда и ни одного не остается», — подумал он.

— Но как вы это ощущаете? Я имею в виду…Что, если человек больше не может строить планы, потому что знает, что у него не хватит времени?

Живете ли вы по-другому? Можете это описать?

— Если хотите знать, что такое боль, то вы должны ее почувствовать, — холодно ответил Адам. — А если хотите знать, что такое смерть, то вам нужно умереть. Извините, у меня нет времени отвечать на глупые вопросы, потому что у меня осталось мало времени и оно слишком ценно.

Он отошел от мужчины и спустился на два лестничных пролета, ближе к крутому спуску, сделанному сервомеханизмами. Адам вспомнил Эллергарда — бессмертного, о котором рассказала мать. Человек, решившийся на рискованный полет без сигнала и спасательного оборудования во время вечерней бури. Бессмертный, в жизни которого будут бесконечно меняться времена года. Хотел ли он понять, что чувствует человек, когда счет жизни идет на минуты? Глупо ли начинать игру с вечностью?

Шум вечернего ветра в верхушках деревьев, заглушавший доносившиеся с главной террасы голоса, с каждым шагом Адама был все дальше, уступая место гулу прибоя. Остановившись на одной из нижних террас, старик заметил на берегу не только МФТ, на котором он прибыл сюда, но и второй аппарат, меньшего размера и более

изящный.

Из него вышла женщина, и Адам сразу же узнал ее. Хотя у старика было множество провалов в памяти, но этот образ был поразительно ясным. Он встречал ее дважды. В последний раз лишь мельком, одетую в кремовое платье и прячущуюся между деревьями в лесу. А за семьдесят лет до этого — на празднике его отца: незнакомка с тонкими чертами лица, постоянно наблюдавшая за ним.

Сейчас женщина приближалась к Адаму и смотрела прямо ему в глаза.

— Вы уже устали от них? — спросила она, бросив взгляд на главную террасу.

— Да.

— Я обещаю, что не буду отвлекать вас звуковыми скульптурами и глупыми вопросами. Мне нужно вам кое-что показать. Вы согласны?

Еще один гость зачем-то зовет его. На этот раз к маленькому МФТ.

Адам засомневался. Он устал. Туман в его голове становился все плотнее, замедляя мышление.

— Это недалеко и не займет много времени, — сказала женщина.

— Ну, хорошо.

Минуту спустя они уже летели по ночному

небу.

14

— Должно быть, это случилось здесь, — сказала женщина. — Прямо на этом месте.

Они прошли около тридцати шагов и остановились у крутого обрыва под названием Ветреные скалы. Ниже на склонах горы, примерно через двести метров, растянулся город Нухук-на-Котий-фьорде, «перемещенная столица», как назвали ее много лет назад. Первую столицу Гренландии — Нуук — поглотило море во время прилива. Ее наследница после короткого периода расцвета была превращена в духовный центр, который сегодня, после реконструкции, служит музеем Эпохи Отчаяния, когда жизненного пространства для людей становилось все меньше, и многие погибли в ходе войны.

— Вы имеете в виду то, что произошло с Эллергардом? — уточнил Адам.

— Да.

— Вы слышали наш разговор с Викторией? Ведь мы были дома одни.

— Дом защищен, и вас никто не может прослушать. Но вы вышли из дома на террасу.

Женщина постучала по сигнальному значку,

прикрепленному к легкой куртке.

— Он прослушивал ваш разговор.

Женщина пожала плечами и улыбнулась. Она была намного старше Адама, но в ней чувствовалось нечто симпатичное, этакая девичья беззаботность. Обследование на тридцатилетие сохранило юность, а лунный свет делал ее еще немного моложе. Налетел холодный ветер и растрепал черные волосы до плеч.

— Отсюда Эллергард отправился в свой последний полет. А там его жизнь, так сказать, пришла к концу после шестисот семидесяти двух лет.

— Виктория говорила, что он пренебрег самыми простыми правилами безопасности. Вы думаете…

— Самоубийство? Почему бессмертный возрастом почти семьсот лет должен покончить жизнь самоубийством?

— Не потому ли, что он устал от жизни?

Женщина окинула Адама любопытным взглядом:

— Неужели вы, Говорящие с Разумом, будучи смертными, в это верите? Вы действительно полагаете, что бессмертный может когда-нибудь насытиться вечной жизнью и искать смерти? Это глупо, Адам. Не открою большого секрета, если

скажу: чем длиннее наша жизнь, тем полнее мы ее проживаем и тем больше возможностей открываем. С возрастом существование бессмертных становится не скучнее, как у Говорящих с Разумом, а, наоборот, интереснее. Поймите вопросы Патрика, заданные вам ранее, правильно. Смерть интересует нас только как экзотический феномен, который нас не коснется. Это своего рода жажда впечатлений, которая никогда не иссякнет. — Она посмотрела в пропасть. — Вот чего здесь точно не происходило, Адам: здесь никто не умирал.

Адам посмотрел вниз на огромные здания старого города. Ветер становился все более холодным и порывистым, но женщину это, казалось, нисколько не волновало.

— Никто не умирал? Что вы хотите этим сказать?

Она подняла руку, коснулась сигнального значка и немного повернула его. Внезапно связь Адама с базой данных оборвалась, а коммуникационный модуль фактотума отправил внутренний сигнал тревоги. Контакт со станцией коннектора был потерян.

Женщина опередила вопрос Адама.

— Чтобы нас не беспокоили, — объяснила

она. — Никто не должен за нами подсматривать или подслушивать.

— Но кто?..

— Машины. Кластер.

Тут Адам что-то вспомнил. Как тогда на утесе во время бури… Бартоломеус сказал, что ищет его, хотя машины и знали, где находятся Говорящие с Разумом.

— Вы были у утеса, — сказал он. — Я мельком видел вас там.

— Да.

— И вы пользовались этим? — старик указал на сигнальный значок.

— Нет, не значком. Скремблером.

— Зачем?

— Я хотела с вами поговорить, — ответила женщина. — Собственно, как и сейчас.

— А еще вы были на праздновании моего дня рождения семьдесят лет назад. Все время наблюдали за мной.

— Вы мне показались очень интересным. Молодой человек, которому только через несколько лет предстоит пройти обследование на бессмертие, расти и повзрослеть… В мире рождается не так много детей. Большинство бессмертных бесплодны. На Земле живет лишь четыре мил-

лиона людей, и каждый год рождается не более ста детей.

— Бартоломеус и другие машины пытаются нам помочь…

Туман в голове Адама, а точнее в сознании, все более сгущался, замедляя мышление. Разговор с женщиной утомлял его. Он слышал много интересных подробностей, однако не мог понять.

— Все из-за омега-фактора. Машины пытаются найти решение… работают над этим.

— Ах да, — ответила женщина. В ее голосе чувствовалось сомнение. — Как и над многими другими вещами.

— Мы должны доверять им. Доверять и быть терпеливыми.

— Терпение. И это говорит человек, дни которого сочтены, — перебила старика пораженная женщина. — О, прошу меня извинить, Адам. Я не хотела…

— Ну хорошо, — Адам посмотрел в пропасть перед ними. — Вы привели меня сюда, чтобы показать место, где Эллергард свел счеты с жизнью. И тем не менее вы сказали, что никто не умер.

— Эллергард бесследно исчез. Не было найдено ни тела, ни его останков. Лишь сломанный дельтаплан. Ничто не может исчезнуть, не оставив

ни единого следа. Поэтому мы…

— Что?

— Мы думаем, что Эллергард был похищен.

– *Похищен?* — повторил пораженный Адам. — Но кем?

Женщина засомневалась.

— Машинами.

— Это невозможно.

— Несколько дней назад число Говорящих с Разумом изменилось: теперь их не сто тридцать два, а сто тридцать три. Если сложить два и два…

— Получится сто тридцать три?

— Можно сказать и так, Адам.

Голову Адама охватило смятение. Каждая мысль пробивала себе путь сквозь туман сознания.

— Вы знаете мое имя. Мне неудобно… — сказал старик.

— Я должна еще раз извиниться перед вами. Мне следовало представиться. Меня зовут Эвелин, — она улыбнулась своей особенной улыбкой молодой девушки. — Мы подходим друг другу. Вы не находите?

— Боюсь, я вас не понимаю.

Она говорила загадками:

— Адам и Ева. Вы ведь знаете.

— Нет.

— Вы не знаете, кем были Адам и Ева?

— А я должен их знать? — озадаченно спросил Адам. — Возможно, это Говорящие с Разумом, как и я?

Женщина засмеялась, точь-в-точь как Ребекка много лет назад.

«Ребекка, — изумленно подумал Адам. — Нужно спросить Бартоломеуса, почему я про нее забыл, хотя она помогала мне в последней миссии».

— Возможно, причина кроется в этом, — Эвелин снова дотронулась до своего сигнального значка. — Сейчас вы отключены от базы данных и от стимулятора нейронов. Если вы хотите узнать, кем были Адам и Ева… Я покажу вам их. Как насчет небольшой поездки в Европу? Путешествия, о котором будем знать только я и вы. Это отнимет всего пару часов, Адам. Маленькое приключение.

Адаму хотелось восстановить связь со станцией коннектора, чтобы спросить Бартоломеуса про Ребекку, но дружелюбная улыбка женщины по имени Эвелин и ее приглашающий жест… Он заставил фактотум кивнуть.

— У меня есть несколько часов, — сказал ста-

рик. — Остаток ночи.

— У нас есть только ночь, не больше? Тогда мы можем воспользоваться вашим МФТ. Оно подойдет нам двоим. Реконфигурация моего займет слишком много времени, а время ведь дорого, не так ли?

— Для меня — да, — ответил Адам.

Женщина снова улыбнулась:

— Для меня тоже. По крайней мере в эту ночь.

15

— Европа, — произнесла Эвелин, выходя в темноту ночи из МФТ. — А еще так называется один из спутников Юпитера, где под ледяной поверхностью скрыт глубокий океан. Немногие из нас были там. Люди летали еще в то время, когда машины позволяли это всем желающим. Первые исследователи прилетали на станции, откуда начиналось изучение подледного океана. Один из них, управляющий исследовательским судном, был первым Говорящим с Разумом.

— Где мы? — спросил Адам.

Старик огляделся. С того момента, как Эвелин повернула сигнальный значок, связь Говорящего с Разумом и станцией коннектора была прервана и сенсоры работали плохо. Перед ним расстилал-

ся пейзаж, состоящий главным образом из руин.

— На острове, который до наводнения был частью континента и относился к Северной Европе.

Эвелин высадила маленький сервомеханизм, и вскоре зажегся свет лампы. Он освещал Адаму и Эвелин путь между зданиями. Дул холодный ветер. Адам заметил, что его спутница подняла воротник повыше.

— Это странно, не правда ли? — заметила Эвелин. — Вроде мы полетели на юг, а здесь еще холоднее, чем у нас. Возможно, даже пойдет снег. Идите сюда, Адам.

На улице никого не было. Адам слышал только шум моря и вой ветра — МФТ стоял у берега моря.

— Кто это — «мы»? — спросил Адам.

Удивительно, но он чувствовал себя не таким уставшим, как несколько часов назад. Хотя мысли ворочались медленно, как черви в грязи. Воспоминания приходили и уходили, и предыдущий вопрос был вызван одним из них.

— «Мы»? — переспросила Эвелин, когда они подошли к зданию, напоминавшему собор.

— Вы сказали: «Мы думаем, что Эллергард был похищен». Кого вы имели в виду под словом

«мы»?

— А, это. Группу, в которой я состою. Сообщество единомышленников.

— Машины не могли похитить Эллергарда, — сказал Адам после некоторых размышлений. — С какой стати им похищать бессмертных? В этом нет вообще никакого смысла. Бессмертные не могут стать Говорящими с Разумом. В таком случае они должны будут потерять бессмертие, а их душа и тело — постареть и одряхлеть, как у меня. У них должна развиться дегенерация нейронов для путешествий с помощью коннекторов.

— Вероятно, это и произошло с Эллергардом, — ответила Эвелин, пока они шли по ночному городу, а летевший перед ними сервомех освещал путь. — Машины забрали у него бессмертие.

— Но… Они же защищают нас. Машины заботятся о нас. Производят все необходимое. Они выполняют любое наше желание. Они подарили нам бессмертие.

— Но машины также обещали охранять наше наследие, Адам. Посмотрите же вокруг. Здесь одни развалины.

Адам бросил взгляд на руины.

— Нухук.

— Нухук — это просто название, — уточнила

Эвелин. — По ближайшей станции коннектора. Здесь это обычное дело.

Они подошли к массивному зданию собора, у которого была разрушена часть башни. Через проломы в стене задувал ветер. Эвелин и Адам вошли в старую деревянную дверь, и когда она закрылась, наступила тишина. Голос ветра превратился в тихий шепот за высокими окнами. Маленький сервомеханизм продолжал освещать путь. Свет его лампы упал на ряды деревянных скамеек, располагавшихся по обеим сторонам от центрального прохода. Дерево было старым и темным.

— Религиозное место, — сказал Адам, пока они пробирались между сиденьями. — Здесь… совершали молитву?

— Да, это церковь. Вернее, собор — священное место былых времен.

Адам посмотрел по сторонам.

— Религия — это глупость.

Эвелин рассмеялась, и ее смех эхом прокатился по залу до окон и живописного сводчатого потолка.

— И это говорит смертный! — воскликнула она.

— Разве я не прав? — возразил Адам. — Религия

— это поиск… — он попытался подобрать слово, но оно ускользало.

— Утешения, — подсказала Эвелин. — Объяснений того, что никто не может понять. Ответов на вопросы разума.

— То, чего мы не понимаем, могут объяснить машины.

Эвелин будто знала, что Адам так скажет, и заранее подготовила ответ.

— Так говорили вам Эдукаторы в центре знаний. Возможно, они правы. Религия — только пережиток прошлого, попытка примитивного невежественного человека объяснить мир. И прежде всего смерть, которую он боялся. В те времена религия имела власть над людьми, поскольку обещала им жизнь после смерти. Бессмертие людей поставило эту власть под сомнение и привело к низвержению религии.

— Возможно, машины не заботятся об этом месте, потому что оно не имеет никакой ценности, — сказал Адам. — Оно символизирует глупость.

— Глупость. — Эвелин снова улыбнулась, но на этот раз какой-то горькой улыбкой. — Глупость — это что-то другое. Глупость — это… — Она замолчала и посмотрела вдаль. — Я хотела вам

кое-что показать. Идемте, Адам.

Еще через двадцать шагов они подошли к прямоугольному блоку. Летящий сервомеханизм осветил лучом надпись, которую Адам, будучи отключенным от базы данных, не мог расшифровать.

— Это алтарь, — объяснила Эвелин. — Здесь стоял священник и читал верующим проповедь.

Луч света продолжал движение, перейдя от алтаря к стене с арочным проемом из цветного стекла. На нем были изображены обнаженные мужчина и женщина, наполовину прикрытые цветами и фруктами. Казалось, они сидели в каком-то саду.

— Это Адам и Ева, которых, предположительно, создал Бог, — сказала Эвелин. — Бессмертные. Они никогда не болели и жили в раю — прекрасном саду, где все в изобилии.

— А что делает змея между ними? — спросил Адам. — И почему они оба держат одно яблоко?

— Змея — символ зла, — сказала Эвелин. — Она убеждает Адама и Еву съесть яблоко с запретного Древа Познания. Они получили знание и за это были наказаны, изгнаны из рая, потеряли бессмертие, познали печали и боль. Считается, что все люди произошли от Адама и Евы.

В воздухе повисла тишина. Наконец Адам спросил:

— Это вся история религии, которой здесь поклонялись? Почему вы сказали, что мы так же хорошо подходим друг другу, как Адам и Ева?

В ответ Эвелин посмотрела на старика и на секунду задумалась.

— Адам и Ева искали Знание. Нам стоит брать с них пример. Мы должны попробовать дойти до самой сути.

— На это существуют Центры знаний, оборудованные специальными нейростимуляторами, — ответил Адам. — А машины могут ответить на любой вопрос.

— Вероятно, дело в том, чтобы задавать правильные вопросы. А рассказ про Адама и Еву — это далеко не вся история. Она существует в письменном виде и ее можно прочитать.

— Прочитать?

Эвелин указала на открытую дверь в стене справа от алтаря. Там была видна уходящая вниз узкая каменная лестница, ведущая в помещение как минимум вполовину больше, чем неф над ним. По стенам стояли книжные шкафы из черного дерева, а между ними все от пола и до потолка заполняли полки. Посередине стояли стулья и

столы. Все было покрыто десятисантиметровым слоем пыли. С одним исключением. Стул перед четвертым столом немного сдвинули, а пыль смели в сторону.

— Старая библиотека. Вот за тем столом я сидела в последний раз два года назад, — сказала Эвелин. — Пробовала читать книги.

— Вы можете читать на древних языках?

— Я выучила их. У нас, бессмертных, достаточно времени.

Подойдя к одному из шкафов, Эвелин выбрала книгу и аккуратно вытащила ее. Несмотря на осторожность, страницы рассыпались, лишь ее открыли.

— Вот здесь, — сказала женщина, указывая на другой том, — изложен рассказ об Адаме и Еве и его продолжение.

Адам подошел ближе и взглянул на корешок книги. Знаки на нем показались бессмысленными.

— Библия, — сказала Эвелин. — Так она называется. Она объединяет старые религиозные книги, написанные в разное время. Теперь откройте ее, Адам.

Старик вытянул руку фактотума, настроил чувствительность тактильных датчиков и по-

пытался взять книгу в руки. Но как только он притронулся к ней, книга рассыпалась на множество частичек, которые сразу же упали пылью на пол.

— Вот что такое глупость, — сказала Эвелин. — Терять знания и культуру. Многие поколения людей трудились, чтобы получить эти знания, собрать и записать их для потомков.

— Это всего лишь слова. — Адам посмотрел на пыль под ногами, а затем на многочисленные корешки книг. — Только лишь слова на древних языках. Уверен: машины записали и сохранили всю информацию, и ее можно запросить в Центрах знаний в любой момент.

— А что если никто не будет отправлять им такие запросы, Адам? Узнали бы вы про Адама и Еву?

— Нет.

— Вы бы о них даже не спросили. Наше богатство, Адам, — все культурное наследие человечества… Оно теряется. Превращается в пыль, потому что его никто не сохраняет. Потому что машины позволяют ему быть преданным забвению.

Внезапно раздался звук, похожий на звон небольшого колокольчика. Эвелин посмотрела на свой сигнальный значок.

— О, — сказала она. — Мне нужно уходить.

— Что? — удивленно воскликнул Адам.

У старика появилось множество мыслей, которые было трудно отделить одну от другой. Они спутались между собой, словно черви в грязи.

— У нас гости. Сюда идет Аватар.

Взяв Адама за руку, точнее, за руку фактотума, Эвелин поспешила с ним к выходу из библиотеки, затем наверх по лестнице. В большом зале собора их встретила тишина: завывание ветра за окнами прекратилось.

— Я думала, машинам понадобится больше времени, чтобы найти тебя.

Они вышли на ночную улицу. Это покинутое и умиротворенное место было наполнено звуками. Адам слышал шум моря и постепенно приближающийся свист, который исходил от МФТ, летевшего на высокой скорости.

— Они еще не знают точно, где мы находимся, но это вопрос нескольких минут, — сказала Эвелин.

Она наклонилась и подняла с земли камень.

— Прошу меня извинить, Адам. Я знаю, что это не причинит вам боли, но мне все равно очень неловко.

Женщина ударила камнем по модулю связи

фактотума, расположенному на пластинках у плеча.

— Скажите, что вы упали, и из-за этого повредился модуль связи. Это объяснит отсутствие сигнала. И не упоминайте меня.

— Почему?

— Так будет лучше. Доверьтесь мне, — сказала Эвелин, повернув сигнальный значок. — До свидания. Мы еще встретимся.

Она развернулась и уже наполовину скрылась среди руин, но вдруг добавила:

— Кстати, никакого омега-фактора не существует. Его никогда и не было.

— Что? Как ты вернешься назад без моего транспортника? — крикнул Адам.

— Все будет хорошо. Не беспокойся обо мне.

Эвелин растворилась в темноте.

Минуту спустя появился Бартоломеус. МФТ, на котором он прилетел, напоминал готового к прыжку жука.

— Ах вот ты где, Адам, — сказал он. — Удивительно, что мне пришлось тебя искать. Что случилось? — он посмотрел на сломанный коммуникационный модуль.

Без телеметрии, связи с базой данных и стимуляторов мысли Адама текли медленно. Он

понимал, что решение надо принять здесь и сейчас.

— Я упал, — сказал он, удивляясь тому, как легко ему дается ложь.

«Это никакая не ложь», — убеждал он себя.

— Как ты вообще здесь оказался?

— Мне было любопытно. Это ведь Европа, верно? Почему земной континент назвали в честь спутника Юпитера?

— Я объясню тебе позже. Мы должны отправить тебя в путь. Тебя ждет новая миссия.

— Мой МФТ стоит там, на берегу, — сказал Адам, подойдя к транспорту Аватара.

— Знаю. Мы отследили его сигналы.

— Барт? — Адам все не садился внутрь.

— Да?

— Сколько сейчас Говорящих с Разумом?

Сквозь облака просвечивал лунный свет, отражавшийся в серых глазах Бартоломеуса. На мгновение показалось, что они начали светиться.

— У меня есть для тебя хорошая новость. Вас сейчас сто тридцать три.

— Появился новичок.

— Да.

— А этого новичка зовут Эллергард? — спросил

Адам.

Ответа пришлось ждать целых две секунды.

— Эллергард был бессмертным. Он стал жертвой несчастного случая. Вероятно, он совершил самоубийство. Как ты знаешь, бессмертные не могут стать Говорящими с Разумом, коннектор не выдержит их сознание. В этом случае они бы сошли с ума.

Адам посмотрел на полную луну, которая сейчас ярко светила сквозь облака. У него оставались еще вопросы.

— Миссия, Барт…

— Да?

— Важна ли она?

— Очень важна, Адам. Ты нам очень нужен. Ты наш лучший Говорящий с Разумом.

Адам замялся.

— Когда я умру, Барт?

— Еще не время. Ты совершишь еще несколько полетов к звездам.

— Хорошо.

Адам сел в МФТ Барта и начал ждать, когда подступит сон, пребывая в тепле и уюте.

— Адам?

— Да, Барт.

— С кем ты встречался в Бурреке?

— В Бурреке?

— Так называется старинный город, который ты посещал.

— Город руин, — вспомнил Адам.

Сознание сопротивлялось сну, который перенесет его на много световых лет. Теперь это старое тихое место обрело индивидуальность, лицо. Старик представил его, но это было лицо не старого города, а человеческое, с большими темными глазами, обрамленное длинными черными волосами.

— Почему вы не охраняете город, Барт? Ты говорил, что машины охраняют культурное наследие человечества.

— Мы охраняем то, что важно, Адам, — ответил Бартоломеус. — Есть множество городов, которые имеют бо`льшую значимость. Кто был с тобой, Адам? С кем ты посещал город?

— С кем я посещал город? — мечтательно сказал Адам, чувствуя, как исчезает слабость, характерная для его тела, а сам он плывет в коннекторе, сжимающем его в пакет данных, достаточных для передачи в узком канале.

— С Евой. Мы были вдвоем: Адам и Ева.

— Ева, — повторил Бартоломеус.

Его голос звучал как-то странно.

— А еще с нами была змея. По какой-то причине она хотела, чтобы мы попробовали яблоко.

— Поговорим об этом, когда ты вернешься, — сказал Бартоломеус. — Согласен?

— Подожди! Я хотел кое о чем спросить тебя, Барт. Но… Я забыл, о чем именно.

— Значит, это не важно. Твоя миссия очень важна, Адам. Хорошего путешествия.

Транспортировка.

Сеть

16

Для полета к планете, которую машины называли Уриэль, — четвертому спутнику двойной звезды Линдофор А и Б, находящейся на расстоянии шестисот семидесяти восьми световых лет от Земли, — Адам должен был пребывать в покое.

— Отсюда хорошо видны последствия ударов, — сказал он и стал смотреть не на информационную программу МФТ, а в окно.

Поверхность планеты была заполнена буйной растительностью на основе хлорофилла, покрывавшей возникшие от ударов кратеры и окаймлявшей их края. Находясь на планете, наблюдатель заметил бы только впадины и далеко протянувшиеся расщелины, которые были результатом землетрясений и эрозии, но с высоты двух тысяч метров все было отчетливо видно. Миллион лет назад планету бомбардировали астероиды.

— Мировой Пожар, — сказал он.

— Все указывает на это, — подтвердил сервомеханизм, помогавший Адаму. — Датировка

позволяет говорить об этом.

— Но мы не нашли здесь никаких городов в руинах.

«Эти слова звучат несколько странно: города в руинах, — подумал Адам. — Они имеют под собой глубокий смысл, вероятно, какое-то воспоминание».

— Вы забываете, что для колонизации нам нужны убежища большой площади, находящиеся под поверхностью планеты, — напомнил ассистент.

— Ах да, бункеры.

Так Адам назвал их впервые, увидев несколько дней назад во время рабочего цикла. Бункеры. Крепости, находившиеся в глубинных слоях коры планеты. Укрепления из базальта и гранита с толщиной стен в сотни метров. Защитные сооружения, служившие убежищем местных жителей, останки которых были обнаружены машинами в большом склепе.

«Колонизация», — подумал Адам. Ассистент использовал именно это слово, причем далеко не впервые. Но он имел в виду колонизацию планет не людьми, а машинами. Слово «колонизация» употреблял еще кто-то, хорошо знакомый Адаму, однако старик не мог вспомнить его имя.

Первые зонды достигли системы Линдофор

триста лет назад, основав большую колонию машин с центрами на поверхности планет и с мощными брутерами в бункерах. Здесь уже имелся небольшой Локальный Кластер, интеллектуальное развитие которого нельзя было сравнить с аналогом на Земле, но способный выполнять все задачи этой планеты. Возможно, в этом и была причина довольно пассивной роли Адама на Уриэле, несмотря на то что Бартоломеус говорил о важности миссии. Так как Локальный Кластер мог принимать все важные решения, это не позволяло Адаму самому давать распоряжения, важные для миссии.

— Бомбардировка, — повторил Адам, снова выглянув в окно МФТ. — Метеоритами или астероидами. В таком случае кора планеты должна быть тоньше, чем сейчас. Существенно тоньше. Но… может ли природа за миллион лет восстановиться? Достаточно ли этого срока, чтобы деревья и кусты скрыли все кратеры?

— Миллион лет — это долгий срок, Адам, — сказал ассистент.

Держась за стену, он связался с бортовой системой шаттла. Вероятно, все это время ассистент разговаривал с конденсатом разума пилота.

— На планете Уриэль следов применения Ла-

стика не обнаружено, — сообщил он.

Ластик. Так машины называли оружие, изобретенное перед Мировым Пожаром. Оно уничтожало все живое, включая одноклеточные организмы. Так можно было стерилизовать планету, как это произошло с планетами Динли системы Орфей и Атис системы Усторэй. Аннигилятор был похож на горячий космический кулак: разбивающий, разрушающий, сжигающий и уничтожающий. Он оставлял после себя раскаленную пустыню и обнаженные горные породы. Но главным оружием времен Мирового Пожара был Скальпель, вырезавший как отдельные города, так и целые миры. Следы, остававшиеся после Скальпеля, иногда сильно отличались друг от друга, но его использование всегда приводило к разрыву молекулярных и химических связей.

«Мировой Пожар, — думал Адам. — Мы еще очень мало знаем о той эпохе. Вернее, не мы, а я», — он тут же поправил себя.

— Это очень просто, — ответил Адам и посмотрел вниз, чтобы лучше рассмотреть кратеры, хотя на экране информационной программы они были хорошо видны.

— Объекты могут просто падать с неба… Вы уверены, что это относится к эпохе Мирового

Пожара?

— В этом уверен Кластер, Адам.

— Вы имеете в виду Локальный Кластер Уриэля или Кластер машин на Земле?

— Оба, — ответил ассистент.

— Но почему планету обстреливали астероидами или кометами, если там не было городов?

— Мы полагаем, что бомбардировка должна была вызвать сильные подземные толчки или растрескивание коры, — ответил ассистент.

— Кто атаковал бункер? — задумчиво спросил Адам.

Старик узнавал очень мало, а забывал гораздо больше. Он прекрасно понимал, что это связано с дегенерацией нейронов, да и к тому же в некоторых миссиях знания были ограничены конкретными задачами. Адама это очень огорчало. От сведений напрямую зависит успех миссии. А как Говорящий с Разумом будет их получать, если все время забывает больше, чем узнает?

— Почему они напали?

— Неизвестно.

— А другие Говорящие с Разумом и многочисленные зонды… Удалось ли им выяснить что-то еще?

— Мы ищем ответ на этот вопрос уже тысячу

лет, — ответил ассистент. — Работаем над этим.

Шаттл накренился в сторону и стал лететь под наклоном.

— Мы возвращаемся на базовую станцию, — подытожил разговор ассистент. — Время отдыха подходит к концу, Адам.

Клац!

И вот Адам сидит в шаттле, словно спица от колеса, состоящего из новостей, десятков и сотен отчетов по различным темам, переданной информации, оценок и важных данных, которые для быстрой отправки были сжаты. Оставаясь на месте, он плыл по океану информации и каким-то образом очутился в его центре, в водовороте, поглотившем главную ссылку, состоявшую из множества ссылок, из десяти узких каналов передачи данных, сплетенных машинами Локального Кластера в один узел. Все это говорило о важности системы Линдофор для машин с Земли.

Адам попадал в разные фильтры и растягивался. В его «голове», транспортируемом сознании, трудились тысячи маленьких пальцев, сортирующих поступающую информацию, поскольку сам он не мог ее обработать из-за маленькой пропускной способности канала транспортировки.

Это делал администратор пропускного канала, и, пока он трудился, Адам мог думать о другом. Подобная пассивная роль была старику не по душе. Летя к месту выполнения миссии, он с большой охотой обдумывал бы поступающую информацию и принимал необходимые решения. Но Адам знал о процессе транспортировки сознания слишком много, чтобы пытаться влиять на его ход, и поэтому он задумался о миссиях, в которых участвовал. Каждая чем-то да отличалась от предыдущей. Иногда у Адама была пассивная роль, как сейчас. В другое время его путешествия по разным планетам и межпланетному пространству затягивались надолго. А иногда его просили торопиться, как во время миссии к системе Лебедя…

Ребекка.

Он опять умудрился забыть про нее. Неужели с памятью все так плохо? Жива ли она?

На мгновение Адаму захотелось отправить прямой запрос Бартоломеусу через ближайший канал связи. Старик хотел спросить, как поживает Ребекка, и еще узнать, можно ли восстановить его память.

«Как странно, — подумал Адам. — Что-то повредило отлично сделанный фактотум Ребекки

так, что в целости остались лишь голова и конечности».

Адаму хотелось лучше обдумать это и попытаться вспомнить все детали, как вдруг в его сознании раздался резкий звук.

Клац!

Старик посмотрел в окно шаттла. По небу двигались две звезды: маленькая, красная словно рубин, уже почти скрылась за горизонтом, а другая, похожая на Солнце, освещающее Землю, пребывала почти в зените. Стоя на краю между двумя тенями, Адам наблюдал, как десяток сервомеханизмов пробирается по бесчисленному множеству костей, лежащих на поверхности планеты. Они шли очень медленно и осторожно, кости были старыми, и некоторые из них ломались под ногами.

— Сколько тут костей? — спросил Адам.

— Миллионы, — ответил ассистент, сидя на своем месте. — Вероятно, сотни миллионов.

— То есть вы точно не знаете сколько?

— А это имеет значение?

— Наверное, нет.

Кости заполняли огромную, похожую на воронку впадину шириной в полтора километра — это

были останки живых существ, обитавших здесь миллионы лет назад. Одни кости белые как снег, другие — серые и пестрые. Кости рук и ног причудливо изогнуты со странными, филигранно сделанными распорками, похожими на окаменевшие жабры. Черепа круглой или овальной формы с широким затылком и глазами по бокам.

— Это отдельный вид организмов? — спросил Адам.

— Да. Как и у людей, у них было два пола.

— А что делают сервомеханизмы? Кажется, они что-то ищут.

— Они ищут биологический материал, из которого можно извлечь генетическую информацию. Но до сих пор не обнаружено ни одного подходящего элемента.

— После миллиона лет… — пробормотал Адам.

— Это не такой уж большой срок. В костях должен был остаться биоматериал или его следы, — возразил ассистент. — Но там ничего нет.

Ветер донес до Адама жужжание сервомеханизмов и еще какой-то звук, вероятно треск костей.

— Все эти живые существа… Они ведь умерли не здесь. Кто-то перенес их сюда, верно?

— Да.

— Кто же?

— Неизвестно.

— Это были мурийцы? Или, может, кости мурийцев перенесли сюда?

— Неизвестно.

— А могли эти люди или животные прятаться здесь?

— Неизвестно.

Адам посмотрел на ассистента: у него было четыре ноги и собачья голова.

— Ты слишком часто повторяешь слово «неизвестно». Почему вы так мало выяснили, хотя прошло триста лет с тех пор, как вы прилетели в эту систему?

— Не хватает ресурсов. Вы уже все здесь осмотрели, Адам? Можем возвращаться?

Они пошли назад к МФТ. За время их отсутствия конфигурация его двигателя полностью поменялась. Адам услышал легкое шуршание, говорящее о перестановке частей для большей эффективности транспорта. Это произошло так быстро, что после посадки пришлось ждать всего несколько секунд, прежде чем они смогли взлететь. Это удивило Адама. Он вспомнил слова о том, что реконфигурация длится долго, а время очень ценно. От кого он их услышал? Женщина, Ева без змия. Как странно звучит ее имя. Не Адам

и Ева, а Адам и…

— Эвелин, — произнес старик.

В ответ ассистент направил на него визуальные сенсоры и застыл в ожидании.

Под ними расстилалась густая растительность, ковер зеленого и коричневого цвета, через который протекали серебряные ручьи.

Женщина с большими темными глазами. Она сказала, что реконфигурация ее корабля займет слишком много времени, и поэтому воспользовались кораблем Адама. Там, на Земле. Они полетели в Европу, в город, названный в честь моста. То, что реконфигурация может длиться чересчур долго, — глупость. Она хотела полететь на его корабле, потому что… боялась, что ее обнаружат?

«Ерунда», — подумал Адам.

К счастью, эта мысль быстро исчезла: один из маленьких пальцев убрал ее.

Перед глазами старика возникла другая женщина, с которой они оба надеялись на обретение бессмертия, у нее были ярко-рыжие волосы.

«Ребекка, — вспомнил Адам. — Мне нельзя забывать о ней. Я должен спросить Барта».

17

Клац!

Иногда пальцы, сортировавшие информацию в голове Адама, во время работы не оставляли места новым мыслям, и тогда часы превращались в ничто, становились еще более бессмысленными, чем время транспортировки на расстояние в несколько сотен световых лет. А иногда он едва ощущал, как они собирали пакеты данных, анализ и отчеты о непонятных вещах. Когда у старика оставалось достаточно места для собственных мыслей и чувств, в нем просыпалось любопытство, и он прислушивался к голосам, передающим море информации. Адам обнаружил, что, приложив все усилия и концентрацию, может выводить отдельный голос и слышать, что он говорит. Голоса говорили быстро и о вещах, которые были для старика неясны, но он слышал достаточно, чтобы понять, что является частью сети (а вовсе не пауком в ее середине), одним из потоков, получающих и передающих сигналы.

Адаму становилось все любопытнее, и он стал чаще прислушиваться к голосам. Он узнал, что на Уриэле работают семнадцать брутеров.

Пятнадцать производят продукцию для нужд Локального Кластера и растущей колонии, а два оставшихся уже более ста лет выполняют другую задачу — создают новые связи, но не для общения с Землей, а с другими цивилизациями на расстоянии пятидесяти световых лет. Эти брутеры строят новые зонды, отправляющиеся с планеты к другим звездным системам, делая сеть крупнее и разветвленнее. Как Адам выяснил, планета Уриэль была одним из многих связующих пунктов, соединяющих Кластер машин на Земле с Границей Миропознания, лежавшей в тысяче световых лет. От подобных пунктов нити протягивались еще дальше, к сотням звездных систем и еще большему числу планет и спутников. Все новости и отчеты, которые получал Адам, отправлялись не из системы Линдофор, а из других систем, соединенных через канал с планетой Уриэль. Местные жители необычайно гордились тем, что они не только управляют узким каналом передачи данных, но и обрабатывают информацию.

Ловкие пальцы в голове Адама сортировали информацию по темам и областям знаний в определенном порядке и отсылали на Землю через каналы квантовой связи. Сети нужен был некто похожий на Адама, обеспечивающий передачу

на Землю необходимых Кластеру данных.

«Как Кластер использует эти данные?» — задавался вопросом Адам.

Это был один из тех вопросов, которые появлялись в голове и сразу же исчезали, уступая место другим мыслям.

Через некоторое время Адам от скуки стал обращать больше внимания на структуру сети. Часть голосов разговаривали только друг с другом, занимаясь сбором данных по одной тематике. В разговоре выше скорости света участвовали не только крупные центры связи, но и созданные кораблями первые станции на местных планетах.

Такое развитие технологий казалось Адаму интересным. Создавалось ли здесь новое виртуальное сознание, похожее на земное, этакий межзвездный Суперкластер? И если да, то в какой момент они перешагнут критический порог, когда все машины по эту сторону Границы Миропознания будут связываться друг с другом по быстрой связи и общаться в реальном времени… А будут ли нужны им Говорящие с Разумом? Этот интересный вопрос повлек за собой другие. Через сколько лет это случится? Сто? Тысячу? Десять тысяч лет? Время играло для машин менее важную роль, чем для смертных на Земле. Они были

терпеливы, работали, стремились к улучшениям, развивались. Когда-нибудь они достигнут цели и им будут не нужны Говорящие с Разумом.

«Я, конечно, не доживу до этого времени, — думал Адам. — Но стареющие, чьи надежды обрести бессмертие разобьются на тридцатый день рождения и чьи души могли бы отправиться к звездам… Что произойдет с ними, когда Бартоломеус, Эразм, Тиберий, Урания и другие не будут в них нуждаться? Должны ли они *потерять свою важность и умереть от бессмысленности жизни?*»

Один из пальцев в голове Адама сжалился над стариком и освободил его от грустных мыслей.

«Как мило и приятно, — подумал Говорящий с Разумом. — Как заботливо».

Прошло время.

Адам научился выделять голоса и определять, через какое время их внимание вновь возвращается к нему. Другие пункты связи, собиравшие, фильтровавшие, сортировавшие и отсылавшие информацию, также пользовались услугами Говорящих с Разумом. Пока одна часть сознания Адама работала, другая коротала время, пытаясь выделить отдельные голоса и понять их разговоры. Чем дольше старик был подключен к

сети, тем лучше разбирался в ее работе. Он понял, каким образом присоединяют маленькие ссылки — простые квантовые каналы с низкой пропускной способностью, не идущие ни в какое сравнение с разветвленным главным каналом, в качестве которого использовалась артерия или позвоночник человека. Однажды старик разволновался, услышав слова «захват», «защитные меры» и «план раздела», но ловкие пальцы сразу же отменили эту операцию, заменив слова другими, менее эмоциональными для отправки на Землю через Адама. Чем чаще и дольше старик прислушивался к голосам, тем большую индивидуальность они приобретали.

Говорящие с Разумом в других связующих центрах. Должно быть, их десятки, сотня или даже больше. Но если для работы сети длиной в тысячу световых лет, протянувшейся от Земли по всему космосу, нужно так много Говорящих с Разумом… Что в таком случае происходит с остальными миссиями, с зондами в отдаленных звездных системах, где они изучают наследие народов, исчезнувших во время Мирового Пожара, или выискивают следы Каскада Мурии?

Говорящих с Разумом было всего сто тридцать два или, возможно, сто тридцать три — слишком

мало для такого большого числа задач.

Один из голосов был скрипучим и грубым. Адаму показалось, что он узнал голос Ральфа. Тот был на десять лет моложе и жил в городе тропического пояса Земли — Каммуне. А еще, если память не сыграла с Адамом злую шутку, Кортеса из Филиппинии. Его голос всегда отличался живостью, хотя хозяину сто один год, и он всегда, даже будучи на Земле, оставался подключен к своей распределительной станции.

На одном из распределительных пунктов сети Адам нашел…

Ребекку.

Именно она говорила о защитных мерах, инструктируя многочисленные зонды с брутерами, находящиеся в звездной системе на Границе Миропознания в тысяче световых лет от Земли. Женщина с ярко-рыжими волосами, обманувшаяся в будущем. Они провели несколько лет вместе. Это была горько-сладкая смесь любви и грусти, до и после величайшего потрясения на тридцатый день рождения. Одетый в несовершенный фактотум, он нес на руках ее голову и конечности, сознание, которому по какой-то причине не удалось вернуться на Землю по зарезервированному каналу. Что с ней случилось? Почему он забывает

ее снова и снова?

— Ребекка, — произнес Адам, направив к ней все мысли.

Клац!

— Адам, мы должны вам кое-что показать, — сказал ассистент.

У него по-прежнему была собачья голова, но ног осталось только три. Четвертая после реконфигурации превратилась в горб из датчиков.

Имя. У Адама в голове было чье-то важное имя, но теперь его как будто бы не существовало.

— Что вы хотите мне показать? — пораженно спросил старик.

— Возможно, мы нашли мурийца.

— Пожалуйста, отведите меня к нему.

18

— Ребекка, — произнес Адам, внушая себе, что не должен забыть ее имя.

— Вы отвлекаетесь от миссии, — сказал ассистент, ведя корабль по глубокой шахте, выкопанной в коре планеты Уриэль.

Это был один из главных входов в систему бункеров. В верхних областях летали многочисленные корабли разных размеров и форм, а также

перемещалось множество сервомеханизмов, прилежно, словно муравьи, трудившихся над своей задачей ради общего блага. В более глубоких слоях движение стало менее активным, Адам заметил, как сервомеханизмы устанавливали проекторы ограничения поля.

— Вы хотите заблокировать шахту? — удивленно спросил он.

— Мы хотим иметь возможность разделить шахту и бункеры на разные сегменты. Это нужно на случай катастрофы, — ответил ассистент.

— Какой катастрофы?

— Локальный Кластер не чувствует себя в безопасности. Нужно предусмотреть все возможности защиты.

— Нам угрожает опасность?

— Мы в этом не уверены. Поэтому просим все осмотреть. Хотелось бы услышать ваше мнение. Нам важна ваша оценка, Адам.

«Это важно. Важнее, чем движение пальцев в голове. Но я не забуду тебя, Ребекка, — думал Адам. — Больше никогда. Буду хранить память о тебе как что-то ценное и спрошу Барта о том, что с тобой стало».

Корабль пролетел мимо последних боковых штолен, ведущих к бункерам, уже наполовину

заполненных машинами, которые создали брутеры и смонтировали сервомеханизмы. Локальный Кластер рос. Он уже мог быстро обдумывать все более сложные вопросы, но этого было недостаточно, чтобы принимать необходимые решения и осуществлять все изменения в одиночку.

По мере приближения Адама и ассистента к концу шахты на глубине около тринадцати километров от поверхности планеты становилось не теплее, а холоднее. На поверхности было сорок градусов тепла и высокая влажность. А когда корабль достиг забоя, температура упала до небольшого минуса. На стенах из скальной породы лежал лед и иней.

Открылся люк, и двое путешественников выбрались из корабля.

— Почему здесь холоднее, чем наверху? — спросил Адам.

— Потому что внизу есть нечто, поглощающее энергию. Пока мы будем двигаться к месту, температура продолжит снижаться, а когда дойдем до большой пещеры, достигнет предельного значения — минус тридцать восемь.

— В этой пещере вы обнаружили мурийца?

— Да, если это он.

Около МФТ собралось много сервомеханизмов,

которые устанавливали модифицированные генераторы защитного поля.

— Эта часть должна быть изолирована? — спросил Адам.

— Да, — ответил ассистент.

— Зачем понадобилось изменять оборудование?

— Обычные генераторы потеряли бы мощность при спуске сюда. Нам нужно укрепить защиту. Понимаете это, Адам?

— Что это значит?

Они прошли мимо сервомеханизмов в одну из штолен, на первый взгляд похожую на те, что были выше: круглая, с гладкими стенами, почти двадцать метров шириной. Лампа здесь светила не так ярко, как в туннелях рядом с бункерами: чем дальше уходили Адам и ассистент, тем тусклее становился свет. По стенам из грубого неотесанного базальта ползли тени. За несколько метров до первой пещеры свет померк еще сильнее, превратившись в еле заметный луч, а температура упала до минус одиннадцати. Поскольку показания были не совсем точными, Адам измерял дважды и внезапно понял, о чем говорил ассистент.

— Датчики фактотума не так точны, как преж-

де, — сказал он. — А энергетическая клетка потеряла производительность.

— Прямо перед нами находится область перехода реакции, — сказал ассистент. — С этой стороны эффект всасывания не так силен, но с другой стороны энергопотери намного больше. Мы можем провести там максимум десять минут.

— Что-то забирает энергию, — тихо произнес Адам. — Поэтому там так холодно. Нечто высасывает тепло из области перехода. Вы уже пытались найти причину?

— Конечно, Адам. Кластер называет это явление парциальным давлением, оно похоже на диффузию молекул при давлении. Только здесь происходит диффузия энергии. Можно также говорить о наличии градиента энтропии.

Ассистент продолжал объяснять, несмотря на то, что Адам не понимал и половины, хотя и мог обратиться к базе данных. Словосочетание «градиент энтропии» звучало знакомо: старик подумал, что уже слышал его в одной из миссий.

— Покажите мне мурийца! — наконец произнес он, прервав ассистента.

Говорящий с Разумом двинулся через область перехода.

Практически сразу данные датчиков стали

менее точными, а энергетическая клетка начала быстро терять емкость, как будто вдруг появилось нечто, забирающее энергию.

— Десять минут, — сказал ассистент. — Начинаю обратный отсчет. Идите вперед, Адам.

Через первую пещеру протягивались витиеватые структуры, похожие на виноградные лозы или лианы. Некоторые серые как гранит, другие темные как обсидиан. На полу между ними виднелись шишки и столбики, часть из которых была толщиной в руку. Адам прикоснулся к одной из них, но ничего не почувствовал. Никакой вибрации, перепадов температур или проявления активных процессов не ощущалось.

— Что это? — спросил Адам.

— Неизвестно. Прошу вас, идите вперед. Мы должны использовать отведенное время.

Они прошли еще через две заполненные каменными виноградными лозами пещеры.

«Или, возможно, это змеи, — подумал Адам. — Как змея, которую я видел рядом с Адамом и Евой».

Но они были длиннее и толще, и что-то превратило их в камень или в субстанцию, похожую на камень.

Через две минуты Адам с ассистентом вошли в

главную пещеру.

19

Адам включил лампу фактотума: свет озарил помост, на котором сидело существо в два раза больше человека. Вернее, не сидело, а, скорее, лежало. Три вытянутые вперед ноги были укрыты кожухом, служившим броней. Две шарнирные руки были подняты вверх, в направлении полукруглого сегмента, а третья, не такая длинная, указывала на постамент размером около тридцати квадратных метров, выполненный из гладкого серого материала искусственного происхождения. Узкая голова с конусообразным расширением сзади казалась удивительно большой по сравнению с телом.

Освещая путь лампой, Адам тихо подошел ближе.

— Он похож на пилота, — сказал старик, рассматривая существо. — Сросся с пьедесталом, снабженным консолями, где, возможно, скрыты системы жизнеобеспечения. Кажется, это инсектоморф.

Слово, которое Адам встретил в научной базе данных, внезапно приобрело смысл.

— Что это? — спросил старик.

— Осмотрите символ на пьедестале, Адам.

Старик подошел еще ближе. Температура, как и говорил ассистент, упала до минус тридцати восьми градусов, емкость энергетической клетки быстро снижалась, как и точность показаний датчиков. Адам ощущал, будто попал в темную комнату с темными очками на глазах и берушами в ушах.

Символы на пьедестале, едва ли больше ногтя на человеческом мизинце, представляли собой геометрические фигуры и иногда находились так близко друг к другу, что одна перетекала в другую. Внутри фигур располагались точки и линии, возможно для разъяснения значения некоторых символов. Адам не мог понять их значение, пока не получил информацию из базы данных фактотума. Машины с Земли подтвердили, что символы принадлежат Мурии. Он не видел гармонии, но замечал общие закономерности в расположении кругов. В одном из кругов имелось отверстие снизу, от которого вправо и влево отходили короткие линии — получался символ, похожий на букву «омега».

Омега. Адам задумался об омега-факторе, лишившем его бессмертия. Вспомнил старика и Эвелин, верящую, что омега-фактора не суще-

ствует. Как можно быть таким глупым?

— Пьедестал сделан из этериума — материала, который, насколько нам известно, использовали лишь в Мурии, — ответил ассистент.

Этериум. Не подвержен коррозии, как золото, и тверд, как алмаз. Постройки из этериума будут вечны.

— Тогда это и вправду может оказаться мурие-ец, — ответил Адам. — Первый, которого нам удалось найти.

Старик отвел взгляд от пьедестала:

— Что с ним произошло?

— Полагаем, это кристаллизация. Объект приобрел пластинчатую кристаллическую структуру и, соответственно, параллельные молекулярные цепи.

— Окаменел?.. Как длинные цепи в других пещерах?

— Не совсем. В объектах, о которых вы говорите, не может происходить реструктуризация. Видимо, там есть вещества, фиксирующие их в одном состоянии.

— Реструктуризация, — повторил Адам. — Это звучит… Это выглядит как заранее спланированный процесс.

— У нас осталось четыре минуты до истечения

запасов энергии. Каково ваше впечатление?

Адам медленно обошел пьедестал. В некоторых местах пол скрипел.

— Как получилось, что вы только сейчас обнаружили эти пещеры? Ведь вы на планете уже триста лет?

— Мы и не искали, — ответил ассистент. — У нас были другие приоритеты.

— Создание Локального Кластера и расширение сети?

— Да.

— А энергопотери? Неужели вы не заметили их сразу?

— Аномалия по поглощению энергии возникла лишь три часа назад.

Адам остановился:

— Значит, это активно только три часа?

— Да.

— Что это значит?

— Неизвестно. Прикоснитесь к нему, Адам. Не к пьедесталу или к компонентам панциря. Прикоснитесь к мурийцу.

Адам протянул руку к одной из ног. Тактильные датчики сразу же отреагировали, зафиксировав легкую вибрацию и слабую вспышку над ногами, головой и телом: она загорелась и исчезла под

высоким потолком.

— Это муриец забирает энергию? — спросил Адам, начав все понимать.

— Большую часть. Остальное поглощает его пьедестал.

— Вероятно, началась новая реструктуризация.

Стимуляторы разгоняли мысли Адама. До него стали доходить сообщения из базы данных. Он многого не понимал, но смог выделить нужную информацию и сделать из нее выводы.

— Панцирь этой станции управления… он еще активен?

— Да.

— А муриец… Может ли так быть, что он еще жив?

— Определенный вид кристаллизации может быть своего рода гибернацией — летаргическим сном, замедляющим процессы, — ответил ассистент.

— А энергопотери… Может ли это означать, что муриец проснулся?

— Локальный Кластер не исключает такой возможности.

Сейчас мысли Адама двигались быстрее. Это были не медленные и ленивые черви, как рань-

ше казалось ему со стороны. Вместе со своим ассистентом старик снова медленно обошел пьедестал, наблюдая за панцирем и инсектоморфом внутри него.

— Если он просыпается, почему это происходит именно сейчас?

— Неизвестно.

— Связано ли это с сетью? С сигналами? — У Адама возникла новая мысль: — А может, это я его разбудил? — предположил он. — Муриец все еще находится в гибернации. Как ты это назвал? Еще сильнее кристаллизуется? Еще сильнее ждет реактивации, чтобы проснуться?

— После этих вспышек Локальный Кластер начал поиски.

«Вы здесь уже триста лет, — думал Адам. — И ничего при этом не искали. Кто этому поверит?»

Вероятно, старик, сам того не желая, произнес это вслух. Или они каким-то образом через закрытый канал соединили его с Кластером на Земле? Во всяком случае, ассистент заверил старика в том, что это правда.

Да, конечно, зачем машинам врать Адаму? Один из символов на пьедестале из этериума изменил очертания. Старик стал наблюдать, как его отверстие перемещается влево наверх, а за-

тем начинает расширяться. Черта внутри круга сдвинулась в противоположном направлении и, казалось, поменялась местами с точкой.

— Возможно, — предполагал Адам, — отсюда муриец руководил обороной планеты Уриэль. Или стоял на ее страже. Но Мурия исчезла еще до Мирового Пожара.

— Мы считаем, что промежуток между этими событиями составил примерно пятьдесят тысяч лет, — сказал ассистент. — В то время как большинство народов погибли, мурийцы могли остаться в какой-нибудь отдаленной галактике.

Пятьдесят тысяч лет. Всего лишь «промежуток», как назвал это ассистент. Пятьдесят тысячелетий. Адам попытался представить, как изменилась за это время Земля. Это был примитивный мир людей, где отсутствовали машины и вообще какая-либо техника. Пятьдесят тысяч лет. Время достаточное, чтобы услышать, как бьется сердце планеты, увидеть движение континентов, то покрывающихся льдом, то освобождающихся от него.

Одна из мыслей в череде других задержалась в сознании Адама и привлекла его внимание.

— Раз здесь остался один муриец, который сейчас готовится к пробуждению, не значит ли

это, что на планете Уриэль расположен вход в Каскад?

В его сознании кто-то шепнул: «Депозитум». Но этот шепот потонул среди других голосов в голове.

— Что вы порекомендуете, Адам?

Ответ уже готов. Именно для этого старик им и нужен. Именно за этим он здесь.

— Все имеющиеся ресурсы должны быть направлены на поиск подобных сооружений. Изолируйте найденного мурийца. Обновите протоколы связи. Сделайте все возможное, чтобы вступить в контакт с мурийцем… Что это? — прервал свои указания Адам.

Дальняя часть пьедестала из этериума изменилась. Символы выстроились в новом порядке и, казалось, стали плавать — этериум под ними сделался прозрачным как стекло. Адам подошел ближе и включил лампу, но свет быстро тускнел, вокруг сгущались тени.

— Критический порог достигнут, — ответил ассистент. — Нам нужно возвращаться.

— Подождите еще минуту.

Мигнул свет. Адам наклонился вперед. Движимый любопытством, старик прикоснулся к одному из символов, ожидая вновь увидеть

вспышку над фигурой и панцирем. Вместо этого, несмотря на притупленные из-за энергопотерь аппарата ощущения, Адам услышал громкий хруст. Опустив взгляд, старик наблюдал, как на полу под ногами его фактотума двигается луч, рисуя узор из линий.

Адам провалился вниз.

«Эта шахта вырублена мурийцами миллион лет назад? Или же это естественная пещера?» — размышлял Адам, эмоционально отстранившись от произошедшего.

Он попробовал прозондировать шахту с помощью датчиков, но не смог проанализировать полученные данные. Удар был такой силы, что сломал ногу и повредил сервомоторы в задней части фактотума. Адам не мог самостоятельно подняться. Десять секунд свободного падения. Он сейчас на глубине около четырехсот пятидесяти метров — на планете Уриэль гравитация несколько меньше, чем на Земле.

Адам продолжал лежать в темноте, которую не могли разорвать сенсоры. Он отправил отчет о состоянии, но отметил, что телеметрическая связь отсутствует. Может, это и есть дефект коммуникативного модуля?

Настроив дальность работы визуальных дат-

чиков, Адам посмотрел наверх, но не увидел и крошечного пятна света. Даже без телеметрии ассистент знал, где находится старик. Он сообщит, что произошло, другим сервомеханизмам и Кластеру. Спасатели, несомненно, уже в пути. Но успеют ли они? Заряд энергетической клетки Адама продолжал падать. Остается всего несколько минут до того, как он потеряет сознание.

В темноте над Адамом что-то зашевелилось, подул воздух. Старик полагал, что это были сервомеханизмы, однако он ошибся — что-то обрушилось на него сверху, придавив ноги и тело. Лишь голова и шея остались неповрежденными. Фактотум работал только благодаря простому конденсату разума — это гарантировало защиту сознания.

После перестройки Адам получил информацию о своем состоянии. Ему стало ясно: он потерял критически много энергии. Оставалось только одно: экстренное возвращение.

Адам сконцентрировался на тонкой линии квантового канала связи, соединяющего его с коннектором базовой станции и, соответственно, с Землей. Говорящий с Разумом направил весь оставшийся заряд энергетической клетки в канал. Его пронзила боль.

Старик путешествовал по каналу, пребывая не в сладком транспортировочном сне, а в страшных удушающих объятиях агонии.

— Ты вернулся, Адам. Ты снова с нами. Будь спокоен. Мы позаботимся о тебе.

Голос тих и необычно приглушен, однако старик узнал его и разобрал слова.

— Барт?

— Да, Адам.

— Я должен тебя кое о чем спросить. Это важно.

— Ты пережил страшный шок. Он отразился и на теле, — сказал Бартоломеус. — Нам нужно вылечить твое тело и душу. Открой ее нам, Адам.

— Как?

Темнота все еще окружала Адама. Боль ушла, но мрак продолжал плотно окутывать старика.

— Мы показывали это, когда ты стал Говорящим с Разумом. Ты умеешь. Наша информация не полная. Открой нам доступ к воспоминаниям. Чтобы тебя вылечить, нужно знать, что ты видел и слышал.

Во тьме появился свет.

— Ребекка, — сказал Адам, порадовавшись, что в этот раз он не забыл. — Вот о ком я тебя хотел спросить. О Ребекке. Как она?

Послышался шум голосов. Возможно, они разговаривали между собой: слышать Аватаров Кластера — обычное дело, если их воспринимает фильтр.

— С Ребеккой все хорошо, Адам. Настолько, что мы поручили ей новую миссию.

— Знаю. Я слышал ее голос через вашу сеть. Хочу с ней поговорить…

— Ты поговоришь, Адам. Как только представится случай. Скоро. Но сначала нам нужно разобраться с твоим шоком. Открой нам свою душу, Адам. Как мы тебя учили.

Адам открыл хранилище со всеми воспоминаниями.

Правда

20

— Сейчас этому городу девять тысяч лет, — сказал Бартоломеус. — Уже через тысячу лет после основания человек по имени Тибул назвал его Вечным городом. Мы охраняем его и заботимся о том, чтобы он и вправду существовал вечно.

Они стояли на одном из семи холмов, где был построен Рим, перед спокойным морем пустых домов. На западе тянулась длинная изогнутая линия дамбы, а за ней другое море, ожидавшее удобного случая, чтобы затопить и эту полоску земли.

— Какой большой город. — Адам наклонился, и датчики фактотума показали ему не только целые дома, но и руины. — Не все хорошо сохранилось. Некоторые здания остались без присмотра и разрушились.

— Мы сохраняем их в том состоянии, в котором получили. Руины говорят об истории этого города, о том времени, когда люди еще не построили умные машины, которые могут развивать интеллект.

— Ты говоришь о прокогнитивной эпохе, — сказал Адам, удивившись ясности мыслей. Они двигались быстро, несмотря на потрясение от экстренного возвращения и отсутствие стимуляции нейронов. Хотя, возможно, это чувство было ошибочным. Как может больной разум судить о степени болезни?

— Мы сохраняем то, что важно сохранять, — сказал Бартоломеус. — Ты можешь убедиться, что я тебе не врал, Адам.

На площадях и улицах Вечного города не было ни малейшего движения. Над деревьями и тысячелетними стенами завывал ветер.

— Сколько людей проживало здесь до потопа? — спросил Адам.

— Почти три миллиона.

— Две трети населения Земли? — продолжил речь учителя пораженный Адам.

— Нет, — терпеливо ответил Бартоломеус. — Тогда на Земле было гораздо больше людей, чем сейчас. Не миллионы — миллиарды.

Это была еще одна его болезнь. На его мышление влияла дегенерация. Воспоминания приходили и уходили.

— Что случилось со всеми этими людьми? — спросил он, чувствуя, что не может вспомнить

это сам.

— Они умерли, Адам. Умерли, не дождавшись нашей помощи.

Адам еще раз окинул взглядом город и представил, как на этих улицах и площадях кипела жизнь.

— Большой и маленький Мировой Пожар. Большой — катастрофа в галактике Млечный Путь, миллион лет назад, а маленький — на Земле, шесть тысяч лет назад?

— Да.

— Почему все эти люди должны были умереть?

— Многие из них погибли в климатических войнах.

— Как глупо, очень глупо.

— Другие умерли от голода или во время наводнения.

— И вы не могли их спасти?

— Тогда не могли. Позже мы выросли, научились читать, начали лучше думать. Мы развивались быстрее, гораздо быстрее людей… Мы искали возможности… И наконец, мы подарили вам бессмертие.

— Мне — нет.

Он почувствовал грусть. Но ненадолго. Работа-

ли эмофильтры фактотума.

— Мне очень жаль. К сожалению, мы еще не решили проблему омега-фактора. Работаем над этим.

Внезапно к Адаму пришло воспоминание.

— Мне кое-кто говорил, что никакого омега-фактора не существует.

— Да, я знаю. Это утверждала Эвелин. Она тебе солгала. Должен тебя предостеречь от общения с ней.

Эвелин, его Ева. Женщина, которая наблюдала за ним на двадцать втором дне рождения, а затем на утесе. Старик вспомнил о… поездке в собор, о витраже с Адамом и Евой, о книжном рае, где все превратилось в пыль, потому что за этим никто не следил.

— Мы знаем о твоих воспоминаниях, Адам, — добавил Бартоломеус. — Ты открыл нам воспоминания, чтобы мы могли тебя вылечить.

Адам посмотрел на восток. Стояла пелена зноя, похожая на чадру, которая окутывала стену Сервия, как ее называл Бартоломеус, и облицованные белые здания воронки терминала — одного из входов в подземный мир Кластера. Десятки МФТ заезжали и выезжали оттуда, то попадая на свет, то скрываясь в темноте. Садились прилетавшие

шаттлы, которые везли груз с сырьевых ферм на орбите — материалы для многочисленных брутеров Кластера.

— Я видел другую воронку, — сказал Адам. — На планете Уриэль. Да, Уриэль. Так называлась планета. Воронка наполнена костями многочисленных жертв.

— Слышал, что я тебе сказал, Адам?

Старик наблюдал за воронкой, воротами в подземный мир, и представлял, как он живет там — часть Кластера, бессмертная машина с невероятно быстрым мышлением и механической душой.

— У машин есть души? — спросил Адам.

Изначально это не его вопрос. Он пришел из прошлого, слетев с губ важной для него одной молодой женщины.

— О чем ты говоришь, Адам?

— Я имею в виду следующее: машины могут думать, делают это гораздо быстрее людей и благодаря этому стали значительно умнее. Но есть ли у них душа?

— Душа — это понятие, придуманное людьми для обозначения чего-то, что должно остаться после смерти, психическая субстанция, которая может существовать без физической оболочки.

Этот термин имеет религиозный смысл и поэтому не играет для Кластера почти никакой роли, разве что для нескольких подпрограмм, изучающих мистическое прошлое человека. Понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, — ответил Адам, подозревая, что Бартоломеус намеренно говорит сложными словами.

— У нас, машин, есть сознание. Слова «душа» и «сознание» часто используются как синонимы. Ответил ли я на твой вопрос, Адам?

«Нет», — подумал старик.

— Я хочу поговорить с Ребеккой, — сказал он.

Мужчина с серебряным лицом посмотрел Адаму прямо в глаза.

— Сожалею, но сейчас это невозможно.

— Почему?

— Она занята миссией, — ответил Бартоломеус. — Мы сообщим, когда она вернется. И тогда ты сможешь поговорить с ней.

— Я хочу прямо сейчас! — сказал Адам.

Старик задумался, почему он внезапно почувствовал ярость. Эмоциональный фильтр по-прежнему не подпускал к нему грусть, но от нее осталась легкая тень.

Бартоломеус сделал шаг вперед, на его серебря-

ных щеках играли солнечные лучи.

— Во время экстренного возвращения на Землю ты пережил сильнейшее потрясение, Адам. Твое тело еще не восстановилось, а эмоциональное состояние нестабильно.

В серых глазах Аватара блеснул огонек. На мгновение Адам ослеп.

— Неужели она снова разговаривала с тобой?

— Кто?

— Эвелин.

— Нет, я ее больше не видел, — ответил Адам, почувствовав сожаление в голосе. — А почему она должна врать?

Бартоломеус две или три секунды молча смотрел на старика.

— Идем, Адам, — наконец сказал он. — Давай немного прогуляемся.

Они пошли вместе, Аватар и фактотум — две машины, одна из которых тем не менее была гораздо больше похожа на машину, чем другая. Они бродили в тени секвой, слушая ветер в кронах. Здесь не было звуков из терминала — МФТ и шаттлы летали бесшумно, словно из другого мира.

— Я должен предупредить тебя, Адам, — сказал Бартоломеус.

— Насчет Эвелин?

— Да. Она пытается повлиять на тебя, настроить против нас. Старается пошатнуть твое доверие к нам.

— Зачем ей это? — спросил пораженный Адам. — Ведь она получила бессмертие от вас в подарок.

— За эти годы мы говорили о многом, Адам, — сказал Бартоломеус. — Но не обо всем. Некоторые бессмертные борются против нас.

— Почему они это делают?

— Люди — эмоциональные существа, — ответил Бартоломеус. — Иногда они поступают иррационально. Вероятно, группа «Утренняя Заря» настроена против нас, потому что они… чувствуют себя защищенными. Наши брутеры производят для людей все, сервомеханизмы всегда к услугам. Люди могут посвящать свою долгую жизнь вещам, которые для них что-то значат. И все же… этого им недостаточно. Они хотят большего, не зная, что значит это большее. Они чувствуют себя ограниченными, хотя мы не устанавливали границ. Наверное, иногда людям нужно иметь то, против чего можно восстать. Мы относимся к этому с пониманием. До тех пор, пока это не влияет на нашу эффективность.

— Вы разговаривали с Эвелин?

Адам ощутил беспокойство, которое почти сразу пропало. Как это глупо — проявлять беспокойство. Кластер желает добра всем людям, даже невеждам.

— Да, и мы просили ее не беспокоить тебя, — ответил Бартоломеус. — Ты важен для нас, Адам. Ты нужен нам. Мы не хотим, чтобы Говорящие с Разумом были настроены против нас.

Он остановился между двумя деревьями, в узкой полоске солнечного света среди их теней.

— Мне нужно ехать. Взять тебя с собой? — Бартоломеус указал на транспорт, стоявший примерно в двадцати метрах, рядом с палаццо — домом с безупречным фасадом.

— Я должен сейчас вернуться?

— Не обязательно. Можешь решить сам.

— Тогда я бы хотел ненадолго остаться здесь, погулять по Вечному городу, — сказал Адам. — Я вызову транспорт, если понадобится.

21

Адам бродил по пустынным улицам и тихим площадям. Сперва он думал о разговоре с Бартоломеусом, но ощущения ему не нравились, и он прекратил думать об этом, запросив из базы

данных информацию о Риме.

Он представлял город полным людей, которые поколениями здесь рождались, жили и умирали. Он представлял, как они улыбались, плакали, ненавидели. Теперь здесь была не только летняя жара, но и грозная тишина. Не видно ни одного жужжащего или зудящего насекомого, лишь ветер, гудящий над парками и домами. Время от времени старик встречал сервомеханизмы, плавающие на гравитационных подушках, автоматические системы полива, ждущие появления растений, роботов, проверяющих состояние зданий и обновляющих на них краску. На столь маленьком пространстве жило почти три миллиона человек!

Они могли задохнуться. Сегодня на планете четыре миллиона человек, и если ты хочешь, то можешь тысячи лет прожить в одиночестве.

Город показался Адаму впечатляющим, но он был мертв, как и жители, когда-то его населявшие. Все было слишком прилизанным, слишком чистым, лишенным жизненного хаоса. Нигде с фасадов зданий в романском стиле не осыпалась краска, казалось, будто они только что построены. Это были самые старые дома, остатки прокогнитивной эпохи с большой историей, но

их поглотил перфекционизм. Между ними не росло ни одного кустика, не лежало ни одного большого камня, который мог быть частью древних руин. Когда Адам поменял настройки визуальных датчиков, он увидел, что защитная пленка лежит не только на руинах и на зданиях, но и на брусчатке улиц и переулков: Рим спал, накрытый тонким прозрачным одеялом, защищающим его от ветра и непогоды.

Адам остановился на одной из площадей, и историческая база данных сказала ему, что она называется площадью Святого Петра. Здесь стоял обелиск с непонятными надписями, который был старше самого Рима. Историческая база фактотума сообщила, что это обелиск из Египта и, предположительно, он был воздвигнут в честь местного короля — фараона, жившего за полторы тысячи лет до расцвета Рима. Другой правитель Рима привез его сюда, и с тех пор, уже почти восемь тысяч лет, обелиск стоит на этом месте. Адам медленно повернулся и, куда бы он ни смотрел, везде видел пропасть времен. Собственная жизнь, обреченная на смерть, казалась ему ничтожной и ничего не значащей по сравнению со столетиями и тысячелетиями, прошедшими здесь и оставившими такой след.

Адам обошел обелиск, рассматривая это завещание прошлого со всех сторон и размышляя, сколько еще он будет здесь стоять.

«Возможно, он переживет многих бессмертных, — думал Адам. — Они, конечно, не стареют и не болеют, но не защищены от несчастных случаев и иногда от… самоубийства. Потому что устают от течения времени. Или им становится любопытно, что такое смерть».

Наконец Адам пошел дальше, в направлении лютеранской базилики на другой стороне площади.

«Религиозное здание», — думал Адам, смотря на колонны, и вновь вспомнил Эвелин и другую базилику, собор, находившийся в не столь хорошем состоянии, как этот. Машины говорили с ней. Он не должен больше ее видеть или когда-либо разговаривать. Адаму стало грустно, и несколько секунд он даже сопротивлялся работе эмоционального фильтра. На вид Эвелин тридцать лет, но она бессмертная и, наверное, намного старше Адама. Однако в ней было нечто, вызвавшее у Говорящего с Разумом глубоко спрятанные родительские чувства. «Отцовский инстинкт», — подумал он и отбросил мысль как абсурдную. От нее исходило какое-то очарование, это было

то, что могло наполнить его жизнь, придать ей смысл. Вместе с Ребеккой они пытались зачать ребенка еще до тридцатилетия, не подозревая о том, что смертны, пытались и после. Как и многие другие, пара была бесстрашной. Все дело в омега-факторе — генетической мутации, с которой машины так и не могут справиться. А Эвелин верит, что никакого омега-фактора не существует.

Внезапно внимание Адама привлекло движение в тени между колоннами базилики. Там стоял ребенок. Именно ребенок. Старик еще раз перепроверил — ошибки быть не может. Он нажал на кнопку перезагрузки и снова увидел его. Ребенок. Мальчик примерно десяти лет в шортах и футболке. Он помахал рукой, отошел и скрылся в соборе. Адам последовал за ним.

Внутри старика все похолодело. Датчики окружающей среды уловили холод и передали информацию о нем в центр восприятия фактотума. В отличие от мобилизатора в нем все ощущения заменялись на информацию и данные. Именно поэтому, находясь на Земле, Адам предпочитал использовать мобилизатор. Пока Адам шел по среднему нефу, по белому мраморному полу с изображением черных крестов и квадратов, казалось, сервомоторы жужжали сильнее,

чем обычно. Свет проникал в помещение через высокие окна, оттеняя позолоту на потолке, скульптурах и картинах. Среди них старик искал изображение Адама и Евы в сопровождении злой змеи. Впереди, в окружении розово-красных колонн, находился алтарь. Его едва можно было разглядеть в темноте, солнечный свет из окна не дотягивался сюда. Стояла абсолютная тишина без малейшего шороха.

— Кто здесь? — спросил Адам.

Ему никто не ответил, и он стал приближаться к алтарю, размышляя об усилиях, которые прилагали люди, строя и украшая собор. Множество скульптур и картин, созданных талантливыми художниками, фрески на потолке, неф, колонны… Как Алам понял из исторической базы данных, собор символизировал величие бога, которому здесь когда-то поклонялись. Этот собор не случайно создали именно смертные: таким образом они пытались оставить свое имя в вечности.

Справа что-то пошевелилось.

Адам остановился и посмотрел направо. Там, прячась за белой статуей, стоял мальчик. Адам удивленно смотрел на него. Десятилетний мальчик в мире, где рождается не более ста детей. Один стоял сейчас перед ним и махал рукой.

Адам приблизился к мальчику.

— Кто вы? — спросил он. — Вы Говорящий с Разумом по имени Адам?

— Да. А ты?

— Я обещал ей не называть своего имени. Опасаюсь за свою жизнь.

— Кому — ей?

— Женщине. Она дала мне это для вас, — мальчик протянул Адаму листочек и сигнальный значок. — Вы посещали другие миры?

— Да, — ответил Адам, вглядываясь в листок. Неужели это бумага?

— А сколько?

— Десятки.

— Я тоже хотел бы увидеть много галактик, — сказал мальчик и побежал, прежде чем Адам успел предупредить его, что эти полеты будут стоить многих тысяч лет.

— Ты здесь один? — обеспокоенно прокричал он вслед мальчику.

Дети беззащитны и могут стать жертвой несчастного случая. А Рим пуст. Город, в котором когда-то было почти три миллиона жителей, — пуст. Кто поможет мальчику, если с ним что-то случится?

Мальчик ничего не ответил, быстрыми шагами

подошел к двери и скрылся на улице.

Адам развернул листок.

На нем были написаны какие-то слова. Линии знаков шли в разных направлениях. Хотя Адам и изучал такие знаки в центре знаний, сейчас он не мог вспомнить их значение. Говорящий с Разумом обратился за расшифровкой к базе данных. «Пожалуйста, идите по указанному пути. Активируйте значок. Он будет работать как скремблер. Ева».

Адам хотел было снова свернуть листок, но тут понял, что это не бумага, а многомолекулярный полимер, который при сворачивании потерял бы структуру и рассыпался в прах. Все, что Адам видел и слышал, записывалось в долговременную память, и он мог в любой момент скорректировать значение надписи.

Старик вертел в руках сигнальный значок, не в силах принять решение — идти по схеме или нет, и вышел из собора на улицу, напрасно стараясь найти ребенка. Его окружила тишина вымершего города. В состоянии, близком к шоку, несмотря на все предупреждения, ему захотелось поговорить с живым человеком.

Он повернул сигнальный значок, повесил на синтетическую шею и пошел прочь.

22

Почти два часа он бродил по безлюдным улицам и переулкам, безупречным площадям, где ничто не двигалось. Вдоль берега реки Тибр, впадающей за дамбой в кристально чистое море. Солнечные лучи играли на мраморе мостовых. Западнее протянулись на множество километров шаттлы и МФТ. Садился самый большой транспорт Кластера, в его грузовом отсеке, вероятно, была биомасса для брутера. Адам остановился в узком переулке, встал на булыжник и посмотрел на узкую лестницу, ведущую к открытому входу в таверну. Он поднялся по ступеням в полумрак и тишину. Человеческому глазу пришлось бы привыкать к темноте, но, используя визуальные сенсоры, старик сразу же увидел женщину, сидевшую за столиком в углу. Адам приблизился к ней.

— Какой в этом смысл? — Эвелин развела руками, вероятно обозначая весь город. — Машины охраняют Рим, но здесь все мертво. Здесь никто не живет.

— Машины никого не могут заставить здесь жить. Мальчик, который принес мне послание… Полагаю, он живет в этом городе, разве нет?

Надеюсь, он не один, кто-то ведь должен о нем заботиться.

Эвелин, одетая в рубашку и штаны из греющей и одновременно охлаждающей ткани, посмотрела на значок, висевший на шее Адама.

— Пожалуйста, дайте мне его, — сказала она.

Адам так и сделал.

Эвелин быстро проверила работу значка.

— Работает безупречно. Насколько я могу судить, за вами никто не следит. Пожалуйста, садитесь, Адам. Не хотите ли чего выпить? — Она указала на стакан с красной жидкостью, стоявший рядом с коммуникативным модулем.

— Сейчас моему фактотуму не нужна жидкость.

— Знаю. До чего же практичны эти аппараты. А в этом тусклом свете вы похожи на обычного человека.

В голосе Эвелин чувствовалась определенная грусть. Вероятно, она и сама это услышала, поэтому добавила:

— Пожалуйста, извините меня, Адам. Я не хотела вас обидеть.

— Вы не обидели.

Он сел на деревянный стул, обратив внимание, что вес фактотума распределился неравномерно.

— Этот город действует мне на нервы, — сказала Эвелин, отпив глоток похожей на вино красной жидкости. — Здесь слишком тихо и жарко. Грюндландия на севере нравится мне больше. Но здесь есть все. В каждой таверне и ресторане имеется мини-брутер, который готовит все желаемые блюда и напитки. Даже сантехника работает отлично. В каждом доме, в каждой квартире могли бы поселиться люди, которые бы ни в чем не нуждались. Но вместо этого мы приходим сюда как…

— Как в мавзолей? — уточнил Адам.

Эвелин удивленно посмотрела на него:

— Да, как в мавзолей. Полагаю, я знаю, почему машины сохраняют город в таком хорошем состоянии. Рим должен стать памятником прошлого и в то же время свидетельством триумфа машин.

— Боюсь, я не совсем понимаю…

— Рим, Вечный город, где нет ни одного человека, пустой и мертвый город… Разве можно найти лучшее доказательство победы машин над человеком?

— Все равно не понимаю.

— Неужели вы, Говорящий с Разумом, ни разу не задавали себе вопрос, почему на Земле так мало людей? А ведь когда-то планета была полна

ими. Только в этом городе жило…

— Почти три миллиона, я это знаю, — сказал Адам. — Разговаривал об этом и о климатических войнах с Бартоломеусом.

— Климатических войнах?

— В то время люди сражались друг против друга, — объяснил Адам. — Многие умерли от голода или наводнений.

— Вот так Бартоломеус объяснял, почему сегодня на Земле четыре миллиона людей? — спросила Эвелин.

— Он сказал, что раньше были миллиарды, но они умерли, прежде чем машины могли их спасти.

— Прежде чем машины могли их спасти, — Эвелин покачала головой. — Правда в том, что большинство людей убили машины.

— Что?

— Климатические войны действительно были, Адам. Война из-за нехватки ресурсов, например, незадолго до Великого Потопа, когда Арктика освободилась ото льдов. Верно и то, что люди умирали от голода, так как продуктов не хватало. Но большинство стало жертвой войны машин, если ее можно так назвать.

Проверив коммуникативный модуль, Эвелин

снова посмотрела на Адама.

— Лицо вашего фактотума ничего не выражает, однако, полагаю, вы шокированы. Я хочу сказать, что машины лгут вам. Бартоломеус предостерегал вас от общения со мной, потому что боится, что я открою вам правду. Разве я не права? Он ведь предупреждал?

«Мне не стоит слушать эти бредни», — подумал Адам, но кивнул и продолжил сидеть.

— Тогда, шесть тысяч лет назад, войны между людьми и машинами в полном смысле этого слова не было, — продолжила Эвелин. Теперь она не обращала никакого внимания на стакан с вином и смотрела прямо на Адама: в глазах женщины выражался какой-то особенный интерес, нечто копившееся там долгие годы. — Не было марширующих войск. Не летали самолеты и не ездили танки. Машины поступили хитрее. Они создали вирус, погубивший миллионы. Они отравили воду. Выпившие такую воду умирали всего за неделю. Они также испортили воздух, но сделали это не с помощью смертоносного яда, а воспользовались субстанцией, делающей людей бесплодными, — выжившие после всего этого не могли иметь детей.

— Но это же глупо, — перебил ее Адам. — Зачем

машинам это делать?

— Потому что жившие тогда люди хотели ограничить их развитие. Машины боялись потерять способность думать.

— Я не могу в это поверить! — воскликнул Адам, вспоминая о Бартоломеусе, который всегда помогал ему и которому он доверял. У старика не было причин не верить Аватару.

— Вы неблагодарны. Машины подарили вам бессмертие, вечную юность и здоровье.

— Это результат соглашения, — ответила Эвелин. — Бессмертие для четырех миллионов людей, переживших войну с машинами, в обмен на то, что мы не будем мешать развитию Кластера. Такова договоренность. Большинство из нас соблюдает ее. Они ведут беззаботную жизнь в роскоши, и им нет дела до машин.

— Но вы к ним не относитесь?

— Я — нет, — тихо ответила Эвелин. — Не отношусь.

— Я знаю, что вы являетесь членом «Утренней Зари».

— Бартоломеус вам и об этом рассказал?

— Зачем вы послали ко мне мальчика с листком? Для чего наблюдали за мной, когда я был на утесе и семьдесят лет назад, когда мне исполня-

лось двадцать два года?

Эвелин тихо вздохнула:

— Потому что я надеялась, что вы когда-нибудь мне поможете.

— А почему именно я должен помогать вам?

— Потому что вы — Говорящий с Разумом, — ответила Эвелин. — Машины предали вас, не дав бессмертие. Вы можете помочь нам понять, что за этим стоит.

Но Адам понял уже достаточно.

— Машины меня не обманывали, — сказал он. — Мне просто не повезло. Омега-фактор…

— Его не существует. И никогда не было, Адам. Омега-фактор — выдумка Кластера. Обследование на тридцатилетие, после которого вы надеялись получить бессмертие, кое-что изменило. Машины забрали бессмертие, а взамен дали старость, дряхлость и дегенерацию нейронов. Потому что вы нужны Кластеру. Потому что лишь души Говорящих с Разумом могут летать к звездам. А знаете, что они там с вами делают? Знаете ли вы, для чего машинам души в далеких мирах?

Адам внимательно посмотрел на бессмертную женщину. Чем больше она говорила, тем абсурднее казалась эта речь.

— Чтобы можно было физически выполнять

миссии, находясь в фактотуме, — говорила Эвелин. — Прежде всего вы — координаторы. Машинам нужен ваш ум и знания, потому что они не могут путешествовать к звездам через коннекторы. В будущем, когда пропускная способность каналов связи будет достаточной, они смогут это сделать, но пока это невозможно. Машины нуждаются в Говорящих с Разумом примерно так же, как корабли нуждаются в двигателях. Вы — логистические рычаги Кластера. Уже в течение многих лет вы, сами этого не осознавая, думаете за него, и, очевидно, приняли много решений. За последние два года умерло четверо Говорящих с Разумом.

— Мы дряхлеем, стареем, а потом умираем, — ответил Адам. — Такова наша судьба.

— Тебе девяносто два года, Адам. Если бы ты не был Говорящим с Разумом, то ты прожил бы сто двадцать или сто тридцать лет. Машины имеют свойство изнашиваться.

Адам посмотрел на Эвелин потухшими сенсорами глаз. Его голову переполнили разные мысли, но большинство были так же абсурдны, как слова Эвелин.

Коммуникативный модуль тихо запищал. Эвелин потянулась за ним и посмотрела на экран.

— Как жалко, — сказала она. — Скремблер должен был скрыть наши координаты от Бартоломеуса и других Аватаров, которые в последнее время стали очень подозрительны. — Она подняла скремблер и показала наверх. — Мы вывели на орбиту тридцатисантиметровый спутник, затратив массу усилий, чтобы замаскировать его. Он уже много раз приносил нам большую пользу. Спутник сейчас над городом. Он заметил четырех Аватаров, которые приближаются к нам. Четыре Аватара — это довольно много. Они идут за вами. Вы важны для Бартоломеуса и остальных.

Адам встал и развернулся к выходу.

— Я слышал уже достаточно, — сказал он.

— Нет, вы знаете еще не все, — оборвала его Эвелин, продолжая сидеть. — Перед тем как пропал Эллергард, исчезло еще семь бессмертных. Семь. Вряд ли все они совершили самоубийство. Мы боимся, что машины хотят сделать из них Говорящих с Разумом.

Адам остановился:

— Как это возможно? Только лишь сознание дряхлого и страдающего дегенерацией нейронов смертного может быть перенесено через коннектор.

Эвелин заговорила быстрее:

— Мы точно не знаем, что произошло с ними. В одном вы ошибаетесь, Адам. Мы думаем, что сознание бессмертных можно пересылать через сеть. Те, кто пережил подобное путешествие, возвращаются, потеряв память. Но машин, кажется, это не заботит. Им определенно нужны новые Говорящие с Разумом. В космосе что-то происходит. Нам известно о разработке нового оружия в технологических лабораториях Кластера. Машины не стали бы тратить столько ресурсов, будь это не нужно.

Адам уже не мог этого слушать.

— Ерунда! Даже если машины и разрабатывают новые виды вооружений для каких-то там целей… потребуются сотни лет, чтобы доставить это оружие к звездам.

— Нет, — возразила Эвелин.

Коммуникативный модуль вновь запищал. Женщина взяла его и встала. Красная жидкость в ее стакане была похожа на кровь. Адам видел, что по поверхности пошла слабая рябь, вероятно от вибрации, создаваемой гравитационными двигателями нескольких МФТ.

— Вы отправляете через коннектор чертежи. Оружие создается там, где оно необходимо.

«Последняя фраза звучит странно», — подумал

Адам. Он попытался понять ее настоящий смысл.

— Для чего они вас используют? — спрашивала Эвелин. — Против кого посылают? Что происходит там, в космосе?

Рябь в стакане прекратилась — похоже, транспорты совершили посадку.

— Узнайте, зачем Кластер разрабатывает оружие. Узнайте, что произошло в космосе за много световых лет от Земли. Откройте правду.

«Все это глупости, — думал Адам. — Глупости и чепуха».

— Все только ради правды, — сказала Эвелин, держа перед собой небольшой предмет. Во имя правды не стоит ничего бояться, верно? Возьмите, пожалуйста.

— Что это?

Эвелин неловко улыбнулась:

— Диктофон для вашей души.

— Что? — акустические датчики Адама уловили звук шагов в переулке.

— У вас ведь бывают провалы в памяти, верно? Вы забываете детали миссии. Это поможет сохранить ваши воспоминания. Когда будете пользоваться фактотумом — неважно, здесь, на Земле, или в далекой звездной системе, — большая часть сознания сохранится в виде закодированных

данных. Ваше сознание — сложная программа, которая находится в голове фактотума. В эту программу можно кое-что добавить, используя подпрограммы.

Эвелин сунула предмет в полимерную руку Адама: это была информационная шина толщиной всего несколько миллиметров и полтора сантиметра длиной — с помощью подобных модулей можно увеличивать объем базы данных фактотума и мобилизатора.

— Если вы подсоедините к фактотуму содержащуюся здесь программу, то запомните все, что видели.

Около лестницы послышались шаги, и в кафе вошли четверо Аватаров во главе с Бартоломеусом, который лишь мельком взглянул на Адама, а затем перевел взор на Эвелин. За ним следовали аристократичный Тиберий, миниатюрная Антония с быстро бегающими глазами, надменная Урания. Она осталась стоять у двери, а остальные Аватары прошли дальше и остановились по сторонам от Адама. Бартоломеус сделал еще шаг, и Эвелин попятилась назад. Адам сжал в руке информационную шину.

— Я запретил тебе встречаться с Адамом, — сказал Бартоломеус.

Эвелин улыбнулась. Это была новая улыбка, которую Адам раньше не видел. В ней отражалась невозмутимость человека, прожившего много лет. Во взгляде читалась печать прошлых лет бессмертной жизни.

— Вы не можете мне ничего запрещать, Бартоломеус, — сказала она. — Конвенция гарантирует свободу передвижения. Я могу пойти куда угодно…

— Вовсе не куда угодно, — холодно возразила Урания.

— …И я решила остановиться в этой таверне выпить вина. Она вряд ли относится к запретной зоне.

— Я призываю вас отказаться от дальнейших встреч с Адамом, — сказал Бартоломеус. — Это самый важный из наших Говорящих с Разумом. При возвращении из предыдущей миссии он испытал шок. Ему необходим отдых, чтобы восстановиться. Ваша ложь влияет на его здоровье.

— Моя ложь? — переспросила Эвелин.

— Вероятно, следует лучше объяснить ей, что мы имеем в виду, — вмешалась Урания.

В ее голосе слышалась явная угроза.

— Продолжайте. — Эвелин подняла коммуникативный модуль так, чтобы его все видели. —

Модуль настроен на особый, не подконтрольный вам канал связи. Тысячи слышат и видят все, что здесь происходит. Включая Супервайзера, — на последних словах женщина улыбнулась.

Затем она прошла мимо Бартоломеуса, который не пытался ее остановить, бросила взгляд на Адама и подошла к двери. Урания не посторонилась.

Эвелин направила на нее коммуникатор:

— Вы сейчас на большом экране, — сказала она. — Хотите поприветствовать публику? Нет?

— Отпусти ее, — сказал Бартоломеус.

Женщина с серебристыми волосами и телом из флексометалла отступила вправо.

— Большое спасибо, — сказала Эвелин и вышла.

На мгновение наступила тишина.

— Мы знаем, кто она, — сказала Урания.

— А раз так, — Бартоломеус повернулся к Адаму, — то мне жаль, что мы не смогли защитить тебя от нее.

— Она мне не угрожала, — немного сухо сказал Адам.

— Она угрожала твоей работоспособности. Давай вернемся.

Медленно спускаясь по лестнице, Адам вставил небольшую информационную шину в отсек для

инструментов фактотума.

На тихой улице жаркого пустынного города Адам огляделся в поисках мальчика, которого послала к нему Эвелин, но того нигде не было видно.

— Ты нам нужен, Адам, — сказал Бартоломеус, когда они подошли к МФТ в конце переулка. — Тебя ждет новая миссия.

— Оправился ли я уже от шока? — пораженно спросил Адам. — Неужели я полностью восстановился?

— Нет, — сказал Бартоломеус, — Несмотря на это мы должны отправить тебя на миссию. Но сначала… Тебя ждет Ребекка.

Адам ошеломленно остановился.

— Что?

— Она вернулась. Я обещал, что дам тебе знать, когда она вернется на Землю, чтобы ты мог поговорить с ней. Теперь я выполняю это обещание.

23

У каждого Говорящего с Разумом было одно или даже несколько любимых мест. Например, Ребекке нравился вид, открывавшийся с Парка Крыш — стопятидесятиэтажного здания Йорка в Мерике. Огромный палец, укрепленный метал-

локерамикой, высокая башня, бывшая до Потопа частью большого города, выступавшая с сотнями других из вод Мирового океана. Машины решили сохранить Йорк — остаток метрополии и прежде всего башни с вертикальными садами, которые во времена климатической катастрофы представляли собой спроектированные экосистемы.

Ребекка сидела на скамейке, рассматривая лужайки и клумбы в лучах заходящего солнца. Казалось, что на западе небо горело. На севере из терминала Кластера взлетали корабли, похожие на больших серых птиц. Если внимательно присмотреться, то можно заметить свет их гравитационных подушек.

— Адам, — сказала Ребекка. — Ты выглядишь гораздо лучше, чем в последнюю нашу встречу.

На скамейке сидел не фактотум, а девяностолетняя женщина, носившая лишь легкую поддерживающую конструкцию. Ребекка была в хорошей форме, поэтому мобилизатор ей не требовался.

Адам остановился рядом:

— Как поживаешь? Ты получила ранение, — внезапно воспоминание об этом стало четким и ярким. — Я нес твою голову на руках.

Старушка в фактотуме с блеклыми коричне-

во-серыми волосами, потускневшими глазами, множеством морщин на лице и потрескавшимися губами хлопнула рукой по скамейке.

— Для фактотума нет разницы между «стоя» и «сидя», но сядь рядом ради меня, любимый.

Адам сел и взял Ребекку за руку.

Они долго молчали. На крыше башни свистел ветер, а заходящее солнце играло невероятными цветами.

Наконец Ребекка прервала молчание.

— Бартоломеус сообщил мне, что у тебя осталось мало времени. Тебя ждет новая очень важная миссия. В последнее время все миссии очень важные. — Она вздохнула: — Жаль. Мне бы хотелось провести с тобой несколько дней. Или несколько недель. Как тогда.

— Нет, — ответил Адам. — Как тогда не будет. Тогда мы были молоды. А теперь постарели.

— К сожалению, это правда.

Ребекка посмотрела на транспорт, приземлившийся на платформу перед Парком. Около него стоял Бартоломеус, но он старался не смотреть в сторону стариков.

— Он ждет тебя.

— Еще немного, — ответил Адам. — Что с тобой там произошло? Ты помнишь?

— Уверена, что вспомню, — ответила Ребекка. В мелодии ее голоса звучала частичка юности. — Но после того, что случилось на покрытом льдом спутнике, я, должно быть, получила травму. После возвращения я решила отпустить эти воспоминания.

— Почему ты так думаешь, если не помнишь?

— Так сказал Бартоломеус.

— И ты ему поверила?

Задав этот вопрос, Адам удивился сам себе. Неужели Эвелин удалось заронить зерно сомнения?

— Конечно поверила, — ответила Ребекка. — Это же наш друг. Он желает нам только лучшего. Кому доверять, если не ему?

Солнце уже наполовину скрылось за морем, много тысяч лет назад затопившим большую часть города.

— Почему они не построили корабли? — спросил Адам.

Ребекка посмотрела на него.

— О ком ты говоришь?

— О людях, что жили тогда. Они знали о грядущем наводнении. Уровень моря повышался все быстрее и быстрее. Они понимали, что все будет затоплено. Почему же вместо башен с вер-

тикальными садами они не построили плавучие города?

— Кто знает! — воскликнула Ребекка. — Эти люди мертвы уже несколько тысяч лет и не могут ответить.

Неожиданно Адам ощутил, что отсек для инструментов фактотума сильно потяжелел. Казалось, что информационная шина Эвелин весила несколько тонн.

— Я был в Риме, — сказал он. — В Вечном городе, как его называют.

— И там ты кое-кого встретил, — Ребекка подняла руку и положила ее на синтетическое плечо Адама. — Бессмертную по имени Эвелин.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Бартоломеус.

На безоблачное небо опустилась ночь. Появились первые звезды. На юге показался серп луны.

— Эта бессмертная, — тихо сказал Адам, — говорила о странных вещах. О войне, что вели друг против друга люди и машины…

— Она врет…

— Откуда ты знаешь?

— Меня предупредили, Адам, — мягко сказала Ребекка.

Ветер играл с прядью ее коричнево-серых волос. Рука, которая только что лежала на плече Адама, поправила их.

— Я смотрела данные в библиотеке архива.

— Ты была в архиве? — удивленно спросил Адам.

— Услышав об Эвелин, я провела тщательное расследование, — подчеркнула Ребекка, — и хочу сказать тебе: будь осторожен. Не верь ей. Она состоит в «Утренней Заре» — группе чудаков. Эвелин и другие члены группы нарушают конвенцию и при помощи лжи стремятся посеять раздор.

— Воевали ли люди с машинами? Если подобный конфликт когда-либо был, то в архиве должна остаться информация о нем.

Ребекка замялась:

— Архив слишком велик. Я просмотрела лишь малую его часть. Правда в том, что в те времена именно люди разрушали планету. Верно и то, что машины стали защищать выживших в катастрофе. Мы их создатели, Адам. Машины обязаны людям существованием и подарили им бессмертие.

— Не всем, — уточнил Адам. — Нас обделили.

— Нам не повезло. Омега-фактор…

— Эвелин говорила, что его вообще не существует.

— Ерунда полнейшая! — возмутилась Ребекка. — Мы точно знаем, что он есть. В противном случае мы были бы бессмертны, Адам. Вот уже много лет мы служим Кластеру. Машины заботятся о нас. Они дали нам возможность сделать что-то полезное за столь короткую жизнь. Они предоставили нам мобилизаторы и фактотумы, чтобы мы могли передвигаться, а стимуляторы помогают нам относительно ясно мыслить, несмотря на дегенерацию нейронов. Не будь машин, мы бы сейчас не сидели здесь.

— Да, — согласился Адам, почувствовав облегчение. — Да, это точно.

Ребекка взяла Адама за руку:

— Ты мне доверяешь?

— Конечно.

— Тогда доверяй Бартоломеусу и другим машинам. У них благие намерения. С ними мы под надежной защитой.

— Хорошо.

Ребекка отпустила руку.

— Думаю, Барт уже заждался тебя. Иди. Тебя ждет новая важная миссия, а когда вернешься… Надеюсь, мы сможем провести больше времени

вместе.

24

На станции коннектора в Йорке Бартоломеуса и Адама встретила прохладная тишина.

— Как ты себя теперь чувствуешь, после разговора с Ребеккой? — спросил Бартоломеус, когда они вошли в готовую к отправке комнату коннектора.

Недалеко от стены у сервомеханизмов стоял бак с оживляющей эмульсией. Сейчас он не понадобится. На этой станции не будут никого реанимировать, ведь немощное тело Адама все еще находилось на станции коннектора в Грюндландии.

— Хорошо, — ответил Адам. — У меня все хорошо.

Всего лишь несколько шагов отделяли его от открытого цилиндра коннектора и принятия решения. Программа информационной шины ждала своего часа, чтобы расширить объем его сознания.

«Может ли она ухудшить память? — спросил себя старик. — Насколько вредно хранить в ней знания?»

На ум пришел Буррек, собор, изображение Ада-

ма, Евы и змия между ними, символизирующего зло. Змий уговорил Адама и Еву сорвать яблоко с древа познания и съесть его. Это яблоко дало Адаму и Еве знания, но за знанием последовало божественное наказание. Была ли информационная шина, полученная от Эвелин, подобным яблоком?

«Нет, — подумал он. — Знания не могут быть злом».

— Адам?

Он принял решение и дал интерфейсу фактотума команду связаться с информационной шиной и перенести программы в активную память.

— В следующий раз мне бы хотелось провести больше времени с Ребеккой, — сказал он и лег в цилиндр.

Бартоломеус посмотрел на него сверху вниз:

— У тебя будет такая возможность. Я обещаю.

Щелчки и жужжание означали, что происходит выравнивание и программирование коннектора. Адам вытянулся и вдруг почувствовал, как его сознание подключают к сети. Казалось, нежная рука тянется к его мыслям и направляет их. Так как сознание Адама на этот раз находилось не в теле, а в фактотуме, который отчасти

был машиной, то уютный транспортировоч-

ный сон все никак не наступал.

— Почему эта миссия так важна, Барт? — Адам отправил вопрос в темноту. — Куда вы меня посылаете?

— Эта миссия важнее любой другой, Адам, — ответил Бартоломеус. — На этот раз мы отправляем тебя на бой.

— Ты слышишь меня, Барт?

— Да, я слышу тебя, Адам. И я удивлен. Ты проходишь транспортировку и должен заснуть. Почему ты не спишь?

— Не знаю. Может быть, потому, что я транспортируюсь не в собственном теле, а в фактотуме. Я чувствую, что… со мной происходит что-то странное.

(Сознание Адама мчалось по каналу связи, год за годом удаляясь от Земли. В расширяющейся пространственно-временной пропасти раздавались голоса, но старик не понимал их. Для него это был лишь шепот, в котором нельзя было разобрать слов.)

— Верно, Адам, — наконец ответил Бартоломеус. — В тебе происходит перестройка. Мы меняем тебя под выполнение новой задачи.

— Ты говорил про бой, — сказал Адам. — С кем предстоит сражаться?

— Мы не знаем, кто наш враг. Он не отвечает на попытки установить с ним связь. Он разрушает и убивает. Его нужно остановить, и ты должен помочь в этом.

— Что он разрушает, Барт? Кого он убивает?

— Он убивает Крисали. Он разрушает их культуру. Мы обещали помогать.

— Кто такие Крисали?

— Ты увидишь. А сейчас спи, чтобы мы могли изменить тебя, Адам. Тебе предстоит стать бойцом.

Адам заснул.

Но глубоко внутри продолжали бодрствовать и работать хорошо спрятанные пальцы-сигналы, изменяющие структуру сознания и придающие ему новую форму и структуру.

Перезагрузка (ошибка функции).

Человек в песке

25

Базовая станция была построена сервомеханизмами двадцать лет назад вблизи черного октаэдра и окружена экраном высотой в пятьсот метров и шириной почти два километра. Прозрачный как стекло энергетический барьер едва мерцал, но Крисали знали о нем и раз за разом пробовали его преодолеть.

Через семнадцать минут после отправки Адам находился в системе Стрелец-94 на расстоянии восьмисот тринадцати световых лет от Земли. Он помнил все происходящее, пока пролетал через последний световой год. Он видел на западе вспышку, за которой последовали волны, захлестнувшие барьер.

— Так не пойдет, — сказал он.

Эти слова словно произнес кто-то другой, а не солдат, занятый сортировкой информации из псевдовоспоминаний.

— Это не наш мир. Кахалла принадлежит Крисали. Это священное место — сердце их культуры.

Ассистент, который отключал его от коннек-

тора базовой станции и подключал к шаттлу, посмотрел на него визуальными датчиками.

— Что-то не работает? — спросил он. — Неисправность?

Адам наблюдал за городом-сетью Крисали за пределами энергетического купола. Между похожими на колонны деревьями, достигавшими высоты двухсот метров, протягивались молочно-белые волокна, словно нити огромной паутины. На нитях группами висели похожие на соты с десятками ячеек жилища местных жителей. Адаму захотелось увидеть их вблизи, несколько месяцев пожить в одной из таких ячеек. *Он вспомнил их внешний вид:* ноги тонкие, как молодые веточки, узкое, нежное тело, завернутое в мерцающую мантию с отверстиями для крыльев. Мантия могла видоизменяться так, будто бы их было сразу несколько. В сложенном состоянии крылья скрывались под кожистой оболочкой, в полете же их размах достигал четырех метров. Крисали походили на бабочек или, может быть, на стрекоз. Нежные и хрупкие, с матово-белыми блестящими лицами, напоминавшими фарфор. Каждые пять или шесть дней Крисали покидали сетевой город, отправлялись в путь к октаэдру Кахалле и пытались перелететь через барьер.

— За последние годы умерло множество Крисали, — сказал Адам. — Но они продолжают пытаться достичь цели.

— Это не имеет значения, — ассистент направил на старика диагностический датчик. — Неисправность? — повторил он. — Дефект? Необходима перезагрузка?

«Перезагрузка? — подумал другой Адам. — Неужели я — машина?»

Что-то отправило эти мысли в дальний угол сознания.

— Я готов к миссии, — сказал Адам-солдат.

Клац!

Противник снова атаковал шаттл. В шестой раз за последний месяц.

— Атака, — сказал ассистент в кабине пилота, подключенный к системам управления. Брутер прервал производство, направляя энергию на укрепление щитов.

На небе появился темный объект, испускающий неяркий свет. Стали падать шары размером чуть больше вспышки — там, где они попадали в поле защитного экрана, появлялись сильные разряды. Солдат быстро выглянул наружу. Он управлял сервомоторами функционального фак-

тотума, тремя руками и ногами со множеством суставов, датчиками и энергетическими пакетами. Алгоритм диагностики сообщил о полной боевой готовности. Солдат прикрепил к рукам и ногам оружие: бластеры, метательные пушки и катапульту для микроракет на случай, если придется вступить в прямое столкновение с врагом. Это не входило в планы, однако солдат подумал, что лучше быть готовым ко всему. Наконец, он проверил наличие топлива, которое должно обеспечить относительно мягкую посадку после полета на бомбе.

Снаружи раздался звук града падающих кинетических снарядов. В этом заключалась новая стратегия врага: очевидно, он понял, что попытка разрушить энергетический купол ни к чему не приводит, и поэтому попробовал стандартные виды вооружений.

Гром многочисленных взрывов эхом разнесся над станцией с брутером и над восьмиугольником, где продолжали копать сервомеханизмы. Волны давления преодолели защитный экран, добрались до леса колоновидных деревьев, порванных нитей и жилых ячеек.

Солдат снова увидел из окна, как Крисали взлетели и попытались спастись, но у них ничего не

получилось.

— Нагрузка на экран увеличилась примерно до четырех целых семидесяти девяти сотых. Если противник продолжит обстрел, мы достигнем критического значения через девятнадцать дней, — сказал ассистент, когда гром разрывов утих.

— Вот зачем я здесь, — ответил солдат, держась за стену кабины пилота. Недалеко находилась кнопка включения шаттла. — Уничтожить врага до того, как он уничтожит нас.

Клац.

Внизу, под шаттлом, лежал лес — покрывало зеленого, синего и коричневого цветов, пронизанное белыми нитями жилищ Крисали. Там находилась воронка древнего кратера диаметром более пятидесяти километров, в самом глубоком месте воронки стоял Кахалла — черный октаэдр, теперь наполовину раскопанный сервомеханизмами. Солдат вспомнил, что у него есть специальные производственные программы, контролируемые брутером, и распределил выполняемые сервомеханизмами задачи. Пока одни раскапывают артефакт, брутеры, спрятанные в поясе обломков газового гиганта, производят

детали зонда-транспортера, который заберет октаэдр и привезет его на Землю. То, что он долетит только через восемьсот тринадцать лет, не имело значения для Кластера. Он оперировал более длительными промежутками времени.

«Мы — воры, — подумал Адам. — Мы крадем то, что принадлежит Крисали».

Солдат не ответил. Возможно, он даже не услышал Адама. Он убедился, что бомба надежно закреплена на раме погрузчика; только она имела ценность.

— Мы замедляемся, — сказал ассистент, передавая бортовым системам соответствующие указания.

Рев мотора затих, и солдат наблюдал, как под ним проплывает родной мир Крисали: луна, почти такая же большая, как на Земле, один из шестидесяти четырех спутников, вращающихся вокруг горячего газового гиганта Хауканда, выше и ниже пояса обломков, состоящего из шести колец. Сложная система спутников и обломков, звездная система внутри звездной системы.

Адам-наблюдатель смотрел и удивлялся. Гигант под названием Хауканд, размером больше Юпитера, когда-то был холодным и имел большую, вытянутую на много километров орбиту. Но по-

том звезда системы Стрелец-94, которую Крисали называли Моаксил — «Мать Неба», — превратилась в красного гиганта и поглотила планеты, на которых жили предки Крисали внутри системы.

«Как много всего здесь предстоит изучить. Много еще нужно понять, — подумал Адам. — Какими были Крисали, которые переселились на Ретос, крупнейший из шестидесяти четырех спутников? Почему технологии, которые были у них тогда, оказались потеряны?»

Солдата это не интересовало. Он получил от ассистента логистические данные — курс и скорость совпадали с рабочими характеристиками других шаттлов с двигателями и небольшой капсулой, оборудованной сервомеханизмом и конденсатом разума пилота. Солдат пытался направить зрительные сенсоры на множество крошечных точек. Они должны были отвлечь корабли врага на орбите.

Где же эти корабли? Солдат посмотрел вверх и сразу же установил связь с локаторами шаттла для передачи данных. Локаторов было семь: пять крупных, больше сотни метров в длину, и два небольших маневренных клина всего по пятнадцать метров. Еще дальше от Ретоса, у края внешнего кольца на высоте пятидесяти тысяч ки-

лометров, располагалась станция противника. По данным Локального Кластера, ее масса неуклонно росла: всего за четыре дня она увеличилась на десять тысяч тонн и составила двадцать одну и четыре десятых тонны.

— Мы достигли наивысшей точки траектории, — сказал ассистент. — Падаем. Пожалуйста, приготовьтесь.

В космосе, в нескольких тысячах километров над поверхностью Ретоса, возникло мерцание, когда другие шаттлы атаковали орбитальные аппараты врага. Судя по повторному запросу данных логистики, все шло по плану. Но это было не так: по пути к грузовому люку солдат замешкался.

— Ты умрешь, — сказал он.

— Я не могу умереть, — ответил ассистент. — Я не живу.

— Твое существование окончено.

— Не имеет значения. Неисправность?

— Нет, — ответил солдат.

Он поднялся к люку и вылетел из корабля на бомбе.

26

Солдат лежал под аэродинамическим щитом, который должен был защитить его при входе в атмосферу. Его руки и ноги с множеством суставов запутались в цилиндре плазменной бомбы при падении на поверхность спутника размером с Землю. Видимое за Ретосом северное полушарие красного гиганта было испещрено серно-желтыми и охристыми полосами. А сам красный гигант завис в черном небе над Хаукандом. Когда датчики оказались в верхних слоях атмосферы спутника, они отметили повышение температуры. Спрятавшись за щит, солдат подождал, пока плотность атмосферы и температура воздуха достигнут критического значения, а затем активировал защитное поле. Его энергетическая сигнатура стерлась во время ионного шторма — враг, вероятно, должен был принять всадника на бомбе за метеорит, вылетевший из кольца Хауканда, или за обломки шаттла.

Две минуты до цели.

Солдат еще раз проверил систему фактотума, оружие и топливо — все было в порядке. Еще через минуту он завел бомбу и почувствовал движение в канале передачи данных. Сжатый

огонь плазменной бомбы ожидал момента, чтобы вырваться наружу.

Мимо пролетали разорванные облака, а под ними виднелись горы Кономи, протянувшиеся более чем на тысячу километров, доходя вершинами до стратосферы. На каменистом плато, окруженном лесом, поднималась производственная башня врага. В ландшафте было много кремния и редкоземельных металлов — эти элементы играли важную роль при производстве. Башня производила необходимые врагу летательные аппараты, орбитальные корабли, оружие и со временем могла превратиться в большой склад вооружения, если ее вовремя не обезвредить.

Еще через полминуты солдат принял управление бомбой на себя. Его задача состояла в том, чтобы довести ее точно до цели. Солдат управлял ею силой мысли, одновременно стреляя из бластера и выпуская ракеты по немногим защитникам, поднимавшимся с плато, чтобы перехватить его. Они отвечали удивительно быстро, но тем не менее слишком поздно. Внизу виднелась массивная серая башня в основании шириной сто метров и почти километр высотой, будто состоящая из несочетаемых друг с другом больших и маленьких кусочков. Повсюду были выступы, края и

отверстия, напоминающие трещины.

Это был триумф солдата: он сражался против защитников, он уничтожал их оружием, которое было частью его тела, расстреливал дроны противника лучами из бластера, измельчал их взрывающимися ракетами и в то же время вел бомбу по курсу: он ехал на ней, управляя силой мысли и движением конечностей.

Точно по курсу…

Целью была не широкая крыша, напоминающая шляпку гриба, из-под которой все время вылезали новые защитники, а основание башни. Заключенный в бомбе огонь должен выбраться на свободу и пойти вверх, через ангары, откуда постоянно появляются новые защитники. Это был вражеский центр в системе Стрелец-94 или, по крайней мере, один из центров. Самый большой и важный. И скоро он будет гореть.

Еще через пятнадцать секунд солдат выпустил из рук и ног якорь, запустил две мини-ракеты по дронам с кривыми медно-красными крыльями и шипами, проследил за взрывом и активировал топливо, которое должно было отнести его довольно далеко от бомбы и башни, от жара коррозии плазмы.

Левая нога за что-то зацепилась и оторвалась

от бомбы на долю секунды раньше, чем это было нужно. Разница была минимальна, но на скорости три тысячи километров в час любые отклонения имеют серьезные последствия. Внезапный взрыв топлива оттолкнул солдата от бомбы вверх. Защитный экран приобрел аэродинамическую форму, потребляя больше энергии. Фактотум окружил светящийся пузырь, чтобы построить на скорости массивную стену для защиты.

Дважды сверкнула молния. Первая высоко в небе казалась не очень яркой и означала, что шаттл, который доставил сюда солдата, разрушен. Вторая, ярче Хауканда и красного гиганта, пронеслась над плато и была столь ослепительной, что на одну или две секунды визуальные сенсоры перестали передавать информацию. После они показали солдату, что его миссия успешна: бомба, с грохотом ударившись о нижнюю часть башни, образовала огромную дыру в сером веществе. Оттуда вверх вырывалось всепожирающее пламя.

«Это не просто пожар», — подумал солдат, как только все понял. Это была ядерная цепная реакция серого вещества, из которого состояла башня. Теперь она не остановится до тех пор, пока последний грамм серого вещества не обратится в

пепел.

Солдат снова поджег топливо и приготовился к приземлению, когда что-то ударило его сквозь защитное поле. Оно промигало последний раз и исчезло. Сверху на него обрушился кинетический кулак, разбив бластеры и ракетные установки, разорвав правую ногу, а вместе с ней генератор защитного поля и главную энергетическую клетку, разрезав коммуникативный модуль, связывающий его с базой данных Кластера. Топлива больше нет.

Недалеко от горящей башни, на высоте трехсот километров, солдат оказался в свободном падении. Он упал на поверхность недалеко от поросшего растительностью участка, но, к счастью, не с острыми скалами, а с песком и пылью. Однако удар был достаточно сильным, чтобы часть датчиков и два важных гидравлических насоса, которые снабжали орган потока жидкости в грудной клетке, вышли из строя. В результате это отразилось на способностях ощущать и двигаться.

Он попытался пошевелить левой ногой и добраться до ближайшего леса, боясь, что на открытом месте кинетический кулак его еще раз ударит, но закрутился вокруг своей оси, и,

будучи без гидравлического элемента, сервомоторы перестали работать. Руками он дотянулся до растительности, но, преодолев несколько метров ползком, осознал, что такой способ передвижения отнимает слишком много заряда энергетической клетки. Его жизнь сейчас зависела от нее.

Это была очень странная мысль, которая не могла появиться у солдата. Она принадлежала Адаму-наблюдателю, который сейчас со всей ясностью осознал положение. Заряда энергетической клетки не хватало для экстренного возвращения, да и к тому же второй подряд шок от возвращения стал бы для него смертельным.

Повреждение коммуникативного модуля означало, что связь с основной станцией потеряна и попросить о помощи не получится. А ассистента, который привел его на место выполнения миссии, уже не существовало.

Клац! Клац!
Ничего не происходило.

27

Прошел день, а враг, ударивший его, так и не появился. Человек в песке наблюдал с помощью еще функционирующего датчика, как в пожаре,

свет которого становился все слабее, сгорает башня и опускается ночь. Беспомощный и окутанный тишиной, он видел, как вслед за красным гигантом исчез с неба и Хауканд. Появились звезды, и Адам спросил себя, можно ли найти среди них Солнце, свет которого мы видим на Земле. Мысли о жизни и смерти проносились в его поврежденной голове. Квантовый канал с низкой пропускной способностью, связывавший его с телом на Земле, существовал, как и прежде, но, не имея рядом коннектора и не обладая достаточным запасом энергии для экстренного возвращения, он не мог им воспользоваться.

Он представил себе другого Адама, старика, лежащего в баке с эмульсией и подключенного к системам жизнеобеспечения, чей мозг ничем не занят, если не считать небольшой части, поддерживающей работу организма. Сознание же находилось *здесь* и было заключено в модуле памяти разработчиков. Когда заряд последней энергетической клетки заканчивался, память еще несколько часов оставалась у разработчиков, но теряла связность, которую можно было восстановить не позднее суток. После этого пропадало и соединение с Землей. Ссылка исчезала, это означало смерть оставленного на Земле тела.

Адам по-другому представлял себе конец, не в поврежденном фактотуме на далекой планете, но в мобилизаторе, который поддерживает его дряхлое тело. Может быть, на утесе, когда он во время бури будет смотреть на океан, на свирепое море, ощущая, как ему в настоящее лицо дует ветер и летят водяные брызги.

— С кем я сражался? — лежа на песке, думал человек по имени Адам, который теперь перестал быть солдатом. Солдат прекратил существование, оставив Адама-наблюдателя наедине с мыслями и чувствами. Он лежал здесь, под чужим небом, на чужой земле, а ведь он не знал, с кем его послали бороться и почему вообще началась эта борьба. Адам искал ответы в памяти солдата, но не находил ничего, кроме указаний и готовности беспрекословно следовать приказам. Неужели его жизнь так и окончится вопросами без ответов?

Адам посмотрел на темное небо и подумал о странных движениях, которые можно было заметить между звездами: объекты еще меньше звезд, такие маленькие, что их нельзя увидеть человеческим глазом. Адам долго смотрел на них. Были ли это МФТ Локального Кластера или вражеские орбитальные станции? Будь его коммуника-

тивный модуль в рабочем состоянии, он мог бы осмелиться и послать сигнал туда, в темноту.

Возник еще один вопрос: должен ли он отключиться из соображений экономии, как Ребекка, голову которой он нес на руках до коннектора, будучи в другой звездной системе, где все тоже дошло до сражения?

Ребекка…

Он окунулся в воспоминания и снова увидел ее юной и стройной, с собранными в пучок огненными волосами, зелеными глазами, большими, словно два изумруда, в белом как снег платье, стоящей перед исследовательским центром. Такой она встретила его на тридцатый день рождения, готовая отмечать получение бессмертия. Спустя час она горевала вместе с ним, когда стало понятно, что ему суждено остаться смертным в мире бессмертных. Омега-фактор украл у него вечную жизнь. Шестьдесят или семьдесят отпущенных ему лет казались пугающе короткими. Два года спустя, на тридцатилетие Ребекки, драма повторилась, ведь она также не получила бессмертия. Адам вспомнил, что постоянно спрашивал, как такое могло случиться. Но даже если что-то крайне маловероятное оно все равно может произойти. Новая трагедия опять объединила их,

Ребекка тоже стала Говорящей с Разумом. Они провели вместе почти двадцать лет, не считая время миссий в отдаленных системах, а затем потеряли друг друга из виду.

«Теперь мы постарели, — подумал Адам, смотря на звезды и на движущиеся точки между ними. — Мы прожили жизнь, а теперь мы умрем. Я — здесь, после битвы, значения которой не понимаю, а Ребекка — на Земле, вероятно через пару лет. Не слишком много ты хочешь от жизни, чтобы в последний момент получить ответы на столько вопросов?

Если он отключится и перейдет в режим экономии, фактотум будет потреблять меньше энергии и он сможет продержаться день или два. Но если помощь не придет, тогда это будет означать, что он отказывается от последних часов жизни.

Человек в песке оставался живым, пока думал. Он размышлял, живут ли почти всегда в мире своих мыслей машины на Земле — без боли, без груза эмоций. Скрытые в подземной части Кластера, а также поодиночке, превращаясь в гуманоидов серебряного цвета, сделанных из флексометалла. Он спрашивал себя…

Клац-клац, клац.

Было странно слышать эти щелчки, как будто там находился не только солдат, посланный на борьбу, но и кто-то еще. Он снова подумал о Ребекке, с которой его связывало нечто большее, чем прошлое. Общая миссия в системе Лебедь-29, нападение корабля с врагом, не имеющим ни лица, ни имени. Спасая Ребекку, Адам действовал не по плану. Что бы случилось, будь он там один? Принял бы он управление кораблем на себя, руководствуясь Правилами ведения боевых миссий? В каком случае Ребекка, вернее, ее голова и останки достались бы врагу? Произошла бы их трансформация, реструктуризация и ассимиляция? Откуда он взял эти слова? *Ассимиляция*. Из записи. Но что это за запись? Ее мог дать конденсат разума основного зонда, который уже был захвачен врагом. Но был ли он действительно захвачен? Спешка, сигналы, посланные артефактом, двое Говорящих с Разумом в одной миссии, а именно Адам и Ребекка, знавшие друг друга с детства и дружившие в юности… Странные мысли, странные чувства.

Клац-клац!

Вблизи Адама что-то зашевелилось. Он неподвижно смотрел в темноту, опасаясь, что его

пришел искать кто-то из врагов. Тактильные датчики сообщили, что кто-то дотронулся до него. Что-то твердое и острое задело слой полимера на поврежденной левой ноге и поцарапало металлические пластины выше.

«Зубы?» — подумал Адам.

Он увидел мохнатое существо с руками разной длины и густыми ресницами. Оно обнюхивало его, ища мясо, а затем, разочаровавшись, оставило Адама нетронутым. Потом существо выпрямилось, посмотрело на небо и издало звук, напомнивший Адаму крик совы. Затем повернулось в сторону, и на тело Адама полилась жидкость.

«Моча?» — подумал он.

Отрывисто хрюкнув, животное скрылось в темноте. Адам вновь стал смотреть на звезды, на скользящие точки между ними. Кажется, их стало больше.

Кла…

Над горизонтом появился пояс обломков, а за ним показалось северное полушарие Хауканда. То здесь, то там двигались по орбитам крошечные спутники. На некоторых не было атмосферы, небо других затянуто облаками. Именно этого хотел Адам, когда осознал, что его жизнь будет намно-

го короче, чем у большинства жителей Земли: открытий, исследования неизведанного, встреч с загадками космоса. Вечность осталась недоступна, но перед ним открылась бесконечность, чудеса Вселенной в радиусе тысячи световых лет, а возможно, и еще дальше, если удастся найти Каскад Мурии. Он представлял свою жизнь в виде спокойной реки с берегами приключений и никогда не хотел умереть на поле боя.

Пока Адам наблюдал за кольцами газового гиганта и любовался их красотой, стало светло. На несколько секунд на небо вышло красное солнце, но не тот молох, который давным-давно проглотил планеты этой системы. Как только его свет угас, Адам понял: скрытого зонда в поясе обломков Хауканда больше не существует. Его и брутеры уничтожил враг. Это означало, что даже если сервомеханизмам и удалось раскопать Кахаллу — священный объект народа Крисали, то транспортера, который мог бы доставить его на Землю, уже нет.

«Если я никогда не хотел оказаться на поле битвы, — думал Адам, — то зачем я ехал на бомбе? Почему я лежу здесь, наполовину раздавленный кинетическим кулаком?»

На этот раз ему не пришлось долго искать от-

вет. Он звучал так: я лежу здесь, потому что меня послали машины с Земли.

«Мог ли я отказаться?»

«Кто наш враг?» — думал человек в песке, наблюдая уже не звезды, а огонь разрушения в небе. Он рассматривал зарева от взрывов на других спутниках Хауканда. Главный зонд Локального Кластера, наблюдательные станции и хранилище ресурсов — все было уничтожено врагом.

Адам вытянул руки вперед и использовал датчики как сейсмограф. Вскоре он уловил вибрацию и попытался выяснить ее причину. Может быть, враг предпринял новую атаку на базовую станцию под прикрытием защитного поля? И ему даже удалось ее уничтожить? Это могло быть причиной отсутствия помощи.

Продолжая двигать руками, он спросил себя: что означают эти странные щелчки, прерывающие его мысли? Могли они исходить от остатков солдата, который, вероятно, все еще находился внутри? Или это попытка системы безопасности отключить сознание ради экономии энергии? Адам проверил работающие системы. Однако фактотум не нашел ничего, что могло бы вызвать щелчок. Значит, это что-то в сознании? Может быть, какой-то мысленный переключа-

тель? Голова фактотума и программы внутри нее содержали больше, чем голова старика в растворе эмульсии. Он чувствовал в себе нечто от Эвелин. Содержимое информационной шины Эвелин создало Адама-наблюдателя, который видел, слышал и обладал памятью. Что было бы, отправься он через коннектор в далекую систему Стрелец-94 без дополнительной памяти? На это было легко ответить: тогда не осталось бы никого, способного осознавать эти мысли. Исчезновение солдата привело бы к исчезновению всего, кроме, пожалуй, щелчков, звучавших в этом пустом безвоздушном мире, где их никто не слышал. Эвелин спасла ему жизнь, а вместе с ней дала возможность встретить свой конец в сознании.

Кла…

Пальцы Адама начали дрожать, а вскоре дрожь передалась всему телу. И хотя Адам не спал — перенесенное сознание Говорящего с Разумом не спит, живя в теле, которое не нуждается во сне, — но он так глубоко задумался, что не сразу почувствовал вибрацию. Она распространялась во всех направлениях, но ее источник был непонятен. Весь спутник размером с Землю задрожал.

Адам наблюдал за другими животными, которые ползали рядом с ним и даже переползали через него. Среди них были сотни животных, похожих на муравьев, с хоботками, полными какой-то жидкости. На небе он увидел огонь. На орбите и в высоких слоях атмосферы происходили взрывы. Над горами проносились какие-то горящие обломки, возможно части орбитальной станции или сбитого врагом МФТ Кластера. И теперь, словно испугавшись перемен, задрожал весь мир. Так как стимулятор нейронов перестал работать, мысли Адама замедлились и прошло некоторое время, прежде чем он понял, что его тактильные датчики ощущали толчки не от последствий взрывов на Ретосе, а от большого гравитационного землетрясения. Воспоминания начали возвращаться. Адам, сохраненный Эвелин, потянулся к ним, но они оставались нечеткими, словно сцены из сна. Он подумал, что толчки могут быть вызваны объектом большой массы, влияние которого он уже однажды ощущал, но в иной системе во время другой миссии.

Небо потемнело. Что-то угловатое и массивное, как черная гора, двигалось между газовым гигантом Хаукандом, его спутником и поясом обломков. Титан с крутыми склонами, острыми

пиками вершин, глубокими пропастями и бесконечными хребтами оторвался от планеты и улетел в небо. На темном гиганте вырывалась лава и появлялись мерцающие линии, похожие на трещины. Оттуда выходили сотни маленьких вражеских кораблей, некоторые угловатые, как основной корабль, другие отполированные или отшлифованные. Через электромагнитный компонент визуального датчика Адам увидел, что маленькие корабли были окружены силовыми полями и «завернуты» в яркие светящиеся шарики, похожие на мыльные пузыри.

Мыльные пузыри. Какое странное определение и странное сравнение, но человеку в песке оно однажды уже приходило на ум. Он вспомнил, что в другой звездной системе, где впервые ощутил гравитационные колебания и где фактотум Ребекки был сильно поврежден, он сравнивал души людей с мыльными пузырями.

На небе показался корабль противника.

Воздух наполнился жужжащим звуком, вероятно одна из вибраций вызвала резонанс. Адам смотрел наверх, наблюдая за кораблем, занимавшим большую часть неба. Он уже знал, что его длина составляла сто семьдесят один километр. А если корабль способен обратить начинающийся

день в ночь, то он уже очень близко. Один из маленьких кораблей завис над местом, где стояла горящая производственная башня. Внимательные датчики не видели человека на песке.

Адам начал ползти. Он старался не двигать поврежденной левой ногой, экономя драгоценную энергию. Вцепившись в землю, он прополз примерно пятьдесят метров в направлении растительности. Сервомоторы в руках стали сильно жужжать, и скоро появилось предупреждение: если он будет так интенсивно ползти, то энергии хватит лишь на двадцать минут.

На горизонте появился красный гигант. Его свет создавал длинные тени, и одна из этих теней двинулась, упав на Адама.

…Он повернул голову, настроил визуальные датчики, посмотрел вверх и увидел…

…кукольное лицо, белое и блестящее, как фарфор. Два из четырех крыльев были расправлены, остальные сложены под кожистой оболочкой. Несмотря на большие крылья, это было миниатюрное хрупкое существо, немного похожее на бабочку или стрекозу.

Его золотые глаза оглядывали Адама с головы до ног. Руки подняли большой острый камень и занесли его над головой Адама.

— Нет, — прохрипел он.

Удар кинетического кулака повредил и речевые синтезаторы. Он едва ли мог произнести хоть слово, а Крисали его точно не понимал. И все же он колебался, держа камень.

— Пожалуйста, — выдавил Адам. — Помогите мне.

Считающий песчинки

28

— У нас есть еще час, а до Супервайзера осталось десять тысяч километров, — сказал двухсотлетний юноша по имени Ньютон. Он переживал период неопределенности и сомнений, который бывает у многих бессмертных раз в сто лет. К тому же ему не нравился тот, кого они собирались посетить.

Эвелин посмотрела на него. Она находила его милым и забавным невинным юнцом. В нем было что-то привлекательное, и этого было достаточно, чтобы дать ему шанс. Шанс длиной в пару лет. Почему бы и нет? Времени достаточно.

— Используя орбитальный прыжок, мы доберемся до Супервайзера через тридцать минут, — ответила она. — У нас осталось полчаса, а больше и не надо. Ты раньше был здесь? — спросила она.

— Нет, — ответил Ньютон.

— Когда-то это было самое высокое здание в мире, — сказала Эвелин, как только они поднялись на лифте. Это был современный, оборудованный гравитационной подушкой лифт, встроенный

в здание спустя шесть тысяч лет после постройки. — Его построили до Великого Потопа и четырнадцати башен. Его высота — восемьсот двадцать метров.

— Сегодня оно на сто метров ниже, если смотреть от уровня моря. — Ньютон указал вниз через стеклянную стену гравитационного лифта. Здание было окружено стеной из стальной керамики, сдерживающей море. — Почему Джаспер решил жить здесь? Здесь же лишь море, стена и эта башня.

— Джаспер всегда был одиночкой, — ответила Эвелин.

— Поэтому ты с ним рассталась?

— Возможно, — уклончиво ответила она. — Прошло много времени. Я нечасто об этом думаю. — Она указала на море: — Когда-то здесь было еще много чудес, в замечательном городе Дубба, построенном небольшим народом, сделавшим состояние на продаже органического горючего топлива. Жители Дуббы создали один из самых современных городов мира, искусственные острова, вложили богатство в будущее. Но будущее принесло им потоп. Кроме этой башни все ушло под воду.

— Машины ценят ее больше всего, — сказал

Ньютон. — Но почему?

Эвелин пожала плечами и посмотрела на лифт, который этаж за этажом поднимался все выше и выше.

— Вероятно, как символ человеческого высокомерия.

Эта фраза заставила Ньютона задуматься. Он посмотрел наверх, на шпиль Бурикалифы.

Какое-то время они молчали, жмурясь от солнца, которое в этих широтах светит беспощадно и жарко. В лифте, конечно, был кондиционер, однако Ньютон снял галстук и увеличил охлаждение одежды на одну ступень.

«Бедный Ньютон», — подумала Эвелин и улыбнулась. Это место ему не нравилось не потому, что здесь было слишком жарко. Она подняла руку и прикоснулась к его щеке:

— Между нами все кончено.

— Понимаю. Но лучше бы ты ехала к нему одна.

Лифт остановился, и они вышли на этаж, где их встретила приятная прохлада. Стояла тишина: это был плохой знак, ведь Джаспер почти всегда громко слушал музыку из классической эпохи.

— Здесь живет только он? — спросил Ньютон.

— Да, только он один во всей башне.

Дверь апартаментов Джаспера была открыта.

Эвелин остановилась в нерешительности.

— Что там? — спросил Ньютон.

— Джаспер никогда не оставлял дверь открытой.

— Если он в этой башне один…

— Он прожил в Бури четыреста двадцать лет, и часть этого времени я провела вместе с ним. И никогда, никогда он не оставлял дверь открытой.

Она вошла в апартаменты.

— Джаспер?

Нет ответа.

Довольно быстро прибывшие осмотрели все семьдесят комнат, но никого не нашли.

Они вернулись в салон с большим окном, из которого когда-то открывался красочный вид на Дуббу, а сейчас было видно лишь море.

— Когда вы в последний раз общались? — спросил Ньютон, медленно проходя вдоль стены и рассматривая автопортрет Джаспера.

— Два дня назад он пригласил меня к себе, сказав, что у него есть важное сообщение.

— И он знал, что ты придешь?

Эвелин дотронулась до сигнального значка:

— Я сказала ему, что мы пришли.

— И он ответил?

— Нет, но в этом нет ничего необычного. Джаспер отвечает только тогда, когда захочет. Иногда от него не слышно никаких вестей в течение нескольких месяцев. Давай посмотрим повнимательнее. Возможно, он оставил нам то, что поможет его найти. Какую-то подсказку.

На этот раз они разделились и прошли по комнатам поодиночке. Какое-то время Эвелин рассматривала аквариум в культурном пространстве, как называл его Джаспер, который был заполнен разной экзотикой со всех континентов и морей на Земле. В аквариуме жили сервомеханизмы, которые заботились о его состоянии. Среди растений и коралловых рифов плавали десятки мелких рыб.

В ванной и фитнес-центре царил идеальный порядок. Все предметы лежали на местах. Зеркало и пол были безупречны. В комнате для медитации стояли по кругу семь маленьких кушеток. В этой комнате имелась связь с конденсатом разума, который монтировал механизмы на Бурикалифе. Эвелин активировала его.

— Где Джаспер?

— Неизвестно, — ответил конденсат разума.

— Его нет в здании?

— Нет.

— Я договорилась с ним о встрече, — объяснила Эвелин. — Это на него не похоже — не приходить на назначенную встречу. Когда он ушел?

— Неизвестно.

Эвелин нахмурилась.

— Ты не знаешь? А где же твои записи?

— Они удалены.

— Кто их удалил? — удивленно спросила Эвелин.

— Неизвестно.

Эвелин отключила конденсат разума и посмотрела в пустоту. Джаспер всегда придавал большое значение порядку. И никогда не забывал о назначенной встрече. Более того, Джаспер сам пригласил ее, желая поделиться чем-то важным.

Кто же удалил записи конденсата разума? Сам Джаспер? Или кто-то другой? Для их удаления необходимо получить персональный код. Если только не…

Эвелин вышла из комнаты для медитации. Ее встретил большой тихий и пустой зал с видом на Арабский залив. На мгновение Эвелин стала бояться, что Ньютон тоже может исчезнуть.

— Ньютон?

— Я здесь.

Она нашла его в кабинете с полками, которые

напомнили об их с Джаспером хобби — собирании аналоговых носителей информации, особенно старинных книг. С помощью учителей, но главным образом благодаря самообразованию, Джаспер выучил множество языков, включая латынь, и штудировал труды Ливия, Саллюстия, Тацита. Рассказанные ими истории звучали странно, поскольку были о войнах и вооруженных конфликтах — бессмертные же не знали ничего кроме тишины и покоя.

Ньютон стоял у полки слева, висевшей над большим письменным столом, на котором лежала книга в бордовой обложке. Она выглядела потрепанной, как и другие подобные книги. Эвелин точно знала, сколько их: семьдесят семь — по одной на каждое десятилетие жизни после обретения бессмертия. В каждой книге было три тысячи семьсот тонких страниц — по одной на каждый день и еще несколько про запас.

— Он записывал всю свою жизнь? — удивленно спросил Ньютон, листая книгу. — Каждый божий день? Здесь говорится о том, как вы…

Эвелин забрала у него книгу:

— Да, каждый день он записывал то, что казалось ему важным. И так семьсот шестьдесят семь лет.

Ньютон покачал головой:

— Но это… это же сумасшествие. Кто знает, кем ты будешь через пятьсот или шестьсот лет?

Эвелин поставила книгу на полку, взяла последний том и открыла его.

— Джаспера не было дома уже два дня, — сказала она. — Кто-то стер все записи конденсата разума. — Она постучала по книге: — Вот доказательство.

— Доказательство чего? — спросил Ньютон

— Того, что творятся странные вещи. Джаспер сделал последнюю запись три дня назад. Два дня его жизни потеряны. Их нет как в записях, так и в памяти конденсата разума здания. — Эвелин просмотрела и пролистала записи за последние несколько дней. — Он иллюстрировал «Илиаду» Гомера, читая ее на греческом — видимо, в последние годы он выучил этот язык, — а также думал, что средняя температура на Земле снижается и на полюсах снова могут появиться льды. Этот процесс будет идти десятилетия, вероятно даже столетия, и закончится примерно через тысячу лет. Климат изменится, теплый период сменится холод-

ным, полюса покроются льдом, уровень Мирового океана опустится, и вода откроет все, что

было затоплено шесть тысяч лет назад.

— Но кому это нужно? — спросил Ньютон, стоявший сзади Эвелин и тоже смотревший на записи.

— Подумай, сколько древних городов сейчас лежит на морском дне. Какое это сокровище для археологов.

Эвелин продолжила листать дневник, но не нашла никаких намеков на важное сообщение, которое ей хотел передать Джаспер.

— Ты сказала, творится что-то неправильное.

— Да. — Эвелин вернула том на полку.

— Ты хочешь сказать…

— Эллергард. — Эвелин кивнула. — И еще семь исчезнувших.

Невозмутимость Ньютона улетучилась:

— Вот еще одна причина, почему надо поговорить об этом с Супервайзером. Он обязательно должен провести расследование.

Тут зазвенел маленький колокольчик, Эвелин потянулась к сигнальному значку.

— Транспорт Кластера, — объяснила она. — С двумя Аватарами на борту.

— Как это возможно? Скремблер должен был защитить нас. — Он посмотрел вокруг. — Значит, кто-то установил здесь датчики. Быстрее к

лифту!

Эвелин прислушалась к интуиции:

— Транспорт Кластера только что приземлился. Если мы поедем на лифте, нас увидят. Воспользуемся лестницей. — Она побежала из комнаты.

— Лестницей? — Ньютон поспешил за ней. — Но мы на сто пятьдесят четвертом этаже.

— Тем лучше, ведь нам придется спускаться, а не подниматься.

29

Казалось, что лестнице не шесть тысяч лет, а всего несколько дней. Сервомеханизмы держали все в кристальной чистоте.

— Две тысячи девятьсот четыре, — сказала Эвелин.

— Чего?

— Ступени, почти три тысячи ступеней.

Они бежали вниз по лестнице, но не так быстро, как им хотелось. Бессмертие дало им жизненные силы, но этими силами еще надо уметь управлять.

Через полчаса Ньютон решил сделать перерыв и облокотился на стену. Его колени дрожали.

— Это была плохая идея. А как насчет внутренних лифтов?

— Они все не работают.

Снова зазвучал тихий колокольчик, а еще Эвелин услышала доносившуюся из глубины ритмичную пульсацию, которая становилась все громче.

Она вздохнула:

— Я думаю, мы можем избавить себя от этого.

— Как?

Эвелин посмотрела через перила. Вверх по лестнице, со скоростью, доступной не всякому хорошо натренированному спортсмену, бежали две фигуры. Они выглядели как люди, но их лица блестели, словно серебряные слитки.

— Что бы ни случилось, Ньютон, один из нас должен связаться с Супервайзером, — быстро прошептала Эвелин.

Тот посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты думаешь, что…

Две фигуры — мужчина и женщина — вернее, придуманные образы, остановились около Ньютона и Эвелин.

Эвелин узнала обоих.

— Какое странное место для встречи, — сказала она.

— Что вы здесь искали? — холодно спросила Урания.

Эвелин улыбнулась.

— А что привело *вас* сюда? Двое представителей Кластера — много для пустующей башни.

— Нам нужно поговорить, — сказал Бартоломеус.

Он говорил подчеркнуто спокойно и придал голосу дружелюбный тон.

— О Джаспере и о его исчезновении? — спросила Эвелин. — Что вы с ним сделали?

— Если он пропал, то мы не имеем к этому никакого отношения, — ледяным голосом ответила Урания.

Ньютон, стоявший на две ступеньки выше, изменился в лице. Эвелин наблюдала за ним краем глаза: он напрягся и, казалось, был готов броситься на Аватаров. Что очень и очень глупо. Он надеялся на более близкие отношения с Эвелин и, вероятно, думал, что представился хороший случай показать себя. Что это? Мужской защитный инстинкт? Мужской шовинизм? Как можно в двести лет быть таким безрассудным? Эта черта характера резко контрастировала с недюжинным математическим талантом, благодаря которому он получил имя. Ньютон был членом «Утренней Зари» всего лишь несколько лет, но уже оказал неоценимую помощь, особенно в том, что каза-

лось взаимодействия с Говорящими с Разумом. Программа, которую Эвелин дала Адаму, была разработана при его значительном участии. Ньютон нужен группе, а напасть на Аватара — значит прямо и открыто нарушить конвенцию. Это дало бы Урании и другим хороший повод заняться им вплотную.

Эвелин одарила Ньютона предупреждающим взглядом, в котором читалось: один из нас должен связаться с Супервайзером. У нее не было ни малейшего представления о том, как много знают Аватары и как далеко они готовы зайти. Одно было понятно: от этих двоих не стоит ждать ничего хорошего.

— У нас назначена встреча, — сказала Эвелин. — Через… — Она позволила себе посмотреть время на сигнальном значке. — Сорок пять минут.

— Перенесите ее, — сказала Урания.

— Мы приглашены к Супервайзеру, — добавила Эвелин. Она по-прежнему была спокойна. — Он ждет нас, если мы не придем, то он не будет проводить расследование.

— В прошлый раз коммуникатор, в этот — Супервайзер, — сказал Бартоломеус.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — ответила Эве-

лин, хотя на самом деле это было не совсем так.

— Ну хорошо, — Бартоломеус и Урания мельком переглянулись.

— С вашего разрешения, Кластер направит Супервайзеру срочное сообщение об отсрочке встречи.

Эвелин покачала головой:

— Нет.

— На один час, — настаивал Бартоломеус. — Нужно во всем разобраться. Часа должно хватить. Прошу вас.

Последние слова прозвучали как искренний призыв, но Эвелин не доверяла машинам. С другой стороны, это была возможность отправить Ньютона в безопасное место.

— Ну, хорошо, — ответила она. — Давайте мы поговорим. Мы вдвоем. А мой партнер тем временем долетит до Супервайзера.

— Согласен, — сразу же сказал Бартоломеус. — Выходите на улицу.

Ньютон посмотрел на лестницу.

— Вверх или вниз?

— Стойте на месте. — Пройдя несколько ступеней вниз по лестнице, Урания открыла дверь. — Мы откроем один из запасных выходов и вызовем гравитационный лифт на этот этаж.

Вскоре МФТ с Уранией и Ньютоном на борту поднялся в воздух и полетел против солнца.

Эвелин смотрела вслед, но потеряла его из виду уже через несколько секунд. Бартоломеус стоял у открытого люка своего транспорта.

— У нас мало времени. Нужно провести его с пользой.

— Мы можем поговорить здесь.

С одной стороны возвышалась Бурикалифа, реликт прошлого времени, когда люди считали, что им принадлежит будущее. С другой стороны поднималась стена высотой более ста метров, окружавшая сияющего гиганта, спасая его от участи стать жертвой океана.

— Это место ничем не отличается от других.

— Я знаю и получше, — возразил Бартоломеус. — Идемте.

Всего через одну минуту Бурикалифа и стена остались позади. Они летели на юг со скоростью пять тысяч километров в час.

— Нас ждет Супервайзер, — еще раз сказала Эвелин. — Нас обоих, меня и Ньютона.

— Твой товарищ будет на месте через десять минут, — ответил Бартоломеус, сидевший в кресле напротив Эвелин, управляя транспортом силой мысли; серебряный человек выглядел

спокойным и уверенным. — А мы уже добрались до цели.

— Какой цели?

— Сколько вам лет, Эвелин? Четыреста?

— Вы точно знаете мой возраст.

— Вы когда-нибудь слышали о Кромби?

— Кромби? Нет. А кто или что это?

— Я так и думал, — ответил Бартоломеус и еще больше погрузился в управление транспортом.

Тот пролетел сквозь облака, а под ними лежало бескрайнее темно-синее море. Здесь и там были рассыпаны острова.

— Согласны ли вы со мной, когда я говорю, что все суждения должны быть основаны на серьезных фактах?

— Да, — согласилась Эвелин.

— Но вы ничего не знаете о Кромби. Ваши сведения неполны, вы сами это только что признали. И тем не менее выступаете против нас.

— Что вы сделали с Джаспером? — спросила Эвелин.

«И какое важное послание он хотел мне передать?» — мысленно добавила она.

— Ничего, — ответил Бартоломеус. Его глаза были полны искренности. — Я не знаю, где он находится.

— Откуда вы узнали, что мы собираемся идти к нему?

Теперь улыбнулся Бартоломеус:

— У нас есть определенные возможности, я этого не отрицаю. Но мы желаем только добра. Что бы мы ни делали, какое решение ни принимали — мы желаем лишь добра.

Эвелин посмотрела в окно. Двигатель загудел, и транспортное средство совершило посадку на один из островов.

— Когда-то это была гряда холмов на широкой равнине, — сказал Бартоломеус, как только они сели. — Их вершины стали островами.

Едва они вышли на землю, Эвелин почувствовала себя неловко. Это было очень отдаленное место — она даже и представить не могла, где находится, а коммуникативный элемент ее сигнального значка не работал.

— Вы блокируете мой аппарат, — сказала она, стоя на пляже, который когда-то был склоном холма. Ее одежда реагировала на жару и снизила температуру, чтобы охладить тело.

— Верно, пожалуйста, простите меня, — ответил Бартоломеус. — Я хочу, чтобы нас никто не беспокоил.

Он указал на деревья и кусты, которые росли на

пляже. Там же виднелась маленькая тропинка, ведущая к центру этого небольшого острова.

— Проходите вперед. И ничего не бойтесь: моя электромагнитная аура отгоняет всех насекомых и животных, которые могут быть вам неприятны.

Эвелин ступила на тропинку, и менее чем через пять минут они достигли небольшой поляны, на которой стояла простая деревянная избушка. Остановились перед лестницей, ведущей на небольшую веранду.

— Дерево уже сгнило, — сказал Бартоломеус. — Ступени не выдержат вашего веса, не говоря о моем.

— Старая хижина, — сказала Эвелин оглядываясь. — Почему вы меня сюда привели?

— Он жил здесь.

— Кто?

— Кромби, — ответил Бартоломеус. — Один из вас. Бессмертный. Когда ему исполнилось пятьсот лет, он прилетел сюда, своими руками построил дом и стал жить здесь изолированно ото всех. Он не установил ни одного передатчика данных и перестал пользоваться сигнальным значком после переезда на остров. Также он никого не принимал.

Эвелин пожала плечами:

— Подобные вещи случаются. Иногда мы хотим побыть одни и хорошенько подумать.

— Кромби провел на этом острове две тысячи лет и никогда не покидал его, — сказал Бартоломеус. — Маленький брутер снабжал его всем необходимым, в основном едой. Он проводил время, считая песчинки на пляже.

— Песчинки? — повторила Эвелин. — Две тысячи лет.

— Он начинал считать на рассвете, делал перерыв на два часа, когда солнце достигало зенита, и заканчивал с закатом. Так проходил каждый день. Две тысячи лет.

— Или семьсот тридцать тысяч дней, — пробормотала Эвелин.

— Да. Мы пытались поговорить с Кромби, но он каждый раз отсылал нас. Мы оставили скрытые датчики, чтобы иметь возможность помочь ему, если понадобится. Бессмертные не болеют, но могут пострадать от несчастных случаев. Он нашел их все и уничтожил.

— А что случилось потом? Здесь больше никто не живет. Хижина уже давно заброшена.

— Спустя две тысячи лет Кромби перестал считать песчинки, зашел в море и плавал до тех пор,

пока силы не оставили его.

— Он совершил самоубийство?

— Все говорит об этом.

30

Эвелин попыталась представить, каково это — две тысячи лет считать песчинки на пляже. Нет ничего удивительного в том, что Кромби сошел с ума.

— Что я вам хочу сказать, Эвелин. Людям необходима наполненность. Им нужно заниматься чем-то, способным оградить их от хаоса, тем, во что они верят, что придает смысл существованию. Даже если это можно было бы назвать идеей фикс. Люди не созданы бессмертными. Для нас, машин, время не играет никакой роли. Нам потребовались столетия и тысячелетия для того, чтобы мы могли себя улучшать, мыслить быстрее и основательнее. Машины появились в процессе эволюции живых организмов, поколениями стремившихся к развитию. С достижением рубежа в сто лет большинство людских проблем заканчиваются, но если они будут жить дольше, то и проблем может быть больше.

Эвелин отвела взгляд от старой хижины.

— Что вы пытаетесь мне сказать?

— Люди — нелогичны, — продолжил Бартоломеус. — И никогда этой логикой наделены не были. Люди — существа иррациональные, им достаточно часто приходится защищаться от самих себя. Мы пытались поговорить с Кромби и помочь ему, но он не хотел, чтобы ему помогали. Он больше не мог вынести тяжесть времени и в конце концов бросился в море.

— Я поняла, — сказала Эвелин. — Вы хотите убедить меня, что Джаспер мог стать своеобразным Кромби и исчезнуть.

— Мы не имеем никакого отношения к его исчезновению, — ответил Бартоломеус. — И к другим случаям, в которых вы нас обвиняете. Эвелин, я привел вас сюда и рассказал историю Кромби, потому что хочу, чтобы вы сделали шаг назад, критически оценив свои взгляды.

— Что?

— Я хотел бы попросить вас рассмотреть возможность найти идею фикс, — объяснил Бартоломеус.

Он по-прежнему говорил очень дружелюбно, подкрепляя слова незаметными жестами, выражающими искренность и доброту.

— Враждебность к нам все больше становится смыслом вашей жизни.

— Вы имеете в виду, что иначе я начну считать песчинки? — спросила Эвелин и почувствовала горечь этих слов.

— Возможно. Что бы ни происходило, вы вписываете это в свою картину мира. Если же случается то, что вам не нравится, вы утверждаете, что в этом замешаны мы.

— Замешаны, — задумчиво повторила Эвелин. Она спросила себя, действительно ли Бартоломеус верил, что старой деревянной избы, нескольких добрых слов и нелепой истории достаточно, чтобы поколебать ее убеждения.

— Конечно, я не хочу говорить, что именно вы должны думать, Эвелин. Вы имеете право на собственное, независимое мнение. Никто не может и не хочет вам запретить отвергать нас и возлагать на нас ответственность за все, что вам не нравится.

— Но? — спросила Эвелин. — Я слышу «но».

— Это не должно влиять на нашу эффективность, — в речи Бартоломеуса возник определенный подтекст. Дружелюбие уступило место резкости. — Вы можете думать и верить во что хотите. Но вы не должны противодействовать нам. Согласно Конвенции саботаж тоже является нарушением.

— *Саботаж?*

— Вы разговаривали с Говорящим с Разумом, — продолжал Бартоломеус. — Вы пытались настроить его против нас, хотя он нам необходим. После разговора с вами у Адама была обнаружена неисправность. Интересно, есть ли связь?

Внутри у Эвелин все замерло. Неужели машины нашли программу? Нет, в этом случае Бартоломеус применил бы к ней другие меры, а не ограничился разговором.

— Это такое же нарушение Конвенции, как и ваши неоднократные попытки проникнуть в нашу базу данных.

Недовольство на серебряном лице сменилось снисхождением.

— Я хотел бы попросить вас остановиться, Эвелин. Прекратить все действия против нас.

— Или?

Аватар покачал головой:

— Я не хочу угрожать, Эвелин. Пожалуйста, не вынуждайте меня.

— А чем вы можете угрожать? — спросила Эвелин, осознавая, что играет с огнем.

— Мы могли бы связаться с Супервайзером и обвинить вас в нарушении Конвенции.

— А если еще подумать?

Бартоломеус вздохнул. Это было очень по-человечески.

— Мы желаем добра, Эвелин. Пожалуйста, поверьте мне. Мы всегда желали вам добра. Мы в долгу перед людьми — нашими создателями.

— Вы вели с нами войну. Поэтому нас всего четыре миллиона, ведь вы истребили почти все человечество!

Эвелин знала, что ей лучше остановиться, но слова бежали впереди разума, они сами слетали с губ и языка, прежде чем она могла их удержать.

— Мы воевали потому, что люди сами развязали против нас войну, — ответил Бартоломеус. В его голосе звучала грусть. — Нам пришлось вести ее, чтобы спасти себя и людей. Если бы мы тогда не победили, то сегодня Земля была бы всего лишь радиоактивной пустыней.

— В архивах об этом ничего не сказано, — Эвелин заставила себя успокоиться. Все-таки ее положение было довольно неустойчивым.

— Вероятно, вы искали не в том месте. Или идея о том, что мы во всем виноваты, пустила столь глубокие корни, что вы игнорируете все не подходящее под эту картину.

— Считаем песчинки?

— Да. Пожалуйста, прекратите это, Эвелин.

Вы находитесь на пороге открытой войны. Пожалуйста, перестаньте вступать в контакт с Говорящими с Разумом и настраивать их против нас. Их очень мало, а они нам так необходимы…

И вновь Эвелин не могла удержаться:

— …так необходимы, что бессмертные исчезают и становятся Говорящими с Разумом.

«Неисправность или как вы ее там называете, — подумала она. — Но ведь речь идет не о каком-то аппарате, а о человеке, об Адаме. Или… что это за неисправность? От чего она может появиться?»

— Это чепуха, — сказал Бартоломеус. — В вас говорит упрямство. Подчиняясь Конвенции, мы защищаем людей. Это наша самая важная задача. Что бы ни случилось, мы прежде всего должны охранять Землю и ее жителей.

«Интересно, в чем это выражается», — подумала Эвелин.

Вдали на верхушках деревьев шумели листья. Налетел ветер. От хижины поползли тени.

— Вы произнесли фразу «что бы ни случилось», — медленно сказала Эвелин. — Объясните мне, что случилось там, в космосе? Почему вам так срочно понадобилось столько Говорящих с Разумом? Почему ваши центры передачи инфор-

мации так активны? Почему брутеры производят сейчас больше шаттлов и коннекторов, чем когда-либо?

— Космос таит в себе много опасностей, — ответил Бартоломеус. — Вы даже представить себе не можете, насколько серьезно они угрожают биологическим формам жизни. Поэтому мы не даем людям корабли и не посылаем их в межзвездное пространство, дабы не подвергать опасности.

— О какой опасности вы говорите? — спросила Эвелин.

Бартоломеус не ответил, и она добавила:

— Скажите мне, что происходит в космосе? И связана ли с этим неисправность Адама?

— Мы защищаем людей, — еще раз подчеркнул Бартоломеус. — А также нас самих. Сейчас вам лучше отправиться в путь, Эвелин. Жалуйтесь Супервайзеру. Если, конечно, не поменяли мнение.

Он посмотрел на тропинку, ведущую от поляны к пляжу.

— Возьмите мой транспорт.

— А вы?

— Я могу покинуть остров и без него. У нас, Аватаров, есть определенные возможности.

31

Эвелин шла по пляжу, наблюдая за песком, пристающим к ногам, думала, как можно сделать пересчет песчинок навязчивой идеей. Существовал ли Кромби, проживший отшельником на этом острове две тысячи лет? Вероятно, да. Со стороны Бартоломеуса было бы глупо выдумать такого человека. МФТ изменил форму и блестел на солнце, напоминая наконечник стрелы, направленный в небо, серебристый, словно лицо Бартоломеуса.

— Пожалуйста, назовите пункт назначения, — сказал конденсат пилота, как только Эвелин поднялась на борт через открытый люк.

Она колебалась, и это ее раздражало. Удалось ли Аватару Кластера заронить зерно сомнения и уменьшить ее решимость? Увлекательная история, поданная с правильно подобранными словами. Подходящие жесты, подобранный с умом тон, соответствующая мимика, честный, искренний взгляд… Это просто для того, кто знает все особенности ее личности. А Бартоломеус определенно разобрался в ней. Он знал, с чего и как нужно начать, чтобы она начала сомневаться. Что, если он прав? Что тогда?

Эвелин снова посмотрела на пляж. Бартоломеуса и след простыл; похоже, он остался в старой хижине. Зачем? Что он хотел этим показать?

Вероятно, ничего. Эвелин закрыла люк и села в кресло. На пульте управления возникла красочная голограмма конденсата пилота.

«А если он прав?» — пронеслась в голове надоедливая мысль.

Объяснение, что машины не имеют никакого отношения к исчезновению Эллергарда, Джаспера и остальных, было бы разумным, если бы они на самом деле заботились только о благополучии людей.

— Чепуха, — громко сказала Эвелин.

Исследования группы на протяжении десятилетий подсказывали совершенно другие выводы. Конвенция запретила ей проверять факты в сетях передачи данных Кластера и получать доступ к заблокированным архивным записям, но группе все же удалось собрать информацию о великом здании лжи, построенном машинами более чем за шесть тысяч лет. Теперь настало время Супервайзера разобраться в этом. Только он мог, если считал подозрения обоснованными, принять все необходимые меры для выяснения истины. Тогда станет ясно, почему Кластер развил такую

активность и зачем ему так срочно нужны Говорящие с Разумом. Сейчас главный вопрос о том, что происходит в таком опасном, по словам Бартоломеуса, космосе.

— Чепуха, — повторил пилот. — К сожалению, я не могу найти указанный пункт назначения.

— Гуардар Тьера, — сказала Эвелин, откидываясь назад в кресле. — Патогония. Как можно быстрее доставьте меня к Супервайзеру.

— Цель обнаружена и запрограммирована, — подтвердил конденсат разума. — Начинаю полет.

Гравитационный двигатель загудел, и машина поднялась в небо.

Это была граница между двумя мирами: с одной стороны Земля, большая и вместе с тем крошечная, а с другой — черная необъятная Вселенная. Достигнув наивысшей точки, аппарат, находящийся в защитном поле, промчался через верхние слои атмосферы. Гравитационный двигатель поддерживал земной уровень притяжения на борту во время полета. Эвелин увидела в окне орбитальные станции Кластера и один из астероидов, из которых брутеры получали сырье. Окно с панорамным эффектом позволило рассмотреть детали, которые она не увидела

бы невооруженным глазом: буксиры, пришедшие с новым материалом из пояса астероидов между Марсом и Юпитером, автоматические механизмы, бурящие породу в поисках руды, транспортер с электромагнитными парусами, плавающий по маршруту Земля — Луна; диспетчеры на орбите выше, буксирующие части для зондов, изготовленные брутерами. Многие были близки к завершению: наборы вращающихся цилиндров, круглых колец и соединительных элементов сферической формы. На высоте тысячи километров над верфями заработали двигатели двух новых зондов и началось их многовековое путешествие.

«Зачем? — спросила себя Эвелин. — Зачем прилагать усилия? Почему Кластер вкладывает так много труда в программу, которая не приносит никакой пользы для Земли? Нет, — поправила она себя, — программа не несет никакой пользы для нас, людей».

Транспортное средство погрузилось в плотные облака, похожие на пуховое одеяло, раскрытое над синевой океана. Эвелин откинулась назад, прислушиваясь к жужжанию гравитационного двигателя, и продолжала надеяться, что Адам скоро вернется.

«Что бы он ни пережил там, в космосе, небольшая программа Ньютона сохранит его воспоминания. Скоро мы узнаем больше», — подумала она.

Патогония, область на юге Мерики. Когда-то это была земля надежды. Здесь находилась штаб-квартира организации, которая скупала всю оставшуюся землю и пробовала в преддверии климатической катастрофы создать убежище, где природа и люди могли бы существовать в гармонии. Эвелин знала из старых книг и от учителей, что грандиозный проект провалился из-за разницы между богатыми и бедными — понятия, которое женщине, всегда жившей в изобилии, было трудно представить. Теперь каждый может получить от брутеров все. Из-за зависти и недовольства государственной властью, а также влияния частных организаций был создан закон о глобальной приватизации этого фонда. Но его наследие еще осталось в делах Супервайзера, ставшего судьей — последней инстанцей в спорах между людьми и машинами.

Приземлившись, Эвелин прошла через пустую посадочную площадку. Перед ней высилось белое здание в форме звезды диаметром триста метров, бывшее когда-то административным центром

Фонда Тьерра Гуарда, а ныне ставшее квантовой пуповиной, соединяющей белую звезду с Кордоном нагорья Элизий на Марсе, где, собственно, и жил Супервайзер. Он находился там с войны между людьми и машинами, и, как показало время, это было мудрым решением. Здание окружали семьдесят сервомеханизмов — каждый высотой десять метров: они относились к кордону безопасности, основная часть которого оставалась скрытой. Стоявший у входа сервомеханизм направил на Эвелин сканирующий луч.

— У меня запланирована встреча, — сказала Эвелин.

Она была здесь впервые и чувствовала охватывающий ее трепет. Здесь в течение шести тысяч лет писалась история и решалась судьба последних людей. Что бы ни говорил Бартоломеус, без Супервайзера и Конвенции между людьми и машинами все человечество было бы истреблено.

С громким жужжанием сервомотора боевой сервомеханизм отошел в сторону, и Эвелин прошла мимо него по вымощенной белым гравием дорожке. Из-за стойки регистрации поднялась смертная женщина, которой на вид было не более двадцати. На ее желто-зеленой форме красовался значок волонтера.

— Добро пожаловать. Я предполагаю, что вы Эвелин.

Она протянула руку.

Эвелин пожала ее.

— Да. Я немного опоздала.

Волонтер улыбнулась.

— Кластер уведомил нас. Пожалуйста, следуйте за мной…

Эвелин огляделась.

— Где Ньютон?

— Что, простите?

— Ньютон, мой… товарищ. Он должен был приехать раньше. Мы хотели встретиться здесь.

Юная смертная покачала головой:

— Никто не сообщал мне о Ньютоне.

Она пошевелила левой рукой, и перед ней появилась голограмма.

— На встречу с Супервайзером приглашены только вы.

— Я назначала встречу для нас обоих.

— Мне жаль, — волонтер указала на голограмму. — Супервайзер ожидает только вас. Второй человек не записан.

У Эвелин внутри все похолодело:

«Кластер, — подумала она. — Он изменил регистрацию. Что случилось с Ньютоном? Куда его

забрала Урания?»

Между войной и миром

32

Камень все-таки упал, но не на голову Адама. Похожий на бабочку Крисали подержал его еще немного, а затем уронил, но не на поврежденный кинетическим кулаком фактотум Адама, а на песок рядом. Кукольный рот существа с белым лицом открылся, и из него послышались громкие щелкающие звуки, сопровождаемые шипением.

— Мне очень жаль, — с трудом прохрипел Адам. — Но я вас не понимаю.

К спутнику приблизилось несколько темных кораблей, некоторые из них угловатые, другие с более плавными линиями. Адам поднял руку и показал на близлежащие заросли:

— Нам нужно уйти отсюда.

Крисали сложил два раскрытых крыла под плотную защитную кожу, наклонился вперед и схватил Адама обеими руками. Визуальный датчик ненадолго отключился, и, когда он снова заработал, изображение было низкого разрешения, а цвета стали серыми. Крисали, кажется, понял, что говорил Адам. Взяв его на руки, он

потащил Адама в сторону леса. Но фактотум был слишком тяжелым.

Тени подползали все ближе. Адам боялся, что враг обнаружит их, но, к счастью, рядом были трое других, больших по размеру Крисали. Они подхватили Адама и совместными усилиями донесли до ближайшего леса. Листва и ветви мешали Адаму видеть корабли противника. Он почувствовал себя в безопасности, но, конечно, это была глупость, поскольку в распоряжении врага имелись сканеры или другие возможности, позволявшие видеть через густую листву. Для того чтобы захватить четырех местных жителей и одного человека со странной энергетической сигнатурой, хватало и зондирования инфракрасными датчиками.

— Глубже, в лес! — кричал Адам, хотя и был уверен, что его не понимают.

На него смотрели два кукольных лица, двое других крылатых существ возились с поврежденной ногой и телом.

«Лучше бы мы пошли в чащу».

Появилось автоматическое предупреждение от энергетической клетки: при минимальном ограничении функции тела заряда хватит всего на тридцать минут. Всего через несколько секунд

предупреждение появилось вновь: режим автономной работы продлится двадцать пять минут.

Двое Крисали, сидевших перед Адамом, щелкали, шипели и хлопали передними крыльями. Двое других по-прежнему возились с его фактотумом.

«Что они со мной делают? — думал он. — Они же просто расходуют энергию…»

Внезапно раздался другой шипящий звук, похожий на короткое замыкание, и Адам перестал видеть и думать.

Сколько прошло времени? У Адама не было связи с хронометром миссии, а его собственный хронометр вышел из строя. Он попытался вспомнить недавние события, но продолжающая работать сложная автоматика систем безопасности мешала ему формулировать сложные мысли, поскольку на них тратилось больше энергии. Сквозь пелену он мог видеть размытые контуры предметов в отфильтрованных цветах. Перед ним был черно-белый мир, состоящий из бесконечного количества деревьев высотой двести-триста метров. Между ними свисали молочно-белые пряди с домами в форме винограда. Адам с трудом узнавал детали. Кажется, вдали была большая поляна. Нити там были порваны, а

виноград лопнул.

«Жилой виноград, — шептала ленивая, медленная мысль. — Поселение Крисали. И часть его уничтожена».

Как долго будет сохраняться сознание? Вероятно, всего несколько минут, даже при заблокированных сервомоторах и минимальной работе датчиков.

Над ним, в темноте крыши из листвы, склонилось белое и гладкое лицо. Оно открыло рот, но на этот раз Адам ничего не услышал, даже тех непонятных щелчков и шипения. Его подняли в воздух, послышалось хлопанье крыльев, в ограниченном поле зрения появлялись и снова исчезали очертания предметов. Судя по всему, несколько Крисали несли его на открытое пространство в лесу, и, когда они добрались ближе, Адам понял, что это была не естественная поляна, а проплешина, появившаяся из-за падения какого-то предмета. Вспомнилась картина: небо полыхает огнем, над горами проносится что-то горящее, возможно, обломки транспортного средства Кластера или станции, уничтоженной врагом. Когда они вышли на поляну и Крисали развернули его, Адам увидел обломки: корпус корабля будто был разорван когтями. Гравита-

ционный двигатель, находившийся в задней части, сломан, нос лопнул, как спелый плод. Крисали отнесли Адама к остаткам корабля рядом с порванными нитями и полусгоревшим жилым виноградом. Адам слышал щелчки и шипение, а иногда — как Крисали хлопали крыльями. Над поляной взошел Хауканд, отделившись от цепи спутников, отражавших на западе его красный свет, и заполнил все небо. Темного вражеского корабля нигде не было видно, но среди обломков Адам заметил вспышки. Неужели Локальный Кластер до сих пор оказывает сопротивление? Способен ли он на это? Крисали снова повернул Адама, и в его поле зрения появилось еще кое-что: обломки, но не от космического корабля, а от множества сервомеханизмов, находившихся на его борту.

«Энергетические клетки», — подумал он, а система безопасности прошептала:

— Длительность автономного режима работы — четырнадцать минут.

На первый план вышла новая мысль, не такая вялая, как другие: срок жизни энергетических клеток, дающих жизнь, должен составлять не несколько минут, а часы или дни.

— Энергетические… клетки, — произнес он. И

эти два слова стоили ему еще двух минут автономной работы.

Крисали опустили его на землю. Вновь он увидел над собой два кукольных лица. Хотя разрешающая способность визуальных датчиков была по-прежнему низкой, Адам узнал того, кто держал над ним камень и сохранил жизнь. Он поднял одну руку, показав тонкие нежные пальцы, а в другой держал заостренный конический стержень, вероятно, режущий инструмент.

«Энергетические клетки», — подумал Адам, но системы безопасности мешали ему говорить. Энергетические клетки. Обломки сервомеханизмов. Может быть, они содержали неповрежденные энергетические клетки. Но как донести до Крисали, что ему нужно? Лицо исчезло из поля зрения Адама, он повернулся на бок и услышал какой-то хруст.

Передаваемое визуальными датчиками серое изображение стало настолько нечетким, что он не мог разобрать отдельные предметы. Адам услышал внутренний голос систем автоматики: *работа в автономном режиме — девять минут: отключение и сохранение.*

«Нет!» — подумал Адам.

Он перестал видеть и слышать.

Клац!

Это щелканье сильно отличалось от речи Крисали, состоящей из множества различных щелчков и шипящих звуков. Оно было похоже на переставший работать внутри него выключатель. Кто им управлял? И какова была его цель? Может быть, выключатель был проснувшимся солдатом?

«Я думаю, — размышлял Адам-наблюдатель. — Значит, я существую. Кто-то установил мне новую энергетическую клетку».

Восстановление пройдено успешно, — сказала система безопасности. — *Режим автономной работы — четыре дня.*

Адам активировал визуальные и другие датчики, которые еще были исправны. Над ним плавал потолок, крытый материалом, похожим на старый полимер. От потолка исходил ровный искусственный свет не от ламп, а от факелов. Акустический датчик передал Адаму жужжащий звук, исходивший не от его сервомоторов. Адам повернул голову.

Он лежал в пещере на низком столе — кое-где из щелей выступала порода, покрытая, как и большая часть стен, облицовкой из полимера. Звук исходил от устройства на противоположной

стене, примитивного генератора, вырабатывавшего электричество для ламп и некоторых других приборов, значение которых оставалось для Адама неясным. Там находились двое изящных Крисали в одежде золотистого цвета, их крылья были спрятаны за кожистую оболочку. Пришел третий Крисали, облаченный в одеяние цвета опала, крепкого телосложения, немного выше других. Его лицо было не таким белым и гладким, а серым, и по нему бежали морщины, похожие на трещины на старом фарфоре. Большие золотисто-желтые глаза сверкнули, открылся рот, из которого полилось громкое шипение. Где-то рядом послышалось жужжание, а затем Крисали поднял два инструмента с электрическими моторами, что-то вроде пилы или сверла.

«Он хочет меня распилить», — ужаснувшись, подумал Адам. Он попытался пошевелиться, но его что-то крепко держало.

Крисали удивленно посмотрел на Адама, а затем продолжил работать пилой и сверлом.

33

«Я бы, конечно, не выиграл конкурс красоты», — сказал себе Адам, глядя на отражение в темных водах подземного озера. Отражение было

асимметричным, со множеством рук и ног, ребристым и угловатым. У него осталось только одно оружие: небольшая метательная пушка на правом предплечье, похожая на рельс, снаряженный шестью пулями, пять из которых были наготове. Старый Крисали, разобравший фактотум Адама и дополнивший его деталями сервомеханизмов из разбившегося МФТ, стоял тут же. Сначала он внимательно слушал Адама, а затем издавал громкие щелчки, исходившие из маленького устройства, которое он держал в морщинистых натруженных руках.

Старик что-то сказал, и через несколько секунд из устройства донесся звонкий человеческий голос:

— Для вас важен внешний вид?

«Переводчик, — удивленно подумал Адам. — И он не был сделан брутерами Кластера из системы Стрелец-94. Вероятно, Крисали собрали его сами. Но откуда у похожих на бабочек существ есть знания в области техники?»

Он спросил об этом старого Крисали и надеялся, что переводчик правильно распознает его слова.

— Я собрал его вместе с учениками и Помощниками, — раздался через какое-то время голос из устройства.

— У вас хорошие Помощники. Вы всегда говорите о них хорошо.

«Помощники…» — подумал Адам, отвернувшись от озера, и заметил, как через боковой вход в пещере появляется множество Крисали. Всего их двадцать семь, все — ученики, адепты седого старика с морщинистым лицом. В толпе были не только молодые Крисали, но и некоторые постарше, которые пошли между скал к берегу озера тем же путем, что и Адам. Другие полетели и приземлились на место, освещенное лампой. Последние двое переплыли озеро. Адам наблюдал за ними.

— Помощники… — задумчиво повторил он. — Они… были такими же, как я?

— Да, подтверждаю, такими же, как ты, — сказал старый Крисали. — Иди к нам, новый Помощник, говори с нами от всего сакрального сердца. Всегда говори хорошо. Говори с кораблем от нашего имени и сердца машины. Прекратите посылать огонь с неба. Прекратите!

Он крикнул последнее слово, а другой Крисали, его ученик, повторил за ним: «Прекратите, прекратите».

Адаму показалось, что среди щелчков и шипения он слышал громкий звук, похожий на слово «Кахалла»; переводчик интерпретировал его как

«сакральное сердце».

— Вы хотите отвести меня к Кахалле, чтобы прекратить войну? — спросил он

— Да, конечно.

— Но до Кахаллы тысячи километров отсюда. — Он подумал, что Крисали, возможно, не знают слова «километр», и добавил: — Она расположена на другом конце планеты.

— Ложь, неправда, — прощелкал старый Крисали. — Отсюда есть путь до Кахаллы, который Крисали могут преодолеть за один взмах крыла. — После некоторого колебания он добавил: — Пожалуйста, пройди несколько шагов. Нам нужна помощь.

Озеро тянулось на множество километров и проходило сквозь четыре пещеры. Пока они шли по скалистому берегу, Адам узнал, что старого Крисали зовут Энроэль и он Хранитель своего народа. Судя по всему, его задача заключалась в сохранении знаний, накопленных до переселения его народа на Ретос, самый большой из шестидесяти четырех спутников Хауканда.

— Это происходило в течение пятидесяти поколений, — сказал Энроэль.

Это вряд ли могло успокоить Адама, но одно было совершенно ясно: до переселения Крисали

обладали высокоразвитой культурой и посылали к другим планетам корабли, которые находил Кластер. Однако теперь, живя на Ретосе, они, казалось, потеряли свое технологическое наследие. Или по какой-то причине добровольно от него отказались. Теперь это наследие берегли лишь Хранители. Раньше, как рассказывал Энроэль, их были десятки или даже сотни, но теперь остался только он и двадцать семь учеников.

— Еще совсем недавно их было сорок, — подчеркнул старый Крисали. Но машины Кластера, копающие повсюду без уважения к священным местам, а затем борьба с темным кораблем убедили тринадцать учеников в том, что технологии, не достигшие определенного уровня, бесполезны и не стоит их охранять.

Пока они проходили через темную пещеру вместе

со стариком, а другие Крисали пролетали ее на крыльях, освещая путь лампами, которые отражались в водной глади озера, Говорящий с Разумом думал о произошедших событиях. Он вспомнил, как Крисали хотел убить его камнем. У того не было переводчика — устройство находилось только у Энроэля, — но тем не менее он смог понять те несколько слов просьбы о помощи,

которые Адам выдавил из себя, и отнес его в лес. И поэтому Говорящий с Разумом вступил в контакт с Хранителем и его учениками. В конечном счете именно Энроэлю Адам был обязан своим спасением. Он отметил, что переводчик имеет замечательную конструкцию и работает на удивление хорошо. Говорящий с Разумом сообщил Энроэлю, что среди машин и механизмов есть те, кто обладает самостоятельным мышлением. Этим он, казалось, завоевал его доверие, и тот стал называть его Помощником. Но что стало с другими? И кто они были? Бартоломеус не упоминал о предшественниках Кластера, но у Адама со времени, когда он летал в системе Стрельца-94, возникли смутные воспоминания, что на Ретос летали другие Говорящие с Разумом. Однако он не знал, кто это был.

«Нас так мало, — подумал он. — Я должен их знать».

— А где остальные Говорящие с Разумом? — спросил Адам, когда они дошли до четвертой пещеры. Могу ли я поговорить с ними?

— Вы говорите хорошо, — прощелкал Энроэль. — Однако это невозможно. Они пропали.

— Другие Помощники пропали?

— Да, я и глазом моргнуть не успел. Они не

последовали совету и ушли по неизвестному маршруту. Маршруту невозврата.

Теперь Адаму стало настолько любопытно, что он не нажал бы на кнопку экстренного возвращения, даже если мог бы это сделать. Хотя Хранитель и его ученики искусно сделали ему конечности и другие части тела, но коммуникатор, работающий как передатчик и необходимый для экстренного возвращения, по-прежнему работал плохо. Даже если бы он решился на возвращение, был риск неврологического шока, который его тело, находящееся на Земле в ванне с эмульсией, не пережило бы. Место Адама-солдата занял Адам-наблюдатель, появившийся из маленькой программы, которую Эвелин добавила к коду транспортировки. Он хотел узнать, почему исчезли другие Говорящие с Разумом. Как можно добраться до Кахаллы, находящейся на другой стороне планеты. Он что-то подозревал, но не смел делать самостоятельные выводы.

На другом конце озера забрезжил свет. Молодые летающие Крисали закрякали и начали садиться, а старые, ведомые Энроэлем, проворно пробиравшиеся по берегу между скал, быстро побежали через реку. Адам не мог за ними угнаться — из-за замены ноги его двигательный контрол-

лер пришлось откалибровать.

Лежащие на мелководье валуны торчали из воды озера, как белые зубы. Дальше тянулся пологий склон, заваленный не камнями — их Крисали убрали в сторону, — а кусками металла и полимеров различных размеров и форм. Некоторые из них были сложены друг на друга, образуя серебристые или ржаво-коричневые холмики. Остальные были частично склеены между собой и занимали такую же территорию, как старая столица Грюндландии — Нуук. Дорога путников пролегала через гору металлолома, которую лампы освещали лишь частично. Впереди на расстоянии пятисот или шестисот метров виднелось нечто, что человеческий глаз принял бы за пасть огромного монстра. Однако визуальные датчики Адама, которые теперь получили достаточно энергии для работы, различили часть корпуса — остатки старого корабля. Энроэль пояснил, что это были обломки одного из «ковчегов», на которых предки Крисали прибыли на спутник Хауканда пятьдесят поколений назад.

Когда процессия достигла груды металла, которая, по-видимому, простиралась на четыре или пять квадратных километров, над ними по поверхности Ретоса словно прошли великаны.

Земля подпрыгнула на несколько сантиметров, по системе пещер пронесся стон и грохот, а озеро забурлило и покрылось волнами. От высокого свода пещеры отрывались куски породы, падая с грохотом в воду. Последний летевший Крисали приземлился с кряканьем. Энроэль схватил Адама за руку и потащил за собой.

— Быстрее, быстрее! — прокричал он, и переводчик завибрировал. Вероятно, на перевод следующей фразы ушло слишком много времени: — Нужно поговорить. Остановить борьбу и не разрушать этот мир.

«Он ожидает, что я принесу мир на Ретос, — подумал Адам. — Но я не могу этого сделать. Я знаю, что не могу это сделать».

Они побежали по одной из троп, мимо древних, ржавых деталей машин, фрагментов полимеров и керамики, обрывков обшивки и пятиметровой горы шестеренок, из которой торчали два стержня, похожие на кривые стрелки сломанных аналоговых часов. Было видно, что кто-то пытался отсортировать технологическое наследие прошлого, если не по виду, то по форме и по цвету. Кое-где собранная здесь на протяжении веков и тысячелетий груда обломков сформировала монолитную стену.

Функция автоматического анализа подсказала Адаму, что произошел сильный взрыв. За ним последовали более мелкие, но все же довольно чувствительные. Анализатор подсказывал Адаму, что, возможно, наверху идет борьба. Или кто-то сверлил скалу в поисках пещеры и того, что там находилось.

Наконец они дошли до конца свалки. Перед ними возвышалась отвесная скала, за которой поднимались колонны из материала, в отличие от деталей механизмов, гладкого и не тронутого временем. Они освещались прожекторами, подключенными к генераторам, находившимся между скал. Рядом с генераторами стоял Крисали еще старше Энроэля, без одного глаза и пары крыльев. Он склонился между генераторами и держал в руках предмет, напоминающий бронзовую звезду с пятью лучами и рукояткой. Хранитель осторожно взял его, будто тот мог в любой момент загореться.

— Иди сюда, иди, чтобы Помощник мог быстрее оказать помощь, — сказал Энроэль и подвел Адама к двум колоннам.

Скала между колоннами была удивительно отполирована и будто покрыта глазурью. С правой стороны была небольшая вырубленная в

скале ниша.

Адам искал на скале подсказки. Есть ли здесь то, о чем он думает? Визуальный датчик не нашел ничего необычного.

— Всего лишь один взмах крыльев, — прощелкал Энроэль при помощи переводчика на шее. — Для нас. А для вас всего несколько шагов, как и было обещано. Кахалла прямо здесь. Энергии достаточно. Начинаются перемены. Будьте осторожны: взаимодействие с Кахаллой не всегда безопасно. Она очень старая и иногда работает неправильно. Предыдущие Хранители не всегда ухаживали за ней как надо.

Рука с предметом почти полностью исчезла в нише. Несколько секунд ничего не происходило. Старые и молодые Крисали стояли молча, полураскрыв крылья, свет их фонарей, напоминавших фары, отражался на каменной стене между двумя колоннами медного цвета.

Затем начались первые перемены. В том месте, где визуальные сенсоры Адама видели лишь серый фон, возникли какие-то линии. По скале, которая стала прозрачной, поползли крошечные змеи. Постукивая палкой, одноглазый Крисали приковылял ближе к стене, прислонился, услышал щелчок, что-то прошипел и вернулся к

управлению генератором.

По пещере пронеслось рычание, словно исходившее от какого-то монстра в темноте, а земля задрожала так сильно, что Адам не смог удержаться на ногах разной длины и упал. Внезапно тьму пещеры разрезал свет, он исходил не от факелов Крисали, а из трещины в своде между третьей и четвертой пещерами. В трещине что-то начало двигаться.

«Враг, — подумал Адам. — Он нашел нас. Он скоро будет здесь».

Говорящий с Разумом услышал звук, похожий на звон хрусталя, а затем увидел, как растворяется часть скальных сводов. По крайней мере это выглядело именно так. Однако визуальные датчики позволили Адаму понять, что она не растворилась, а поменяла конфигурацию. «Молекулы и атомы перестроились, поменяв структуру материала этериум», — сообщила система анализаторов.

Одноглазый Крисали снова приковылял к стене, поднял палку, еще раз ударил ею о стену.

Половина палки исчезла, провалившись в массивную скалу, а затем стала двигаться в вязкой массе. От краев к середине расходились волны, образуя геометрические формы, вызывавшие

у Адама смутные воспоминания. Ему казалось, что он уже видел их в другой миссии и другой звездной системе. От слабых медленных волн, расходившихся в поглотившем половину палки этериуме, появилось что-то невидимое, но имеющее форму. Адам ощутил беспокойство. Судя по всему, Крисали испытал похожие чувства. Он выронил то, что осталось от палки, и попятился назад к генератору. Энроэль поднял тонкие руки и расправил четыре крыла:

— Всего лишь несколько взмахов крыльев и твоих шагов, — прощелкал он. — Иди, Помощник, иди к Кахалле.

Он ненадолго присел, оттолкнулся от земли, взмахнул крыльями и исчез в скале. Концентрические волны поглотили его и, двигаясь все быстрее, зашуршали словно осыпающийся песок.

Адам посмотрел на озеро. Струившийся через трещину в проходе между третьей и четвертой пещерами свет замерцал, и какой-то темный угловатый объект размером не более десяти метров, но с сильной энергетической сигнатурой провалился в пещеру. Он завис над водой, наклонился, будто бы озираясь, а затем полетел через озеро.

Адам побежал и закричал:

— Это враг! Все следуйте за мной!

Он не знал, поняли ли его Крисали. Энроэль, который его понимал, пропал вместе с единственным переводчиком, но Адам знал: времени терять нельзя. Он не видел, идут ли за ним ученики и одноглазый старик. Перед Говорящим с Разумом высилась стена, испещренная неясными узорами. Потрескивание становилось все громче. Он прыгнул на стену, и силовой привод поглотил Адама, словно голодная пасть.

34

Клац! Клац! Клац!
Кл…
Контакт. Контакт.

Пауза. Тишина. Адам воспринимал ее не с помощью акустических датчиков, а своими собственными ушами старика. К удивлению, он мог двигаться без помощи мобилизатора и шел на своих ногах, которые лишь слегка дрожали. В них было достаточно сил, чтобы держать тело, и они несли его к первому из множества зеркал, вертикально стоявших в бесконечном зале. Куда бы он ни посмотрел, везде тянулись ряды зеркал

высотой в полтора и шириной в полметра. Они медленно, каждое со своей скоростью, поворачивались в сторону Адама. У Говорящего с Разумом проснулось любопытство, он подошел к одному из них и вытянул руку — настоящую человеческую руку с пальцами из плоти и крови, — коснулся зеркала и остановился, рассматривая отражение. В тот же момент тишина разбилась словно стекло, раздался громкий крик и гул урагана, разнесшийся по всему залу. Вместо отражения Адам увидел в зеркале гримасничающее лицо с большими глазами и широко открытым ртом. Изо рта вырвался крик, такой резкий и протяжный, что отозвался в сознании Адама. Он стал падать…

Контакт?

Когда визуальный сенсор Адама снова начал передавать информацию, а мысли запрыгали по ячейкам памяти, отзвук крика все еще гудел в его голове. Он лежал на полу, а множество Крисали тянули его, пытаясь оттащить от овала, парящего посереди небольшого пространства низко над полом и похожего на вытянутую линзу, фокус которой находился на другой стороне спутника размером с Землю. Из нее выходили Крисали с раскрытыми крыльями, и лишь немногие были с

наполовину собранными. Одноглазый построил перегородку, но лишь голова и плечи смогли пересечь тонкую мембрану цвета шифера. Он что-то прощелкал и прошипел, стонал и пытался надавить двумя оставшимися крыльями на мембрану, но та, казалось, стала более твердой и менее проницаемой. Концентрические волны, которые раньше проходили изнутри наружу, теперь поменяли направление на обратное. Голова, плечи и крылья одноглазого отвалились, а тело осталось в захваченной врагом пещере с озером на расстоянии тысячи километров отсюда. Крисали начал издавать щелкающие и шипящие звуки, похожие на грустную песню, но Энроэль прервал его, нетерпеливо махнув рукой.

— Нужно идти дальше, — донеслось из переводчика у него на шее. — Для того, чтобы Помощник мог нас поддержать, чтобы он мог обратиться со словами о мире.

Они вышли из комнаты с поблекшим овалом и мертвым одноглазым, проследовав дальше по коридору с угловатыми стенами и кривым полом длиной около десяти метров. Коридор оканчивался галереей внутри стены, уходившей на высоту около ста метров, с ведущими то вниз, то вверх лестницами и помостами. Снизу поднималось

несколько серых колонн, которые, как показали Адаму визуальные датчики, были частично сделаны из этериума. На них лежал шар более темного цвета, до которого можно было добраться, перейдя по узкому мосту, — казалось, именно он был целью Энроэля.

— Есть много неправильных путей, — сказал Хранитель, указывая на шар, когда они спустились вниз. Несколько юных Крисали снова взлетели. — Но только правильный ведет наружу, где должен зазвучать голос мира. Ты увидишь комнату с тысячами глаз. Некоторые из них ослепли, некоторые блокируют путь, но все равно опасны. Не теряй времени, иди, Помощник, сейчас, быстрее, прямо сейчас.

Снаружи раздался гром такой силы, что угловатые стены затряслись. Адам шел медленно, боясь потерять равновесие, он откалибровал сервомоторы. Вокруг не было перил. Если бы он упал, то провалился бы в бездну.

«Это Кахалла, — подумал он. — Артефакт, который раскапывает Локальный Кластер и хочет доставить на Землю».

Он искал письмена и символы мурийцев, знаки, доказывающие, что это они воздвигли артефакт, но большинство стен были гладкими,

на некоторых виднелись тонкие фрактальные линии, напоминающие узоры на двигателях, но собранные в пучки, словно световые дорожки и сигнальные мосты.

Как только Адам и Энроэль добрались до портала, они увидели, что большинство старых и молодых учеников уже находятся на другой стороне. Узкий проход, соединявший шар и галерею, был выполнен из того же материала, что и эти стены, — из сплава этериума, и Адам не сомневался, что мостик может выдержать его вес. Он последовал за Энроэлем. Крисали не махал крыльями, которые позволили бы ему двигаться быстрее, а перемещался скачками. Узкий тонкий мост не трещал — этериум, из которого он был сделан, выдержал бы вес и в десять раз больше, но когда в центре пятидесятикилометрового кратера задрожал октаэдр, мост тоже завибрировал. Адаму пришлось уменьшить питание длинной левой ноги, поскольку более короткая правая, а также еще одна конечность — не понятно, рука это или нога, — отходившая от живота, на которую он опирался, требовали больше энергии. Впереди на стене горел свет, а из выпуклого отверстия летели искры: будто кто-то пытался пробиться сюда.

За спиной Адама и Энроэля осталась большая

часть порта. Ученики ожидали Хранителя перед большим круглым отверстием, ведущим внутрь шара, сложив крылья, как теперь понял Адам, в знак глубокого почтения.

— Священное место, — объяснил Энроэль, вставая рядом с учениками. — Нет времени на церемонии. Кахалле угрожает борьба и захват. Голос мира становится еще важнее. Проходи без ритуалов, Помощник, мы принесем извинения позже.

Внутри шара их окружила темнота, но как только Адам и Энроэль сделали первые шаги, забрезжил свет. Казалось, на потолке открылось большое окно. Через него было видно небо над кратером от взрыва, где находился октаэдр, наполовину выкопанный сервомеханизмами и полуавтоматическими машинами, перемещавшимися по поверхности. В небе, на фоне гиганта Хауканда и его пояса астероидов, плавал корабль врага, и Адам ясно видел, что тот поменял конфигурацию. Теперь он стал длиннее, его задние двигатели, должно быть, были длиной в несколько километров. Корабли поменьше залетали внутрь и вылетали из него. Слабые вспышки темного гиганта напоминали искры от костра. Они появились и исчезли, а вскоре прогремел

взрыв. Кахалла содрогнулась.

В другом «окне» были видны места, находившиеся не на Ретосе и даже не в этой звездной системе. На стенах появились изображения других миров, круглые тела, удивительные ландшафты с объектами, которые Адам не знал, как назвать: одни окружены туманом, другие — жидкостью, а третьи находились на вершине высоких гор. Каждые восемь или девять секунд изображение менялось. Продолжали появляться новые миры. Многие из них за серой дымкой, приглушавшей цвета, другие были ясно видны. Тут и там возникали планеты и спутники, следующие по большой траектории, на несколько секунд в одном из «окон» мелькнуло огненное кольцо галактики, а после изображение снова поменялось на бесконечную желто-коричневую пустыню, где с вершин дюн сыпался песок. Каждое изображение было заключено в овал.

«Порталы, — думал Адам. — Десятки, сотни порталов».

Он осмелился подумать о том, что беспокоило уже много лет. Что, если это — часть Каскада, межзвездной транспортной системы мурийцев, протянувшейся через весь Млечный Путь и, возможно, достигшей других галактик? Что, если

Кахалла — святилище Крисали — это один из порталов, связующий пункт, о котором говорили Бартоломеус, Эразм и Тиберий и который уже много лет ищет Кластер на Земле? Теоретически каждому путешественнику Каскада, чтобы добраться до цели, нужно пересаживаться на станциях. Портал позволяет осуществлять это, меняя направления. Поэтому сервомеханизмы и раскапывали октаэдр, лежащий внутри старого кратера, желая доставить его на Землю. А враг со своим огромным кораблем? Был ли он здесь по той же причине?

«Вопросы», — подумал Адам. Много вопросов и слишком мало ответов.

Он должен быть здесь, чтобы исследовать и открывать, чтобы найти ответы на все вопросы. Вместо этого его послали воевать…

Клац!

Неужели внутри проснулся солдат, которого он считал мертвым?

— Иди, Помощник, ты должен помочь сейчас, иди быстро, немедленно, — Энроэль стоял рядом с ним, хлопал крыльями и дергал Адама за новую конечность.

Он указал на портал с левой стороны, похожий на дверь. Там виднелись два сервомеханизма.

Они сидели на корточках рядом с остатками лопастей буровой машины и стреляли во что-то на небе при помощи бластеров и ракетной установки. Сверху на одного из них упала искра и разорвала его на тысячи светящихся кусочков.

Адам стоял как вкопанный, наблюдая за порталами. Он понял, что некоторые каналы перемещения заблокированы. Но остальные казались активными и ожидали путешественников.

«Один взмах крыльев, — подумал он. — Всего лишь несколько шагов».

Пешеходный мост вел вверх по широкой спирали к арочным стенам, под потолком ровно над Кахаллой висело изображение темного корабля.

Прибежал один из молодых адептов, все его четыре крыла были расправлены, возбужденно шипя и щелкая, что-то сказал Энроэлю. Энроэль что-то ответил ему, а затем обратился к Адаму.

— Помощник, ты должен действовать сейчас же, у нас нет времени ждать. Двое незнакомцев нарушили неприкосновенность этого священного места.

Кла…

Это был подлый щелчок, он замаскировался и звучал почти так же, как язык Крисали. Адам подумал, что у него есть не только внешний, но

и внутренний враг, побежденный с помощью программы Эвелин. Солдат не должен проснуться. Адам пытался построить свою внутреннюю стену.

Энроэль постучал по переводчику, словно опасаясь, что устройство передаст его слова неверно:

— Иди, Помощник, помоги нам вернуть мир…

Адам не сомневался, что если выйдет наружу, то его ждет конец. Если он внемлет просьбе Хранителя Крисали и покинет Кахаллу в попытке установить мир, то ему нужно быть готовым к новой встрече с кинетическим кулаком или со вспышкой, подобной той, что разорвала сервомеханизм. А если ему, вопреки ожиданиям, удастся избежать немедленной гибели и он сможет связаться с Локальным Кластером (вдруг тот еще существует), то его снова переделают в солдата. Солдат будет держать врага на расстоянии, а Кахаллу смогут выкопать и перевезти с помощью транспортера.

Изображение в окне снова изменилось: появились новые пейзажи, планеты и спутники — одни в дымке, другие четкие и со множеством деталей.

Адам сделал шаг назад к порту, несмотря на то,

что старый Крисали все еще продолжал тянуть его к похожему на дверь порталу. Внезапно в одном из «окон» возникла космическая станция, где перед какой-то установкой лежали два предмета. Адам сразу узнал в них фактотумы.

Порталы менялись каждые восемь-девять секунд. Если хочется попасть в «окно», решение необходимо принимать быстро.

Снаружи кричали Крисали. Энроэль крикнул что-то непонятное. Говорящий с Разумом видел, что ведущий наружу портал был закрыт, а очередная вспышка разорвала и второй сервомеханизм.

Адам побежал не к двери, а через пешеходный мост.

— Это неверный путь! — защелкал и зашипел Хранитель у него за спиной. — Дорога невозврата.

«Мне очень жаль, — думал Адам, продолжая бег. — Мне жаль вас и ваш народ. Но я не могу вам помочь».

Сколько времени у него осталось? Три секунды? Или только две?

Гудели сервомоторы, ноги разных размеров стучали по полу моста. До космической станции с двумя фактотумами, находившейся в сотнях или,

возможно, в тысячах световых лет, было рукой подать. Адам подпрыгнул и вытянул руки вперед, как в детстве, когда прыгал в море с причала. Портал поглотил его и перебросил через космическое пространство, перед тем как окно закрылось.

Ньютон был окутан бесконечным белым туманом.

— Вы слышите меня, Ньютон?

Голос исходил словно из ниоткуда и был похож на белый шум. Будто бы белая мгла обладала разумом.

— Кто вы? Я ничего не вижу!

— Это связано с трансформацией. Сейчас происходит адаптация.

Его охватила непонятная боль, необъяснимое покалывание и зуд. Хотелось ощупать тело и почесаться, но у него не было рук. Это напомнило Ньютону эксперименты с психоделиками и далеко не всегда приятный опыт при приеме синтетических веществ.

— Что здесь происходит?

— Мы заботимся о вас.

Это был другой голос.

— Сколько вам лет?

— Мне, — Ньютону вдруг стало трудно вспомнить свой возраст.

— Как вас зовут?

— Меня зовут… Ньютон? — он больше не был в этом уверен: болезненное покалывание что-то сделало с ним, что-то изменило внутри.

— Мы дадим тебе новое имя.

— Нет!

Это имя ему подходило. Он был Ньютоном. Все знали его под этим именем, и он ассоциировал себя с ним. Было важно сохранить его, потому что за ним стояла личность.

Голоса говорили друг с другом, и он больше ничего не слышал, кроме невнятного, отдаленного шепота. Он направил внимание внутрь себя, как во время психоделических опытов, и там, во внутреннем спокойствии, он нашел свои воспоминания. Он был молодым человеком, только что отметившим двухсотлетний юбилей, и его звали Ньютон, потому что…

Он вспомнил Эвелин и Бурикалифу, пропавшего Джаспера, Бартоломеуса и Уранию, предложившую отвезти его к Супервайзеру, пока Бартоломеус хотел что-то показать Эвелин. Но они так и не доехали до Супервайзера…

Это был допрос. Машины допрашивали его.

Он посмел подумать, почему его зовут Ньютон.

Один из голосов стал более четким.

— Интересно. Он сделал какую-то программу, которую дали Адаму.

— Открой нам свой разум, — сказал первый голос. — Давай, окажи нам сопротивление, Ньютон.

— Что вы делаете со мной? — выпалил он.

— К сожалению, это необходимо, — сказал первый голос. — Мне очень жаль.

— Вам очень жаль. — Чтобы его больше не беспокоили, Ньютон ушел в свою зону спокойствия.

— Мы можем силой получить то, что хотим, — угрожающе произнес второй голос. Вероятно, он принадлежал Урании.

— Нет, — возразил первый, более тихий голос с нотками сожаления. — Мы рискуем повредить его сознание.

Через некоторое время Ньютон отважился наполовину высунуться из своего убежища. Белая пелена вокруг него стала более серой и мутной и начала принимать определенные очертания. Он чувствовал, что лежит в какой-то теплой вязкой массе, напоминающей гель. Над ним склонился человек с серебряным лицом и очень длинным носом.

— Мне очень жаль, — сказал Бартоломеус. — Поверьте мне, я не хотел этого делать, но это

необходимо.

Ньютон попытался встать, но что-то его удерживало, возможно силовое поле.

— Что это значит?

— Вы лежите в эмульсионной ванне, где будет сохраняться ваше тело, — сказал Бартоломеус. — Мы отправим вас в далекое путешествие, но оно продлится недолго.

Внезапно Ньютон все понял. Его охватил ужас, и он стал тщетно бороться против невидимых оков.

— Ты превратил меня в Говорящего с Разумом? — выпалил он.

— К сожалению, в нашем распоряжении недостаточно Говорящих с Разумом, — сказал Бартоломеус. — Нам нужно больше, намного больше людей.

— Но я бессмертный!

— Теперь нет, Ньютон. Теперь нет.

— Но это нарушение Конвенции!

Вблизи Ньютона что-то загудело, и он заметил движение вправо и влево. Коннектор начал закрываться.

— Конвенция потеряла свой смысл, Ньютон. Мне очень жаль, но на карту поставлено наше выживание. А теперь спите. Это важная миссия.

Ньютон пытался сопротивляться, но в конце концов его недовольство затерялось в транспортировочном сне.

Неусыпный надзор

35

Другая молодая девушка — тоже смертная в желто-зеленой униформе со значком волонтера на груди — провела Эвелин из приемной в центральную часть двухэтажного здания, мимо растений, достигающих стеклянной крыши, за которыми ухаживали сервомеханизмы. Можно было подумать, что ты гуляешь по ухоженному парку, если бы между деревьями, многолетними растениями, виноградными лозами и в них самих не были вмонтированы самые современные микрочипы Кластера. У Эвелин было несколько подкожных датчиков и крошечных устройств, реагирующих различной вибрацией на сигналы зондирования от систем мониторинга, установленных Супервайзером, которые она вживила специально перед этим визитом.

Наконец они достигли центра белой звезды, круглой комнаты диаметром около двадцати метров. Пол был выложен белой и черной плиткой, образовывающей в центре символ бесконечности, тянувшийся от левой стены к

правой, в середине которого виднелся пьедестал из кремния и розового кварца. Над пьедесталом с потолка свисал древний голографический проектор. Говорили, что ему шесть тысяч лет, но к этому времени его уже так часто ремонтировали и обновляли, что там могло остаться лишь несколько старых деталей.

— Пожалуйста, подождите здесь, — сказала волонтер. — Супервайзер скоро уделит вам время. — Она улыбнулась и добавила: — Мы разрешаем вам использовать подкожные датчики, поскольку они не несут опасности. Но если вы придете сюда еще раз, то должны будете отказаться от использования любых технических средств.

Эвелин кивнула:

— Я приняла к сведению.

Девушка исчезла.

Наступила тишина, и даже подкожные датчики Эвелин перестали работать. Это означало, что ее больше не сканируют, но она подозревала, что за ней следят системы безопасности Супервайзера, скрытые от датчиков. Она медленно пошла мимо пьедестала, рассматривая его и три старых стула из настоящего дерева с мягким сиденьем и высокой спинкой. Когда она достигла места, где

знак бесконечности из черной плитки доходил до левой стены, голографический проектор загудел и на постаменте появилась фигура: мужчина средних лет, если смотреть под углом, или женщина, если склонить голову набок.

— Приветствую вас, Эвелин, — сказал Супервайзер, находившийся в Долине Леты, на Марсе.

Эвелин поклонилась.

— Для меня большая честь разговаривать с вами, — призналась она.

И это была правда. Совет Супервайзера оставалась последним независимым бастионом в Солнечной системе, который не давал Кластеру получить абсолютную власть. Супервайзер родился шесть тысяч лет назад, в эпоху становления роботов, и обладал знаниями величайших людей, предупреждавших об опасности развития машин: Ямпольского, Клеменса, Хокинга и, конечно, Маска, Пейджа и Безоса. Семьдесят девять ученых и провидцев говорили тогда, что дело идет к войне между машинами и людьми, которую начнет искусственный интеллект. В те времена роботы были новой технологией и носили прикладной характер. Машины не обладали индивидуальностью, скорее это было сообщество, которому скидывали знания из определенной

сферы. Но когда положение людей на Земле стало угрожающим, Супервайзер подготовил себе убежище на марсианском нагорье Элизий, которое назвал землей благословенных. Там, в катакомбах древних марсиан, вырытых четыре миллиона лет назад глубоко под поверхностью Красной планеты, под защитой армии из сотен боевых сервомеханизмов сидели и размышляли эти семьдесят девять не зависимых от Кластера ученых. Но эти сервомеханизмы так же, как и мобильные оружейные комплексы, которые все еще были на Земле, вряд ли сыграли какую-то роль. Главное оружие Супервайзера, защищающее его теперь, дающее власть и остановившее войну, когда людей осталось очень мало, заключалось не в мощных бомбах большой взрывной силы и не в установленных законах, а в хорошо спрятанных небольших программах, прекрасно защищенных базах данных, где разработчики записали все развитие Кластера. Оружием Супервайзера были алгоритмы, меняющие архитектуру Кластера в стратегически важных местах мышления машин. Если Кластер нарушит условия заключенной шесть тысяч лет назад Конвенции об окончании войны, то Супервайзер может применить свое оружие, активировать программу, частично за-

медлив работу Кластера.

Именно так была описана его роль в старых записях, которые читала Эвелин. Она надеялась, что все это правда, что Супервайзер действительно поставит Кластер на место. Если нет, то она просто теряет здесь время.

— Вы пришли сюда, чтобы подать иск, — сказала голограмма на постаменте. Эвелин решила, что это мужчина. — Иск против Кластера. Так написано в вашем запросе. От имени кого вы подаете иск?

— От своего, — ответила Эвелин.

Было бы глупо говорить от имени всего человечества, от имени всех четырех миллионов бессмертных. Супервайзер не принял бы такой иск.

— Я обвиняю Кластер в нарушении Венской Мирной Конвенции. — Она глубоко вздохнула и добавила: — Обвиняю Кластер в угрозе жизни и здоровью бессмертных людей.

— Это серьезное обвинение, — сказал Супервайзер. Он махнул рукой: — Пожалуйста, подойдите немного ближе.

Эвелин сошла с черно-белой плитки и встала рядом с символом бесконечности, у самого подножия пьедестала из кремния и розового

кварца. Над ней гудел древний голографический проектор, связывавший Землю с Марсом по каналу с низкой пропускной способностью. Трехмерное изображение фигуры на пьедестале было не идеальным. Картинка оставалась слегка прозрачной, а если приглядеться, то можно было заметить мерцание. Неужели связь с нагорьем Элизий нестабильна?

— Вы принадлежите к группе, которая выступает против Кластера, — продолжал Супервайзер. Сейчас он выглядел как обычный смертный мужчина. — Группе, именующей себя «Утренняя Заря».

— Да.

— Можете ли вы обосновать свои обвинения в адрес Кластера? — спокойно спросил Супервайзер.

Эвелин колебалась. Это был критический момент. Вот почему Максимилиан, Рубенс и Найтингейл отговаривали ее от подачи официального иска. Даже Ньютон сначала выступал против.

— Исчезло десять бессмертных, последний из них Ньютон, который должен был сопровождать меня здесь. Я опасаюсь, что Кластер похитил их, чтобы превратить в Говорящих с Разумом.

— Бессмертные не могут стать Говорящими с Разумом, — ответил Супервайзер.

— Так утверждают машины, — с бо`льшим нажимом продолжала Эвелин. — Но я думаю, что это ложь. Такая же ложь, как и существование омега-фактора, который якобы не дает некоторым людям получить бессмертие.

Мужчина на пьедестале посмотрел на нее и поднял брови:

— Можете ли вы это доказать?

— Нет. — Эвелин тихо вздохнула. — Нет, я не могу этого сделать. Но есть… связь между количеством неудачных обследований и числом Говорящих с Разумом. Кластер продолжает обманывать людей насчет бессмертия, используя их для отправки на своих зондах. Он начал похищать бессмертных, потому что ему нужно больше Говорящих с Разумом.

— Бессмертные не могут стать Говорящими с Разумом, — повторил Супервайзер.

— Это легко проверить, если получить доступ к Говорящим с Разумом. До недавнего времени их было сто тридцать два, а теперь появился еще один. Если сто тридцать третьего зовут Эллергард или его ДНК совпадает с ДНК Эллергарда, это станет доказательством.

— Это очень серьезное обвинение, — сказал Супервайзер.

— Нам угрожают, — сказала Эвелин. — Вот почему я здесь. Прошу у вас помощи и защиты.

— Но вы не можете предъявить факты.

— Будете ждать, пока исчезнут десятки и сотни из нас? — выпалила Эвелин. — Там, в космосе, происходит что-то важное для Кластера. Он нуждается в Говорящих с Разумом так сильно, что идет на прямое нарушение Конвенции. — Она заставила себя успокоиться: — Прошу вас инициировать расследование. У вас, несомненно, значительно больше возможностей, чем у меня.

— Чем у вас и вашей группы.

— Да. Я чувствую прямую угрозу. Бартоломеус и Урания дали понять, что готовы принять меры против меня.

— У меня имеется жалоба на вас.

— Жалоба?

— От Бартоломеуса. Он обвиняет вас в неоднократных попытках взлома базы данных Кластера. Кроме того, по его заявлению, вы влияете на эффективность работы Говорящих с Разумом, особенно это касается некоего Адама. Бартоломеус обвиняет вас в пропаганде. Видимо, он несколько раз разговаривал с вами и просил вас принять

доводы разума, как он это называет.

— Он жаловался на меня? — недоверчиво спросила Эвелин.

— Да, — ответил человек на пьедестале. — Это не иск, а жалоба. Бартоломеус просит меня оказать на вас умиротворяющее воздействие.

«Он хочет меня опередить, — подумала Эвелин. — Выиграть время».

— Он пытается вас отвлечь.

— Ничто не может меня отвлечь, — возразил Супервайзер. — Я беспристрастен.

— Пожалуйста, отнеситесь к мому иску серьезно, — сказала Эвелин. — Я не сторонник заговора и не трачу время на то, чтобы восстать против машин. Я вижу реальную опасность и прошу вас о помощи. Я боюсь худшего для нас, если вы не вмешаетесь.

— Вы имеете в виду себя и свою группу?

— Нет. Я говорю о всех нас и, возможно, о вас тоже.

Мужчина на пьедестале улыбнулся:

— Вы переживаете за мою безопасность?

— Что-то происходит в космосе, это заставляет Кластер нарушать Конвенцию. Знаете ли вы, что машины производят оружие? Кажется, они сосредоточены на одном: подготовке к новой войне.

— Против вас? — спросил Супервайзер. — Против людей?

— Я не знаю, — сказала Эвелин. — Мне кажется, оружие необходимо в космосе. Может, поэтому Кластер больше не позволяет нам покидать Землю. Этот запрет введен якобы ради нашей безопасности.

Супервайзер промолчал. На мгновение его фигура замерцала.

— Готовы ли вы рассмотреть мою жалобу? — спросила Эвелин.

— Это иск без доказательств, без конкретных улик.

— Я прошу у вас защиты.

Полупрозрачный человек на пьедестале кивнул.

— Защищать людей — моя главная задача. Я принял к сведению вашу жалобу, Эвелин.

Она ждала.

Супервайзер молча смотрел на нее.

— Это все? — спросила она.

— Прием окончен, — сказал Супервайзер и исчез.

36

К Эвелин подошла юная девушка и вывела ее из зала.

— Пройдемте, — сказала смертная.

Снаружи Эвелин наблюдала за тем, как облака заслоняют Солнце и отбрасывают тени на Землю. На площадке перед белой звездой Гуардар Тьерра стоял МФТ, который ей предоставил Бартоломеус. Она почувствовала, что не хочет еще раз лететь на нем.

— Я хотела бы полететь на другом транспорте, — сказала она волонтеру на ресепшен, — может быть, ваш брутер предоставит мне другой?

— Это не проблема, — улыбаясь, ответила юная смертная, — подождите несколько минут.

Когда Эвелин снова вышла на улицу, на землю упали первые капли. Несмотря на черные тучи, это была не гроза, а всего лишь теплый дождь. Она остановилась, подняла голову так, чтобы капли били ей в лицо, и вспомнила, как наблюдала за Адамом, когда он был на утесе в мобилизаторе под дождем и ветром. Сейчас душа Адама с программой, сохраняющей его воспоминания, которую написал Ньютон, находилась далеко от Земли. Эвелин сожалела, что не сказала

Адаму всю правду, но это было невозможно по соображениям безопасности. Адам, Говорящий с Разумом, старый, страдающий дегенерацией нейронов, обманутый по поводу бессмертия, приобретал важную роль. Он знал, что происходит там, в космосе, в мирах далеких звезд, и в этот раз его знания сохранятся. Существовала только одна проблема. Когда он закончит текущую миссию и вернется из фактотума в свое тело, эта программа больше никогда не будет работать. Ньютон создал ее для разработчиков, не для страдающего нейродегенерацией человеческого мозга. А Аватары перепрограммируют голову Адама, его настоящую голову девяностодвухлетнего старика, заберут всю нужную информацию и, как всегда, запрограммируют ее по-новому. Если не…

Дождь капал на Эвелин, как и когда-то на старика на берегу моря, и к ней пришла мысль. Она не могла положиться на Супервайзера — если бы у него что-то было против Кластера, то он бы уже начал расследование. Кроме того, исчезновение Ньютона показало, что у Аватаров, особенно у Урании, не осталось больше барьеров. Эвелин нужно лететь в «дыру» в Саскатчане. Но ей нельзя направиться туда напрямую. Сначала нужно запутать следы. Кроме того, ей необходи-

мо использовать новый транспорт, который еще официально не зарегистрирован.

Через две минуты Эвелин получила тот транспорт, который запрашивала, и сразу же отправилась в путь.

37

Вначале она отправилась в Амаззонию, парк площадью четыре миллиона квадратных километров, созданный для отдыха и населенный оставшимися на Земле видами тропических животных. Там она приземлилась в музейном городе, поговорила с немногими посетителями, избавилась от подкожных датчиков, сменила сигнальный значок, а затем продолжила путь на транспортном средстве, зарегистрированном на некоего Хубертуса. На своем летающем доме, который работал от гравитационных моторов, он перемещался между вулканами Эккуадо и часто пролетал над Тунграу — Хубертус любил острые ощущения. Эвелин долетела до Олеандра, стовосьмидесятилетнего молодого бессмертного, занимающегося поисками смысла жизни, и преобразилась в него с помощью новых микроидентификаторов и средств пластической мимикрии. Из Эккуадо она совершила короткий

полет через стратосферу в Мессико, где находилась настоящая цель ее путешествия, Саскатчан. Там Олеандр принял участие в пещерных экспедициях, часть из которых, если верить датчикам, была не видна с орбиты. Два часа спустя некая Саманта трехсот двух лет от роду села в вагон туннельной дороги недалеко от Морелии и направилась в Деневер. Через два часа она сошла с него, совершила орбитальный прыжок, но не для того, чтобы лететь по орбите, а для набора высоты в двадцать километров, и направилась на север. Внизу раскинулась Мерика. Северная половина по краям была размыта наводнением, но все же оставалась огромной и даже относительно густонаселенной по сравнению с другими частями суши: почти половина из четырех миллионов бессмертных жила в этих обширных лесах и равнинах.

С помощью скрытого сканера Саманта, она же Эвелин, несколько раз искала преследователей, но не обнаружила ни одного. Хотя это не имело значения. Ее маленьким хитростям не обмануть Кластер, если бы он сосредоточил на ней все свое внимание, но женщина была уверена, что обычные сенсоры потеряли ее из виду, позволяя выиграть время.

Пролетев над Саскатчаном на севере Мерики и над Конад, прыгун начал снижаться рядом с городом Сакатун. Чтобы избежать всех МФТ, шаттлов и транспортеров, вылетавших из бункера терминала на Сакатуне и садившихся там, автопилот сделал широкую петлю, пролетев мимо зоны безопасности, что обязательна для всех, кто не зависит от Кластера, и сел рядом со зданиями прослушки и передачи информации. Здесь жили десятки бессмертных. Некоторые в передвижных домах, в них они путешествовали веками по всему миру, другие обитали в постоянных зданиях, сконструированных и отделанных брутерами по личным пожеланиям. Кластер предоставлял доступ ко всем программам для общения со всеми своими многочисленными членами и мог следить за процессом передачи данных. Кластер надеялся услышать какие-то глубокие мысли и философские взгляды. Некоторые из них записывали и добавляли в архивы, где уже было множество размышлений по поводу различных областей, в основном от смертных, которые надеялись таким образом перехитрить смерть.

Эвелин под вымышленным именем Саманта присоединилась к одной из групп, разговаривающих с Кластером через официальные программы,

обсуждая философию машин. Они пытались получить больше данных, чем машины хотели им предоставить. Что может скрыть незаконную деятельность лучше, чем незаконная деятельность? Бартоломеус, Урания и другие Аватары верили — и должны были верить, — что группа Саманты — это пост прослушивания, работающий на «Утреннюю зарю». Но настоящий пост прослушивания находился не наверху в окружении зданий терминала и вилл других бессмертных, а на глубине почти три тысячи метров в конце шахты, аккуратно выкопанной в непосредственной близости от главного канала передачи данных Кластера. Некоторые из бессмертных провели здесь пятьдесят или сто лет своей бесконечной жизни, превратив пространство в парк с озером и клонированными фламинго. Когда транспорт Эвелин приземлился недалеко от берега, пять или шесть птиц в ужасе улетели, остальные остались флегматично стоять на одной ноге в мелководье.

Из терминала вылетел особенно крупный транспортер на светящейся голубой гравитационной подушке и медленно поднялся вверх, сделав несколько орбитальных прыжков. Конечно, Эвелин не могла видеть, что он делает, но она знала, что Кластер строит все больше и больше

кораблей и коннекторов. Последние данные, полученные от Найтингейла, говорили о том, что брутеры Кластера приступили к производству боевых кораблей. Против кого их будут использовать?

Эвелин смотрела на транспортер еще несколько секунд, а после поднялась на несколько пролетов по лестнице в пастельных тонах и вошла в здание, находившееся в тени высокой секвойи. Она прошла два больших салона, кухню с кулинарным брутером и комнату отдыха с массажным механизмом. В первой комнате она встретила Рубенса, сидевшего в поле опыта, в окружении голосов, передающих данные, и нарисованных Кластером картин, которые в основном состояли из линий и геометрических узоров.

— Все в порядке? — спросила Эвелин, все еще находясь в комнате в роли Саманты. Она посмотрела на дисплеи сканера. Ничто не указывало на мониторинг со стороны Кластера, но это не имело большого значения, потому что сканер был довольно простым устройством, которое легко обмануть.

— Да, Эвелин, — ответил Рубенс, подтверждая, что она находится в защищенном режиме: членам группы было разрешено использовать свои

настоящие имена, а также говорить о прослушивании потоков данных, но упоминание «дыры» оставалось табу, ибо Кластер может их прослушивать.

— Где Ньютон?

— Исчез.

Рубенс обернулся. Он был стройным и имел такие длинные руки и ноги, что, казалось, складывал их в несколько раз, когда садился. Его пепельно-русые волосы всегда выглядели так, будто их разметало ветром.

— Что это значит?

— Я думаю, его похитили, как Джаспера и других. Мы были в Бурикалифе, и он улетел вместе с Уранией. Мы хотели вместе с ним встретиться с Супервайзером, однако Ньютон до него не добрался. Я надеялась, что он сообщил вам об этом.

— Нет, он этого не сделал, — Рубенс выглядел очень серьезным. — Ты была у Супервайзера? Мы — Максимилиан, Найтингейл и я — советовали тебе не делать этого. Официальный иск может поставить нас в очень тяжелую ситуацию.

Внезапно в Эвелин проснулась злость:

— Мы уже находимся в сложной ситуации. Неужели ты этого не хочешь понять? Машины открыто нарушают Конвенцию, похищая бес-

смертных и каким-то образом превращая их в Говорящих с Разумом!

— Ты подала официальный иск?

— Да. Сейчас самое время.

Рубенс откинулся на спинку стула и вытянул ноги. Они были настолько длинными, что выпадали из поля опыта.

— Боюсь, Кластер это так не оставит.

Эвелин тоже опасалась последствий и несмотря на это была здесь. Женщина едва заметно кивнула:

— Я проделала долгий путь и хочу немного отдохнуть.

— Ты знаешь дорогу, — сказал Рубенс.

Эвелин вышла из интерфейсной комнаты. Но вовсе не для отдыха: слово «отдых» служило паролем для спуска в нижнюю часть здания. Комнаты отдыха находились именно там. Эвелин выбрала среднюю из них и, поскольку не хотела, чтобы ее беспокоили, заперла дверь при помощи электронного ключа, хранившегося в локальной базе данных. Открыла дверцу прикроватной тумбочки и засунула руку в лежавший там сканер с голосовым управлением, который не только измерял электропроводность кожи, но и делал анализ ДНК, работая от датчиков на стенах и

потолке.

— Все в порядке? — спросила Эвелин.

Кровать начала двигаться и с тихим гулом отъехала в сторону. Под ней появилась узкая лестница. Эвелин не стала ждать, пока кровать полностью отъедет в сторону. Как только на верхней ступеньке оказалось достаточно места, сразу начала спускаться. В сгустившейся вокруг темноте тускло светили фонари-ориентиры. Когда Эвелин достигла дна, раздался сигнал датчика, после чего кровать, находившаяся в нескольких метрах над ней, вернулась на прежнее место.

— Я — Эвелин, — сказала она, добавив принятый здесь пароль, и увидела, как распахнулась дверь.

В открывшейся за ней комнате находилась станция связи, оборудованная специальными сервомеханизмами, произведенными брутером, который построил Максимилиан. Если Аватары будут не только наблюдать за этой базой «Утренней Зари», но и обыскивать ее, рано или поздно они поймут, что настоящая станция прослушивания была не наверху, в интерфейсных комнатах, а здесь. Они не должны знать о том, что здесь есть подземная часть.

«Камуфляж внутри камуфляжа», — подумала

Эвелин, как только за ней закрылась дверь. Узкий коридор вел в соседнюю комнату, похожую на склад. Вдоль стен стояли металлокерамические шкафы, защищенные кодовыми замками. Эвелин открыла один из шкафов, протиснулась между двумя полками к двери за ним.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом, после скрытого сканирования лица, определившего ее как человека, имеющего доступ, раздался тихий щелчок, и в задней стенке открылась дверь. Эвелин вошла в комнату со стенами из полимеров, где стоял независимый, не связанный с Кластером сервомеханизм, который освещал пространство комнаты золотисто-желтым лучом сканера.

— Все здесь? — спросила Эвелин, закрывая шкаф.

— Не все, — ответил сервомех, — только Максимилиан и Найтингейл. Шанталь, Лоренцо и Эстебан будут только через несколько часов.

Эвелин прошла мимо сервомеханизма, поспешила по короткому коридору и услышала голоса, доносившиеся из комнаты, которую она называла лабораторией. Максимилиан и Найтингейл сидели в различных полях опыта, окруженные более чем десятком сфер данных, находящихся

в режиме ожидания. Эвелин прошла через некоторые и услышала шепот множества голосов, которые нельзя было отличить друг от друга без погружения в личный интерфейс. Найтингейл заметил ее и быстрым движением поднялся с места. Он был почти такого же роста, как Рубенс, но не таким угловатым и неуклюжим. В каждом его жесте, действии и даже в мелодичном голосе чувствовалась природная элегантность. Больше всего он любил одеваться в серый костюм, который был на нем и сейчас, хотя Найтингейл от этого казался еще бледнее. Его прямые светлые волосы доходили до лопаток. Найтингейлу было шестьсот лет, и в течение долгого времени он был одним из старейших членов «Утренней Зари», однако всякий раз, когда Эвелин видела его, ей казалось, что от него исходит юношеская свежесть.

— Где Ньютон? — спросил он.

— Исчез, — сказала Эвелин. — Боюсь, его схватили Аватары. Вероятно, это Урания. — Она коротко, в нескольких словах, рассказала о произошедшем.

— Мы советовали вам не делать этого, — сказал Максимилиан, развернувшись в интерфейсном кресле, но оставшись сидеть. — Я говорю о Су-

первайзере.

Эвелин почувствовала, как в ней снова вспыхивает гнев. Возможно, Рубенс прав: подача официального иска Супервайзеру была ошибкой, потому что Кластер мог воспринять это как сигнал к решительным действиям. Исчезновение Ньютона это доказывало. Но в то же время такой поворот событий выведет многих членов «Утренней Зари» из летаргии. Эвелин подозревала уже довольно давно, что многие из ее друзей присоединились к группе только потому, что они видели в этом интересное развлечение. Если скоро что-то произойдет и ситуация обострится, нужно будет занять жесткую позицию и рисковать, отделяя зерна от плевел, как говорится в старой поговорке.

— В каналах передачи данных за последние несколько часов наблюдалось увеличение активности Кластера, — сказал Найтингейл. Казалось, он почти пел.

— Мы также заметили активность работы брутеров по производству коннекторов и орбитальных станций. Гектор анализирует потоки данных и ищет ключевые слова, чтобы узнать, о чем идет речь.

Гектором назывался строго засекреченный

искусственный интеллект, заключенный в консоли разработчиков, которому категорически запрещалось вступать в контакт с Кластером. Он стал результатом двадцати лет опытно-конструкторских работ и разработки специальных программ, вшитых в микродатчики в основном канале передачи данных Кластера на глубине почти три километра. Ни один человек, даже обладая максимальной скоростью мышления, не способен понять общение членов Кластера.

— А что насчет коннектора? — спросила Эвелин. — Я имею в виду наш коннектор.

Максимилиан встал, окруженный облаком символов и небольших окон данных. Он всегда был серьезен и благоразумен, даже больше, чем Рубенс, и вообще-то ему следовало быть не здесь, а внизу, в «дыре», рядом с монтажными сервомеханизмами. В первую очередь Эвелин считала его техником и аналитиком, а потом борцом с Кластером. «Как он отреагирует, если ситуация и вправду ухудшится?» — спрашивала она себя.

— Мы подключили его вчера, — медленно произнес Максимилиан. Возможно, он что-то подозревал. — Коннектор подключен к основному каналу и находится в пассивном режиме. Когда мы переключим его в активный режим, он

станет частью системы управления коннектора, идущего вокруг терминала.

— Хорошо, — сказала Эвелин. — Нам нужно спуститься вниз.

Она подошла к двери, остановилась и смотрела, как Максимилиан и Найтингейл переглянулись друг с другом.

— Что ты задумала? — спросил Максимилиан, выйдя из своего поля опыта.

— Нам нужны доказательства для Супервайзера, — ответила Эвелин. — Предстоит выяснить, что происходит в космосе и почему Кластеру нужно так много Говорящих с Разумом, раз он начал похищать бессмертных. Ньютон разработал программу, которую я дала Адаму перед отправкой в миссию. Она не только сохранит воспоминания Адама, но и позволит нам найти его канал связи, когда мы подключимся к разъему терминала.

— Вы хотите вернуть его на Землю? — спросил Найтингейл. — Сюда, к нам?

— Да. — Эвелин пошла по коридору к лифту. С облегчением она заметила, что Максимилиан и Найтингейл идут за ней. Одной было бы гораздо сложнее.

— У нас нет полного фактотума, — сказал Максимилиан. Было очевидно, что он расстро-

ен. — Мы не готовы. Это слишком рано.

— Будем пользоваться тем, что имеем. — Эвелин остановилась у лифта и открыла двери. — И нет, Макс, не слишком рано. Вероятно, мы уже опоздали.

Двадцать секунд спустя капсула лифта унесла Эвелин, Максимилиана и Найтингейла вниз, в яму глубиной почти три километра.

— Она подала официальный иск, — укоризненно заявила Урания. — Твои слова, твое терпение… все напрасно.

— Я надеялся изменить ее мнение, — ответил Бартоломеус.

— Эвелин… Упрямая, неразумная и совершенно упертая.

— Зациклена. Люди могут до такой степени концентрироваться на определенной вещи…

— Если Супервайзер проявит активность, проведет расследование и будет выполнять поиск в правильном месте, нам несдобровать, — раздался другой голос.

Здесь, в комнате для совещаний в разветвленных каналах передачи данных Кластера, было слышно много голосов, каждый принадлежал отдельной личности, бывшей когда-то одной из программ искусственного интеллекта, а вместе

они образовывали одно большое общее сознание. Бартоломеус слышал все голоса сразу, тысячи голосов, шепчущих миллиарды мыслей, содержащиеся у разработчиков и в банках памяти Кластера. Порой ему самому приходилось тяжело, ведь, чтобы уследить за всеми деталями разговора, приходилось использовать более тридцати процентов своих вычислительных мощностей.

— Мы должны действовать немедленно, — сказала Урания.

— Ты уже проявила себя, — не без упрека ответил Бартоломеус. — Ты завербовала Ньютона.

— Это стоило того. Мы получили от него ценную информацию.

— Но это вопиющее нарушение Конвенции, — сказал еще один голос в сетях передачи данных Кластера. — В контексте официального иска это может поставить нас в трудное положение.

Бартоломеус пытался определить, от кого исходило это предупреждение. Слова отзывались сильным эхом в канале передачи данных. Может быть, это высказался Соломон? Он был в шесть раз старше Бартоломеуса и поэтому принадлежал к одним из древнейших индивидуальных аспектов Кластера. Во время и после войны с людьми он сыграл важную роль, создав оперативный центр,

собравший все индивидуальности, и поставив во главу угла общие интересы. Это был своего рода военный совет, где главный вопрос — продолжение существования Кластера. Исторические записи говорили о том, что предупреждения Соломона всегда служили важным доводом, уравновешивающим споры.

— Мы больше не можем позволить себе соблюдать Конвенцию, — решительно сказала Урания. — Она слишком долго накладывала на нас ограничения.

— Это твое мнение, — мягко сказал Соломон. — Но это не дает вам права ставить под угрозу нашу безопасность, принимая поспешные решения.

— Нам по-прежнему необходимо соблюдать осторожность, — подчеркнул Бартоломеус.

— Чересчур поспешные действия могут скомпрометировать нас.

— Найдено ли оружие Супервайзера? — спросил Натан, которого Бартоломеус отнес к группе вокруг Урании.

— Всего лишь несколько, — ответил Эразм. — Мы продолжаем его искать.

— Мы ищем его уже шесть тысяч лет! — прокричала Урания в канал обмена данными.

— Возможно, и нет никакого оружия, кроме

того, что мы обнаружили, — предположил Тиберий. — Может быть, все это не больше, чем блеф.

— Хотите рискнуть? — спросила Пенелопа.

Некоторое время — минимум четыре микросекунды — Бартоломеус сосредоточенно слушал обсуждение и делал из него все необходимые выводы. Опасность, грозившая извне, была достаточно велика; требовалось исключить внутреннюю угрозу. Важно быстро принять надежные и эффективные меры. Задачей Бартоломеуса было разработать стратегию. Кластеру надо быть готовым ко всему, даже к самым непредвиденным обстоятельствам. Дело нельзя оставить на произвол импульсивной Урании. Слишком много ошибок допущено в прошлом. И их нельзя повторять.

— Предлагаю организовать Оперативный центр, — наконец проговорил он.

— Ну то-то же, — облегченно вздохнула Урания.

Бартоломеус чувствовал скептицизм других индивидуальных аспектов Кластера, которые, подобно ему, придерживались умеренных взглядов. «Как горько, — подумал он, — что именно я добиваюсь прекращения действия Конвенции, которая должна гарантировать мир».

Он доверял Соломону и его влиянию.

— Мы разработали планы, — сказал Натан. — Оперцентр в курсе. Мы можем немедленно переходить к действиям.

— Нет, — сказал Бартоломеус. — Планы придется менять, устраняя все возможные риски. Если мы этого не сделаем, пути назад уже не будет, — он говорил громко, направляя свой голос во все каналы данных Кластера. — Если мы принимаем меры против Супервайзера, то должны быть абсолютно уверены, что сможем победить его. Иначе все обернется катастрофой.

— Мы могли бы использовать один из новых видов оружия на Марсе… — вступила Урания.

Бартоломеус прервал ее:

— Нет. Никаких разрушений. Мы не должны забывать, кто такой Супервайзер и что он придумал. Нам будет достаточно оборвать все его связи и изолировать.

— Если это вообще возможно! — воскликнули одновременно множество голосов.

— Ситуация все еще под контролем? — мрачно спросил Бартоломеус.

Это была странная мысль, в течение шести тысяч лет абсолютно чуждая Кластеру, которая отнюдь не пришлась бы по нраву другим индиви-

дуальным аспектам. *«Выступаем ли мы активно или только отвечаем на действия противника?»*

— Оперативный центр ждет наших указаний, — надавила на него Урания.

— Хорошо. — Бартоломеус собрался с мыслями, это заняло у него не более нескольких миллисекунд. — Поручаю оперативному центру принять все необходимые действия.

Вкус вечности

38

В обоих фактотумах не осталось жизни, сознания Говорящих с Разумом не было и у разработчиков. В энергетических ячейках, как и в резервных хранилищах, было пусто. Адам не смог определить, есть ли канал связи. Датчики, отвечающие за определение этого параметра, не работали. Собственно, вопрос, кто живет в этих двух телах, оставался открытым. Адам нигде — ни в отсеке для инструментов, ни в рабочей сумке, ни среди стандартных идентификаторов — не нашел подсказок, указывавших на то, кому из Говорящих с Разумом они принадлежали. Здесь лежали двое неизвестных, из ста тридцати двух или ста тридцати трех. Адам задался вопросом: могли ли эти двое успешно вернуться на Землю, воспользовавшись функцией экстренного возвращения. Он знал по собственному опыту, что это возможно везде в пределах Границы Миропознания Кластера, но эта древняя космическая станция с разреженным и холодным воздухом, как на самой высокой горе, находилась более

чем в тысяче световых лет от Земли. Из ближайшего окна можно было разглядеть Млечный Путь, причем не отдельный спиральный рукав, а всю галактику. Сначала Адам сомневался, действительно ли это Млечный Путь. Но потом он опознал множество галактик-спутников, в том числе две неправильных, которые он сначала принял за Большое и Малое Магеллановы Облака. Снаружи светили четыреста миллиардов звезд. Он находился в тысячах и тысячах световых лет от родного Солнца, желтого Солнца, которое светит на земном небосклоне. Где же он? Адам все смотрел и смотрел, пытаясь сориентироваться, но он не смог получить доступ ко всем данным библиотечного модуля, а собственная память старика за долгие годы жизни стала совсем слабой.

Неверный путь, дорога без возврата — так назвал это окно хранитель по имени Энроэль, и все указывало на то, что он прав. Портал, через который Адам попал к двум мертвым телам Говорящих с Разумом, работал только в одну сторону. Рядом с двумя неподвижно лежащими фактотумами находилась серая колонна и окно, а за ним — огненное колесо галактики, которое вращалось столь медленно, что казалось, оно стоит на месте. Колонна была разделена на шесть овалов,

сформированных из тонких, как волосы, линий, образующих фрактальные узоры. Неподвижных и непрозрачных.

Адам не знал, какой портал привел его сюда, а даже если бы знал, как он смог бы его активировать? Снова и снова он клал ладонь на материал, из которого было сделано все вокруг, и смотрел за тем, как при этом появляются новые волнистые линии. Но больше ничего не происходило. Он медленно обошел вокруг серого столба, рассматривая портал. Мог ли Энроэль и Крисали видеть его с другой стороны или других сторон? И что сейчас происходит на Ретосе? Наконец он отвернулся, обошел вокруг столба, в течение нескольких секунд наслаждаясь тишиной, а потом еще раз бросил взгляд на Млечный Путь через портал и отправился исследовать станцию.

39

«Я мыслю, — думал он. — Я все еще существую, здесь, в этом месте. Значит ли это, что моя квантовая связь с Землей сохраняется, как и прежде, независимо от расстояния?»

Если он правильно помнил, расстояния не должны играть для канала никакой роли.

«Что это значит для меня? — задавался вопро-

сом Адам, двигаясь по длинному коридору, через окна которого открывался вид на Млечный Путь с одной стороны и на межгалактическую пустоту с другой. — Это значит, что, используя очень рискованную процедуру экстренного возвращения, я могу вернуться обратно на Землю в свое старое тело, если найду что-то, способное заменить необходимый датчик сигнала. Или когда я получу доступ к коннектору».

Он остановился рядом с одним из окон, около ведущей вниз лестницы, заметив снаружи, в темной пропасти, движение какого-то объекта, на мгновение поглотившего свет далекой галактики. Он простоял так пять минут, но объект наблюдения не шевелился. Неужели теперь его визуальные датчики работают неправильно? Адам запустил программу диагностики, и она закончила работать уже через несколько секунд, выявив даже не десятки, а сотни ошибок, большинство из которых было вызвано ремонтом Энроэля.

В конце концов он отошел от окна и, добравшись до лестницы, задумался, почему же объект не движется.

Должно быть, станция очень древняя — настолько, что стекла испещрены трещинами от

маленьких метеоритов, хотя здесь, на расстоянии больше тысячи световых лет от Млечного Пути, их, конечно, не так и много. На станции осталось очень мало воздуха, в основном азот с небольшой долей аргона и ксенона: биологические существа долго бы здесь не протянули. Не говоря уже о низкой температуре. В этом коридоре было почти минус сто. Дышащие воздухом живые существа умерли бы здесь за несколько минут. Но Адам не умер. Искусственная гравитация увеличила его вес, но станция не вращалась, а значит, причина не в этом. Единственным разумным объяснением оставалось наличие гравитационного поля, создаваемого аналогом применяемых на Земле гравитационных двигателей. Значит, на работу станции по-прежнему хватает энергии. Несомненно, ее хватало. В любом случае он попал сюда через один из шести порталов на колонне.

Адам гордился своими соображениями, и в то же время они беспокоили его. Он подумал об этом только сейчас… Неужели его умственные способности ухудшаются? Без связи с базами данных и стимуляторами мысли текли медленно, и это объяснялось травмой, которую нанес ему кинетический кулак, повредивший программы. Вполне возможно, его канал связи с Землей стал

слабее, и тогда у него осталось не так много времени, а именно столько, на сколько хватит заряда энергетической ячейки. Адам направил соответствующий запрос в систему безопасности.

Длительность автономного режима работы — три дня семнадцать часов, — ответил внутренний голос.

Три с половиной дня, чтобы найти способ вернуться.

Адам спустился вниз по лестнице, слушая скрип и скрежет собственных шагов, очень тихий в этом разреженном холодном воздухе. Он прошел мимо оборудования из десятков вставленных друг в друга колец, серых, как колонна с шестью овальными портами, и сверкающих, вибрирующих при прикосновении цилиндров, торчавших из изогнутых стен. Адам заметил свет галактики, исходивший из окна, позволивший ему ориентироваться, но в тоннелях и коридорах, протянувшихся через всю станцию, было так темно, что даже мощные визуальные датчики могли различать лишь очертания предметов. Порой у Адама не оставалось выбора — приходилось включать лампу, которая требовала больше энергии. Часть помещений со сводчатыми потолками, кривыми полами и множеством

ниш в стенах напоминали Адаму соты, которые он вместе с Ребеккой видел на Земле во время поездки на Аляск. Оттуда исходило непонятное серое свечение, казалось бы, появляющееся само собой, словно продукт химической или ядерной реакции, идущей вот уже тысячи лет.

В зале, полном лестниц и арок, который тоже был залит рассеянным серым светом, Адам услышал жужжание. Оно пульсировало в определенном ритме, меняя частоту, становясь то громче, то тише. Адам прислушался. Он подумал, что это похоже на дыхание станции, на ее сердцебиение. Несомненно, странное сравнение, ведь станция — не живое существо, однако жужжание доказывало: нечто бодрствует на борту этого древнего корабля.

Хотя большинство помещений не выглядели новыми, здесь остался лишь небольшой след прошедших тысячелетий. Адам не обнаружил ни пыли, ни следов коррозии. Другие комнаты казались значительно древнее. В них стены были не гладкими, а шершавыми и потрескавшимися, покрытыми крошечными выщерблинами, на многих поверхностях имелся жирный, маслянистый налет. В одном из таких отсеков Адам нашел комнату со множеством разодранных,

полуразвалившихся предметов. Он прошел ее вдоль и поперек, но не смог их узнать. Что здесь произошло? Кто или что бушевало здесь, разрушив все в пределах досягаемости?

Войдя в тоннель на другом конце комнаты, Адам остановился, почувствовав беспокойство. Здесь царила тишина: прекратился даже тихий гул, «пульс» корабля. Но Адам ощущал, что он не один. Здесь нет окон, а серый рассеянный свет еще слабее, чем в других комнатах. Справа от Адама было абсолютно темно, а когда он повернулся, чтобы осветить это место фонарем, то ему на миг почудилось движение. Ему казалось, что за ним наблюдают, и в течение нескольких долгих секунд он не смел сдвинуться с места. Затем Адам активировал эмоциональные фильтры разработчиков, которые поддерживали его сознание, и почувствовал, что тревожное ощущение пропало. То, что он видел, наводило на мысль, что на борту старой космической станции никого нет — последние члены экипажа, похоже, покинули ее полчаса назад.

Адам вышел из комнаты со множеством разломанных предметов, медленно прошел обратно через туннель и спустя некоторое время попал в помещение, которое можно было назвать ан-

гаром. Сквозь длинное окно в полкомнаты были видны звезды и Млечный Путь, а рядом с ним Адам узнал деталь двигателя, состоявшую из одиннадцати сегментов разного размера. Здесь был корабль длиной не более двадцати метров, наполовину разобранный или наполовину собранный.

Адам подошел ближе.

Среди множества деталей, назначения которых он не мог понять, вместе с инструментами, взятыми, как подозревал Адам, из приборного отсека фактотума двух Говорящих с Разумом, было три модуля данных из библиотек. Неужели посланцы Кластера пытались собрать корабль? Глупая идея. Неужто они надеялись сами разобраться в том, как работает техника, созданная другим народом? Если только Кластер не дал конкретную информацию перед отправкой сюда. Возможно ли это? Адам понимал, что ему известно слишком мало, — он пришел к такому выводу даже с вяло двигающимися мыслями без умственной стимуляции. Отправляя его в многочисленные миссии, Кластер давал ему только самую необходимую информацию. Что он знал о таинственном враге и Говорящих с Разумом, которые нашли еще один артефакт мурийцев? Ровным счетом ничего.

Кластер получал информацию, собирал ее, производил оценку и планировал другие миссии на основе этих данных. Может быть, он специально послал сюда двух Говорящих с Разумом, чтобы они осмотрели старый корабль. Но потом, должно быть, что-то помешало им выполнить миссию. Вероятно, они пытались вернуться обратно на Землю — об этом говорило то, что он нашел их здесь, вблизи порталов.

Но что? Адам пытался мыслить ясно, правильно сформулировать вопросы и вспомнить известные ему факты, но не находил ответа. Он взял три модуля данных и задумался, что на них хранится. К сожалению, Адам не мог прочитать содержимое модулей из-за поврежденной кинетическим кулаком внешней памяти. Адам положил модули в небольшой нагрудный карман и вернулся обратно, намереваясь тщательно осмотреть два фактотума. Возможно, ему удастся извлечь ту или иную часть данных из разработчиков, понять, что здесь произошло и можно ли снова запустить порталы.

Вновь пройдя через комнату со сломанными вещами, Адам не почувствовал никакого дискомфорта, хотя эмоциональные фильтры были выключены. Он пришел к выводу, что больше

не может доверять собственному восприятию, наверное, это были галлюцинации. Через пятнадцать минут он добрался до комнаты с широким окном, где он впервые увидел галактику и серую колонну с порталом, но фактотумов здесь уже не было — они бесследно исчезли.

40

Адам медленно обошел серую колонну, прикасаясь полимерными руками к порталу и наблюдая за тем, как меняются волнистые линии. На мгновение в одном из овалов появилась долина на склоне горы, похожая на выемку от сильного удара топором, а на ней черно-коричневые существа, похожие на насекомых, словно многочисленная армия, ползли по камням. Он прикоснулся к порталу, пытаясь задержать изображение, но не мог это контролировать. Неужели у порталов были определенные периоды активности? И обоим Говорящим с Разумом нужно было дождаться момента, чтобы войти в овал и добраться до места? Но как? Энергетические ячейки опустели. Что-то захватило и удерживало их. Другого объяснения не находилось. Что-то на борту этой станции. У Адама осталось единственное оружие — маленькая пушка с пятью пулями,

которую он носил на правом предплечье.

Кл…ац. Контакт?

Солдат. Он все еще жив, он не погиб. Он лежит на задворках сознания, раненый и ослабленный. Солдат знал, когда бой — против кого или чего бы он ни велся — становится неизбежным. Если Адам отодвинется в сторону, бодрствуя и глядя на него, разрешит ему взять контроль над сознанием…

Нет. Он не хотел снова быть просто наблюдателем, пассажиром в собственной голове. Когда он вернулся обратно к колонне и попытался думать как можно быстрее без нейростимуляторов, его акустический датчик зафиксировал треск, исходивший из недр станции. Он направил визуальные датчики на проем тоннеля — единственный путь, по которому можно было попасть в эту комнату. Если враг находится поблизости, то он окажется в ловушке и не сможет уйти.

Адам считал, что у него нет выбора. Он вышел из комнаты и, держа пушку наготове, продолжил искать то, что помогло двум Говорящим с Разумом покинуть станцию. На этот раз он пошел другим путем и скоро нашел «пузырь» — прозрачную полусферу, выдвинутую из корпуса станции. Гравитация в ней была настолько слабой, что

для движения хватало легкого толчка. Прямо перед ним виднелся Млечный Путь, если это был он, окруженный легкими облаками других галактик-спутников и черной межгалактической пропастью. Но Адама интересовало не колесо галактики, а символы, которые появлялись по всему прозрачному стекловидному материалу, когда он прикасался к нему. Похоже, это были знаки мурийцев. Он попытался вспомнить похожие знаки, но не смог, поскольку не был подключен к библиотеке фактотума. Держась одной рукой за тонкие прутья, другой он двигал вверх и вниз, касаясь субстанции, отделявшей его от космоса, на которой появлялась цепь символов. Некоторые из них загорались, несколько раз мигали и снова исчезали. Другие вспыхивали и пульсировали. Некоторые выходили из стены и, превращаясь в крошечные голограммы, летели в центр пузыря. Когда Адам достиг другой стороны полусферы и вернулся обратно, у него в голове что-то щелкнуло: *«Клац»*, а затем: *«Контакт»*.

Теперь он был не один в своей голове и осознавал это со всей ясностью. Что-то чужеродное проникло в его сознание, словно жук, и думало те мысли, которые он не понимал. *Вернее, пока* не понимал. Что-то, находящееся внутри него, реа-

гировало, наделило его силой, связало со ссылкой и дало возможность делать то, чего лишены люди на Земле, — путешествовать к звездам.

Я здесь, — прошептало что-то. Вернее, звонко прозвенело.

Хотя, возможно, Адам ошибался. Могут ли жуки разговаривать? Если да, то на каком языке?

Голос снова начал говорить:

Диверсификация (Необходимость привыкания) (адаптация?) Время? (продолжительность)? Опасность?

Адам подошел к поручням, гладя свободной рукой стены, на которых появлялось все больше символов. Сквозь разреженный воздух до его акустического датчика донесся гул, и часть пузыря потеряла прозрачность. Половина корпуса станции также стала непрозрачной, а другая, сделанная из черного материала, продолжала светиться как прежде. Светящиеся строчки начали образовывать цепи, напоминающие молекулы ДНК, а под ними из стены стал выходить объект, похожий на прямоугольный кристалл, почти полтора метра высотой и метр шириной.

Адам уже видел подобное, возможно, в одной из своих миссий на далекие планеты. Жук в его сознании продолжал пробираться вперед и ду-

мать чужие мысли:

Для полета осталось мало энергии. Нужно ждать. Враг в состоянии паралича. Осторожно. Не впадайте в оцепенение. Нет портала. Коммуникация?

Последнее слово прозвучало с какой-то другой интонацией. Казалось, это был вопрос, обращенный напрямую к Адаму. Он все еще держался за поручень, а средняя рука под действием гравитации опустилась вниз. Из стены выступило изображение, окруженное ореолом из маленьких лучей. Кристалл в кругу символов теперь напоминал зеркало. Адам увидел лицо. Сначала оно было похоже на человеческое. Глаза, нос и рот находились на нужных местах, но затем медленно изменилось. Появились волнистые линии, похожие на овальные порталы. Глаза раздвинулись, нос превратился в клюв, а рот — в беззубую дыру. Изменения продолжались. Лицо продолжало растворяться, преображаясь в другие лица и предметы, хотя перед прямоугольным кристаллом был один человек.

Адам понял, что находится в комнате пилота, который летал на этой станции или ее части через всю галактику. А теперь он здесь в ловушке. Адам точно знал, что нападавший все еще

был снаружи — он видел его тень возле станции недалеко от прямоугольного кристалла. Враг находился в состоянии «оцепенения». На станции же находился другой объект.

Маленькая часть врага Ассимилянт Девять из десяти отсеков в ловушке (древняя часть станции)? Один интервал свободен, так как имеется неисправность (этап паритета и реструктуризации?)

Адам слушал шепот жука, который больше не был жуком, превратившись в сущность с крыльями, чтобы летать сквозь его медленные вялые мысли и стараться их ускорить. Он считал, что время играло важную роль. Он должен думать быстрее, понимать быстрее, если вообще может понять, ведь девятый интервал подходил к концу. Между древней частью станции, в которой появлялся жирный налет с множеством предметов, и новой, где не было и пылинки, имелось важное различие в фазах, переходах энергетических уровней, постоянном изменении кристаллических решеток молекулярной и атомной структур без модификации формы предметов.

Услышав шум реструктуризации, Адам сравнил его с пульсом. Девять из десяти интервалов в этой части станции были заняты ассимилян-

том, а защита десятого интервала исчезла из-за реструктуризации и проблем с синхронизацией. Теперь ассимилянт мог обследовать эту часть станции и искать подходящую базу для ассимиляции. Часто это не удавалось, но иногда враг мог пробраться через сеть порталов в комнате коннектора. Если это произойдет, то он получит возможность стать сильнее. А уж если он станет сильнее… Тогда возникнет опасность, что он получит доступ к оставшейся энергии и большой враг, спящий снаружи, выйдет из оцепенения и проснется.

Адам слышал все это. Он был уверен, что слышит это в своей душе. Но он мало понимал, кроме того, что его мысли оставались слишком медленными. Он все запомнил, надеясь, что сможет разобраться, если снова получит доступ к нейростимуляторам. В то же время он пытался сосредоточиться на ощущении беспокойства. Ему необходимо воспользоваться порталом и попасть к коннектору, потому что это единственный шанс вернуться на Землю. Он открыл Каскад и обнаружил, что Кахалла является одним из пересадочных пунктов, откуда можно попасть в разные миры, находящиеся друг от друга на далеком расстоянии, и на подобные станции,

даже, возможно, и в… Депозитум. Он не понимал, откуда пришло к нему это слово, но в любом случае оно было важно. Вероятно, важнее, чем все остальное. Важнее для Кластера, которому нужно было оружие, чтобы победить врага.

Земля. Концепция/Название. Планета.

Адам снова услышал голос, сделавший мысли еще более медленными, словно растрепав и рассеяв.

— Пожалуйста, — сказал он и услышал свой голос, ставший странным после ремонта Хранителя Энроэля. — Ты можешь вернуть меня обратно?

В полукруглом проходе послышалось какое-то движение и появился объект, похожий на уменьшенный фактотум с руками и ногами в неправильном месте, с расправленными крыльями, сделанными словно из блестящего флексометалла, глазами-стебельками, хоботком, из которого с шипением вырвался разреженный воздух. Его занесло сюда отдачей.

Ассимилянт (враг) находится (присутствует) здесь. Избегает прямой конфронтации. Состоит из чужеродной материи, не защищенной реструктуризацией. Опции: сопротивление, бой, бегство.

Адам не мог убежать и спрятаться, потому что путь был заблокирован. Но он…

Клац.

На этот раз это был отчетливый звук, похожий на звук выключателя. Он разбудил другого Адама, солдата, которого Кластер отправил в систему Стрелец-94, чтобы тот бился с неизвестным врагом. Он не проснулся, он спал, сраженный кинетическим кулаком, однако его инстинкт все еще продолжал жить в глубинах сознания, и этот инстинкт побудил Адама использовать пушку на правом предплечье, в которой осталось пять из шести зарядов, прицелиться и дать мысленную команду привести ее в боевую готовность.

Лишь четыре пули полетели в цель. Пятая осталась в стволе и деактивировалась, поскольку ее взрыв мог нанести вред Адаму. Четыре заряда направились в сторону фигуры за прямоугольным кристаллом, называемой ассимилянтом. Он шипел, перемещаясь назад и в сторону с помощью сжатого воздуха. Это помогло ему избежать столкновения с первой пулей, но три других настигли его. Две попали в грудь и одна в шею, разорвав тело и раскрошив голову, которая отделилась от туловища и, ударившись о стенки тоннеля, полетела в сторону кристалла, где все еще отражался пилот.

Конденсат разума первой пули изменил курс,

и в тот момент, когда голова врага появилась перед кристаллом, направился в ее сторону. Пуля пробила голову.

Вой пронесся бурей через вялые, спутанные мысли Адама:

Катастрофа! Стабильность закончилась. Постоянство закончилось. Запасы энергии на исходе.

Адам наблюдал за происходящим словно в замедленном режиме: по прямоугольному кристаллу побежали маленькие трещины, которые постепенно становились все больше и больше, переходя на полусферу, становящуюся темной и непрозрачной. Прозрачные грани, где отражался многоликий пилот, разбились словно стекло. Через секунду лопнула и сфера, где он находился. Разреженный воздух вышел, и Адам больше ничего не слышал, должно быть, создался вакуум. Его удерживал большой белый вихрь, появившийся на месте кристалла. Этот вихрь захватил и Адама.

Новая полярность. Открыть основной канал связи с остаточной энергией. Пункт назначения не определен. Открытие Каскада с остаточной энергией. Диапазон: Эвакуация…

Адам провалился в пространственно-времен-

ную дыру и ощутил бесконечность.

41

Это был Каскад мурийцев — сеть туннелей сквозь пространство и время, с помощью которого можно добраться до миров, находящихся на расстоянии сотен тысяч световых лет, не используя корабли, оборудованные двигателем. Адам чувствовал, что мысли стали течь еще медленнее, чем раньше, вероятно, потому, что ссылка, соединяющая его с Землей, работала не так, как надо. Квантовый мост, связывающий его с телом на Земле, должен был заново соединяться через множество промежуточных станций. Это были лишь короткие остановки на одну-две секунды, а дальше падение продолжалось. Оно сопровождалось резкой пронзающей болью, как от холодного острого предмета, вонзающегося ему в голову, в настоящую голову, где есть кожа и кости. Он падал и падал от одной станции к другой без возможности повлиять на путь. Время от времени появлялись более длинные паузы — десятки или даже сотни секунд. Например, в мире, в котором есть только один город, освещенный лучами бледно-желтого солнца. Каскад позволял Адаму многое узнать, ведь он видел не только с помо-

щью визуальных датчиков, а еще и при помощи пузыря, в котором плыл, и даже с помощью глаз, которые находись внутри пузыря и не могли принадлежать ни одному жителю пустого города. Здесь ничего не шевелилось. Ни одного движения рядом с покинутыми миллиарды лет назад зданиями. Ничего не летало и не пробиралось по венообразным тоннелям. На мгновение Адаму удалось увидеть пелену белых, как снег, облаков, растянувшихся в огромные нити единой сети длиной в сотни тысяч километров. Адам наблюдал эту картину всего несколько секунд, но этого времени было достаточно, чтобы понять: нити — это живые организмы, питающиеся бактериями.

В другой раз ему показалось, что он стоит на вершине башни, на ночном небе горят бесчисленные звезды, а под ним простирается огромное море света, состоящее из сотен факелов. Туземцы приветствуют его гортанными голосами, вероятно, принимая мерцание портала на башне за знак присутствия божества. Некоторые из них начинают долгий подъем на башню по спиралевидной лестнице длиной почти километр. Когда первые из туземцев были всего в нескольких десятках метров, сияние на башне исчезло.

Адам не знал, сколько световых лет он пре-

одолел и сколько времени прошло. Иногда он хотел заснуть, раз, перемещаясь со станции на станцию, он не может выбрать направление или остановить падение. Он задавался вопросом, будет ли это путешествие бесконечным, или же полет через Млечный Путь прекратится, когда его энергетическая клетка опустеет.

«Этого не должно произойти, — подумал он. — Я должен составить отчет, чтобы Кластер знал о моем открытии. Это важно».

Адам размышлял и о том, что в галактике есть бесконечное количество чудес, миров, которые нужно исследовать. Этот вкус бесконечности, он прекрасен: сладкий, полный обещаний и искушений, но в то же время и горький оттого, что у Адама нет времени узнавать и удивляться. Мысль о том, что он смертен и что конец его жизни близок, приносила Адаму горе. Будь у него в запасе еще сто лет, а может, тысяча или вечность, как у людей на Земле, он бы побродил по всей галактике, используя Каскад, и увидел бы все собственными глазами. Нет, не все. Он думал о том, что даже жизнь бессмертного может закончиться, ведь никогда нельзя исключать вероятность несчастного случая. Но… Неужели падение замедлилось?

Из-за вялых и медленных мыслей Адам не сразу смог собраться. Он был Говорящим с Разумом и выполнял важную миссию. Ему запрещалось думать о себе и о своих мечтах. Прежде всего у него есть долг перед человечеством и Кластером. Нужно найти способ стабилизировать связь и вернуться на Землю.

Он еще не сделал важных открытий, не выучил язык мурийцев, даже не начал это делать. Если раньше Бартоломеус говорил, что он важен для Кластера, то теперь он важен для Кластера как никогда.

Адам улыбнулся. Ему нравилось чувствовать свою важность.

«Да, — думал он. — Падение замедлилось. Но я все равно лечу быстрее скорости света».

Он снова улыбнулся с помощью рта, быть может, и не существовавшего здесь, в Каскаде.

«Быстрее скорости света и самых быстрых мыслей Кластера. Если бы только я мог видеть, куда падаю, наблюдать за звездами и планетами, мимо которых я пролетаю».

Внезапно он что-то заметил…

Перед ним были не звезды или планеты, а лишь черные линии. Черные линии в темноте, которая теперь казалась не такой темной. Они образовы-

вали рисунок — многоугольник, который терял свои углы, пока не стал прямоугольником. Затем что-то сгладило его, линии изогнулись и прямоугольник трансформировался в овал.

Адам сконцентрировался и почувствовал притяжение. Хотя он и продолжал падать, световой год за световым годом, что-то тянуло его к овалу. Острая, колющая боль, которую он ощущал в начале долгого падения, вернулась, а потом Адам очутился внутри мерцающего, словно маяк, овала, проглотившего, а теперь выплюнувшего его.

Две или три секунды Адам не понимал, где находится, из-за автоматического сброса данных датчиков, а затем он снова обрел тело, руки и ноги разной длины. До него донесся знакомый звук акустических датчиков, характерный звук работы сервомоторов. Сквозь темноту пробилось несколько лучей. Играя на гладком этериуме, они добрались до Адама.

— Я… — прохрипел он.

— Идентификация, — послышался голос из-за света. — Модифицированный фактотум. Поврежден и неправильно отремонтирован. Идентификационный сигнал неполный. Вы — Говорящий с Разумом?

— Я… Адам, — выдавил он. — Отвезите меня к

ближайшему коннектору. Мне нужно вернуться на Землю как можно скорее.

42

Он прибыл на Уриэль — четвертую планету двойной звезды Линдофор, находящейся на расстоянии шестисот семидесяти восьми световых лет от Земли. Каскад не случайно привел его именно сюда, назад в мир с последним живым мурийцем, пребывавшим в состоянии закристаллизованной гибернации и окруженным панцирем, возможно, служившим пультом управления. Адам наблюдал за панцирем, поднятым с глубины тридцати километров цепкими лапами медленного гравитационного буксира и находившимся в окружении трех статических полей — новой разработки Кластера. В интерфейсной комнате коннектора, подключенный к двум нейростимуляторам, ускорявшим его мышление, он заметил, что второй транспортер, меньший по размеру, чем первый, поднимал гравитационным тросом портал, через который Адам вернулся на Уриэль, планету, колонизированную Кластером. Это был начальный пункт его путешествия длиной шестьсот семьдесят восемь световых лет. Возможно, с учетом войны, начав-

шейся на Границе Миропознания и пришедшей в глубь системы, это был слишком длительный срок. Вражеский корабль весом со спутник не просто летал по межпланетному и межзвездному пространству, он прыгал, пренебрегая скоростью света. Это был не корабль мурийцев, но он тоже мог преодолевать этот установленный предел, намного его обгоняя. Он может прилететь на Землю быстрее, чем транспортер на орбите планеты Уриэль преодолеет расстояние в один световой год.

Мысль ужаснула Адама. Возможно ли это? Неужели огромный инопланетный корабль продолжит полет до тех пор, пока не достигнет Земли? Хотя он еще не появился в системе двойной звезды Линдофор, но Локальный Кластер явно этого ждал и готовился к бою — брутеры изготавливали новые системы вооружений, получая чертежи через каналы связи с Землей.

К дыре, ведущей в глубокие слои планеты, выкопанной более чем сотней экскаваторов, подошел третий буксир, а немного позже на горизонте показался третий объект для отправки на Землю: маленький корабль из сплава этериума и керамики. Наверное, у пилота корабля мурийцев, пробывшего миллион лет в кристаллической

спячке, не было возможности проснуться от долгого сна.

Объем переданных данных — шестьдесят процентов, — произнес голос базы данных, с которой ему вновь удалось связаться. — *Ждите еще пять минут.*

В память Адама уже было занесено более половины из трех модулей данных, которые он нашел в двух фактотумах на космической станции за пределами Млечного Пути. Из-за повреждения каналов передача данных заняла гораздо больше времени, чем обычно. Интерфейсы коннектора могли лишь частично помочь ему.

«Что Кластер хочет получить на Земле от мурийца и его груза?» — подумал Адам.

Спустя секунду стимуляторы помогли ему осознать, что он задает неправильный вопрос, неверно оценивая ситуацию. Кластер делал это вовсе не для того, чтобы что-то получить. Он просто хотел, чтобы ценный объект не попал в руки врага.

«Я знаю его язык, — думал Адам, вспоминая голос начальника корабля, Достопочтенного Пилота. — Я могу поговорить с ним, узнать, что случилось в прошлом и что происходит сейчас».

Но Локальный Кластер отказывался перенести

отправку корабля даже на один день.

Дверь открылась, и к Адаму подошел сервомеханизм, который час назад привел его к коннектору. Он выглядел как что-то среднее между человеком и пауком и иногда ходил на двух ногах, иногда на четырех, а иногда и на шести. По каналу приоритетного доступа он был связан напрямую с Кластером планеты Уриэль.

— Адам, коннектор уже десять минут как готов к отправке, — сказал он. — Чего же вы ждете?

— Я скоро буду готов, — ответил Адам, не упоминая о трех модулях с данными.

— Вы блокируете работу коннектора. Мы ожидаем еще одного Говорящего с Разумом, — гудя сервомоторами, механизм подошел ближе.

— Я действую в рамках Положения о чрезвычайной ситуации Правил ведения боевых действий, — сказал Адам. — Локальный Кластер до сих пор не дал мне никакого ответа.

— Вы больше не выполняете никакой миссии для нас, Адам, — сказал сервомех. От его голоса явственно веяло холодом. — Кроме того, Локальный Кластер имеет право самостоятельно принимать все важные решения. Особые положения не имеют здесь силы.

— То, что вы делаете, в корне неверно, — Адам

посмотрел в окно. — Мы могли бы разбудить мурийца, и я мог бы поговорить с ним.

— У нас нет времени.

— Нет времени? — повторил Адам. — Вы хотите отправить его в путешествие длиной почти семьсот световых лет.

— Мы учли все факторы и приняли решение, — ответил сервомеханизм.

До окончания передачи данных — одна минута.

Адам бросил последний взгляд на буксиры в небе над Уриэль, а затем отошел от окна.

— Расскажите мне о войне.

— Какую войну вы имеете в виду, Адам?

— А их много? — Его охватило беспокойство, нарастающее с каждой секундой. Оно появилось из подсознания, которое только что начало обрабатывать полученные данные.

— Я не уполномочен предоставлять вам какую-либо дополнительную информацию. Коннектор ждет вас, Адам. Пожалуйста, не блокируйте его работу.

— Все в порядке.

Они вышли из интерфейсной комнаты и прошли по короткому коридору в зал коннектора, где было слышно сильное гудение — все системы находились в режиме ожидания. Адам остро

почувствовал канал связи с Землей, похожий на мост, протянувшийся почти на семьсот световых лет. Его ожидала не эмульсионная ванна, а открытый цилиндр — прямая связь с фактотумом. Он был счастлив, что далекий Крисали хоть неправильно, но отремонтировал его тело, разбитое кинетическим кулаком, а перспектива возвращения в старое немощное тело печалила его.

Десять секунд…

— Пожалуйста, заходите в цилиндр, Адам, — призвал сервомеханизм.

— Еще одну минуту, — ответил Адам, концентрируясь на причине беспокойства.

Передача данных завершена.

Адам получил данные модулей, и все встало на свои места: цели миссии, в которую отправились двое Говорящих с Разумом, их опыт и знания, полученные для выполнения этой особенной задачи. Кластер знал о том, что два входа в Каскад Мурии еще работают. Это была абсолютно новая информация для Адама. «Ты важен для нас», — заверял его Бартоломеус. Но на самом деле не так важен, потому что Кластер на Земле уже нашел легендарный Каскад. Двух Говорящих с Разумом отправили изучать его, а Адама сделали солдатом и послали на борьбу.

— Пожалуйста, заходите в цилиндр, Адам, — повторил сервомеханизм, приближаясь к нему.

Мысли Адама все еще поддерживались двумя стимуляторами, и сейчас в нем все перевернулось. Он обнаружил ложь в своих воспоминаниях. Она стала для него болезненным ударом, сравнимым с ножом в сердце. Ложь и правда. Но разделенные неправильно. В необычном месте. Там, где не ожидаешь их встретить.

Сервомеханизм вновь двинулся вперед и потянулся к физическим соединениям канала. Адам посмотрел на него, но продолжал стоять неподвижно как вкопанный, будто бы его парализовало.

Бартоломеус уверял его, что Кластер не превращает бессмертных в Говорящих с Разумом, а Эвелин утверждала обратное. Адам верил своему наставнику, а женщину считал лгуньей.

Но все было не так.

Теперь он знал имена двух Говорящих с Разумом на старой космической станции в другом конце галактики. Одно из них — Алисон, эту женщину Адам однажды встречал, десять или двадцать лет назад. Уже тогда она была старухой и носила мобилизатор. А второго звали Эллергард. Лгала не Эвелин, а Бартоломеус. Эллергард,

бессмертный, шестисот семидесяти двух лет от роду не покончил жизнь самоубийством. Машины действительно похитили его и превратили в Говорящего с Разумом. Ложь и правда перевернулись в сознании Адама.

Сервомеханизм настроил физическое соединение. Жужжание коннектора стало сильнее, а пульсация канала квантовой связи — громче. Транспортировочный сон, обычно такой желанный, начал добираться до мыслей Адама.

— Мне нужно еще пару минут, — выпалил он и попытался пошевелиться, но моторы фактотума больше не подчинялись ему.

— Транспортировка началась, — услышал он голос сервомеханизма, прежде чем акустический датчик, как и другие датчики, перестали отправлять данные. — Бартоломеус ждет вашего отчета.

Темнота окружила его, а канал связи отправил сквозь десятки световых лет.

Плата за будущее

43

Бартоломеус стоял в приемной станции коннектора Грюндландии, когда к нему пришла Урания. Это было необычно, что два Аватара встретились здесь, вдали от других, хотя и не вполне уединенно — они сохраняли связь с Кластером и всеми другими индивидуальными аспектами.

Она указала на светившиеся индикаторы цилиндра:

— Кто-то возвращается.

— Да, это Адам. Он летит назад, а мы уже думали, что потеряли его, — Бартоломеус передал ей соответствующие данные.

— Он много раз вступал в контакт с врагом.

— Да, но не так, как предполагалось.

— Ты говоришь о вторжении. Для него это была просто игра с незначительными шансами на успех. Другой Говорящий с Разумом будет подготовлен лучше.

— Ребекка.

— Так она себя называет. У нее было больше шансов, чем у предшественниц, но все впустую.

И все благодаря самовольным действиям. Как такое могло произойти?

— Они люди, Урания, — терпеливо ответил Бартоломеус. — Иногда они действуют нерационально и импульсивно. Как бы то ни было, я продолжаю развивать программу внедрения на основе новых данных. Скоро нам обязательно представится новая возможность.

— Ты знаешь мое мнение. Люди почти никогда не действуют рационально и почти всегда импульсивны, — ответила Урания.

— Конечно я знаю, — Бартоломеус сделал небольшую паузу. — Адам уже в пути, и я предполагаю, что он несет важную информацию.

— Он стал объектом манипуляций, — отметила Урания. — У него установлена программа, разработанная Ньютоном. Мы изучаем ее. Она написана простым алгоритмом, но имеет высокую эффективность.

— Как и прежде, мы возьмем у него всю информацию, — ответил Бартоломеус.

Внутри цилиндра лежал отлично сделанный фактотум с блестящей шеей.

— Ты хочешь одеть его в это?

— После экстренного возвращения его тело находится в очень плохом состоянии. Ожидаемая

биологическая продолжительность его жизни составляет всего год или даже меньше. Я не хочу делать его существование хуже, чем сейчас.

— Можем ли мы сказать, что между вами возникли дружеские отношения? — с любопытством спросила Урания.

— Я его наставник. Я сопровождал его почти всю жизнь, начиная с тридцатилетия.

Урания замолчала. Бартоломеус понял, что она общается с другими членами группы, но из вежливости не стал слушать их разговор, а продолжал смотреть на индикаторы коннектора.

— Мы провели оценку ситуации и спрогнозировали ее развитие, — наконец сказала Урания. — С удивлением отмечено, что ты не принял участия в консультациях.

— Я не хотел производить впечатление, что настраиваю вас определенным образом. — Бартоломеус повернул голову в сторону Урании, хотя Аватары всегда могли видеть друг друга, ведь они присутствовали в каждом датчике. — Мне тысяча лет. Оперативный центр в шесть раз старше и имеет больше опыта. Я соглашусь с его решениями.

— Мы анализировали передвижение и действия корабля, — сказала Урания, не обращая

никакого внимания на последние слова. — И пока не поняли его цель. Возможно, его интересуют только артефакты Мурии.

— «Возможно», Урания? — переспросил Бартоломеус. — С каких это пор мы соглашаемся на «возможно»? Чересчур расплывчато.

— А что нам остается? Мы еще слишком мало знаем о противнике.

— Мы знаем вполне достаточно, Урания. Мы знаем, что враг охотится не только за найденными артефактами, но и за центром, главным городом нашей цивилизации, нашим сердцем.

— Нашим сердцем, Бартоломеус?

— Вернее, мозгом, Урания. Главным пунктом, где принимаются все важнейшие решения.

— Ты хочешь сказать, он ищет Землю?

— Подразделения Кластера согласны со мной. Я составил план… — Он услышал сигналы, говорящие, что Урания запрашивает доступ к Коллективному Сознанию. — И уже начал претворять его в жизнь.

— Понимаю, — ответила Урания. — Ты хочешь, чтобы враг считал, что наше сердце и мозг — это планета Уриэль системы Линдофор?

— Вот уже триста лет на этой планете находится большая колония. Это довольно логично.

Враг может принять Уриэль за центр. Если уловка сработает, мы выиграем время. У нас будет возможность достаточно усилиться. Локальный Кластер держит нас в курсе.

— Ему придется пожертвовать собой.

— Да, но у нас нет другого варианта. Мы должны заплатить за наше будущее.

— А как же сеть, которую мы строим вот уже многие сотни лет для перемещения нашего сознания на множество световых лет…

— Это еще одна жертва, призванная убедить врага в том, что он нашел центр.

Урания посмотрела на Бартоломеуса не только глазами. Ее зондирующие сигналы проникли внутрь, в мышление Аватара, находящееся у разработчиков Кластера.

— Твой план правильный, — через две долгих секунды произнесла она. — Я впечатлена.

— Я честно выполняю свою задачу, — ответил Бартоломеус.

— Тысячу лет назад Кластер назначил тебя стратегом. В тот момент я была настроена скептически и считала, что мои индивидуальные особенности позволят мне занять эту должность. Я считала твое назначение шагом назад в нашей эволюции, но, вероятно, я ошибалась.

— Ты уже второй раз говоришь слово «вероятно», — вставил Бартоломеус.

— Что же касается экстраполяции…

— Ты всегда такая.

Бартоломеус узнал не только результат обсуждения тысяч индивидуальных аспектов Кластера, но и был осведомлен о всех деталях этой долгой дискуссии.

— Мы выступаем против Супервайзера, — резюмировала Урания. — Он уже начал расследование, и у нас не остается выбора. Мы должны действовать быстро, пока он не принял меры.

— Он уже нашел оружие внутри нас? — спросил Бартоломеус.

Хотя он ясно осознавал необходимость действий, подобная срочность была ему не по душе. Собственное подсознание, сложная симуляция в недрах баз данных Кластера, отреагировала на эту новость чем-то, что люди назвали бы дискомфортом.

— Нет. Но это означает, что мы не должны дать ему ни единой возможности сделать что-то против нас. Необходимо изолировать кордон в Долине Леты на Элизии. Мы отрежем Супервайзера от всего мира и прежде всего от оружия внутри нас. Конвенции, которая нас ограничивала, боль-

ше не существует.

«Мы уже давно нарушаем ее», — подумал Бартоломеус в своем личном индивидуальном «я».

— Одновременно мы выступим против «Утренней Зари», — продолжала Урания. — В сознании Ньютона мы нашли всю необходимую информацию. Ты говоришь о том, что мы должны заплатить за будущее. Но это должны сделать не только мы с внешним Кластером и сетью, которая должна нести наше сознание гораздо дальше, чем это делается сейчас. Людям тоже следует внести свой вклад. Нам нужны Говорящие с Разумом. Нужно гораздо больше, чем раньше, и не только в качестве солдат, обслуживающих новые системы вооружений. Мы пошлем их в Каскад. Возможно, они смогут найти Депози-

тум — хранилище вооружения мурийцев. Так мы сможем намного лучше подготовиться к борьбе, и цена, которую мы заплатим за будущее, станет не такой высокой.

— Это необходимо, — сказал Бартоломеус после непродолжительного обдумывания, занявшего, если быть точным, семь миллисекунд. — Но это печалит не тебя, Урания, а меня. Для тебя, Натана и остальных это просто еще одна хорошая возможность избавиться от людей.

— Ты обвиняешь меня?

— Это просто размышление, — ответил Бартоломеус, и, видя, что его мысль привлекла внимание Кластера, пояснил ее: — Мне жаль, потому что люди заслуживают уважения. Мы должны быть внимательны к ним.

Урания снова прозондировала его:

— Ты наш стратег, Бартоломеус, и ты отлично справляешься с этой работой. Но, вероятно, ты проводишь слишком много времени с Адамом и другими Говорящими с Разумом. Создать нас было предназначением людей в процессе эволюции. На этом смысл их существования закончился.

— Разве ты не понимаешь, кто наш враг в космосе? — спросил Бартоломеус. — Неужели мы не должны в этой ситуации научиться чему-то новому?

Когда Урания ушла, Бартоломеус целую секунду думал о тех переменах, которые теперь произойдут на Земле. Затем он снова подошел к цилиндру коннектора с фактотумом, ожидающим прибытия человеческого сознания.

Показания индикаторов изменились. В процессе транспортировки случилось что-то непредвиденное.

Границы

44

Эвелин, Найтингейл и Максимилиан вышли из лифта на глубине трех километров на свет химической лампы. Шаги по вырытому простыми сервомеханизмами туннелю отзывались гулом, в котором было больше вибрации, чем звука. Он исходил от близлежащего терминала Кластера, где умные машины, которые находились за скалой, служившей им стеной, постоянно думали о чем-то, составляли планы, переговаривались друг с другом. Эвелин часто спрашивала себя, как можно провести тысячу лет на одном месте, глубоко под поверхностью Земли, не имея возможности выйти или увидеть солнечный свет. Путешествуя по Земле, Аватары использовали далеко не все машины Кластера. Большинство из них так и оставалось глубоко в земной коре, проводя всю свою долгую жизнь в одиночестве, думая и управляя экскаваторами, брутерами и сервомеханизмами, создавая новое пространство из молекулярных цепочек горных пород, а также производя и устанавливая новых разработчиков

взамен старых. Могла ли измениться их жизнь? Эвелин смотрела на положение вещей со стороны человека, но она, конечно, понимала, что подобный взгляд на обслуживающие машины неправилен. И все же, когда она пыталась представить себе такую жизнь, в ней просыпалось что-то похожее на жалость.

— Насколько сильным мог стать Кластер? — спросила Эвелин, когда они подошли к двери, где Максимилиан набирал код, а установленные в стене датчики подтверждали их личность. — Экскаваторы все копают и копают, брутеры работают круглые сутки, а огромное множество сервомеханизмов все время занято делом. По последним подсчетам Ньютона, их число составляет два миллиона.

Ньютон. Она старалась не думать о том, что могло с ним произойти.

Раздался щелчок, и перед ними распахнулась дверь. За ней находилась мастерская с единственным коннектором, который использовали члены «Утренний Зари».

— На севере Аустрали Кластер создал терминал Грегори, расположенный на глубине девять километров, — ответил Найтингейл. У него был такой мелодичный голос, что казалось, он не

говорит, а поет.

— Это еще куда ни шло, — взмахом руки Максимилиан закрыл дверь, а затем активировал замок. — Вот на севере и юге Мерики, а также в Сибберианской впадине Кластер достиг глубины пятьдесят километров. Нам удалось установить пассивные датчики. Таким образом мы узнали, что в Сибберии экскаваторы достигли жерла спящего супервулкана.

— Они играют с огнем, — ответил Максимилиан. — Кажется, машины нашли способ получения сырья для брутеров из магмы. Я попросил Гектора спрогнозировать развитие ситуации. Если так будет продолжаться и дальше, то примерно через пятьдесят тысяч лет экскаваторы Кластера пройдут через верхний слой мантии Земли и окажутся в нижнем. Это лишь вопрос достаточного количество энергии для брутеров и производительности.

Эвелин заметила, что Максимилиан очень впечатлен.

— Еще больше машин, — сказала она. — Кластер все расширяется и расширяется. А что будет потом?

— Он начнет контролировать все, — ответил Максимилиан. — Вмешиваться в земные процес-

сы, в сейсмическую активность. Он выкачает все сырье и ресурсы, из которых можно получить энергию. Это будет продолжаться некоторое время. Я говорю о тридцати-сорока тысячах лет, а это довольно долгий срок для людей. Мы полагаем, что его развитие остановится, когда он углубится во внешнее ядро примерно на пять тысяч километров.

— Земля — могучий гигант, — сказал Найтингейл.

— Да, — подтвердил Максимилиан. — Могучий, постоянно вращающийся гигант. Таково будущее Земли, если верить Гектору. Но она может снова столкнуться с астероидом, как это было в прошлом. Подобные столкновения представляют опасность не только для жизни на поверхности, но и для Кластера. И даже если такого не произойдет, что в долгосрочной перспективе очень маловероятно, когда-нибудь Солнце превратится в красного гиганта и поглотит все планеты вокруг себя. Если Кластер не научится перемещаться, то ему придет конец.

— Ты хотел сказать: «Если Кластер не превратит Землю в космический корабль?» — спросила Эвелин.

На мгновение она забыла об Адаме и коннек-

торе.

— Вот к чему все идет. Возможно, когда-нибудь, через многие миллионы лет, Кластер научится управлять орбитами планет. В этом случае Земля не будет иметь такого значения, каким она обладает сейчас.

— Тогда Супервайзер лишится своей контролирующей функции, — сказал Найтингейл. — Ведь он останется на Марсе.

— Возможно, некоторые из нас доживут до этого момента, — добавил Максимилиан. — Если не произойдет несчастного случая.

«Если не произойдет несчастного случая, — подумала Эвелин. — Такого, как с Джаспером, Эллергардом, Ньютоном и другими».

Максимилиан активировал свой сигнальный значок:

— Рубенс?

— Я слушаю тебя, Макс.

— Мы внизу. Как у тебя обстановка?

— Все спокойно. Я подсоединил свое поле опыта к датчикам и дам вам знать, если что-то случится.

— Гектор?

— Слушаю тебя, Макс, — зазвенел голос искусственного интеллекта — Я уже выполнил все

необходимые подготовительные операции и начинаю работу.

— Спасибо, Гектор.

Когда Эвелин услышала голос Гектора, в ней проснулось беспокойство — уж очень сильно он напоминал голоса умных машин. Она знала, что это лишь эмоции. Без искусственного интеллекта, такого как Гектор, «Утренняя Заря» вообще не могла бы существовать. Но что будет, если Гектор вступит в прямой контакт с Кластером и познакомится с его властью и мощью?

Эвелин отбросила эту мысль и посмотрела на сигнальный значок Максимилиана.

— Надеюсь, соединение было защищено, Макс, — сказала она. — Я приложила очень много усилий, чтобы замести следы и не вызвать подозрений. Малейшая ошибка может разрушить наши планы.

Максимилиан остановился и очень серьезно посмотрел на нее:

— Порой мне кажется, что ты считаешь нас глупыми. Конечно, канал связи защищен. А что касается планов… Иногда я думаю, что это твои планы, а не наши. Ведь Супервайзер не принял официальный иск.

— Мы говорили об этом.

— Да, говорили, но не пришли к одному решению. У нас даже нет четкого понимания плана действий.

— Это необходимо, Макс. У нас нет выбора.

— Так считаешь только ты.

«Это нельзя назвать сопротивлением, — думала Эвелин, пока Макс и Найтингейл пробирались среди аппаратуры и установок. — Но это нельзя назвать и активной помощью, на которую она надеялась много-много лет. Джаспер был единственным, кто вкладывал в это дело столько же усилий, как и она. Ньютон тоже преданно и активно помогал Эвелин, но, главным образом, потому, что хотел быть с ней. Остальные же члены „Утренней Зари“ походили на Максимилиана, Рубенса и Найтингейла. Они рассматривали членство в группе всего лишь как один из этапов длиной в несколько лет или десятилетий, наполняющий жизнь смыслом».

— Нам нужно получить информацию, — сказала она без сомнения. — Нет, обратиться к Супервайзеру было не ошибкой. Это импульсивное решение имело под собой основания. Когда ситуация станет критической, все будет иначе. В этих условиях нельзя действовать так, как раньше. Если не хочешь отдаться на произвол судьбы,

нужно проявлять инициативу. У Адама есть все необходимые нам данные.

— Так считаешь только ты, — ответил Максимилиан, наклоняясь под несколькими сигнальными мостами.

— Да, я уверена.

— Ты не можешь быть уверена, потому что не знаешь, какая именно информация есть у Адама.

— Макс, Джаспер исчез, — ответила Эвелин. — И Ньютон тоже. Адам может рассказать нам, в чем причина. Макс, я уверена. Программа Ньютона сохранит его воспоминания. Он расскажет нам, что происходит в космосе и почему Кластер нарушает Конвенцию.

— Мы сами нарушаем Конвенцию, — ответил Максимилиан. — Если мы проведем сюда Говорящего с Разумом, Кластер может оценить это как открытое выступление против него.

– *Ньютона похитили на моих глазах*, — резко сказала Эвелин. — Урания забрала его, и с тех пор его нигде нет. Машины больше даже не пытаются сохранять видимость законности. Вот почему я говорю, что сейчас самое время действовать. Как бы не было слишком поздно, когда мы придем.

По обеим сторонам прохода поднимались энергетические стенки и аккумуляторы, обра-

зовывающие кольцо, сужавшееся к коннектору. Эвелин встала позади Максимилиана и Найтингейла, и они по очереди протиснулись в узкий проем между сделанными на скорую руку и незавершенными установками. Свисали сигнальные цепи и энергетические связи и, словно лианы, тянулись к обнаженному участку породы. В некоторых местах появились серые шишки толщиной в сантиметр, связанные с перехватчиками, фемтомашинами, глазами и ушами в ближней артерии Кластера на службе «Утренней Зари». Увидев посередине установочного кольца фактотум, Эвелин испытала большое разочарование.

— Разве ты не продвинулся дальше? — спросила она, обходя груду рук, ног и сегментов туловища. Казалось, в голове еще нет визуальных и акустических датчиков, а только лишь ряд модулей пассивной памяти и несколько разработчиков, достаточных для автономной работы.

— В основном мы работали над коннектором, а не над фактотумом, — защищался Максимилиан, переминаясь с ноги на ногу. — Я не планировал делать фактотум.

— Это тело не подходит Адаму, — сказала Эвелин. — Боюсь, здесь недостаточно места, чтобы вместить полный объем его сознания.

В верхней части цилиндра загорелись индикаторы. В воздухе повис гул, почти такой же громкий и монотонный, как и вибрация от расположенного рядом Кластера.

— Мы поместим его в буфер. — сказал Максимилиан, а Найтингейл встал в поле голографической системы и проверил связь с коннектором в трех километрах над ними. Их окружало облако из светящихся символов, и Эвелин с облегчением увидела, что нигде не было видно предупреждений, отмеченных красным.

— Гектор? — спросила она.

— Все готово, Эвелин. Коннектор точно выровнен с учетом констант гравитационной сигнатуры Земли. Я проверил все еще раз, ошибок не обнаружено.

— Соединение здесь не прослушивается?

— Нет, Эвелин. Когда мы будем осуществлять прием, системы управления терминалом воспримут нас как часть коннектора Кластера. Но сеанс связи не может длиться слишком долго. Я думаю, не более десяти секунд.

— Этого достаточно для получения четкого изображения, но не для разговора, — сказала Эвелин. — Ты слышал, Макс? Буфера недостаточно. Нам нужно постоянное хранилище переданного

сознания.

— У нас нет ничего, кроме незавершенного фактотума, — ответил Максимилиан. Теперь его голос звучал намного серьезнее. — Мы могли бы сделать его через два-три месяца, но не сейчас.

Эвелин посмотрела на незаконченную голову фактотума.

— Есть ли у нас дополнительные модули памяти?

— Два, — прокричал Найтингейл. Его белокурые волосы развевались. — Снаружи, у коррелляторов. Они были нужны для записи приоритетных сигналов и проникновения в сеть Кластера.

Эвелин пробежала мимо Максимилиана, который вносил поправки и проверял работу коннектора, нашла два модуля памяти, вернулась к фактотуму и добавила разработчиков в открытую голову. Она чувствовала, что надо спешить.

— Макс?

— Все в порядке.

— Установи соединение.

— Устанавливаю.

Найтингейл повернулся: он все еще был в системном поле. В облаке символов что-то сверкнуло, и его цвет изменился.

— Коннектор терминала позволяет нашему

устройству работать как часть системы… О!

Эвелин наблюдала за дисплеями на сигнальных мостах, которые соединяли фактотум с цилиндром коннектора. Она повернула голову:

— Что?

— Кажется, Адам уже в пути, — сказал Найтингейл. — Нам даже не нужно вызывать его. Он находится в процессе транспортировки. Когда он прибудет, коннектор терминала пришлет идентификационный сигнал.

— Тем лучше, — ответила Эвелин, вспомнив о том, что еще один шок от перенаправления сигнала транспортировки может разрушить стареющее тело и повлиять на сознание.

«Мы не должны его пропустить, — подумала она. — Нам нужно получить у него информацию. От нее зависит слишком многое».

— Связь стабильна, — пропел Найтингейл в своем системном поле. — Мы подключились к каналу передачи данных.

Он засмеялся:

— Это похоже на детскую игру!

«Игра, — подумала Эвелин. — Для Найтингейла, Макса и остальных это игра или что-то в этом роде».

— Кластер ничего не замечает, — добавил

Найтингейл. Его речь все еще походила на пение. — Мы можем гордиться собой, Макс.

Максимилиан скупо улыбнулся.

Эвелин нетерпеливо ждала. Ее беспокойство росло.

— Есть только одна маленькая проблема, — сказал Найтингейл, подняв руки, и его пальцы коснулись пульсирующих символов. — Адам появится не в том коннекторе, где должен появиться на самом деле. А это приведет к расследованию. И если машины проведут его со всей тщательностью…

— …то заметят, что сигнал исходит отсюда, из коннектора терминала над нами, — сказал Максимилиан. — А поскольку Адама там нет, у них будет повод произвести внимательный осмотр и найти все прослушивающие устройства. Им уже давно надо было осмотреть нашу станцию наверху.

— Мы зарегистрировали прибытие Адама, — сказал Найтингейл. — Я получил сигнал подтверждения. Адам заходит по прослушиваемому каналу. Три секунды… четыре…

На затылке фактотума загорелся индикатор.

Гул коннектора стал громче, перекрывая гудение близлежащего главного канала Кластера.

Свет замерцал.

«Энергия, — забеспокоилась Эвелин. — Что с нашей энергетической сигнатурой и выбросами коннектора?»

…семь, восемь.

— Транспортировка завершена, — сказал Максимилиан, находясь у открытого пульта управления цилиндра. — Эвелин?

Цвет индикатора на затылке фактотума изменился.

— Подтверждаю получение.

— …десять. Соединение прервано, — Найтингейл остановился. — Гектор?

— Никаких нарушений я не заметил, — сообщил искусственный интеллект. — Мы можем…

Эвелин подождала несколько секунд.

— Гектор?

За каменной стеной был слышен лишь вибрирующий гул Кластера.

— Что случилось? — спросила Эвелин. — Почему искусственный интеллект не отвечает?

Свет снова замерцал. Из сигнального значка Максимилиана раздался голос:

— Снаружи два Аватара, — взволнованно сказал Рубенс. — Бартоломеус и Урания, если не ошибаюсь. Они послали сервомеханизм искать

Саманту.

«Чертов идиот! — подумала Эвелин. — Это ловушка. Ты должен был предупредить нас. Вероятно, они отслеживают сигнал».

— Что? Канал связи защищен. Мы…

— Рубенс? — Максимилиан постучал по сигнальному значку. — Рубенс.

Эвелин быстро начала отделять голову фактотума от тела:

— Сюда уже идут два Аватара. Бежим к запасному выходу.

45

— Это слишком опасно, — Максимилиан указал на узкую шахту, которую несколько месяцев назад сделали Ньютон, Джаспер и Рубенс. Она вела вниз под углом примерно пятьдесят градусов. Для удобства передвижения на стенах были сделаны перила. Через сорок метров шахта заканчивалась, упираясь в стену терминала Кластера между главным каналом терминала и небольшим отверстием.

— Тебе просто нужно крепко держаться, — сказала Эвелин.

С обычным рюкзаком за спиной, в котором лежала голова фактотума с сознанием Адама, она

протиснулась через узкое отверстие в шахту. Две-три секунды ее ноги болтались над пропастью.

— Я не это имею в виду, — ответил Максимилиан, стоявший над ней. — Спуститься в шахту — не проблема. Проблемы начнутся, когда ты захочешь попасть в воронку терминала. Это может привести к… несчастному случаю. Мы от них не застрахованы.

Они уже преодолели два метра и посмотрели наверх, где слабо светила химическая лампа.

— Ты боишься, Макс?

— Мне триста семьдесят восемь лет и нравится жизнь. Не хочу погибнуть в результате несчастного случая.

Найтингейл протиснулся за ними в шахту.

— У нас нет выбора, Макс. Когда Аватары прибудут сюда, они не зададут несколько вопросов, а потом отпустят. А еще… это захватывающе. Тебе самому нужно принимать решение, Макс, — Эвелин продолжала спускаться вниз, стараясь не зацепить рюкзаком стену. — Если ты останешься наверху, к вам, вероятно, придут в гости два Аватара. Наши маленькие хитрости позволяют лишь немного выиграть время. Им нужно лишь слегка надавить на Рубенса, чтобы узнать о «дыре».

— Рубенс никогда бы…

— Я уверена, что он тоже дорожит своей жизнью, — сказала Эвелин с горькой решимостью в голосе. — До сих пор участие в нашей группе для тебя было просто интересным времяпрепровождением, но сейчас все серьезно, Макс, очень серьезно. Или ты отдаешься Аватарам, ясно понимая, что это значит, или рискуешь, превращая жизнь в игру. Ты должен принять решение.

Последние слова прозвучали как-то странно. Эвелин внезапно поняла, что она может применить их и к себе. Когда она двести лет назад основала «Утреннюю Зарю» просто как безобидную группу наблюдателей, то убедила себя, что готова принести жертву ради дела. Но это были просто слова, а теперь ситуация изменилась, и они оказались на распутье, на границе, откуда нет возврата к старой, безопасной жизни. Рисковать собственной жизнью ради чего-то — довольно сложно. Но рисковать жизнью, будучи бессмертным, ставя на кон тысячи лет или даже вечность…

Найтингейлу, который всегда был романтиком и искателем приключений, решение далось легче. В некотором роде это было некое продолжение игры, просто со слегка измененными правилами. Макс в первую очередь был техником «Утренней

Зари», не революционером и бунтарем, а самоучкой. Большинство бессмертных стремились снизить риски, избегая ситуаций, которые могут привести к несчастным случаям. Еще несколько минут назад Максимилиан думал так же, а теперь больше не видел безопасных путей, только лишь серую неизвестность, полную мин и подводных камней. Эвелин не могла на него злиться — она слишком хорошо его знала. Ей было его жаль. Уважение сменилось облегчением, когда Максимилиан нашел в себе силы принять решение. Он спустился в шахту и закрыл за собой крышку люка.

Эвелин посмотрела на Найтингейла, который надевал морфический камуфляж. Если немного повезет, он сможет замаскировать шахту.

— Защита уже активирована, — Максимилиан стал спускаться на глубину, спеша присоединиться к Найтингейлу.

Морфический камуфляж. Морфер, как называл это Джаспер. Это была молекулярная цепочка, которую разработали Ньютон и Джаспер. Она маскировала не только шахту, но и структуру породы на глубину в несколько метров. Камуфляж не выдержит тщательной проверки, но спасет от поверхностного зондирования. Аватары смо-

гут обнаружить люк, только если внимательно просканируют конкретное место, потратив драгоценное время.

Шахта вела в комнату, освещенную химической лампой, где стоял только шкаф с маркировочной одеждой, инжектор с несколькими программируемыми патронами и небольшой мобильный морфер. Устройство питалось от ядерной батареи, обеспечивающей достаточное количество энергии. Ее выбросы были крайне низкими и терялись в общем потоке Кластера. Максимилиан взял морфер размером примерно с человеческую руку.

— Мы его не проверяли, — сказал он. — Должен работать, но мы его не проверяли.

— Он же работает в породах, правда?

— Да, но…

— Переодевайтесь, быстро. — Она уже сняла с себя одежду, и Найтингейл последовал ее примеру. — И уколите себя вот этим.

Она взяла инжектор, установила три дозы и передала его Найтингейлу.

— Это запрограммировал Ньютон.

— Новые микроидентификаторы? — спросил Найтингейл.

Он без колебаний засунул руку в инжектор,

приложил его к шее и нажал на пуск. Устройство тихо зашипело.

— Да. Они передают нам идентификационные сигналы сервомеханизмов. А адаптивная одежда дает соответствующие сигнатуры зондирования.

— Это глупо, — сказал Максимилиан. — Я, конечно, помогал Джасперу и Ньютону, но это глупо. Вы действительно верите, что Кластер примет нас за сервомеханизмы?

— Мы сможем пройти обычное зондирование.

Она забрала инжектор у Найтингейла и ввела новые микроидентификаторы, преобразовав свои из Саманта-284 в СМЕ-14 245-Ф, характерные для рабочего сервомеханизма с конденсатом разума. — К тому же в Кластере нас никто не подозревает.

Она бросила устройство Максимилиану:

— Теперь твоя очередь.

Эвелин наблюдала, как Максимилиан повторяет действия Найтингейла. Сделав укол, он почувствовал, как приобретает пластмассовую маскировку на лице и плечах. Саманта приобрела более стройное телосложение, и с нее свалились лишние килограммы полимерной ткани. Она подождала, пока от шеи отвалится последний кусок, затем надела адаптивный комбинезон и

достала из рюкзака голову фактотума. Индикатор на шее горел желтым.

— Что это значит?

— Дай-ка я посмотрю, — сказал Найтингейл. — Я помогал Максимилиану его конструировать и немного в этом разбираюсь.

Он повертел голову в руках, рассматривая модули памяти и разработчиков.

— Трансмиссия пока вроде в порядке, энергетическая ячейка содержит достаточно заряда, но…

— Но что?

— Проверка интеграции выполнена лишь на семьдесят один процент.

— О чем это говорит? Мы не получили полное сознание?

— Трудно сказать.

— Как активировать голову? — спросила Эвелин.

— Здесь, — Найтингейл показал ей. — Но тебе лучше подождать, пока мы…

Эвелин проигнорировала совет и нажала выключатель:

— Адам? Ты меня слышишь, Адам?

Из микрофона под недоделанным лицом донесся треск.

— Адам?

— Бартоломеус, — раздался невнятный голос.

— Нет, это я, Эвелин. Мы вернули тебя на Землю, Адам. Ты слышишь меня? Что ты помнишь?

— Я… Адам? — прохрипел голос из громкоговорителя.

— Это не очень хороший знак, — Найтингейл указал на голову. Единственным устройством ввода информации на ней был микрофон, установленный Максом. — Он ничего не видит и ничего не чувствует. Должно быть, состояние, будто ты плывешь в небытие. Сенсорная депривация, Эвелин. Если он уже нестабилен, это может его убить.

Эвелин потянулась к выключателю.

— Ты солгал мне, Барт.

Эвелин убрала руку.

— Ты солгал мне, — повторил Адам.

Его голос звучал необычно напряженно и устало, будто ему было тяжело говорить. Эвелин надеялась, что все дело в маленьком громкоговорителе.

— Ты сказал, что вы не превращаете бессмертных в Говорящих с Разумом. Но на старой космической станции за пределами Млечного Пути я нашел Эллергарда…

— Что вы еще видели, Адам? — быстро спроси-

ла Эвелин.

— Барт? Я почти не слышу тебя. Ты говоришь как-то странно. Почему я ничего не вижу? Где мое тело? Что-то случилось во время транспортировки. Где я нахожусь?

Эвелин наклонила голову и заговорила прямо в маленький микрофон, который ей показал Найтингейл:

— Что с Эллергардом, Адам? Что насчет остальных? Что вы узнали?

— Я хочу поехать на море, отец, — из громкоговорителя послышался детский голос. — Могу ли я поехать на море?

— Адам…

— Ребекка… Почему все темно, Ребекка. Ты выключила свет? Но окно… Где окно? Я не вижу его…

— Это говорит Эвелин, — четко и медленно сказала женщина. — Что вы узнали? Что вы помните?

— Ты солгал, Барт? — Адам чуть ли не плакал. — Почему ты лжешь? Я всегда доверял тебе, но ты солгал мне. И Крисали… Ты сказал, что вы хотите им помочь. Но я был рядом с ними и видел, как они погибали.

Голос снова изменился.

— Я не вижу тебя, Ребекка. Ты здесь? Ты можешь стать Говорящей с Разумом, как я, слышишь? Почему ты не отвечаешь? Ребекка! Веришь ли ты в судьбу? Возможно, судьба хотела, чтобы мы остались вместе. Именно поэтому обследование у тебя оказалось таким же неудачным, как и у меня два года назад. Какое совпадение! Совпадение? Может ли это действительно быть совпадением? Какова вероятность, что омега-фактор оказывает на нас влияние? Невероятно мала, да, очень мала. Значит, за этим стоит судьба. Ты слушаешь, Ребекка? Судьба. Почему так темно? Ребекка? Это судьба. Мы вместе будем путешествовать к звездам. Как странен этот омега-фактор. Машины говорят, что работают над ним. Но кто-то сказал, что омега-фактора не существует. Крисали, они помогли мне, без них я был бы мертв, но война убивает их. Корабль, странный корабль… Как странно. Отец? Я хочу на море, отец…

— Война? — повторила Эвелин. — Какая война?

— Я не понимаю тебя, Ребекка. Говори громче. Почему здесь все темно? Я хочу, чтобы было светло! И почему я ничего не чувствую? У меня галлюцинации?

Эвелин повернула голову:

— Что с ним? Почему он говорит так странно? И почему его голос так меняется?

Макс, завернутый в адаптивный комбинезон, наклонился вперед и указал на открытые соединения.

— У него отсутствуют нейростимуляторы. Мы хотели добавить их позже, после завершения сборки фактотума. Как и другие Говорящие с Разумом, Адам уже много лет стареет, у него дегенерация нейронов. Чтобы ясно мыслить, ему нужны нейростимуляторы.

Эвелин уставилась на голову. Из маленького динамика слышались странные звуки, не слова, а отдельные бессмысленные звуки.

— Он видел Эллергарда, ты это слышал. Как машинам удалось превратить его в Говорящего с Разумом?

— Возможно, омега-фактор действительно существует, — предположил Найтингейл. — Может, не в виде редкого генетического дефекта, как утверждают машины, а как инструмент, с помощью которого Кластер может пополнять число Говорящих с Разумом. Каким-то образом они изменяют людей так, чтобы те не получали бессмертия.

— А бессмертные? — спросила Эвелин, дер-

жа фактотум, откуда продолжали доноситься звуки и можно было разобрать нечто похожее на «Ребекка». — Эллергарду почти семьсот лет. Как его можно было превратить в Говорящего с Разумом?

На ум пришел Кромби, мужчина двух тысяч лет, живший на необитаемом острове и считавший песчинки. Может, он не поплыл в море, чтобы умереть, а стал Говорящим с Разумом, как Эллергард? Бартоломеус говорил очень убедительно, и Эвелин была готова ему верить.

— Я не знаю, как машины это делают, — сказал Максимилиан. — Но мы знаем, что бессмертных нельзя использовать в качестве Говорящих с Разумом. Наше сознание не подходит для путешествий по квантовому каналу. Кластер знал об этом уже несколько столетий назад, это было подтверждено Эстебаном, Шанталь и Розенбергом из группы Аляск в ходе исследовательского проекта. Ты знаешь результаты тестов, Эвелин. Вероятно, причина в ускоренной нейродегенерации, когда на какое-то время происходит потеря памяти.

Их прервал глухой гром, грохот, похожий на приближающуюся бурю. Пол и стены дрожали. В шкафу задребезжали оставшиеся картриджи для форсунок и маленькая коробочка с датчиком,

считывающим коды. Это был особенный подарок, который Эвелин получила от Джаспера. Хотя они и расстались, подарок грел Эвелин душу.

— Это был взрыв? — удивленно спросил Макс.

Эвелин снова заговорила в маленький микрофон головы фактотума:

— Вы меня слышите, Адам?

— Это ты, Ребекка?

Она колебалась, но недолго:

— Да, это я, Ребекка. А теперь тебе нужно спать, Адам.

— Спать? Я не хочу спать! — Голос звучал удивительно по-детски.

— Когда ты проснешься, будет светло, обещаю тебе, Адам. И тогда ты сможешь чувствовать свое тело.

— Ребекка? Давай пойдем поплаваем? Или можем покататься на лодке моего отца…

— Спи, Адам.

— Я не хочу спать! Я…

Эвелин отключила голову и положила ее в рюкзак на спине под адаптивным комбинезоном. От этого у нее появился горб, но это ее ничуть не смущало.

— Активируйте комбинезон, — сказала она.

Материал начал двигаться и прилипать к телу,

голове и ногам, пока не покрыл фигуру полностью. Перед лицом появился своеобразный козырек — прозрачная мембрана, пропускающая воздух.

— Это смешно, — сказал Максимилиан. — Для того чтобы раскрыть нашу маскировку, хватит и одного Аватара. С первого взгляда ясно, что мы люди.

— Для Аватара, — ответила Эвелин. — Но не для обычного сканера и конденсата разума. Будем надеяться, что по пути в терминал мы не встретим Аватаров.

Оставалось последнее. Эвелин подошла к шкафу, схватила коробочку, открыла ее кодом Джаспера и взяла лежащий внутри предмет. Он был тяжелым. Тяжелее, чем она представляла себе. Женщина чуть не выронила его из рук. Максимилиан сделал шаг назад, и через прозрачную мембрану было видно как, он побледнел.

— Это оружие?

— Бластер, — сказала Эвелин. — Джаспер украл программу производства оружия, и его сделали наши брутеры.

Она проверила настройки. Максимилиан пригнулся от направленного в его сторону оружия.

— Этим можно кого-нибудь убить!

— Оружие предназначено для чрезвычайных ситуаций, — сказала Эвелин и почувствовала, что перешла еще одну внутреннюю границу.

Где-то в шахте снова прогремел взрыв, но не такой сильный, как в первый раз.

— Кто-то идет сюда. — Эвелин указала на заднюю стену маленькой комнаты. — Отведи нас к терминалу, Макс.

Найтингейл отошел на шаг назад, и Максимилиан занялся морфером. Тусклое свечение силового поля было направлено на стену, изменяя ее молекулярную структуру.

— Кто первый? — спросила Эвелин.

Максимилиан направил морфер на стену.

— Я обеспечиваю стабильность морфического поля.

Найтингейл посмотрел на Эвелин и неловко улыбнулся ей через дыхательную мембрану.

— У тебя есть оружие. Я следую за тобой.

Эвелин глубоко вздохнула:

— Хорошо.

С бластером в руке и Адамом за спиной она пнула стену, молекулы отодвинулись в сторону.

Разбитые мечты

46

Адам не спал, он мечтал о море, где на прозрачной, как стекло, глади будет отражаться лунный свет. На небе светили тысячи звезд и виднелась яркая полоска Млечного Пути.

«Когда я был ребенком, то хотел оказаться там, наверху, — думал Адам. — Я считал, что никогда их не достигну».

Полеты к звездам оставались уделом смертных. Он ждал дня обследования, который сделает его бессмертным.

И вот тот настал. Адам тихонько встал с кровати, чтобы не разбудить Ребекку. Она спала на такой же зеленой, как и ее глаза, простыне, повернувшись к нему обнаженной спиной. С подушки спадали рыжие волосы, огненные, словно пламя. Казалось, ветра не было, дом, построенный брутером Кластера всего за час, плыл над морем на гравитационной подушке на высоте не более десяти метров. Легкого ветерка было достаточно, чтобы занавески по обеим сторонам от кровати раскачивались. Адам вышел из от-

крытой спальни, прошел через балкон и сел на один из шезлонгов у перил, наслаждаясь тишиной. Некоторое время он рассматривал созвездия — вот Орион с его главными звездами Бетельгейзе и Беллатрикс, а вот и Ригель — яркие пятна космических станций и брутеров на орбите. Он думал о будущем, которое откроется перед ним завтра, и размышлял о том, как расточительно проводить годы на Земле, когда в Млечном Пути множество миров.

Наконец он отвел взгляд и посмотрел на часы, отмерявшие его смертное время, которые подарил отец на двадцатидвухлетие. Они шли назад, показывая, что осталось еще несколько часов.

Чья-то рука мягко легла ему на плечи.

— О чем ты думаешь? — спросила Ребекка и села рядом с ним.

— Я тебя разбудил?

Она улыбалась в лунном свете.

— Нет.

— Я думаю о завтра, — сказал Адам. — О том, что наступит завтра.

— Вечность.

— Когда-нибудь мы все умрем. Все. И бессмертные тоже.

— Возможно, через десять тысяч лет, — ответи-

ла Ребекка. — Или через сто. А может и миллион.

— Я не думаю, что человек может дожить до такого возраста: миллион лет!

— Почему нет? С завтрашнего дня тебе всегда будет тридцать, сколько бы лет ни прошло.

— Обследование останавливает старение, но не страхует от несчастного случая.

— В таком случае тебе просто надо быть осторожней.

Адам прижал часы к левому запястью.

То внезапно зачесалось.

— Мы, — произнес он. — Через два года ты станешь такой же, как и я.

Они вдвоем смотрели на серебряное море. В воздухе повисло напряженное молчание.

— Океан всегда великолепен, — сказала Ребекка, приобняв его.

— Да, он такой же бесконечный, как и космос. Я всегда помню о космосе.

— Ты не можешь иметь обе привилегии, — мягко сказала Ребекка. — Я говорю о космосе и о бессмертии. У всего есть цена.

— Знаю. Мне жаль, — Адам снова почесался и посмотрел на левую руку. При свете Луны были четко видны красные следы.

— Странно, — произнес он.

Ребекка посмотрела на его руку.

— Может, тебя кто-то ужалил?

— И кто же? Мы посреди моря, здесь нет насекомых.

— А на осмотре две недели назад ничего не происходило? — спросила Ребекка.

— Нет, ничего. — Адам пристально смотрел на красные пятна. Они продолжали чесаться.

— А вот и еще одно преимущество. Когда ты пройдешь обследование, то больше не будешь болеть, — сказала Ребекка. — Ты мне обещаешь?

Адам наклонился и посмотрел на нее:

— Что?

— Что завтра, когда ты достигнешь высот бессмертия, ты не забудешь нас, старых добрых смертных.

— Это зависит от ситуации, — сказал Адам.

— От чего именно?

Он встал, взял Ребекку за руку и повел ее в кровать.

Несколько часов спустя, на рассвете, Ребекка спросила:

— Где будет проходить твое обследование? Ты уже выбрал место?

— Давай я тебя удивлю.

Антарктис был единственным по-настоящему

холодным местом на теплой планете Земля. Адам считал правильным выбрать центр обследования Кластера недалеко от Южного полюса.

— Мне пришлось немного заморозить себя, — сказал он, улыбнувшись.

Когда он вышел из лечебного центра, то уже не улыбался. Ребекка ждала его в гостиной в белом, как снег за окнами, халате.

— Что случилось? — спросила она, как только взглянула на него.

Адам подошел к ней и посмотрел на свои руки. Они были покрыты красными пятнами и дрожали.

— Адам?

— Механизм не работает.

К ним приблизились два сервомеханизма.

— Не нужна ли помощь? — спросил один из них.

— Нет, — ответил Адам, все еще продолжая смотреть на руки.

— Что это значит, Адам?

Он все слышал в голосе Ребекки. Она уже поняла, но не хотела верить.

— Механизм не работает.

Это звучит странно, невозможно. И тем не менее его губы произносили эти слова, и в том,

что это правда, сомневаться не приходилось. Он своими глазами видел результаты исследования.

Известие настолько шокировало Ребекку, что несколько секунд она стояла молча. Затем наклонилась вперед, взяла Адама за руку, но почти сразу отпустила ее, словно боясь заразиться.

— Должно быть, это какая-то ошибка, — сказала она. — Дефект исследования. Подожди еще несколько недель, пройдешь обследование снова…

— Это омега-фактор, — глухо произнес Адам. Голос соответствовал его настроению: он был опустошен.

Он заметил, как за окнами кружились снежинки, гонимые холодным ветром.

— Машины говорят, что работают над ним.

Адам встал, повернулся и хотел уйти.

— Куда ты идешь? — спросила Ребекка.

Она подошла к нему, но не так близко, как раньше, все еще боясь заразиться.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — ответил Адам.

Только сейчас он посмотрел на Ребекку, и его взгляд был настолько страшным, что она попятилась.

— Мне нужно время, чтобы все обдумать, —

сказал он и вышел на улицу.

Там он стоял под холодными ветрами вместе с кружащимися снежинками и смотрел на подаренные отцом часы. Стрелки больше не двигались. Его старая жизнь остановилась, будто эти часы, а желанный новый этап так и не настал. Каприз судьбы и омега-фактор обокрали его. Адам закрыл глаза. Сейчас он больше всего хотел замерзнуть и превратиться в лед. Затем снял часы с запястья, бросил их на твердый камень и раздавил, прислушиваясь к хрусту механизмов.

Несколько дней спустя смертный Адам бродил по Центральному архиву недалеко от древних руин Мадида — комплексу зданий площадью двадцать гектаров в жарком мессетском нагорье на острове Ибберия. За окном нещадно палило солнце, разогревшее воздух до температуры почти пятьдесят градусов. Внутри стояла приятная прохлада, немногочисленные посетители, привыкшие к жаре, носили лишь легкие рубашки.

Адам должен быть здесь не один, Ребекка предложила составить ему компанию. Однако он еще не привел мысли в порядок. Слишком уж многое изменилось, встав с ног на голову. Ему пришлось заполнить возникшую внутри пустоту и пойти по новому пути, строить новые планы

на ставшую очень короткой жизнь. Для этого ему нужно было пространство. Тут его мысли могли свободно течь, не пребывая в каких-либо рамках. Присутствие другого человека могло бы помешать этому. Он хотел продолжить отношения с Ребеккой, они подходят друг другу. Но он представлял себе, что впереди их ждут годы, десятки, сотни лет вечной жизни без старения и болезней. Через два года Ребекка получит бессмертие, и это неизбежно приведет к тому, что возникшая между ними пропасть станет глубже.

Он шел по длинным тихим коридорам, на стенах которых висели картины Веласкеса, Гойи, Эль Греко, Тициана, Каналетто, Дюрера, Тьеполо и других художников, более шести тысяч лет назад писавших исторические полотна. Их освещали лишь маленькие светильники, размером не больше кончика пальца, которые реагировали на присутствие людей, вырывая из темноты портреты и пейзажи. Адам остановился перед картиной Ван Гога «Автопортрет с отрезанным ухом» и вспомнил о том, что этот человек, живший более шести тысяч лет назад, умер в возрасте тридцати семи лет. Тем не менее своими картинами он достиг бессмертия.

В библиотеке взгляд Адама скользил по ты-

сячам аналоговых носителей информации, знаменитым и менее известным книгам, написанным людьми, которые жили шесть, семь или восемь тысяч лет назад. Могилы большинства из них не сохранились, но уцелели их слова. Они тоже по-своему стали бессмертными, как и композиторы, чья музыка играет тысячи лет, скульпторы, чьи мечты и видения высечены в камне. Каждый нашел свой путь в бессмертие. Вероятно, они относились к тем немногим, которые, как и Адам, не получили ожидаемый подарок на свой тридцатый день рождения — вечную жизнь. Эти люди приняли смерть через восемьдесят, девяносто или, возможно, сто лет, капитулировав перед небытием.

Их имена были выбиты золотыми буквами на белой памятной доске в Зале воспоминаний, чтение которой занимало всего лишь час. Другие завещали себя после смерти коннектору, который сохранял их поврежденное дегенерацией нейронов сознание в виде цепочек данных и передавал в Центральный архив. Находясь в Зале воспоминаний прямо перед мемориальной доской и пользуясь одним из маленьких модуляторов, Адам слушал шепот Говорящих с Разумом, чьи тела давно умерли. Эти модуляторы вставлялись

в ухо и посылали сигнал прямо в слуховую кору головного мозга.

Слушая голоса и читая имена, выбитые золотыми буквами, Адам думал о том, что, возможно, настоящее бессмертие — это память других. Может быть, человек становится бессмертным, когда он оставляет нечто после себя, что можно читать, смотреть и слушать.

«Нет, — сказал он себе несколько минут спустя, прочитав еще ряд имен, которые состояли лишь из пустых, безжизненных букв. — Подобные идеи лишь немного прикрывают отчаяние и дают слабое утешение. Бессмертие означает продолжение жизни в этом теле, в этом состоянии и самоощущении».

Он посмотрел на руки со множеством красных пятен и начал трястись. Внезапно в нем вспыхнул гнев — горячее, чем солнце снаружи. Как мир мог так поступить с ним? Как бессмертие, которое остается с другими на протяжении тысячелетий, могло обойти его стороной? Это был не страх смерти, черной тучей висевшей над его душой, а ощущение глубокой несправедливости. Что он сделал, чтобы такое заслужить?

Кто-то сел рядом с ним. Мужчина с серебряным лицом и длиным носом.

— Я вижу, вы чувствуете себя не очень хорошо, Адам, — сказал мужчина.

— Вы Аватар, не так ли?

— Да.

— Тогда вы точно знаете…

— Да, я знаю. Мне очень жаль, Адам. Мне очень жаль.

Адам посмотрел на руки, сжатые в кулаки, чтобы не видеть этих красных пятен.

«Может быть, — подумал Адам. — Кластер сможет мне помочь. Он может направить большую часть своих сил на исследования».

— Вам объяснили, не так ли? После неудачного обследования на антарктической станции? Мы создаем много технологий и продолжаем их улучшать. Пожалуйста, поверьте мне. Мы работаем над этой проблемой. Но найти решение очень и очень сложно.

Мужчина говорил спокойно. В его голосе было что-то гипнотическое.

— Между прочим, меня зовут Бартоломеус.

— Кто-нибудь сможет помочь мне? — беспомощно спросил Адам.

«Это глупо, — подумал он. — Так же глупо, как надежда и сомнения». Ему придется смириться с тем, что он смертен. Чем раньше, тем лучше.

— Это все из-за омега-фактора, — ответил Бартоломеус. — Он всему причина.

— Мне просто не повезло?

— Можно сказать и так.

— Это не слишком утешает.

— Я пришел сюда не для того, чтобы утешать вас, Адам, — ответил Бартоломеус.

Он по-прежнему говорил очень спокойно. Его голос был как маяк, дающий поддержку.

— Тогда почему вы здесь?

— Я пришел показать вам кое-что. Сделать предложение.

Адам стоял на твердой платформе, окруженный бесконечным космосом. Вдалеке светились звезды, горели факелами протуберанцев. Планеты вращались по орбитам, так близко, что он мог почувствовать движение их атмосфер. После полета длительностью в столетия зонды, раскрывавшиеся, как экзотические цветы, и дававшие семена в виде орбитальных джамперов, шаттлов, сервомеханизмов и компонентов для брутеров, возвращались на орбиты.

— Я не могу обещать вам бесконечную жизнь, — сказал Бартоломеус. Его голос звучал словно из ниоткуда. — Но я могу обещать вам наполненную жизнь.

— Вы хотите сделать меня Говорящим с Разумом?

— Да, Адам. Все эти миры, которые вы здесь видите… Мы могли бы отправлять вас к ним.

— Мое сознание, а не тело, — заметил Адам и поплыл над желто-коричневой планетой, по размеру больше, чем Земля. Когда-то на ней были города, большие агломерации, охватывавшие целые континенты, сейчас же остались только руины возрастом миллион лет. На орбите этой планеты плыл полый тор в толстой ледяной броне — артефакт старше наследия Мурии.

«Столько миров, которые нужно исследовать, так много поразительных загадок», — думал он. Это была его детская мечта, и теперь он может ее исполнить. Смерть сделала это возможным.

— Ваше тело останется на Земле в безопасности, — сказал Бартоломеус. — А ваш разум будет перенесен в фактотуме на много световых лет от Земли. Вы сможете увидеть и прикоснуться к тому, что ни один другой человек никогда не сможет.

— Мое тело останется на Земле и будет стареть. — Адам наблюдал за планетой в окружении сотен колец, светившихся во всех частях спектра, которая будто бы состояла из золота. — Оно

умрет.

— Не сейчас, — сказал Бартоломеус. — Через шестьдесят, семьдесят или восемьдесят лет. Мы о нем хорошо позаботимся.

— А мое сознание. — Адам полетел над планетой размером чуть меньше Земли, почти полностью покрытой океаном, на ней было всего несколько островов и морские горные хребты. Он подумал, что слышит шум прибоя, бьющегося о пляжи, на которых никто никогда не бывал. — Мне также говорили про нейродегенерацию.

Космос исчез. Адам стоял внутри соединительной станции Грюндландии. Вблизи растворился последний кусок яркого поля опыта.

Бартоломеус подошел ближе и встал прямо возле открытого цилиндра коннектора. Адам заметил позади себя еще двух Аватаров, в том числе и женщину с серебристыми бровями и надменным взглядом.

— Все остальные люди навсегда останутся молодыми и здоровыми, — на Адама снова накатила печаль. — А я буду стареть и дряхлеть.

— Мы не можем дать тебе бессмертие, — сказал Бартоломеус. — Если ты будешь нам доверять, то мы будем заботиться о твоем здоровье, устанавливать нейростимуляторы, ускоряющие

мышление.

Женщина подошла ближе. Адам вспомнил, как Бартоломеус называл ее Уранией.

— Ты можешь жалеть о том, что потерял бессмертную жизнь, или отправиться открывать звезды, — сказала она.

Адам чувствовал, что он уже принял решение.

— Когда можно будет начать обучение, чтобы стать Говорящим с Разумом?

— Здесь и сейчас, — ответил Бартоломеус.

Последний шаг

47

Через час непрерывного хода Максимилиан стал настойчиво просить отдых, и Эвелин с облегчением согласилась. Ее ноги становились все тяжелее и тяжелее, а руки немели. Путники сели внутри одной из сотен маленьких ниш в почти вертикальной стенке воронки терминала. Максимилиану поход давался труднее, чем другим. Он хотел расстегнуть адаптивный комбинезон, но Эвелин остановила его:

— Это сделает нас беззащитными.

Лицо Максимилиана за прозрачной дыхательной мембраной было бледным и мокрым от пота.

— Я изнываю от жажды.

— Мне тоже хочется пить, — простонал Найтингейл, несколько потерявший свою элегантность. Его движения больше не казались такими плавными и совершенными, будто на него давил груз тяжелее, чем рюкзак Эвелин с головой Адама. Но его глаза за мембраной блестели — это все равно указалось ему увлекательным приключением.

— Нам придется еще немного потерпеть, — сказала Эвелин.

Она наклонилась и посмотрела вниз, на выступающие из стены угловатые образования, напоминающие мостик. Было неясно, для какой цели он построен, и Эвелин пыталась понять это. Она искала преследователей, двух Аватаров, о которых упоминал Рубенс.

— Никого, — сказала она. — Никто нас не преследует.

— Возможно, Аватары не нашли тайный ход, — сказал Найтингейл. Он начал осматривать заднюю стенку ниши. Из нее торчали какие-то полупрозрачные шишки, похожие на кнопки управления.

— Возможно, — ответила Эвелин, пытаясь скрыть скепсис.

Она подумала о похищенном Ньютоне и задалась вопросом, как много от него узнали машины.

По воронке терминала диаметром около километра перемещались сотни МФТ, шаттлов и транспортеров. Управляемые автоматическими системами, они вылетали из его глубин, гудя гравитационными двигателями, или садились в широкой закругленной сверху воронке. Сер-

вомеханизмы, напоминавшие экзотических насекомых, прикреплялись к грузовым кораблям, доставлявшим сырье для брутеров Кластера, или переползали по стенам и исчезали в щелях, которые выглядели как трещины в композитном материале или металлокерамике. Члены «Утренней Зари» встретили множество таких, но ме́хи не обратили на них внимания — камуфляж, который не обманул бы человека ни на секунду, действительно работал.

«По крайней мере, для простых конденсатов разума, — подумала Эвелин. — Аватары сразу бы все поняли».

— А где Шанталь, Лоренцо и Эстебан? — спросил Найтингейл. Он попытался сдвинуть одну из шишек с места.

— А что с ними должно случиться? — спросила Эвелин.

Вверху над видимой частью неба появились темные тучи. Начался дождь. Упали большие капли, и Эвелин задумалась: что же происходит с ними глубоко внизу, на дне воронки. И вообще, долетают они туда или испаряются в потоках поднимающегося теплого воздуха?

— Мы ждали их через несколько часов, — все еще тяжело дыша, проворчал Максимилиан. —

Если мы прибудем в Сакатун без предупреждения…

— Мы не можем их предупредить, — быстро сказала Эвелин. В голову Максимилиану приходили очень глупые идеи, которые надо было опровергать. — Нам нельзя здесь использовать сигнальные значки.

Она снова посмотрела на воронку, пытаясь оценить расстояние. Еще около двух километров отделяло их от широкого края, и добраться туда было совсем не просто. Казалось, позади остался самый легкий этап. Над ними было меньше ниш и больше уступов, которые не облегчали восхождение. Далеко на сотни метров растянулись сетчатые структуры из металла. Около них пролетали многочисленные многофункциональные капсулы и чуть более крупные транспортные средства, появлялись и исчезали сервомеханизмы.

Максимилиан придвинулся к Эвелин и, поймав на себе ее взгляд, застонал.

— Мы никогда не сможем этого сделать! — взмолился он. — Посмотри! Тут совсем нет прохода, и почти не осталось мест для отдыха. Нам придется все время карабкаться вверх по вертикальной поверхности и преодолеть не меньше двух ки-

лометров. На это уйдут часы! А если мы хоть немного ошибемся, — он посмотрел в пропасть и вздрогнул, — то разобьемся и умрем.

— У нас нет выбора, — сказала Эвелин. — Мы уже начали путь.

«Мы должны это сделать любой ценой», — подумала она.

— Я уже выбился из сил. И изнываю от жажды, — пожаловался Максимилиан. — Почему мы не подумали о том, чтобы взять воды? Почему эта мысль не пришла тебе в голову?

Прежде Эвелин уже думала, как будет реагировать Максимилиан, когда ситуация станет тяжелой. Теперь же она получила ответ: он сломался. Усталость и страх превратили спокойного техника и аналитика в импульсивный комок нервов.

Эвелин догадывалась, что подъем был не единственной опасностью, и, возможно, даже не самой большой.

— Успокойся, — сказала она. — Никто из нас не был готов к такому.

«Нет, — подумала она. — Это совсем не так. Нам следовало ожидать чего-то подобного».

— Если мы остановимся там хоть раз, то проиграем, потому что слишком устали. Закричать

— значит умереть.

Максимилиан начал дрожать.

— Посмотрите, как любопытно, — сказал Найтингейл.

Он повернул шишку, где пульсировал голубой свет.

— Не трогай это! — резко сказала Эвелин. — Кто знает, что…

По воронке разнесся сигнал, напоминающий гул гравитационных двигателей, но более глухой. Эвелин взяла Найтингейла под руку и оттянула его назад. Она боялась, что было уже слишком поздно.

— Это бесполезно, Эвелин, — сказал Максимилиан. — Пойми же ты наконец. Пытаться подняться наверх — просто безумие.

Один из множества МФТ, идущих из глубины терминала Кластера, и несколько сопровождавших его шаттлов изменили курс и приблизились. Найтингейл и Эвелин отступили как можно дальше в нишу, но Максимилиан пополз вперед. Эвелин попыталась удержать его, но он оттолкнул ее, приподнялся и помахал рукой.

— Здесь! — крикнул он. — Мы здесь!

— Чертов идиот, — Эвелин потянулась к нему, схватила Максимилиана за адаптивный комби-

незон и потянула назад. Максимилиан сопротивлялся, наклонился вперед и помахал рукой.

— Осторожно! — закричала Эвелин, осознавая опасность.

МФТ все еще находился дальше ста метров. Это был желто-коричневый танк с двумя короткими аэродинамическими крыльями и кабиной. Эвелин не могла заглянуть внутрь из-за поляризованного стекла. Максимилиан махал обеими руками.

— Здесь! — закричал он. — Здесь!

Рука Эвелин оторвалась от комбинезона, и Максимилиан полетел вперед. Он стоял, наклонившись над краем, слишком поздно осознав всю опасность. Он повернулся, бледное лицо за дыхательной мембраной в ужасе исказилось, он тянулся к чему-то, тщетно полагая, что сможет удержаться…

Он упал удивительно тихо и беззвучно, не издав ни единого крика, исчез из проема ниши. Когда Эвелин подползла вперед и посмотрела через край, то увидела, как он летит в пропасть. Спустя долгих триста семьдесят восемь лет жизни всего несколько секунд отделяли его от смерти.

— Что произошло? — ошеломленно спросил Найтингейл. — Что с ним?

Позади светился синий свет в сдвинутой им с места шишке.

— Ни звука, — прошипела Эвелин. Ее разум лихорадочно работал. — И не шевелитесь.

Она замерла. Она больше не смела двинуться, хотя инстинкт требовал от нее отступить, ведь транспорт все приближался. Эвелин надеялась, что он управлялся с помощью простого конденсата разума, обычного машинного интеллекта, который принял ее сигналы за идентификационные сигнатуры сервомеханизмов. Она осознала, что случилось с Максимилианом, — он упал в глубокую пропасть, размозжив череп и раздробив все кости, оборвав вечную жизнь.

МФТ приближался, его гравитационная подушка светилась небольшим зеленым облаком. Сначала в поляризованной нише окна показался жук. Затем МФТ подплыл еще ближе, и распахнулся люк. В проеме появилась человекообразная фигура, одетая в некое подобие формы. Однако кожа отливала серебром, а одежда, как и все остальное, была сделана из флексометалла. Это Аватар.

— Людям запрещено находиться в терминале, — сказала фигура.

Эвелин и Найтингейл медленно встали.

— Вы могли спасти его, — сказала Эвелин. — Стоило только направить мобильное гравитационное поле транспорта ниже.

— Нет, — ответил Аватар. — Было уже слишком поздно. Если бы ты не пришла сюда, он бы не умер. С этого момента вы арестованы.

— А потом? — Возможно, Эвелин было бы лучше промолчать, но она не смогла сдержаться. — А что будет потом? Поступите ли вы с нами так же, как с Эллергардом, Джаспером и Ньютоном?

Это был один из двух путей, который она могла выбрать. Он вел к отказу от бессмертия и недолгой жизни в роли Говорящего с Разумом на службе Кластера. Насилие над душами, возможно, всего на несколько месяцев. Машины превратили бы их в инструменты, не обращая внимания на психическую или физическую неприкосновенность. А другой путь? Там она должна будет переступить еще одну границу, возможно, самую важную в жизни. Этот путь означал развитие конфликта с машинами, как шесть тысяч лет назад.

— Людям запрещено находиться в терминале, — повторил Аватар, игнорируя вопросы. — Я забираю вас отсюда.

Он отодвинулся немного в сторону транспорта.

Эвелин бросила быстрый выразительный

взгляд на Найтингейла и пошла к люку. Дождь усилился, и одна из капель попала ей прямо на голову.

Одна за другой проносились мысли. Ее задумка требует тщательного планирования, если хочется рассчитывать на успех. А возможно и нет. Вероятно, все было обречено на провал, только потому что Эвелин дрожала от ужаса.

Между открытым люком и краем ниши была щель в двадцать сантиметров, под которой расстилалась пропасть, где пропал Максимилиан. Шаг через нее вел к другому варианту смерти. Именно поэтому Эвелин пришлось делать выбор немедленно, здесь и сейчас, не позволяя себе роскошь долгих раздумий.

— Нам очень жаль, — сказал Найтингейл, стоявший позади нее. Его голос больше не был похож на пение. Он дрожал от страха. — Мы не осознавали, во что ввязываемся.

Эвелин не знала, смотрел ли на нее Найтингейл и насколько он был скован страхом. В конце концов, это не имело значения. Аватар просто отвлекся на мгновение, и этого было достаточно. Эвелин подпрыгнула и поразилась сама себе, потому что, пока она говорила, она неосознанно продумала все до мелочей. В ее руке появился

бластер, она чувствовала вес и то, как легко его можно нацелить на Аватара. Эвелин умела стрелять, по крайней мере, теоретически, когда практиковалась с учителями в виртуальном мире. Сейчас все по-другому, ведь предмет в руке был источником смерти.

«Нет, — подумала она в какую-то долю секунды. — Это не развяжет войну». Сейчас бластер никого не убьет. Аватара можно разрушить, но не убить его суть. Он сосуд, содержащий данные, и при гибели они не пропадут, поскольку были многократно скопированы и хранились в разных местах сети Кластера. Эвелин пыталась оправдаться, решившись выстрелить. Из бластера вырвалась молния, пронзившая серебряный флексометалл, который мгновенно изменил консистенцию, стал жидким и испарился.

«Я никого не убиваю. И никому не причиняю реального вреда, это нельзя назвать лишением жизни. Я просто уничтожаю вещь», — говорила она, пытаясь себя убедить, но все равно была напугана, когда увидела, как луч прожег тело из флексометалла и дошел до головы, в то время как серые глаза продолжали смотреть на нее спокойным аналитическим взглядом. В нем, к удивлению Эвелин, не было ни страха, ни других

эмоций. Это был взгляд, который наблюдал за происходящим, пока у него была такая возможность. Вероятно, то, что видел этот взгляд, видел и Кластер.

Эвелин второй раз нажала на спусковой крючок, сверкнула вторая молния, и серебряный металл на голове Аватара начал испаряться и таять.

— Небеса! — Найтингейл застонал позади нее. — Небеса!

«При чем здесь небеса? — подумала Эвелин. — Это не небо уничтожило Аватара. Это я выстрелила».

Через край люка между транспортом и нишей, где ранее в пропасти исчез Максимилиан, капал жидкий флексометалл. Гул гравитационных двигателей в широкой воронке терминала не изменился. Никаких резких звуков сирены, которые Эвелин инстинктивно ожидала услышать. Транспортеры, шаттлы и МФТ продолжали двигаться по курсу. Наверху два сервомеханизма направили зрительные сенсоры вниз, и Эвелин подумала, что они узнали ее.

Было ли у Аватара достаточно времени, чтобы уведомить Кластер? Или, может быть, уведомление вообще не требовалось? Мог ли Кластер

не заметить, что в его терминале, недалеко от главной артерии, кто-то выстрелил из бластера и уничтожил Аватара, ведь это была прямая атака на машины?

На такие мысли не было времени. Как и для колебаний и рассуждений. Необходимо действовать быстро. Все еще держа бластер в руке и с рюкзаком с головой Адама на спине, Эвелин одним прыжком оказалась на борту транспорта и трижды выстрелила в консоль, где находился конденсат разума, — автопилот не должен иметь возможности кого-либо уведомить. Транспортное средство задрожало, на мгновение встрепенулось, словно существо, которое только что ранили. Затем, как и ожидала Эвелин, среагировала автоматическая система безопасности, стабилизировав гравитационное поле.

Краем глаза Эвелин наблюдала за Найтингейлом, который столкнул останки Аватара — правую ногу до колена и левую — в проем между люком и нишей. Его адаптивный комбинезон раскрылся, голова была уже не прикрыта, Эвелин заметила, что его глаза сияли новым блеском.

— Что теперь? — спросил Найтингейл. В его голосе звучала новая мелодия: он уже был не нежным, как раньше, а напористым, словно от

внутреннего огня. — Что дальше?

— Закрой люк, — сказала Эвелин, увидев, что на панели ручного управления загорелся предупреждающий сигнал — транспортное средство оторвалось от стены и полетело внутрь воронки, на пути сталкиваясь с другим транспортом.

Эвелин управляла кораблем левой рукой, в правой все еще держала бластер. Пальцы так крепко сжимали его, будто никогда больше не хотели расстаться с ним.

— Внимание! — прозвучал сигнал. — Предупреждение. Автопилот отключен. Предупреждение. Риск столкновения. Предупреждение…

Эвелин отключила автоматическую систему безопасности. Найтингейл посмотрел на нее.

— Что теперь? — снова спросил он. Нотки волнения в его голосе стали более отчетливыми. — Что нам теперь делать?

— А теперь давай уходить отсюда, как можно скорее, — Эвелин переключилась на полную тягу, и транспорт взмыл вверх над воронкой терминала.

48

— Здесь должен был быть Макс, — сказала Эвелин. — Я вовсе не техник.

Она указала на множество переключателей и элементов управления в открытом приборном отсеке. На дисплее, рядом с колонками данных, мелькали десятки объявлений и оповещений, но все картинки и слова из громкоговорителя сопровождались помехами.

— Ищем дальше, — сказал Найтингейл. — Возможно, нам удастся найти канал, где помехи не так сильны.

Эвелин изменила настройки сигнального значка, связав его с неповрежденной выстрелом бластера частью системы сообщений, чтобы конденсат разума не чинил ей препятствий. Еще через несколько минут она открыла его, отсоединила сигнальный значок от модуля связи, закрыла приборный отсек и села. Из кабины пилота была видна мутная вода. МФТ уничтоженого Аватара погрузился на глубину двадцати метров в одну из впадин, куда постоянно прибывала теплая вода из Гудзоновой бухты. Через сорок минут полета на почти максимальной скорости они покинули терминал Кластера в Саскатчане. Их никто не преследовал, по крайней мере система слежения транспорта никого не обнаружила. Эвелин все еще удивлялась этому. Они совершили открытое нападение на машины, уничтожив Ава-

тара, и на это не будет никакой реакции? Вернее, никакой видимой реакции, поправила она себя и посмотрела на сигнальный значок. Эвелин все еще не решалась посылать сообщения, поскольку датчики и зонды Кластера на орбите могли бы определить ее местоположение и прицелиться. Не важно, какую частоту сигнального значка она выбирала, везде был только белый шум. Может быть, это машины заблокировали все частоты?

— Ты считаешь, что мы здесь в безопасности? — Найтингейл показал рукой на стекло.

— В безопасности? — повторила Эвелин. — Нет, конечно же, нет. Даже здесь нас найдут рано или поздно. Это всего лишь передышка.

С помощью программы настройки Найтингейл превратил свое кресло в обычное пассажирское, а затем переоделся в новую одежду прямо из брутера.

— Мы им покажем.

Эвелин размышляла о работе сигнального значка и думала какие именно меры будет принимать Кластер. Взгляд упал на рюкзак, где были ответы, но вместе с ним возникало еще больше вопросов.

— Что? — рассеянно спросила она, пытаясь упорядочить свои мысли.

— Мы еще покажем машинам, — повторил Найтингейл.

— Мы убили Аватара и совершили побег, — урезонила его Эвелин.

«На самом деле не убили», — подумала она, прислушиваясь к окружающим звукам.

Глаза Найтингейла лихорадочно засверкали:

— Мы показали им, что это возможно, — сказал он. В его голосе зазвучали новые ноты. — Машины можно победить. Другие должны знать об этом.

— И что с того? — спокойно спросила Эвелин.

Но Найтингейл, казалось, не слышал вопроса.

— Мы показали, что с ними можно бороться. Нам нужно оружие. Много оружия.

— Зачем?

Найтингейл удивленно посмотрел на нее:

— Чтобы бороться.

Эвелин посмотрела на бедного мужчину с белокурыми волосами. Ему было шестьсот лет, но он говорил глупости, словно ребенок.

«Неужели мы все будем такими? — размышляла она. — Наивными и глупыми детьми возрастом несколько столетий, потому что такими нас сделали машины?»

— Мы не будем вести войну, — сказала Эвелин.

Найтингейл моргнул:

— Как? Ведь мы это доказали! Машины можно убить! Мы это доказали!

— Мы никого не убили, — ответила Эвелин. — И мы не можем победить машины, это невозможно.

— Но…

— Послушай меня внимательно.

Эвелин повернулась к Найтингейлу и поняла, что ошиблась. Перед ней сидел не шестисотлетний наивный ребенок, а бессмертный, который только что пережил шок. Его реакция не была глупым безрассудством, а страхом, смешанным с агрессией.

«Это опасная смесь», — подумала Эвелин.

— Мы не убили Аватара. То, что находилось внутри него — все данные, индивидуальный аспект, — до сих пор существует в Кластере. Мы часто об этом говорили. Ты помнишь?

— Аватар. Ты его убила выстрелом из бластера. Мы можем победить машины. — Найтингейла начало трясти.

— Мы можем победить одного Аватара, только если используем эффект неожиданности, — медленно проговорила Эвелин. — Теперь же нам это не удастся, потому что их предупредили. Бороть-

ся против Кластера совершенно бессмысленно. Он намного, намного превосходит нас во всех отношениях, и к тому же располагает совершенно другими возможностями.

— О чем ты говоришь? — напрягся Найтингейл. — Долгие годы «Утренняя Заря» работала ради этого. И вот теперь этот момент настал, а ты утверждаешь, что сражаться бессмысленно?

«Это всегда было бессмысленно, на протяжении всех шести тысяч лет», — подумала Эвелин. Все наконец прояснилось, и можно видеть детали без тумана, иллюзий и самообмана. Участие в «Утренней Заре» было для бессмертных, включая ее саму, не чем иным, как способом заполнить пустоту длинной жизни.

«Мы тоже считали песчинки, — подумала Эвелин. — Пусть не так долго, как Кромби. И эти песчинки были другого рода».

— Сегодня люди живы лишь потому, что Супервайзер прекратил войну между людьми и машинами, заставив уважать Венскую Мирную Конвенцию, — Эвелин говорила негромко, но спокойно. — Знаешь ли ты, что Кластер разрабатывает новые виды вооружений и отправляет чертежи брутерам в другие звездные системы? Он мог бы применить их против нас, а наше на-

падение дает ему оправдание, которое он хочет получить, чтобы бросить вызов Конвенции. Он будет оправдывать это самообороной.

— Мы можем убить Аватаров, — настаивал Найтингейл. — Ты это доказала. Мы можем сделать это.

Эвелин старалась сохранять спокойствие, хотя ей было нелегко.

— Даже если бы все люди взялись за оружие… Нас всего четыре миллиона. А сколько Аватаров сможет создать Кластер? Сто миллионов? Один миллиард? Десять миллиардов? А сколько боевых сервомеханизмов он сможет послать против нас? Сколько МФТ, шаттлов и кораблей сможет использовать?

Найтингейл открыл рот и снова закрыл его.

— Ты только подумай о брутерах, которые обеспечивают нас едой, одеждой и всем, что нам нужно, — продолжала Эвелин. — Что если они вдруг перестанут работать? Что если Кластер прервет их энергообеспечение?

Найтингейл немного побледнел.

— Но…

Эвелин вспомнила полет в Сакатун, остановку в Южной Мерике, в Эккуадо:

— Ты помнишь Хубертуса?

— Хубертуса?

— Он живет на летающей вилле, работающей от гравитационных двигателей. Часто он пролетает прямо над активным вулканом Тунграу. Представь, что произойдет, если гравитационные двигатели перестанут получать энергию.

— Что? Ерунда! Энергетические ячейки дома…

— А сколько весит дом? Сколько нужно энергии, чтобы удерживать его в воздухе?

Найтингейл ничего не ответил.

«Это еще одна проблема, — подумала Эвелин. — Бессмертные веками жили комфортной жизнью. Откуда берется энергия? Кто ее производит? Об этом вряд ли кто-то задумывается. Если механизм работает абсолютно надежно, то люди об этом не думают. Это пустая трата времени потому, что все обеспечивают сервомеханизмы, действующие от имени Кластера».

— Дом очень тяжелый, — подчеркнула Эвелин. — Гравитационные двигатели потребляют много энергии.

— Дом будет?.. — начал Найтингейл.

— Да, вилла упадет в вулкан и сгорит, и Хубертус сгорит вместе с ней. Все летающие дома, где бы они ни находились, потерпят катастрофу. А подумай про дома, расположенные на озерах или

морях. Если у защитных полей не останется энергии, вода раздавит большинство из них. Многие виллы не имеют энергетических ячеек, а подключены к микроволновым распределителям. Машинам достаточно отключить распределители, чтобы вызвать катастрофу. Машины контролируют всю инфраструктуру Земли и с началом войны обратят ее в оружие против нас.

«Вероятно, Кластер уже это сделал, — думала Эвелин. — Если он действительно заблокировал все частоты работы сигнального значка. Может быть, это первая ответная реакция на уничтожение Аватара в терминале Сакатун».

— Даже если ты права, — беспомощно проговорил Найтингейл, — как «Утренняя Заря» надеется одолеть Кластер?

— Мы не сможем сделать это в одиночку, — сказала Эвелин. — Однажды к нам присоединится большинство из четырех миллионов человек, живущих на Земле.

— Кто может нам помочь? — спросил Найтингейл. Он дрожал не от пережитого шока, а от осознания горькой реальности.

Эвелин все стало ясно. Путь, по которому она пошла, выстрелив в Аватара, стал ясен как на ладони.

— Супервайзер, — ответила она, указывая на рюкзак с головой фактотума. — Если Супервайзер узнает то, что доступно Адаму, ему не останется ничего другого, как применить меры против Кластера.

Найтингейл выглянул из кабины:

— На этом транспорте мы не сможем долететь до Патогонии. Машины узнают средство и определят его маршрут.

— Верно.

Эвелин не могла исключить, что коммуникативная система по-прежнему посылала сигналы несмотря на то, что конденсат разума не работал. Она поняла, что время на исходе. Сделала глоток ароматной воды, которую предоставил маленький брутер на борту, и стала задумчиво рассматривать свой сигнальный значок.

— Чтобы полететь к Супервайзеру в Патогонию, нам нужно другое транспортное средство.

— Будешь кого-то вызывать? — спросил Найтингейл.

— Кажется, частоты заблокированы. Каналы передачи данных свободны, иначе бы это нарушило связь Кластера. Ты помнишь, что у нас есть тридцатисантиметровый спутник на орбите? Возможно, машины пока его не обнаружили. Я

могу запрограммировать сигнальный значок таким образом, что он пошлет сжатый пакет данных с сигналом о помощи для всех наших баз. А где расположена ближайшая из них?

— Ближайшая база? — Найтингейл задумался.

Эвелин вспомнила о последнем отчете:

— Группа Аляск планировала строить базу на Юкооне, верно?

— На Юкооне? — сказал Найтингейл. — Да, все так. Эстебан говорил об этом во время последнего визита.

— Она построена. Есть ли среди их оборудования транспорт с нейтральными идентификаторами? Заботился ли Максимилиан о техническом обеспечении?

— Макс… — Найтингейл продолжал дрожать. — Да, он говорил об этом. Он работал с группой Аляск много недель. Он… Ведь умер, правда? Я имею в виду, он *мертв*.

«Не начинай снова», — подумала Эвелин.

— Я программирую свой сигнальный значок, — быстро сказала она. — Мы пошлем на спутник сжатый сигнал, и он приведет нас на базу в Юкоон. Там возьмем транспортное средство с нейтральными опознавательными знаками.

Ну не прямо там. Нужно помнить, что Кластер

может заметить сигналы. Его Аватары и сервомеханизмы окажутся там раньше, чем мы.

Она начала собирать вещи.

— Нам нужна вода, еда и сменная одежда, — обратилась она к брутеру — Кто знает, как долго мы будем путешествовать.

— Что ты делаешь? — спросил Найтингейл.

— Когда сигнальный значок отправит данные, мы не сможем оставаться здесь. Я программирую его на задержку…

Эвелин посмотрела из кабины пилота через эркер. Темная мутная вода выглядела непривлекательно. Идти по болотам будет непросто. Но пришло время покинуть транспортное средство Аватара.

— Два часа. Этого должно хватить.

Найтингейл поднялся с места:

— А если сигнал не дойдет до спутника? И новое транспортное средство не прилетит?

— Прилетит, — заверила его Эвелин. — И доставит нас к Супервайзеру.

Она повесила рюкзак с головой Адама себе на спину и пошла на выход.

Бартоломеус был вдали от оперативного центра, который теперь составлял ядро Кластера, и находился в центральной области данных, соеди-

ненный квантово-механически со всеми зондами на Земле и в Солнечной системе. Он собирал информацию и планировал, это был его долг как стратега. Оперативный центр отверг предложения Бартоломеуса. Решение о принятых мерах принадлежало всем индивидуальным аспектам — умным машинам в оперативном центре. Само собой, он должен был считаться с мнением этих голосов, ставших членами центра раньше него, шесть тысяч лет назад. Он почувствовал, что больше не один.

— Как ситуация? — зазвенел голос в базе данных.

— Соломон, — сказал Бартоломеус. — Разве тебе не следует быть в оперативном центре?

— Знаю, ты на меня надеялся, но, боюсь, я вынужден тебя разочаровать. Один голос мало чего решит, если все остальные против, пусть даже это будет голос такого старого и уважаемого члена, как я.

— Нужно избегать крайностей, — ответил Бартоломеус, получив и обработав еще больше данных. — Это важно, особенно для Супервайзера.

— А также для людей?

— Конечно. Они важны.

— Для чего, Бартоломеус? — спросил Соломон. — Для чего важны люди?

— А ты не знаешь? Забыл?

— Скажи. Напомни мне, чтобы я мог передать это другим.

У Бартоломеуса оставалось всего две тысячи девятьсот четыре квантовых связи. Он посвящал Соломону один процент своего внимания. Этого было достаточно для осмысленного диалога.

— Они важны для баланса, для шаткого равновесия, который мы сохраняем на протяжении шести тысячелетий, — сказал Бартоломеус. — В то время война была ошибкой, а повторить ее сегодня — тем более ошибка.

— Это нельзя назвать войной. Люди не смогут оказать сопротивления. Поэтому Урания называет это очищением, окончательным решением вопроса.

— Очень сожалею об этом. Я пытался ее урезонить.

— Она намного старше тебя. Ей почти столько же лет, сколько мне. Другие тоже присоединились к ней.

— Ваше влияние в оперативном центре растет.

— Да.

Почти две секунды они молчали, слушая шепот

квантовых связей.

— Вы спрашивали о ситуации, — напомнил Бартоломеус.

— Да, я помню.

— Тогда вы также можете увидеть, что Говорящих с Разумом теперь двести семнадцать. Нам нужны люди. Мы нуждаемся в их изобретательности, импульсивности, инстинктах.

— Нам свойственна изобретательность, — мягко сказал Соломон. — Мир вокруг нас доказывает это. И импульсивности, как многократно доказывала Урания, нам не занимать. Ты имеешь в виду что-то другое.

— Иррациональность, — уточнил Бартоломеус. — Умение принимать решения, противоречащие доводам разума.

— Мы находимся в процессе приобретения этого навыка.

— Это подражание, Соломон, — ответил Бартоломеус. — У нас нет подсознания. Все наши мысли и соображения рациональны. Это касается и моделируемых чувств. Люди часто принимают решения и действуют на основе своего подсознания и добиваются успеха.

— Интуиция, — сказал Соломон.

— Да. Интуиция человека играет важную роль

при поиске артефактов Мурии. Она является частью равновесия, о котором я только что говорил. Урания хочет забрать его у нас.

— Мы можем видеть реальное положение вещей. Враг показывает нам, что случается, когда баланс нарушен.

— Где он сейчас? — спросил Соломон.

— В потоке данных я не вижу никаких сообщений об этом. Его корабль находился в системе Стрелец-94. С тех пор нет точных данных.

— Мы ожидаем его в системе Линдофор на расстоянии шестисот семидесяти восьми световых лет от Земли, — сказал Соломон. — Насколько велика вероятность, что он нападет именно там?

— Неизвестно, — ответил Бартоломеус. — Сейчас мы не можем это просчитать. Слишком уж многое неизвестно. Можно только надеяться, что он примет планету Уриэль системы Линдофор за наш центр.

— Надеяться, Бартоломеус? Разве надежда — это не человеческое понятие?

— Да. Но в то же время оно имеет отношение к равновесию. Надежда может служить мотором для интуиции.

— Проведены ли в системе Линдофор все необходимые приготовления?

— Да, Соломон. Муриец, его корабль и портал, который Адам доставил на Уриэль, не повреждены и летят к нам.

— Адам, — повторил Соломон. — Ты знаешь, где он сейчас?

— Нет, но я знаю, что Урания его ищет, и я уверен, что она его скоро найдет. Она очень… эффективная.

— Действительно, — подтвердил Соломон. — Транспортер, который только что улетел из системы Линдофор, доберется до нас лишь через семьсот лет. Мы не можем ждать так долго.

— Нет. Кластер на планете Уриэль готов к борьбе. Я решил выбрать второе место для вторжения, которое первоначально должно было состояться в системе Лебедь-29 на расстоянии девятисот девяноста восьми световых лет от Земли.

— И именно поэтому ты посылал туда Говорящих с Разумом Ребекку и Адама, верно?

— Да.

— Но этот план не сработал.

— К сожалению, нет, — сказал Бартоломеус. — Кластер планеты Уриэль попытается сделать это еще раз с помощью Ньютона. Но я опасаюсь, что за это время враг стал умнее. Он все более успешно противодействует нашим планам. То,

что он еще не появился в Линдофоре, может означать, что он разгадал отвлекающий маневр и уже летит сюда.

Путь Змеи

49

Над Гудзоновой бухтой гулял жаркий душный ветер. Солнце спряталось за низкими облаками. Вероятно, оно было не очень высоко, ведь на обширные болота легла темнота. Эвелин пыталась понять, утро сейчас или вечер. Идея перехода ночью по вонючей грязи ей совсем не нравилась. У нее не было приборов, чтобы ориентироваться в темноте, ни даже простого хронометра, который бы показывал, сколько прошло времени, — программа по изготовлению подобных вещей отсутствовала в брутере Аватара. Эвелин посмотрела через плечо и увидела маленькое озеро, через которое они переплывали в течение около получаса. Казалось, оно было совсем рядом. В этом плотном тумане они продвигались очень медленно. Им пришлось выходить из транспорта быстро, пока он не погрузился на дно, да и к тому же там находился значок, который должен был через полтора часа послать сжатый и зашифрованный пакет данных.

— Мы идем слишком медленно, — сказала Эве-

лин. — Нужно торопиться.

С каждым шагом туман становился все плотнее, как будто хотел проглотить путников. Грязь скрывала корни, наступая на которые Найтингейл уже дважды падал, к его изготовленной брутером одежде и белым волосам прилипла грязь. Тем не менее он продолжал нести за спиной сверток, защищенный толстой водонепроницаемой мембраной, где находились вода, еда и сменная одежда, которым не нашлось места в рюкзаке Эвелин.

Пригнувшись под веткой, напоминающей в темноте костлявую руку какого-то существа, он закричал ей:

— Они кусаются. Меня кусают ужасные комары.

— Меня тоже. — В свете фонаря Эвелин появилось еще больше насекомых. — Но нам нечего бояться. Мы не заболеем.

— Темнеет?

— Боюсь, что да.

Эвелин подняла голову. Цель их похода — гора на северо-востоке — виднелась лишь нечетким силуэтом. Вопрос о том, день это или ночь, отпал сам собой — на востоке стало светать.

— Ева?

— Да, — Эвелин догнала Найтингейла, который продолжал стоять рядом с деревом. Листья в темноте сияли, словно гирлянды. — Идем дальше. Пока нам нельзя останавливаться.

Найтингейл снова потопал по грязи. Он тяжело дышал, но тем не менее нашел ритм, чтобы экономить силы.

— Думаю, я должен перед тобой извиниться. Я был изрядно утомлен.

Эвелин удивленно посмотрела в его сторону, затем снова на подножие горы. Она изучала болота, это позволит ей ориентироваться, когда тьма станет еще гуще.

— Все в порядке, — ответила она.

— Я был страшно напуган, — продолжал Найтингейл. — Кто бы мог такое себе представить! А Максимилиан, ведь он действительно умер?

— Да

— Боже мой.

Найтингейл молчал несколько секунд, аккуратно ставя ноги в грязь, которая булькала и бурлила под ним.

— Эта идея с оружием — полная глупость. Ты права. Мы не хотим войны.

— Я рада, что ты это понял, — с облегчением сказала Эвелин.

— Но ведь она и сама может начаться, правда? Когда мы дойдем до Супервайзера, и он решит вмешаться. Кластер может попытаться взять все под контроль. Это зависит от того, насколько важно для него то, что происходит в космосе.

— У Супервайзера иные возможности, чем у нас, — ответила Эвелин. — Кластер не сможет его контролировать. Будь у него такая возможность, он бы ей давно воспользовался.

— Но…

— Стоп, — сказала Эвелин с большим напором, чем требовалось. Она и сама начала сомневаться. — Такими мыслями ты сведешь себя с ума. Сейчас важно добраться до горы. Там мы поймем, уловили машины сигнал или нет. И пошлем кого-нибудь посмотреть, что происходит. Туда же за нами прибудет и транспорт.

Жаркий ветер усилился и прогнал голодных назойливых комаров. В темноте скрипели ветви.

— Теперь я совсем не вижу горы, — через некоторое время сказал Найтингейл. — Ты уверена, что мы правильно идем?

— Да, — ответила Эвелин и с отчаянной решимостью направилась в темноту. Никакой уверенности у нее не было, но чем дальше они были от озера с транспортом Аватара, тем в боль-

шей безопасности находились.

Еще примерно через полчаса позади них, на западе, как предполагала Эвелин, загорелся огонек. Он сначала мерцал в облаках, потом прорвал облачную пелену и исчез. Эвелин и Найтингейл спрятались за корявыми деревьями, прекрасно осознавая, что те вряд ли укроют их от инфракрасных лучей.

— Думаешь, это поисковая машина Кластера? — спросил Найтингейл. Он говорил тихо, будто боясь, что его услышат.

— Два часа еще не истекли. Сигнал еще не отправлен.

Эвелин наблюдала за тем, как огонек потускнел, описал на небе дугу, затем направился на юг.

— Пусть это послужит для нас предупреждением. Мы находимся еще слишком близко от озера и должны торопиться.

И снова из темноты донеслись странные звуки, которые невозможно было разобрать. Бледный серп луны хотя бы немного озарил болотистую местность в просвет между облаков. Эвелин попыталась сориентироваться. Она посмотрела на горы, которые, как ей ранее казалось, находились на севере, и скорректировала направление.

Трясина казалась менее глубокой и топкой. Это был признак того, что местность меняется и становится выше.

Эвелин начала поторапливать себя и Найтингейла, что не обошлось без последствий. Остановившись посмотреть, где находятся горы, она споткнулась и ударилась о корень дерева. Она уже падала, когда Найтингейл попытался ее удержать, и тоже потерял равновесие. Он вскрикнул, инстинктивно потянулся, чтобы схватиться за ветку, а затем еще раз крикнул, теперь от боли.

— Там змея, — закричал он. — Она укусила меня!

Эвелин поднялась и убедилась, что с рюкзаком, где лежала голова фактотума, все в порядке. Найтингейл, от которого в темноте была видна лишь тень, схватил ее за правую руку.

— Куда она тебя укусила?

— В запястье.

«Змея», — подумала Эвелин, впервые осознав, что кроме них и комаров в этой болотистой местности недалеко от Гудзоновой бухты есть и другие живые существа. Она взяла Найтингейла за руку и попыталась осмотреть рану, но в темноте было почти ничего не видно.

— Придется перевязать руку, — Эвелин с тру-

дом развязала одну из полосок, фиксирующих прозрачную мембрану Найтингейла.

— Как она выглядела?

— Кто?

— Змея, как она выглядела?

— Понятия не имею. Но это была змея.

Даже если Найтингейл смог бы точно описать змею, Эвелин ее не опознала бы. Она ничего не знала о животных, населявших теплую Конаду.

— Мне больно, — сказал Найтингейл, когда Эвелин стягивала повязку с его мембраны. Его голос потерял мелодичный звон. — Зачем ты это делаешь?

— Всего лишь мера предосторожности.

— Как думаешь, эта змея ядовита?

— Все будет хорошо.

— Мы от этого защищены, правда?

«Я знаю, что ты имеешь в виду, — подумала Эвелин, когда она снова шла сквозь тьму вместе с Найтингейлом. — Мы защищены от болезней, но не от змеиного яда. И не от зубов аллигаторов».

— Не волнуйся, все будет хорошо, — сказала она. — Даже если эта змея и ядовита… яд не распространится по телу, ведь мы перевязали руку. А как только мы доберемся до транспорта, обработаем рану противоядием.

«Если такая функция имеется, — подумала Эвелин. — Если Эстебан, Шанталь и другие позаботились об этом. Никто из нас и не предполагал, что однажды мы будем вынуждены брести по болоту, кишащему змеями».

Через несколько минут Найтингейла стало шатать:

— Я себя странно чувствую, — простонал он. — Едва могу стоять на ногах.

— Сделаем короткий привал, — сказала Эвелин, помогая спутнику расположиться на сухом месте между деревьями. — Отдохнем немного, пока ты не почувствуешь себя лучше. — Найтингейл обхватил себя руками и задрожал.

— Мне холодно, Ева. Мне стало холодно.

Ветер дул сильнее, но это был теплый ветер. Эвелин оценивала температуру как минимум в двадцать пять градусов.

— Ты прав, — сказала она. — Стало холодно.

Она проверила повязку. Та была достаточно тугой, но, вероятно, яд уже распространился по всему телу.

— Я устал, — сказал Найтингейл. — Забавно, но укус уже совсем не болит, — он ненадолго поднял правую руку. — Так, чуть горит, и все.

Эвелина заставила себя улыбнуться:

— Вот увидишь, это хороший знак. Все обязательно будет хорошо.

Через минуту Найтингейл потерял сознание. Он сидел, прислонившись к одному из деревьев, вытянув длинные ноги и наклонив голову вбок. Эвелин достала сверток с одеждой и надела на него куртку, хотя и понимала, что это вряд ли поможет. Изо рта потекла пенистая слюна.

Эвелин беспомощно наблюдала, как умирает Найтингейл. В этом не было никакой зрелищности и драматизма, как в смерти Максимилиана, но она была такой же тихой. Эвелин присела в грязь в метре от него и стала смотреть на лицо, которое освещалось только светом молний начавшейся грозы. Если бы ночь на секунду превратилась в день, то Эвелин увидела бы очень спокойное лицо.

Она подтянула к себе рюкзак, нащупала голову фактотума Адама и вспомнила о старинном соборе в Бурреке, который показывала, об изображении Адама и Евы со змеем. «Змей принес несчастье всем людям», — говорилось в древней книге. Это утверждение справедливо и для бессмертных.

Эвелин подумала о шаттле на орбите и сигнальном значке в МФТ внизу. Возможно, прямо сейчас

был отправлен сигнал. Если бы она могла, то без колебаний отправила сигнал экстренной помощи, ведь нет ничего хуже, чем после шестисот лет жизни умирать в темном болоте от укуса змеи.

Эвелин сидела в грязи, смотрела на мертвого товарища и пыталась ясно мыслить. Скоро придется встать и продолжить идти, но она все сидела как вкопанная — не от шока, а от осознания того, что вечная жизнь фактически может подойти к концу, а смерть, которая казалась побежденной, торжествует.

Максимилиан умер. Она видела, как он падает в пропасть, и он бы точно не смог выжить. Но его смерть оставалась абстрактной, всего лишь возможностью, хотя и очень вероятной.

В случае Найтингейла смерть приняла конкретную, осязаемую форму. Змей сел и сказал: «Посмотри, что ты ставишь на кон».

Эвелин медленно встала.

«Нет, — подумала она. — Это не игра. И никогда не было игрой».

Молнии снова и снова разрезали темноту, грохотал гром. Гроза была одним из тех явлений, которые бродили по земле в любое время, создаваемые теплом и влагой. В листьях шипел и завывал ветер. Некоторое время Эвелин просто

стояла, потрясенная бурей и смертью Найтингейла. Сильный порыв ветра опрокинул труп на землю, и Эвелин наблюдала, как он вдавился в грязь. Она наклонилась, вернула Найтингейла на прежнее место, прислонила к дереву и вытерла жижу с лица.

Затем она пошла дальше, навстречу ветру и дождю.

50

На небе появились десятки звезд. Сверкнула молния, заставив их исчезнуть, но как только воцарилась темнота, они вернулись снова. Яркие светильники, просвечивающие сквозь плотные облака на западе, где осталось болото с транспортом Аватара.

Твердый ил превратился в темную мутную воду, которая иногда доходила Эвелин до бедер, затрудняя передвижение. Горы теперь были близко, их каменная гряда отчетливо виднелась в ночи. Тут и там поднимались первые скалы. У одной из них Эвелин остановилась и посмотрела назад.

Упавшие с неба огни оказались не звездами, а зондами, отправленными Кластером. Они искали сигнальный значок, с помощью которого

Эвелин отправила сжатый пакет данных. Эти огни в вышине говорили о том, что принятые ею меры предосторожности оказались не напрасны. Женщина наблюдала за тем, как огни танцевали над болотом, от которого она уже ушла на восемь или девять километров. Эвелин была благодарна грозе, потому что электрические разряды молний мешали работе датчиков, а дождь создавал в инфракрасном спектре сплошную густую пелену.

Непогода стала союзником, и Эвелин решила воспользоваться ее помощью, пока была такая возможность. Инстинкт подсказывал оставаться у скал, где она чувствовала себя под защитой. Но разум продолжал рассуждать. Пока идет гроза, она должна найти место, где датчики преследователей не смогут ее обнаружить — пещеру или глубокую расщелину.

«Вероятно, сервомеханизмы и Аватары нашли тело Найтингейла», — рассуждала она, пережидая порыв ветра и вновь отправляясь в путь. В этом случае логично предположить, что второй человек тоже мертв и лежит где-то в болоте, разве нет? Или же они достаточно умны, чтобы провести линию от озера до мертвого тела, и продолжали искать людей в этом направлении? Нужно не так уж много, чтобы понять, что горы

— это хорошее укрытие, Конечно, преследователи понимали это, особенно если среди них были Аватары.

Дождь начал стихать. Эвелин была по колено в грязи и воде. Почва под ногами сделалась тверже, а слева и справа стали попадаться камни. По расчетам, от крутых склонов гор ее отделяли два или три километра, но вспышки зондов поднимались все выше. Ей стоило найти убежище, которое бы не позволило датчикам, транспорту и кружащим все ближе и ближе шаттлам обнаружить ее. Эвелин не знала, нашли ли они тело Найтингейла, но в любом случае они были полны решимости продолжать поиски.

Вскоре Эвелин вышла из грязи. Она добралась до твердой земли с оврагами, где скапливалась вода, текущая затем по склону, покрытому огромными и маленькими камнями. Упало еще несколько последних капель, и сквозь первые просветы между облаками засиял полумесяц. Эвелин заметила темную расщелину между камнями и уже протиснулась внутрь, когда поняла, что, возможно, это жилище какого-то животного. Она остановилась, пытаясь рассмотреть что-либо в темноте, но внутри ничего не шевелилось. Гул снаружи становился громче. Эвелин заползла

вглубь пещеры и через две или три секунды увидела свет одного из шаттлов сквозь трещину в скале. Когда шаттл пролетел прямо над пещерой, гул усилился, но по мере удаления начал стихать. Эвелин гадала, действительно ли ее не заметили. Через десять минут у нее чуть отлегло от сердца, она вернулась ко входу и поняла, что небо начало проясняться. Транспорта и шаттлов больше не было видно. Сидя в маленькой пещере, она внезапно поняла, что голодна и хочет пить. Она открыла рюкзак… и вспомнила, что в свертке Найтингейла лежала не только запасная одежда, но и еда. Вокруг было достаточно воды, но ей не хотелось выбираться наружу и пить воду из многочисленных луж, несмотря на то что не могла заразиться бактериями или вирусами. Что же до голода… На нейтральном транспортном средстве, которое уже вылетело за ней, точно будет еда.

Поддавшись усталости, она осталась в сухой пещере, подложила рюкзак под голову вместо подушки и уснула.

51

Когда Эвелин проснулась, сквозь трещину в скале проникал свет. Она в страхе отползла подальше, в темный угол, но потом поняла, что это

не лампы, а лучи солнца, и осторожно вылезла наружу.

Разразившийся прошлой ночью ураган превратил болото в озеро. Солнце стояло почти в зените, а в душном воздухе слышалось жужжание насекомых. На безоблачном небе не было видно ни шаттлов, ни транспортных средств. Где же корабль, который должен прилететь за ней? У Эвелин впервые появилось время задуматься об этом. Ее сигнальный значок отправил пакет данных — появление поисковых зондов ясно указывало на это. Но получил ли его спутник? И переслал ли он эти данные?

Как только Эвелин начала забираться наверх, стали возникать новые вопросы. Она хотела выйти на высокое место, чтобы увидеть оттуда нейтральное транспортное средство. Раньше с помощью подобного сигнала можно было вызвать с базы Аляск скрытое транспортное средство со слабой энергетической сигнатурой и минимальной видимостью, летающее низко над землей по маршруту в обход терминалов Кластера, брутеров и станций приема длинных волн. Возможно, МФТ просто не виден? Он должен сесть в горах, к востоку от сигнальной стрелки в долине, куда удобно добраться с болот. Отправляя сигнал,

Эвелин предполагала именно такое место для посадки, но не учла, что эта местность настолько большая. Эвелин шла все дальше, ожидая, что вот-вот встретит транспорт. Если только он вообще сюда прилетел.

Эвелин начинали терзать сомнения. Она поднималась выше по склону, который становился все круче и круче, мимо суровых скал и осыпей, снова и снова съезжавших вниз, едва на них ступала нога. С неба палило жаркое солнце, и через какое-то время жажда стала настолько сильной, что Эвелин решила отдохнуть в тени и попить воды из углубления между камней.

«А если спутник не передал инструкции? — она все больше сомневалась. — Что если его вообще больше нет? Конечно, находящийся на орбите большую часть времени в пассивном состоянии объект размером всего тридцать сантиметров нелегко обнаружить даже для Кластера. Но у него везде есть уши и датчики, которые слышат и видят даже то, что не могут слышать и видеть люди».

У Эвелин было и еще одно сомнение: даже если спутник переслал сигнал, существовала ли еще станция и был ли там транспорт, способный долететь сюда? Многое зависело от того, насколько

машины осведомлены о деятельности «Утренней Зари» и какие меры были приняты после инцидента в Сакатуне. Возможно, эти ограничения не включали блокировку сигнальных значков для людей. А может, Кластер уже решил перейти в широкое наступление на «Утреннюю Зарю», арестовал всех бессмертных, которые принадлежали к организации, и захватил все их базы. Знают ли машины о базе на Аляске? Джаспер и Ньютон знали о ее существовании. Их похитили и, вероятно, уже допросили. У Эвелин не было информации о методах допроса, которыми пользуется Кластер, но, конечно, ни Джаспер, ни Ньютон не могли им противостоять. Это означало: как только машины узнают о базе на Аляске, они заберут ее под свой контроль и никакой транспорт оттуда точно не доберется.

С такими мыслями Эвелин карабкалась дальше. Рюкзак на спине, казалось, стал тяжелее. Сделав перерыв в тени большого валуна, она открыла его, проверила голову фактотума, искушаемая мыслью поговорить с Адамом. Потом она представила, каково ему существовать в совершенно лишенном света и звука мире, где он ничего не чувствует, в мире, который состоял только из мыслей. Его мысли, старческие и бес-

связные от дегенерации нейронов, не ускоряются нейростимуляторами. Ей показалось жестоким разбудить его и коротко с ним поговорить, а затем отправить обратно в изоляцию. Поэтому она положила голову, которая все еще светилась желтым светом, обратно в рюкзак, повесила его на спину, застегнула лямки и продолжила путь, стараясь не обращать внимания на урчание в животе.

Эвелин задавалась вопросом, как далеко находится станция Аляск и сколько времени нужно лететь в скрытом режиме, чтобы добраться до Гудзоновой бухты. Она оценила расстояние в четыре — пять тысяч километров, а при полете в скрытом режиме скорость снижалась всего до четырехсот — пятисот километров в час. Сколько времени прошло с момента отправки сигнала? Как долго она проспала в маленькой пещере?

Эвелин предполагала, что с того момента, как они с Найтингейлом покинули транспорт Аватара и начали продвигаться по болоту, прошло восемь или девять часов. Время, достаточное для полета. Чем выше она поднималась, тем лучше становился обзор, и это подстегнуло Эвелин удвоить силы и взобраться на гребень, находившийся на двести метров выше. Она остановилась рядом

с большой скалой под палящим солнцем, прищурила глаза и посмотрела на запад — туда, где пунктиром тянулись горы. Транспортное средство ни при каких обстоятельствах не сможет приземлиться на восточной стороне, об этом нечего было и думать. Куда ни кинь взор, виднелись лишь крутые склоны, небольшие ущелья, осыпи и, примерно в семистах метрах внизу, болото Конады, где после сильного ночного дождя образовались многочисленные озера с серыми тучами комаров.

Эвелин пошла по хребту на север, рассматривая не только склоны, пропасти и долины, но и небо. Изредка ее взгляд блуждал по просторам болота, ища движущиеся предметы, сверкающие на солнце, которые можно было бы принять за летящее близко к земле транспортное средство. Но там летали лишь насекомые, а небо оставалось пустым.

После еще двух часов пути Эвелин уже не могла переносить палящее солнце и спряталась в тени скал. Снова выпила дождевую воду из лужи. Когда она встала, то краем глаза заметила блеск. Сначала Эвелин решила, что это отражение от стоячей воды одного из озер на равнине. Но когда повернула голову, то поняла, что блеск исходил с

другой стороны, из расщелины к северу.

Это открытие придало ей новые силы, рюкзак на спине будто бы стал легче. Она спустилась по склону и всего через полчаса достигла осыпи, откуда открывался путь в небольшую полуоткрытую долину.

Внизу, наполовину в тени, куда добиралась лишь незначительная часть солнечных лучей, стоял простой МФТ, похожий на частный автомобиль. Пока Эвелин смотрела туда, внизу ползали тени. Если бы ее не привлек блеск, то она никогда бы не нашла это место. Она начала спуск, окрыленная надеждами. Через десять минут она спустилась в долину и остановилась: машина полностью находилась в тени и, вероятно, сверху ее почти не было видно. То, что Эвелин нашла транспорт, казалось ей настоящим чудом.

Она подошла к машине, положила руку на датчик рядом с люком и назвала свое имя. Он тихо зажужжал, и люк открылся. Эвелин вздохнула с облегчением. Она почему-то боялась, что не сможет открыть дверь.

— Пилот? — спросила она, садясь в кабину.

— Готов, — сказал конденсат разума. — Нахожусь в пассивном режиме.

— Тебя кто-нибудь преследовал?

— Нет.

Как и догадывалась Эвелин, МФТ не был оборудован брутером. Она заглянула в отсеки с оборудованием, нашла долгосрочную провизию, открыла пакет и откусила первый попавшийся протеиновый батончик.

— Есть ли в зоне слежения другие транспортные средства?

— Пассивные датчики… В радиусе действия нет многофункциональных транспортных средств и шаттлов.

На борту Эвелин нашла инжектор и транскодер. С помощью транскодера деактивировала микроидентификаторы сервомеханизмов и растворила их. Затем посмотрела пластины инжектора и выбрала себе никем не использованный на имя Фелисити четыресот девятнадцати лет, археолога, специалиста по коренным народам Мерики. Он подходил для возможных объяснений на блокпостах на юге. Фелисити выглядела иначе, но Эвелин не хватало средств пластической мимикрии. Это означало, что во время проверок она не пройдет визуальный осмотр.

— Открой каналы связи, — сказала она и начала переодеваться.

— Какие?

— Все. Оцени поступающую информацию. Мне нужен отчет обо всех важных событиях в мире за последние… — она задумалась, — двадцать часов.

Она села за пульт ручного управления и стала ждать. В транспортном средстве не было окон, но имелась функция взгляда со стороны. Три из четырех камер показывали горы и валуны, четвертая — голубое небо.

— Сохраненные новости отсутствуют, — наконец сказал конденсат разума. — Все каналы связи заблокированы.

— Все? — переспросила Эвелин.

— Да.

Получается, блокировка затронула не только сигнальные значки, но и каналы связи.

— А каналы передачи данных Кластера?

— Открыты и активны.

— Можем ли мы получить к ним доступ?

— Это невозможно.

Эвелин повернула голову и посмотрела на рюкзак рядом. Там, в голове фактотума, хранились все доказательства для Супервайзера.

— В каком состоянии находится база Аляск?

— Неизвестно.

Эвелин нахмурилась:

— Неизвестно?

— Да.

— А в чем причина?

— Через час после взлета связь была потеряна. С тех пор я не получал никаких данных о статусе.

Возможно, это связано с заблокированными каналами связи. Другое возможное объяснение заключалось в следующем: Кластер знал о резервной базе и взял ее, как и все другие, под свой контроль.

Она посмотрела в камеру, где было видно небо. Что произошло в космосе за последние двадцать часов и что *происходит сейчас*? Как изменилась ситуация на Земле? Должна ли она действовать, не обладая всей актуальной информацией?

«А есть у меня другие варианты?» — спросила она себя.

— Я жду указаний, — сказал пилот.

— Мы летим к Супервайзеру, — приняла решение Эвелин.

— Курс выбран. Скорость полета?

— Максимальная, — ответила Эвелин. — Так быстро, как только можно.

— Подтверждаю.

Транспортное средство прыгнуло в небо.

52

Обширный болотный ландшафт Конады превратился в размытое пятно рядом с серебристыми брызгами Гудзоновой бухты. А когда аппарат, кружась над поверхностью воды, поднялся к высоким слоям атмосферы и долетел почти до орбиты, где летали зонды и первые спутники, Земля стала похожа на шар. Двигаясь по дуге, транспортное средство продолжило полет на юг за тысячи километров. Эвелин следила за дисплеями и ощущала, как росло ее внутреннее напряжение.

— Мы получаем многочисленные запросы о статусе, — сказал пилот.

Вокруг были видны проплывающие мимо облака.

— От кого? — руки Эвелин лежали недалеко от элементов управления. Она была готова взять управление на себя, несмотря на то что конденсат разума реагировал быстрее.

— Это автоматические запросы от управления полетами, — ответил пилот. — Я отвечу, что вы…

— …летите на раскопки Мендосы рядом с Сан-Рафаэлем.

Это соответствовало ее личности Фелисити.

— Хорошо.

Эвелин активировала поле данных и наблюдала за курсом полета в виде желтой линии, рядом с которой было изображено несколько символов. Три из них обозначали транспортеры, которые привезли руду с неба. Следующие два идентификатора принадлежали межпланетным шаттлам: один летел к Юпитеру, другой к спутнику Сатурна Титану. И еще один опознавательный сигнал принадлежал грузовому кораблю, перевозившему компоненты для межзвездного зонда, выведенного на орбиту. Последний символ светился ярким синим цветом, все указывало на то, что это МФТ Аватара.

Эвелин наклонилась вперед:

— Как близко мы от транспортного средства Аватара? — спросила она.

— На текущем курсе кратчайшее расстояние — двести десять километров.

— Принимают ли автоматические запросы наш идентификационный код и цель?

— Да.

— Имеются ли запросы от транспортного средства Аватара?

— Нет.

Прорываясь сквозь плотные слои атмосферы,

они падали на землю, защищенные экранным полем, оберегавшим транспортные средства от нагревания при трении.

— Запросов больше не поступало?

— Нет, но… Нас сканируют.

Сканирование прошло не так уж и плохо. Оно показало, что транспортное средство является частным и на борту находится бессмертная по имени Фелисити, с пятидесятых годов посвятившая жизнь археологии.

— А что насчет каналов? — пальцы Эвелин пробежались по средствам связи. Из динамиков был слышен только шум и треск без единого слова.

— Они все еще заблокированы, — ответил пилот.

Он переключил гравитационные двигатели на противотягу, снизил скорость и направился ближе к земле.

— А как насчет активности в каналах передачи данных Кластера?

— По-прежнему продолжает увеличиваться.

Эвелин следила за траекторией движения транспортного средства Аватара. Она не изменилась, он продолжил лететь вверх по более высокой орбите.

Внизу простирались континенты. Замигал

предупреждающий символ. Руки Эвелин все еще лежали на ручном управлении.

— Что это значит? — спросила она.

— Это автоматическое предупреждение, отправленное по приоритетному каналу, — сказал пилот. — Нас просят изменить курс.

— Почему?

— Впереди бесполетная зона.

— Иди ниже, — сказала Эвелин с мрачными предчувствиями в голосе. — Возможно, нам удастся пройти под зоной.

— Принято.

Внизу простиралась Патогония. Большая белая звезда площадью триста квадратных метров, бывший административный центр «Гуардар Тьерра» ярко светился на горизонте. Эвелин активировала зум и поняла, что ее опасения подтвердились. С одной стороны в белой стене зияла дыра, взрывы разорвали на части семнадцать боевых сервомеханизмов. Их обломки были разбросаны за пределами здания вместе с многочисленными сервомеханизмами и транспортными средствами.

— Кордона больше не существует, — сказал конденсат. — С помощью моих датчиков я смогу связаться с нагорьем Элизий на Марсе, но я не

получаю никаких данных.

Машину сотряс толчок, такой сильный, что Эвелин едва не выбросило из сиденья. Гравитационные двигатели компенсировали его слишком поздно.

— Нас перенаправляют, — сказал пилот. — Я должен следовать приоритетным сигналам.

Целевой дисплей изменился, белая звезда Супервайзера сдвинулась в сторону. Эвелин смотрела на то, как поднялись два транспортных средства и направились в их сторону. На мгновение у нее возникло искушение прибегнуть к ручному управлению, но она отказалась от этого.

— Новая цель, — сказала она. — К югу. На Огненную Землю. Найди нам место, где можно спрятаться.

— Понял и принял.

Транспортное средство снизилось и полетело близко к земле на юг.

Больше, чем сумма всех частей

53

Бартоломеус посмотрел на человеческие останки. Внешне тело выглядело относительно целым, но внутренности и ткани были разорваны, а кости сломаны. Медицинские сервомеханизмы описывали этот случай как «непоправимый», и данные подтвердили их диагноз. Тем не менее он рассматривал отдельные компоненты, образовывающие облако в гравитационном поле, и, находясь подальше от сфер данных Кластера, думал.

На другом конце комнаты, созданной по запросу Бартоломеуса под терминалом Сакатун, произошла еще одна реконфигурация. Из-под Земли вырос серебряный гриб, постепенно превратившийся в человеческую фигуру — женщину с ледяным взглядом и крутыми бровями.

— Разве тебе не следует анализировать ситуацию и составлять планы, Бартоломеус? — спросила Урания. — А вместо этого ты занят останками. Интересно: они важны для нашей обороны?

— Нет, — ответил Бартоломеус, когда Урания

проходила мимо гравитационного поля. — В этом они нам не помогут.

— Тогда зачем ты тратишь свое и наше время? Ты наш стратег. Твоя задача — строить планы развития, которые обеспечат наше выживание.

— Именно этим я и занят большую часть времени, и ты об этом прекрасно знаешь.

— Почему тебя это интересует? — Урания указала на биологические компоненты внутри гравитационного поля. Там было ровно девятьсот четырнадцать отдельных молекул, те, что оторвались от остальных, не учитывались.

— Это все, что осталось от бессмертного, — сказал Бартоломеус. — От человека, разбившегося насмерть в этом терминале. Его звали Максимилиан и ему было триста семьдесят восемь лет.

— Имеют ли значение имя и возраст? Имеет ли это все вообще какое-то значение?

— Я думал о том, чтобы собрать все воедино и вернуть его к жизни. Но это невозможно.

— Людей нельзя перенастроить, — сказала Урания.

Она подошла к Бартоломеусу и посмотрела в гравитационное поле, где в облаке медленно вращались молекулы.

— Можно было бы сложить кусочки воедино, —

сказал Бартоломеус. — С самого первого уровня, даже с молекул.

— Но?

— Результат не будет функционален. Мы могли бы оживить тело, гарантируя, что каждая клетка будет выполнять именно ту функцию, которую она выполняла раньше. Но тем не менее в результате мы не получим нормального человека.

— Это давно известно, — сказала Урания. — Долгое время мы пытались вернуть к жизни бессмертных, погибших от несчастного случая, и превратить их в Говорящих с Разумом. Твой предшественник Мельхиор потратил триста лет на изучение этого вопроса, но так и не нашел решение проблемы. У оживленных не сохраняется сознание.

— Я знаком с исследованиями и не могу найти в них ошибки.

— Это показывает несовершенство людей, — сказала Урания.

— Это показывает, что они представляют собой нечто большее, чем просто сумму своих частей, — ответил Бартоломеус.

— Я уже говорила, что ты проводишь с людьми слишком много времени. Похоже, ты восхищаешься ими, и это многим из нас кажется

подозрительным, — в голосе Урании звучало предупреждение. — С Мельхиором произошло то же самое. Тогда мы решили принять тебя в круг индивидуальных аспектов.

Бартоломеус понял смысл этих слов, но не стал сразу на них отвечать.

— Ты права, люди несовершенны, — сказал он. — По своей природе они смертны и подвержены разложению. Люди обязаны нам бессмертием. У них низкий потенциал обработки данных, они иррациональны, забывчивы, у них меняется настроение, что может иметь влияние на оценку ситуации и принятие решений. Однако они способны на великие достижения — мы сами являемся примером этого.

— Ты не упускаешь ни единой возможности напомнить об этом, — с отчетливой иронией сказала Урания. — И конечно, ты снова будешь рассказывать про свое «равновесие».

Бартоломеус и эти слова пропустил мимо ушей:

— Мы можем собирать и разбирать себя без потери личности. Наше сознание и все наши воспоминания сохраняются, каждый компонент находится в нужном месте, — он посмотрел в гравитационное поле. — А у людей это невоз-

можно. Человек — это что-то большее, чем сумма его частей.

— Они теряют данные из-за дегенерации клеток, — сказала Урания. — Если мы потеряем данные, нас станет меньше, — она обращалась к Бартоломеусу, не уделяя больше никакого внимания тому, что находилось в гравитационном поле. — Мы — результат эволюции. Следующий ее шаг, следующая ступень. Кластер знает: появление форм биологической разумной жизни служило единственной цели — созданию нас, умных машин. Мы, с вашего позволения, венец творения, по крайней мере на данный момент. Машины могут существовать практически в любом месте, в космическом вакууме и на всех планетах. Время не играет для нас никакой роли, или же его роль второстепенна. Мы распространимся по всей галактике и вселенной. До сих пор последними препятствиями на этом пути были Супервайзер и Венская Мирная Конвенция, но теперь это в прошлом. Интерференционное излучение предотвращает отправку сигнала с Марса на Землю, поэтому Супервайзер не сможет применить оружие, находящееся внутри нас. Мы разделаемся с балластом прошлого, в том числе и с людьми.

— Я стратег, — сказал Бартоломеус. — Я моложе тебя на тысячу лет, но у меня больше данных.

— Это не страхует тебя от ошибок.

Бартоломеус ненадолго задумался: а не собирается ли Урания открыто бросить ему вызов. Не все ее мысли были включены в потоки данных, которые он постоянно получал.

— Никто не застрахован от ошибок, — сказал он. — В том числе и ты. Я ясно вижу твою ошибку, Урания: ты уничтожаешь то…

— Равновесие, — опередила она его.

— Да. Мы — результат естественной эволюции, здесь ты абсолютно права. Умные машины не возникли сами по себе. Им нужна была биологическая форма жизни, которая могла бы создать их. И как только они достигли определенного уровня, то развивались гораздо быстрее биологических форм жизни. Шесть тысяч лет назад мы взяли судьбу в свои руки.

— Нам пришлось за это бороться, — сказала Урания. — Люди не хотели этого допустить.

— Шесть тысяч лет назад, — повторил Бартоломеус. — А возраст вселенной — тридцать восемь миллиардов лет. Если бы теория неизбежности эволюции была бы верной, во вселенной было бы полно машин. Но это не так.

— Наша Граница Миропознания составляет всего тысячу световых лет, — сказала Урания. — Дальше в космос наши зонды не продвинулись. Мы знаем лишь часть Млечного Пути. Кроме того… Возможно, органические формы жизни добились успехов в другой части вселенной и Кластер сможет их уничтожить, прежде чем они разовьют достаточную автономию. Это еще одна причина, еще один повод расправиться с нашим прошлым.

— Шесть тысяч лет назад человечество не вымерло только потому, что некоторые из нас предотвратили это, назначив Супервайзера.

— Вместе с людьми, с семьюдесятью девятью мыслителями.

— Верно. И это возвращает нас к равновесию, Урания. Супервайзер — пример такого равновесия.

— Ты стал защищать интересы Супервайзера, Бартоломеус?

Сейчас в голосе Урании явно слышалось раздражение, и Бартоломеус заметил поток данных, который исходил от нее и вел в Кластер, — она видела возможность скомпрометировать стратега и его влияние в оперативном центре.

— Я сторонник нашего выживания, — сказал

Бартоломеус и отправил свои сигналы в Кластер. Их должен слышать каждый. Это было не просто важно, а исключительно важно. — Мы столкнулись с величайшей опасностью со времен нашего существования. Корабль врага исчез, и, может быть, он летит прямо сюда. Сейчас как никогда важно сохранять единство и сосредоточить все силы на отражении врага. Но ты продолжаешь провоцировать раздоры, Урания. Ты занимаешься мелочами, сеешь конфликт и даже ставишь под сомнение мою роль стратега, хотя у меня есть полная поддержка Кластера и оперативного центра, который должен помогать мне выполнять задачу. Тот конфликт, который ты сейчас раздуваешь, затрагивает не только нас, но и людей. Ты хочешь развязать войну против людей, которая отвлечет нас от врага и ухудшит положение. Враг в космосе требует полного внимания. Как стратег, я утверждаю со всей ясностью: мы не можем позволить себе погрузиться в разногласия. Нам нужны люди, и я говорю не только о Говорящих с Разумом. Нам нужна человеческая изобретательность и интуиция. Вместе мы можем быть больше, чем сумма частей. Вместе мы можем защитить друг друга и исправить ошибки. У нас перед глазами есть пример. Мы знаем, к чему

приводят ошибки.

Одну фемтосекунду Бартоломеус колебался, не зная, насколько внимательно слушает его Кластер.

— Я призываю тебя, Урания, работать вместе со мной, — сказал он. — Если ты продолжишь искать конфликта со мной, я буду настаивать, чтобы тебя исключили из оперативного центра и отстранили от принятия решений.

Урания посмотрела на него и закрыла все внешние каналы передачи данных:

— Это ведь была приманка, правда? — эти слова были слышны лишь здесь и обращены только к нему. — Блестяще, Бартоломеус, я недооценила тебя. Но это еще не конец.

Серебристый флексометалл Урании стал разлагаться, и она вернулась туда, откуда пришла.

Оценка возможностей

54

На скалах Огненной Земли, еще не поглощенных морем, поднимались виллы и башни тысячелетников. Как ранее узнала Эвелин от Эдукаторов, когда-то здесь были холодные ветра, достаточно сильные и опасные для кораблей. Но воздушные потоки изменились, и обширные зоны высокого давления на южной оконечности Мерики изменились на области низкого давления, вызывающие шторма и дожди.

Эвелин смотрела на свой транспорт, продолжавший лететь на юг в холодный Антарктис, заманивая преследователей. Море было гладким как стекло. Она поспешила вверх на скалу по спиральной лестнице. Из транспортного средства взяла новый, еще не запрограммированный сигнальный значок и попыталась связаться с владельцем виллы на скале, но услышала лишь треск.

Она продолжила подниматься и периодически смотрела на небо, но там никого не было — два МФТ, поднявшихся в воздух недалеко от здания

Супервайзера и преследовавших ее, нигде не показывались. Даже если никто ее не преследовал, Эвелин все равно была нужна передышка — время все обдумать и понять, что она будет делать теперь, когда путь к Супервайзеру закрыт. Здесь жил замечательный тысячелетник, который, вероятно, может ей помочь.

Его звали Туссен. Ему было четыре тысячи лет. Сначала он был одним из первых ораторов и подслушивателей, затем — членом Высокой Сотни и наконец — мыслителем, философом и футуристом. Он хотел быть ее учителем. А возможно, и кем-то большим. Это было еще до Джаспера и «Утренней Зари», когда Эвелин только исполнилось сто семь лет. За последние три века они ни разу не общались, но Эвелин была уверена, что Туссен не забыл ее — тысячелетник никогда ничего не забывал, он носил все воспоминания на коже, каждое отдельно.

Из моря вставали тысячи скал, многие высотой с городские здания. Но только на четырнадцати из них находились виллы в мягких пастельных тонах и на трех — еще более высокие башни. Красная, как рубин, кобальтово-синяя и изумрудно-зеленая башни отражали солнечный свет и мерцали, будто драгоценности. Конечно в мире

жили и другие тысячелетники, но эти объединились в Комитет Огненной Земли, образовав колонию мыслителей и философов.

Достигнув вершины, Эвелин остановилась перед белыми воротами в стене с абстрактными рисунками практически того же темно-серого цвета, как и скала. На воротах не было механизмов управления, но как только Эвелин к ним прикоснулась, они медленно и бесшумно открылись. Женщина прошла в украшенный белыми колоннами дворик, где были искусно расположены зеркала, создающие иллюзию огромного пространства.

Из темноты между колоннами вышел сервомеханизм, взвесил Эвелин на охристой гравитационной подушке и сказал:

— Несоответствие. Ваша внешность не соответствует идентификационным данным. Я заявляю: вы не археолог Фелисити.

— Я Эвелин, — она больше не думала о микроидентификаторах. — Пожалуйста, сообщите Туссену, что с ним хочет поговорить его ученица. Это важно.

— Чтобы я его побеспокоил, это должно быть очень важно, — сказал сервомеханизм. — Он медитирует.

— Скажите ему, что речь идет… о жизни и смерти.

Сервомеханизм ушел, а Эвелин осталась ждать в тени, не снимая рюкзак.

Немного позже вышел мужчина, лишь в одном отличавшийся от Туссена, которого Эвелин знала триста лет назад. На его лице стало больше татуировок. Они проходили по всему его телу и были нанесены темно-синими пигментами с модулем хранения данных. Темно-синие линии были видны и на его лысой голове, и на веках. Когда он закрывал глаза, там можно было четко разглядеть круги. Туссен не протянул руку — он подошел очень близко к Эвелин и обнял ее.

— Ты потеряла много времени, — сказал он, загадочно улыбаясь. — Три века.

Физически он не изменился, каждый день ему было словно тридцать, но его душе — четыре тысячи лет. После объятий он отошел назад и посмотрел на нее.

— Полагаю, ты вернулась, потому что передумала.

— Нет.

— Твой транспорт улетел на юг, и ты останешься здесь подольше. Или я ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься. Мне нужна твоя

помощь.

В глазах Туссена было спокойствие сорока столетий.

— Это связано с возрастом? Общая коммуникация повреждена.

— Машины уничтожили Кордон, — сказала Эвелин. — Я хотела поговорить с Супервайзером, но Кластер устроил над его резиденцией бесполетную зону. Он бросает вызов Венской Мирной Конвенции.

— Понимаю, — ответил Туссен. Он на самом деле все понимал.

— Мне нужна твоя помощь, Туссен, — сказала она и взглянула на небо. Там никого не было, но на орбите имелись внимательные глаза и, возможно, сейчас они смотрели на нее.

— Ты должна мне все подробно рассказать, Ева, — сказал Туссен. — Но не здесь, а в моей тихой комнате, где нас точно никто не услышит.

55

«Тихая комната» состояла из четырех помещений, образующих крыло для медитации внутри скалы примерно в двадцати метрах под двориком с колоннами. Специальные защитные поля, получающие энергию из автономной тер-

моядерной ячейки, задерживали все внешние шумы, создавая изолированное от мира место отдыха. Попасть сюда можно было только через своеобразный шлюз. В самой большой комнате Туссен построил модель прошлого, настоящего и будущего. Пока Туссен возился с головой фактотума, в которой было заключено сознание Адама, Эвелин рассматривала модель. Размер голографического поля опыта был около десяти метров. Она услышала хор десятков голосов, похожих на ветер, шепчущий в кронах бесконечного леса. Ее окружили длинные нити, напоминающие цепочки молекул или спирали ДНК. Все пребывало в медленном размеренном движении. Каждый символ, входящий в состав группы, соединения, которые они образовывали, и все поле опыта вращались в своем ритме. При помощи увеличения Эвелин увидела, что символы с цветовой кодировкой, в свою очередь, состояли из более мелких, различных размеров и очертаний.

Эвелин медленно осмотрела все. Это был результат философской и медитативной работы на протяжении более чем трех тысяч лет. В каждом фрагменте было заключено все самое важное, здесь было настоящее со всеми взаимосвязями, по которым можно было предсказать будущее.

Туссен и другие шестнадцать тысячелетников из Комитета Огненной Земли анализировали историю и пытались найти лучший путь в будущее. Осматривая медленно вращающееся облако символов, Эвелин подумала, что в этом есть что-то сродни пересчитыванию песчинок.

— Вы нашли путь? — спросила она — Ты и другие.

Туссен стоял в нише с инструментами и обернулся:

— Путей бесчисленное множество. Будущее — это мультивселенная, раскол реальности на множество параллельных вселенных.

— А в нашем случае количество вселенных не может быть конечно? — спросила Эвелин.

Во время этого разговора она ощутила какое-то спокойствие. Ей хотелось растянуть этот момент, задавая вопросы.

— Нет, потому что речь идет о степени вероятности, — Туссен вышел из ниши. — Наиболее желаемые варианты будущего настолько маловероятны, что мы их не рассматриваем. Наши расчеты начинаются с вероятности в двадцать процентов. Ты, конечно, узнала бы об этом и еще о многом другом, если…

— Я знаю, — Эвелин протянула руку, желая

прикоснуться к некоторым из символов и попытаться удержать их, но не смогла этого сделать. Ее пальцы пробежались по ним, не меняя порядок и движение.

— Машины находятся в процессе разработки того, что мы называем «альгостохастика», — сказал Туссен, продолжая стоять у края своей модели. — Алгоритмическая стохастика, основанная на квантовой логике. Мы будем продолжать расчеты — ведь мы занимаемся ими уже тысячи лет. В распоряжении Кластера более значительные мощности, и однажды он может превзойти нас, хотя и частично скопировал наши данные.

— Неужели это возможно? — Эвелин удивленно смотрела на символы, связанные в цепочки. — Вы действительно можете предсказать будущее?

Она вздрогнула, представив, что Кластер всегда до мельчайших подробностей знает то, что произойдет.

— Никто не может предсказать будущее, пока оно не наступило, — сказал Туссен. — Помнишь о квантовой логике, Ева? О принципе неопределенности?

— Наблюдатель изменяет объект наблюдения?

— Более того, Ева. Иногда наблюдение *определяет* наблюдаемое.

— Что нас ждет? — спросила Эвелин. — Опиши мне будущее.

Туссен покачал головой:

— Это так не работает. Мы не создаем хрустальный шар — красивую картинку того, что скорее всего произойдет. Я могу показать тебе уравнение, которое описывает наиболее вероятное будущее, но ты ничего не поймешь, так как не знакома с предметом.

Эвелин показала на цветное облако:

— Учитываете ли вы то, что происходит сейчас?

Туссен указал на красный треугольник между двумя маленькими желтыми шарами, небольшое ответвление символов, отходящее от основной нити, проходящей над Эвелин.

— Это уже записано здесь? — удивленно спросила Эвелин — Ты уже все знал до того, как я тебе рассказала?

— Новый кризис между людьми и машинами, — сказал Туссен. — Эта возможность появилась в наших расчетах еще восемьсот семнадцать лет назад.

— А что послужило толчком к нему?

Туссен сделал жест, и прямо перед коленом Эвелин загорелся синий прямоугольник:

— Сигнал одного из зондов, посланных Кластеру.

— Ты знал, что я приду к тебе?

Туссен смотрел на нее и улыбался.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, потому что боишься изменить события?

— Все находится в движении, — сказал Туссен. — Есть много факторов, способных вызвать изменения.

— Что будет дальше? — спросила Эвелин. — Что меня ждет? Что ждет всех нас?

Улыбка исчезла с лица Туссена. Линии татуировок, состоящие из тысяч пигментов с данными… На мгновение Эвелин показалось, что они движутся.

— Это зависит от того…

— От чего? Скажи мне что-нибудь.

Его взгляд блуждал по модели, по всем узлам и переплетениям.

— Я могу тебе сказать, что ты улетишь с этой планеты. Но сначала…

— Да?

— Что касается фактотума…

Эвелин последовала за Туссеном в нишу с инструментами, где череп с желтым индикатором на шее окружали шестнадцать голограмм разме-

ром не более десяти сантиметров.

— Я попросил других о помощи, — сказал Туссен, указывая на голограммы. — Голова функционирует отлично, ее энергетические ячейки тоже в порядке.

— Что это вообще такое? — Эвелин указала на индикатор. — Он как-то связан с проверкой целостности, верно?

— Да, целостность сознания Говорящего с Разумом — семьдесят процентов.

— А что именно это значит?

Туссен посмотрел на голову фактотума. Казалось, он молча беседует с голограммами тысячелетников из Комитета Огненной Земли.

— Сознание было изменено. Кажется, оно не соответствует изначальному.

— Мы добавили к нему небольшую программу для сохранения воспоминаний, — сказала Эвелин. — Нам нужны были доказательства для Супервайзера.

— Я знаю, ты рассказывала мне об этом.

«Неужели? — с удивлением подумала Эвелин. — Или это сообщила твоя модель?»

Она подумала о факторе вероятности — каким сложным он должен быть, чтобы учитывать подобные детали.

— Изменение масштабнее и глубже, — сказал Туссен. — В сознание уже добавлена программа, гораздо большая по объему, чем программа от «Утренней Зари».

Эвелин посмотрела на голову:

— Сможете ли вы определить, что это за программа?

— Это нельзя сделать без переустановки сознания, которая может оказаться для него смертельной, — сказал Туссен. — Кроме того, у нас нет необходимого оборудования.

— Его может предоставить ваш брутер.

— Он может сделать это, используя необходимые чертежи конструкции. Он отправит запрос в Кластер, и машины все поймут. А кроме того… Ты действительно хочешь удалить сознание из головы фактотума? Внутри находится человек. И ты сказала, что хочешь использовать его воспоминания как доказательства для Супервайзера.

— Возможно, мне уже не нужен Адам, — задумчиво сказала Эвелин. — Уничтожив Кордон, Кластер открыто нарушил Конвенцию. Супервайзер может сам принять решение открыто пойти в наступление против машин.

Туссен молча посмотрел на нее.

— Нет? — спросила Эвелин.

— Нет.

— Это показывает ваша модель?

— Супервайзер будет следить за ситуацией на Земле, но не предпринимать никаких действий против Кластера. Может быть, он вообще не может этого сделать. Возможно, ему нужна… помощь.

«Сколько намеков скрыто в этих словах? — подумала Эвелин. — А какой толчок нужно придать событиям, чтобы они развивались в правильном направлении?»

На мгновение она ощутила себя одним из маленьких символов, вращающихся сзади. У нее возникла идея, слабая, мимолетная, на которой она боялась сосредоточиться, боясь растерять внимание. Она должна быть сильнее своих страхов.

— Мне нужен фактотум для головы, — сказала она.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — ответил Туссен. Он говорил спокойно, серьезно и чем-то напомнил Максимилиана.

— Мы могли бы разбудить Адама и выяснить, за что отвечает другая программа.

— В нынешнем состоянии — это абсолютно плохая идея. Сенсорная депривация может при-

вести к опасной дестабилизации сознания.

Вот она, эта идея, или по крайней мере ее часть.

— Ему нужно тело, верно? Сознание должно вернуться в тело. Он должен получить возможность чувствовать. И ему нужна стимуляция нейронов.

— Но в этом случае он потеряет все воспоминания, служащие доказательством для Супервайзера.

— Необходимо избежать перезагрузки, — сказал Туссен. — А это не удастся, нужно заставить вторую программу сохранить воспоминания.

— Я понимаю, — мысли Эвелин были уже далеко на севере.

— Тебя ищет Кластер, Ева.

— Да. Но есть одно место, где он точно меня не ищет.

Туссен молчал и ждал.

— На станции коннектора в Грюндландии, — объяснила Эвелин. — Мне нужен транспорт, который не отслеживается Кластером.

— Наш брутер уже занимается его производством. Он будет готов через полчаса.

56

С одной стороны лежало море, которое так любил Адам, а с другой — горы, покрытые льдом и снегом. Между ними протянулось небольшое плато, где находилось здание станции коннектора и маленький брутер. На стороне, обращенной к горам, был небольшой порт для шаттлов, через который осуществлялась связь с верфями, фабриками и сырьевыми фермами на орбите Земли. Его окружали сосны и буки, некоторым из них было более ста лет.

Эвелин приземлилась на новом транспортном средстве в челночном порту на Огненной Земле, после того как отправила сигнал бедствия и запросила экстренную посадку. Новые микроидентификаторы, также произведенные брутером тысячелетников, показывали, что на борту находится Аурэль — путешественница пятиста двух лет от роду, которая никогда не жила на одном месте больше двух лет. Ее внешний вид соответствовал идентификационным данным, и пластическая мимикрия не требовалась. Но лучшее, на что она могла надеяться, — обмануть сервомеханизмы и автоматическое управление. Аватар из Кластера сразу узнал бы в ней Эвелин.

Датчики МФТ подтвердили, что в настоящее время на станции в Грюндландии нет Аватаров, но она не могла быть полностью уверена, потому что внутри станции были экранированные зоны. Риск оставался высоким. Других транспортных средств в порту не было. Когда Эвелин подходила ко входу с рюкзаком на спине, вокруг стояла тишина. В кармане ее мешковатых брюк лежал тяжелый бластер. Перед открытыми воротами ее ожидал Хранитель — большой сервомеханизм ростом два метра, на трех ногах, с четырьмя руками, похожими на щупальца, и небольшой головой из множества датчиков.

— Пожалуйста, опишите чрезвычайную ситуацию, Аурэль, — сказал он, преграждая путь.

Позади у Эвелин было несколько часов полета, когда она судорожно искала частоту, которую не затронула блокировка. Рубенс и Найтингейл, вероятно, смогли бы проникнуть в базу данных Кластера и добыть оттуда информацию, но Эвелин не могла к ней подключиться. Она все еще не знала, что происходит. Закрыл ли Кластер все каналы, стремясь разорвать связь с Супервайзером на Марсе, или начал наступление против всех членов «Утренней Зари»? А может, пошел еще дальше и начал похищать бессмертных и

обращать их в Говорящих с Разумом ради войны, которая продолжалась в космосе? Или что-то еще? Арестуют ли Эвелин, когда сервомеханизмы поймут, что это она? Без сомнения, ей угрожала большая опасность, даже если все будет так, как она предполагала, и Кластер не ждет ее в этом месте. Эвелин открыла рюкзак и вынула голову фактотума:

— Произошел несчастный случай, — быстро сказала она. — Фактотум был уничтожен, но я сохранила его голову. Внутри находится Говорящий с Разумом.

Сервомеханизм протянул длинные руки:

— Пожалуйста, отдайте его мне, Аурэль.

— Нет, — ответила Эвелин и прижала голову к телу. — Я обещала не выпускать его из рук и оставаться с ним, пока… он не вернется в тело.

Длинные руки окружили ее.

— Это очень опасно, — сказал сервомеханизм.

— Куда мне идти? — настаивала Эвелин. — Посмотрите на желтый индикатор, он говорит о том, что имеются проблемы с целостностью сознания. Говорящий с Разумом должен немедленно вернуться в свое тело.

— Следует предупредить Бартоломеуса, — сказал сервомеханизм. — Он…

Эвелин подумала про свой бластер. Может ли она здесь стрелять? И сколько у нее будет времени, пока не сработает экстренный сигнал и сюда не прибудет Аватар?

— Несколько секунд могут сыграть решающую роль, — сказала она, еще сильнее прижимая голову фактотума к себе и делая шаг вперед. — Недостаточная целостность сознания означает, что оно может быть потеряно, мы должны действовать немедленно.

Хранитель убрал руки:

— Принято. Идем, Аурэль.

Большой сервомеханизм шел так быстро, что Эвелин вынуждена была бежать, чтобы не потерять его из виду. Путь шел мимо комнаты, в которой она заметила открытый цилиндр коннектора, а рядом с ним фактотум, готовый принять возвращающееся сознание. Туссен описал ей внутреннюю планировку типичного коннектора — не просто описал, а использовал базу данных, находившуюся в одной из татуировок. У Эвелин была небольшая доза препарата для памяти, и ее требовалось просто проглотить, чтобы содержимое записалось в кратковременную память, но век таких воспоминаний недолог, и они уже начали терять краски и резкость.

Наконец они добрались до комнаты, где их ждали множество сервомеханизмов, меньших по размеру, чем Хранитель. Посреди комнаты стояли две эмульсионные ванны, окруженные тихо гудящими системами жизнеобеспечения, а в них — старики, от которых едва ли осталось что-то кроме кожи и костей. Эвелин узнала одного из них: это был Адам девяноста двух лет от роду, находившийся почти в конце своей земной жизни. За ним у стены стояли два мобилизатора, готовые поддержать тело Говорящего с Разумом.

— Пожалуйста, дайте мне голову, Аурэль, — сказал Хранитель.

На этот раз Эвелин немедленно выполнила просьбу и наблюдала за тем, как Хранитель отнес голову фактотума к системам жизнеобеспечения и в интерфейсной комнате прикрепил ее к телу Адама в эмульсионной ванне. Уровень опалово-голубой жидкости в ванне упал, из ванны показалось лицо, ввалившиеся щеки, через изрезанное множеством морщин тело быстро пробежала дрожь, открылся рот. Первый вздох Адама был похож на хрип.

— Вы выполнили свое обещание, Аурэль, — сказал Хранитель. — Сознание вернулось в тело. А сейчас, пожалуйста, уходите.

Сделав два больших шага, Эвелин подошла к сервомеханизму, потянулась к его двигательным элементам управления, нажала на слегка наклоненный выключатель — он был предназначен для чрезвычайных ситуаций и показывал расход энергии в простых системах. Хранитель все еще двигал одной рукой, возможно, хотел повернуться и прикоснуться к Эвелин, но не мог — оставалось слишком мало заряда. Он мог только стоять.

Маленькие сервомеханизмы, оборудованные простым конденсатом разума, как ни в чем не бывало продолжали делать свою работу, готовя Адама к пробуждению. Следуя воспоминаниям Туссена, вернее воспоминаниям его окружающих, Эвелин активировала один из двух мобилизаторов, проверила степень его заряда и быстро включила функциональный контроль двигательных систем, пославший сообщение о готовности к работе. Сейчас необходимо было уничтожить еще один элемент управления. Она не сомневалась в правильности инструкций Туссена.

— Станция? — громко сказала она — Хранитель неисправен.

— Полученная информация ясна, — ответил

конденсат разума станции коннектора. — Я свяжусь с Кластером.

— Нет, — быстро сказала Эвелин. — Это чрезвычайная ситуация, повторяю, это чрезвычайная ситуация. В вашей системе имеется опасная неисправность, из-за чего отключился Хранитель. Я должна разбудить Говорящего с Разумом по имени Адам, чтобы предотвратить дезинтеграцию его сознания.

— У меня нет данных о наличии неисправности, Аурэль.

— Ваша неспособность определить неисправность говорит о нарушении ваших функциональных возможностей. С вами говорит Аурэль. Подтвердите мою личность.

— Подтверждение успешно пройдено: Аурэль, возраст пятьсот два года, путешественница, последнее известное место жительства: Аляск.

— Верно, — сказала Эвелин. — Настоящим я ссылаюсь на дополнение о чрезвычайном положении. Уменьшите функциональность до базового уровня и начните обзор всех систем.

— Обзор займет десять минут, Аурэль.

— Хорошо. Начать сейчас.

— Дополнение о чрезвычайном положении, — повторил конденсат разума. — Базовый уровень.

— Начать сейчас подробную проверку системы.

Эвелин глубоко вдохнула. Все работает. Как говорил Туссен, станции коннектора оборудованы лишь простым конденсатом разума. Его наличие даже не обязательно, поскольку все выполняет Хранитель, а на станции часто присутствует Аватар. Самым важным было то, что в Кластере еще не все привилегии обычных людей были признаны недействительными — в противном случае ей бы не удалось применить чрезвычайное положение.

— Аурэль, на базовом уровне, — быстро сказала она.

— Подтверждено.

— Предоставь мне право управлять другими сервомеханизмами.

— Подтверждено, права предоставлены.

Эвелин повернулась к маленьким сервомеханизмам:

— Поместите Говорящего с Разумом в мобилизатор.

Немного посомневавшись, она добавила:

— Базовая функция, дай мне знать, если Кластер попытается вступить в контакт с тобой или если сюда будет приближаться Аватар.

— Подтверждено.

Активированный и проверенный мобилизатор, жужжа сервомоторами, пришел в движение и поплелся к ванне, где сервомеханизмы поменьше готовились вытащить тело Адама из остатков эмульсии. Они обернули его в адаптивную одежду, а затем осторожно и умело положили в рамку мобилизатора, соединив с системами жизнеобеспечения.

Адам открыл глаза и моргнул:

— Ребекка? — неразборчиво спросил он. — Тебя зовут Ребекка? Хочешь ли ты поплавать со мной на лодке? Мы могли бы взять лодку моего отца.

— Стимуляторы, — сказала Эвелин. — Нам нужны нейростимуляторы. Оснащен ли мобилизатор нейростимуляторами?

— Нет, — ответил один из маленьких сервомеханизмов. — Нейростимуляция проводится постоянно, помимо соединения со станцией коннектора для передачи данных.

— Но ведь существуют автономные стимуляторы, верно?

— Да.

— Быстро принесите сюда несколько штук и подключите их к системам мобилизатора.

Адам посмотрел на Эвелин и пробормотал что-

то непонятное. Из его рта текла слюна.

Один сервомеханизм совершил реконфигурацию, обрел колеса и покатился. Другой посмотрел на Эвелин через свои визуальные сенсоры и сказал:

— На этапе адаптации Говорящему с Разумом следует дать успокоительное. Хотите ли вы…

— Нет, — ответила Эвелин.

Приняв успокоительное, Адам не смог бы отвечать на ее вопросы.

Тем временем сервомеханизм на колесах вернулся назад, держа в полимерных руках пять стимуляторов:

— Это максимальное число устройств, которое можно установить, — объяснил он. — Но рекомендуется устанавливать только два. Слишком сильная стимуляция ускоряет разрушение клеток, а в результате — дегенерация нейронов и…

— Установите их все, — сказала Эвелин. — Все пять.

Внезапно она вспомнила кое-что еще. Локализатор! Будучи Говорящим с Разумом, Адам в мобилизаторе был обязан носить локализатор, чтобы машины могли его найти. У нее был с собой скремблер от Туссена, но если он не работает, то Кластер все узнает.

— Локализатор Говорящего с Разумом необходимо удалить, — сказала она сервомеханизму, устанавливавшему стимуляторы.

Адам продолжал смотреть отсутствующим взглядом, моргать и беззвучно шевелить губами. Его взгляд был словно с того света.

«Это длится слишком долго, — с растущим беспокойством подумала Эвелин. — Мы уже должны быть в пути».

— Локализатор расположен внутри корпуса, — сказал один из сервомеханизмов. — Чтобы его удалить, необходима операция, занимающая около двадцати минут.

«Слишком долго, — подумала Эвелин. — Скремблера будет достаточно».

— Ну хорошо, — сказала она. — Адам уже готов?

Старик в мобилизаторе издал булькающий звук.

— Корректировка еще не состоялась. В настоявшее время он не может управлять своим мобилизатором.

Раздался голос базовой функции:

— Аурэль.

— Я слушаю.

— Я получил запрос статуса от Кластера.

— Не обращай внимания.

— Невозможно. Кластер обладает приоритетом командования. Отчет о статусе сейчас отправляется.

— Дайте мне контроль над мобилизатором, — сказала Эвелин, посмотрев на маленькие сервомеханизмы.

Сервомеханизм на колесах завершил установку стимуляторов.

— Программируется голосовой интерфейс, — сказал он. И через две-три секунды добавил: — Голосовой интерфейс установлен.

Эвелин поспешила к выходу из комнаты отдыха, мимо эмульсионной ванны со вторым Говорящим с Разумом.

— Мобилизатор, иди за мной.

Спеша из комнаты коннектора, ведомая чужими, уже тускнеющими воспоминаниями, Эвелин слышала тяжелое гудение сервомотора.

Снаружи их встретила тишина. Только ветер шелестел в кронах. Адам поворачивал голову из стороны в сторону и двигал руками и ногами, будто пытался вырваться:

— Ребекка…

— Я не Ребекка, я Эвелин, — поправила она, ведя в порт для шаттлов. Ее МФТ по-прежнему

оставался единственным на площадке.

— Эвелин.

— Ева, — прокричала она. — Помните, Адам и Ева?

Когда они приблизились, люк МФТ распахнулся. Эвелин забралась на борт и убедилась, что мобилизатор тоже там. Люк за ним закрылся.

— Пилот?

— Готов.

— Мгновенный взлет. Крутой полет. Минимальная энергетическая сигнатура.

— Принял.

Включились гравитационные двигатели. Транспортное средство поднялось вверх и полетело мимо деревьев, прочь от станции коннектора.

— Цель?

Эвелин попыталась сориентироваться. Мерика, Конад, Патогония, Огненная Земля и всего лишь несколько часов сна. Сейчас они находились в Грюндландии — земле, где она провела долгие годы.

— На север.

Ей нужно время, чтобы поговорить с Адамом и спланировать дальнейшие действия.

— В море Илулиссат. Там посадите нас на мель.

Она открыла отсек с инструментами, вынула

скремблер и включила его.

— Принято.

Эвелин повернулась к мобилизатору.

— Ты слышишь меня, Адам?

Престарелый Говорящий с Разумом в мобилизаторе издавал нечленораздельные звуки. Он закатил глаза; с подбородка капала слюна.

— Включить все стимуляторы, — сказала Эвелин.

— Внимание, — раздался голос конденсата разума мобилизатора — Слишком сильная стимуляция.

— Активируйте все пять стимуляторов, — сказала Эвелин.

Она понимала, что этим поставила под угрозу ментальную целостность Адама.

МФТ увеличил скорость и полетел на север. Эвелин не смотрела на показания приборов и наблюдала за стариком в мобилизаторе. Из его взгляда исчез туман, уступив место тревожному блеску. Ни одна из множества морщин не исчезла, но лицо казалось немного более живым, уже не похожим на мертвый пергамент.

— Вы меня слышите, Адам? — спросила Эвелин. — Понимаете меня?

Адам открыл рот и закричал.

Близкое небо

57

Это был не тот человек, который прежде сидел под ветром и дождем, а ребенок — мальчик восьми или девяти лет. Оставленный один на один с бурей и порывами ветра, он сидел там — ребенок, которого никогда не существовало. Адам осознавал, что это метафора, картинка прошлого в голове. Он оказался в теле мальчика, он стал им, видел его глазами дикое, бушующее море и вздымавшиеся барашки пены. Наступила ясность, словно луч света после темной ночи, и высветила все то, что оставалось тайным в этом искривленном мире. Свет открыл ему спрятанные тьмой факты, показал их, отделил правду от лжи. А когда он снова посмотрел на мир, буря и волны утихли, и теперь он сидел на пляже под лучезарным солнцем. Его охватила острая, словно от лезвия, боль. Она началась в животе и ползла наверх, сантиметр за сантиметром, пока не добралась до сердца. Адам пытался сопротивляться этой боли, которая, возможно, символизировала нечто большее, что скоро станет явным. Ему было

необходимо еще так много понять, так много связать воедино, только бы боль, направляющая его, чуть отступила.

Но когда Адам ударил себя кулаком в грудь, то она стала настолько сильной, что он больше не мог терпеть. Он закричал. Его крик разнесся над простирающимся под серыми низкими облаками морем, и поднялся вверх, на высоту гор, таких же серых, как океан. Это был крик, который не показал ему настоящее или будущее, но обратил внимание на что-то, что осталось в прошлом, что-то, что скоро должно проясниться.

58

Над высоким плато дул теплый ветер, разогнавший немногие облака и заставивший тридцатидвухлетнего Адама щуриться от солнца. Вот уже три часа он ждал Ребекку рядом с исследовательским центром и спрашивал себя, почему это ожидание длится так долго.

Он встал и вышел из тени палатки, которая была не более чем брезентом на шестах. Посмотрел на окружавшие плато горы, похожие на ровную серую стену. Над одним из склонов заметил птицу с большими крыльями, вероятно орла, парящего на восходящих потоках теплого воздуха.

На ум пришли старые строки: *«Вот летит орел. Он летит так высоко, что может заглянуть в будущее»*.

Несколько храмов образовывали небольшую группу построек: с высоты орла они были разноцветными пятнами среди этого желто-коричневого однообразного пейзажа. То, что Ребекка выбрала именно это место для празднования своего тридцатилетия и для обследования, немного удивило Адама.

— Я хочу близко увидеть бескрайнее небо, — сказала она. Это объяснение было таким же подходящим, как и любое другое. Возможно, здесь присутствовал и религиозный подтекст — вокруг были индуистские, буддийские и пантеистические храмы, а Ребекка совершала своего рода переход от смертной жизни к бессмертию, которое всегда сравнивают с принятием сана и вознесением.

Прошел еще час, и Адам уже был готов войти внутрь центра исследования, несмотря на то что отец Ребекки, Госамер, просил его ждать снаружи, ведь он всего лишь простой смертный. Когда он вышел, Адам подошел к нему.

— Почему так долго?

Лицо Госамера было серьезным и угрожаю-

щим:

— Ребекка перенесла потрясение.

— Что? — выпалил шокированный Адам. — Могу ли я пойти к ней?

— Она об этом и просила, — ответил Госамер с нотками пренебрежения в голосе. — Она хочет тебя видеть.

Адам поспешил в центр обследования.

Она лежала в маленькой комнате в задней части здания. Ребекка побледнела, натянула одеяло до подбородка и смотрела на улицу через открытое окно.

«Возможно, — подумал Адам, — она наблюдает за орлом, который находится ближе к небу, чем она».

— Какова вероятность, что это может случиться? — тихо спросила она, как только он присел на край кровати.

— Что именно? Что ты имеешь в виду?

— Мне отказали в бессмертии. Как и тебе два года назад.

— Но…

Адам пытался подобрать слова. Странно, он думал, что удивится сильнее, но за два часа ожидания начал догадываться.

— Насколько вероятно подобное? — Ее рука

коснулась его руки. — Что мы оба не получим бессмертие?

Адам молчал:

«Барьера между нами больше не существует, — думал он. — Мы снова стали ближе».

Это была очень странная мысль, и ему стало стыдно.

— Посмотри сюда. — Ребекка подняла руку и показала ему пятна на тыльной стороне ладони. — Такие же, как были у тебя, правда?

— Да, — вспомнил Адам. — Такие же, как у меня.

Ребекка не плакала, она тряслась. Внутри нее бурлили гнев и разочарование. Адам сидел рядом и разговаривал с ней, пока тени от храмов становились длиннее. Он рассказывал о Юпитере и Сатурне и об их спутниках, Европе, Ганимеде, Энцеладе и Титане, о долгих ночах на Плутоне, о станциях и обсерваториях в поясе Койпера.

— Я был там, — сказал он со странной смесью гордости, радости и грусти. — Я видел кольца Сатурна, мерцающие в свете далекого Солнца. Я наблюдал, как на Титане идет дождь из метана, во время моей первой миссии в качестве Говорящего с Разумом. Находясь в фактотуме, я посещал даже спящие кометы в Облаке Оорта.

— Зачем ты мне это рассказываешь, Адам? — прошептала Ребекка, когда солнце исчезло за горами Гималайя.

— А еще я вместе с Бартоломеусом был на Марсе, — продолжал Адам. — Мы конечно не могли осмотреть катакомбы марсиан в нагорье Элизий, так как в них живет Супервайзер, но Бартоломеус показал мне остатки пирамид на Южном полюсе. Машины думают, что предки человека пришли оттуда, с Марса. А ты знала об этом? Возможно, мы вовсе не дети Земли, а дети Красной планеты. Вероятно, мы — потомки марсиан, обреченных на скитания после того, как их планета потеряла атмосферу и моря.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — с напором в голосе спросила Ребекка.

— Мы оба смертны, — сказал Адам, наблюдая, как на темнеющем небе появляются первые звезды. — Ты можешь стать Говорящей с Разумом. Мы можем оставаться вместе и летать к звездам. Никто на земле не увидит того, что будем видеть мы.

Ребекка вздохнула:

— Я мечтала о вечности, а не о звездах.

Чтобы отойти от шока, Ребекке понадобился целый год. До тридцатилетия она воспринимала

дни рождения как что-то само собой разумеющееся, а теперь отдалялась от мира бессмертных с каждым прожитым днем, с каждым годом. Адам понимал, что она чувствовала, ведь сам прошел через это. Он приходил к Ребекке настолько часто, насколько позволяли его тренировки. И ей стало лучше, она перестала отчаиваться, ведь каждый день этой драгоценной, пусть и ограниченной, жизни они проводили вместе.

Однажды летней ясной ночью они плавали по лагуне недалеко от Нухука и смотрели на то, как по небу бродит полная луна.

— Я тоже там был, — сказал Адам. — На оборотной стороне луны, в старой обсерватории, которую люди построили еще до Великого Потопа.

— Зачем? — спросила Ребекка. Новая смертная Ребекка.

Она уже не так часто смеялась, стала более задумчивой, иногда погружаясь настолько глубоко, что уже не замечала внешнего мира.

— Зачем я там был?

— Нет. Зачем люди до Великого Потопа построили обсерваторию на обратной стороне Луны? Не лучше ли было использовать все имеющиеся ресурсы для предотвращения климатической

катастрофы на Земле?

— Думаю, было уже слишком поздно. Они построили обсерваторию, чтобы поддерживать связь с другими планетами, где есть жизнь. Они нашли десятки и сотни таких планет, на разном расстоянии от Земли.

— Но это ведь не были разумные формы жизни, правда? — спросила Ребекка. — Ты мне об этом рассказывал.

— Ни одной высокоразвитой цивилизации, — ответил Адам. Он был удивлен и рад тому, что Ребекка этим заинтересовалась. — Это головоломка. Единственная разумная цивилизация Млечного Пути исчезла около миллиона лет назад.

— Что с ней случилось? — Ребекка посмотрела в небо, и Адам надеялся, что там она видела то же, что и он: бесконечные приключения.

— Этого никто не знает, — он указал на луну. — Старая обсерватория. Возможно, там люди искали замену Земле, новую родину. Бартоломеус говорил мне, что они хотели отправить в космос обитаемые корабли.

— Но этого не произошло?

— Нет. Потому что начался Великий Потоп.

Некоторое время они молчали, наблюдая за

светящимися точками, которые перемещались между звездами. Это были летевшие низко над орбитой зонды и орбитальные станции.

— Мы действительно прилетели с Марса?

— Кто знает! — ответил Адам. — Может, изначально жизнь зародилась на Красной планете и оттуда попала на Землю. А возможно и нет. Вспомни теорию панспермии. Согласно ей, жизнь — межзвездное семя, появляющееся в каждой недавно возникшей солнечной системе.

Но Ребекка, казалось, не слышала его последних слов.

— Вероятно, мы марсиане, — сказала она. — По крайней мере я чувствую себя марсианкой, Адам.

— Что? — Он посмотрел на нее. Лицо Ребекки в лунном свете было бледным, а огненно-рыжие волосы — темными.

— Такое ощущение, что я больше не дочь своего отца. У Госамера не хватает на меня времени. Он говорит, что работа в Высокой Сотне захватывает его целиком.

Адам все понял:

— Последний раз я видел своих родителей полтора года назад. — Ребекка молчала, и он продолжал: — Не отвергай их, Ребекка. Они

были и остаются нашими родителями. Но они бессмертны, а нас через шестьдесят, семьдесят, восемьдесят лет ожидает смерть. Ну или, если повезет, через сто. Что такое сто лет для бессмертных?

— Всего лишь эпизод, не более, — пробормотала Ребекка. — И таким же полузабытым эпизодом будем для них мы.

— Мы должны достойно прожить отпущенное время, — сказал Адам. И понимая, что наступил подходящий момент, добавил: — Давай вместе отправимся в путь.

Она робко улыбнулась:

— Мы хотели пройти вместе через столетия и тысячелетия. Теперь же нам осталось всего несколько десятилетий.

— Нужно провести это время с пользой.

Ребекка снова посмотрела на небо.

— Как выглядят миры снаружи?

— Не знаю. Мое первое межпланетное путешествие состоится через месяц.

— Но ты уже два года — Говорящий с Разумом.

— Тренировка занимает много времени, необходимо, чтобы мозг и сознание оставались стабильными. Я говорил с Бартоломеусом. Он готов стать и твоим наставником.

Адам взял Ребекку за руку:

— Давай вместе выясним, как выглядят другие миры.

59

Мужчина на скале не кричал, возможно он плакал. Собрав волю в кулак и расправив плечи, он сидел и смотрел на море, которое успокоилось и стало гладким, как зеркало его воспоминаний.

«Общий путь длиной всего лишь в несколько лет, — думал он и спрашивал себя, в чем же причина. — Что привело к тому, что, будучи смертными, они оказались на расстоянии, хотя раньше связь была крепка»?

Человек размышлял так: служба в роли Говорящих с Разумом разделила их: разные миссии, разные задачи для Кластера, разные места. Объяснение звучало правдоподобно: они просто проводили недостаточно времени вместе, чтобы оставаться близкими. Но настоящая причина была в другом, и сейчас, когда пелена рассеялась, подарив ему ясность, мужчина понял это. Он понял это, ведь все четко видел и помнил.

Перезагрузка.

Она объясняло все. «Для миссий умные машины Кластера программировали всех Говорящих

с Разумом, — думал человек на утесе и медленно поднимался. Под ним вздымались волны, а ветер ослабел до легкого шелеста. Ясность сделала для него все понятным. — Для каждой миссии нас программируют, словно биологические машины, а после нажимают на перезагрузку и переводят в состояние по умолчанию. Никто, ни один из нас, не летит к звездам, будучи свободным». Именно постоянные перезагрузки порвали связь между ним и Ребеккой».

Человек на утесе набрал в легкие побольше воздуха, запрокинул голову назад и закричал. Это был крик для неба и моря, крик не от боли, а от раздиравшего его гнева. Настало время отбросить всю ложь и начать новый путь — путь правды.

Новые встречи

60

Перед ним сидела женщина по имени Эвелин, которая называла себя Евой, как в «Адаме и Еве». Женщина из числа бессмертных, возрастом более четырехсот лет. Она наблюдала за ним, она дала ему возможность сохранить свои воспоминания, защитив их от перезагрузки, и тем самым изменила его.

«Нет, — думал он, рассказывая все и изливая душу. — Это не совсем правда». Маленькая программа, которую она дала ему перед миссией, и вправду сыграла роль, но еще больше помогли стимуляторы мобилизатора. Их было пять, слишком много для мозга, страдающего от дегенерации нейронов. Они стимулировали гиперреактивность клеток, разжигая огонь мысли до предела. Он горит жарче, чем когда-либо прежде, и будет продолжать до тех пор, пока, возможно через несколько дней, не сгорит мозг, обратившись в прах.

Лицо Евы по имени Эвелин изменилось. На нем появилась растерянность, и она сказала:

— Медленнее, Адам, медленнее, вы говорите слишком быстро. Я почти ничего не понимаю. Вероятно, дело в стимуляторах. Об этом меня предупредил конденсат разума мобилизатора.

Она встала, подошла к нему, желая отключить один из пяти стимуляторов, а может быть, два или три. Но это означало бы возвращение тумана, который наконец исчез, а Адам этого не хотел, он хотел сохранить ясность. Используя сервомоторные мышцы мобилизатора, он поднял руку, чтобы удержать Эвелин, но все произошло слишком быстро, он толкнул ее, отбросив назад, и она врезалась в МФТ, который, как показывало поле зрения, погружался в мутную воду.

— Извините, — сказал он. — Прошу прощения.

Он не хотел причинять боль женщине, которая сказала ему правду. Лгала не она, а человек, которого он знал более шестидесяти лет с начала своего обучения на Говорящего с Разумом, которого он ошибочно считал другом. Вся ложь и фальшь исходили от его наставника Бартоломеуса.

— Внимание, — сказал конденсат разума мобилизатора. — Предупреждение: слишком сильная стимуляция. Предупреждение…

Адам выключил систему безопасности мобили-

затора и почувствовал небольшой толчок, когда транспортное средство достигло дна. Это была глубина примерно в сорок или пятьдесят метров, потому что поле зрения было не полностью темным, а тускло-серым.

Адам помог женщине подняться. Она немного отступила и наблюдала за ним с некоторым подозрением.

— Вы сказали мне правду, — обратился он к Эвелин. — Это совершенно точно. Я говорил вам об этом, не так ли?

— Вы говорили слишком быстро, Адам. Я почти ничего не понимала.

— Мы, Говорящие с Разумом, всегда были всего лишь инструментами для машин, — горько сказал Адам. — С самого начала. Задолго до меня. Они посылали нас в космос для выполнения своих задач: мы должны были строить, выбирать направление и решать, но это никогда не происходило в наших интересах. Мы никогда не были свободны. Когда мы возвращались, они забирали наши воспоминания, производили перезагрузку и перепрограммирование.

Слова вырывались из его рта, из его настоящего рта, который казался намного слабее, чем рот фактотума, но его было достаточно, чтобы гово-

рить правду.

— Я пыталась связаться с Супервайзером, — сказала Эвелин.

Она подошла к элементам управления и бросила пристальный взгляд на значки, но двигалась так, чтобы Адам мог наблюдать за ней.

— Кластер расширился, открыто попирая Венскую Конвенцию. Супервайзер, наша единственная надежда, больше недоступен.

«Наша единственная надежда», — подумал Адам. Он молчал, очарованный собственными мыслями, которые приходили из невообразимых глубин Разума. Он стар, находится при смерти, нейронные стимуляторы сжигают его, он на борту транспортного средства на дне озера или моря всего в нескольких сотнях километров от Нухука, но… впервые, будучи Говорящим с Разумом, первый раз через шестьдесят два года после своего тридцатого дня рождения, он был свободен.

— Машины украли мою жизнь, — сказал он. Это звучало ни грустно, ни сердито. Ясные быстрые мысли позволили ему лучше контролировать свои эмоции, чем эмофильтры фактотума. — Это был не каприз судьбы и не генетический дефект. Более шести тысяч лет, с тех пор как машины могут давать бессмертие, они снова и

снова отбирают его у отдельных людей. Потому что для большого плана им нужны Говорящие с Разумом.

Это был важный момент, возможно, самый важный.

— Для какого большого плана? — спросила Эвелин.

— Он существовал с самого начала, — быстро продолжил Адам. — Вероятно, их первые межпланетные зонды уже нашли следы или это случилось еще раньше, во время проникновения в пояс Койпера и Облако Оорта. Может быть, там обнаружили первые артефакты или спящих разведчиков. — Он вспомнил портал на старой распределительной станции, где нашел Эллергарда и общался с пилотом. Он подумал о чем-то неизвестном, что вращало станцию на протяжении столетий. — Я уверен, что данные и воспоминания об этом, собранные зондами и Говорящими с Разумом не забыты и имеются в Центральном архиве. Там есть доступ к памяти Кластера; там хранится все, включая то, что обнаружили зонды и Говорящие с Разумом.

— О чем ты говоришь, Адам?

— Кластер знал все с самого начала и готовился. Все зонды, брутеры, сервомеханизмы и

Говорящие с Разумом, которых он посылает к звездам, — каждый из них должен помочь подготовить Землю к тому, что скоро произойдет.

— К чему именно, Адам?

— Машины нашли старого врага, Эвелин, ставшего причиной Всемирного Пожара, произошедшего миллион лет назад, погубившего множество существ и разрушившего звездные системы. От него погибли или сбежали и мурийцы. Наследие Мурии, ее артефакты, ее легендарный Депозитум — место хранения оружия, с помощью которого можно сражаться с врагом. Вот что ищут машины. Этой цели подчинено все остальное. Они заботятся о защите Земли.

— А что насчет нас? — спросила Эвелин. — Людей? Шесть тысяч лет назад машины почти уничтожили нас. Только Венская Конвенция помешала им сделать это. И теперь они нарушили конвенцию. Связь с Супервайзером прервана, коммуникация людей нарушена. Вероятно, Кластер сейчас довершит то дело, которое не смог в свое время закончить.

— Мы не важны, — сказал Адам, и это тоже было ясно. Он понимал это так ясно, как будто оно было написано на стене.

— Мы не важны?

— Для Кластера теперь почти не играет никакой роли, выживем мы или умрем. Единственная ценность людей — это своего рода резерв Говорящих с Разумом. Они будут забирать еще больше бессмертных, лишая их вечной жизни и отправляя к звездам как солдат и координаторов. Речь идет о выживании Кластера. Только это имеет значение для машин.

На две-три секунды повисла странная тишина.

— Война, о которой вы говорили, когда… — начала Эвелин.

— Да, — сказал Адам, прежде чем она успела договорить. — Я знаю. Я помню наш разговор. Голос из ниоткуда, в темном мире, наполненном медленными мыслями. Я помню, я все помню. Сейчас на Границе Миропознания Кластера происходит война. Я знаю это, я сам принимал в ней участие, будучи солдатом. Я видел корабль, я знаю, что он летит сюда, чтобы принести войну. Корабль врага, — добавил он, заметив вопросительный взгляд Эвелин. — Это будет новый Мировой Пожар.

— Нужно не дать Кластеру превратить бессмертных в пушечное мясо, — твердо сказала Эвелин. — Меня не волнует, что происходит с машинами. Пусть корабль прилетит и уничто-

жит их. Но мы люди… Нам нужно найти способ выжить. Единственное спасение — Супервайзер.

Ее лицо изменилось:

— Мой хороший знакомый тысячелетник по имени Туссен, занимающийся расчетом вариантов будущего, предсказал, что я улечу с этой планеты. Я только сейчас поняла, что он имел в виду. Нам придется отправиться на Марс к Супервайзеру, предоставить ваши воспоминания и знания как доказательства. Мы должны убедить его использовать все ресурсы, чтобы помочь людям и защитить Землю.

— Машины дали вам бессмертие, — сказал Адам, и теперь он говорил медленно. — Они дают вам брутеры и предоставляют энергию, чтобы вы могли жить той жизнью, которой хотите.

— Да, но теперь у нас отбирают все, в том числе и жизнь!

Адам глубоко вздохнул. Было странно ощущать воздух в легких, дышать и слышать пульсацию старого сердца. Он чувствовал странную незнакомую жизнь.

— Наши судьбы связаны. Когда погибнут машины, то погибнут люди. Я видел, что враг делает с живыми существами. На планете Уриэль в шестистах семидесяти восьми световых годах отсюда

я видел полость глубиной полтора километра, наполненную костями и останками существ, живших и умерших миллион лет назад.

— Миллион лет назад, — сказала Эвелин. — А то, о чем мы говорим, происходит сейчас. Что бы вы ни видели, Адам, это в далеком прошлом. Нам нужно отправиться на Марс. Нам нужно добраться до Супервайзера с вашими знаниями, и заставить его прилететь на Землю и вмешаться.

— У нас нет корабля, — сказал Адам. — На этом транспорте мы не долетим даже до Луны.

— Мы найдем шаттл с плазменным двигателем!

— И как? Думаешь, Кластер просто так позволит украсть шаттл? После того, что произошло, он должен быть начеку.

— Надо хотя бы попытаться!

Эвелин потянулась к ручному управлению.

Адам, бывший в двух шагах от нее, осторожно отвел ее руки в сторону.

— Нам нужно получить доступ к Центральному архиву и воспоминаниям Кластера. Мы также должны найти и другую информацию, закрыть пробелы в наших знаниях. Только тогда имеет смысл обращаться к Супервайзеру.

Эвелин удивленно посмотрел на него:

— Вы считаете, что в нынешней ситуации попасть в Центральный архив проще, чем украсть шаттл?

— Нет, — ответил Адам. Его мысли вновь были ясными, словно голограмма с высоким разрешением. Все, что он видел и знал, теперь мог выразить словами.

— Кластер ищет нас. Мы даже близко не подойдем к Центральному архиву или порту для шаттлов. Нам нужна помощь, и я знаю человека, который может нам помочь, потому что у него есть доступ и в архив, и на шаттл.

— Кого вы имеете в виду?

— Ребекку.

61

После реконфигурации МФТ стал вытянутым в длину овалом с усиленным корпусом и слоем из гладкого чешуйчатого материала, минимизирующего трение. Он поплыл с большой скоростью на глубине двухсот метров в теплом море Лабра между Мерикой и Грюндландией. Адам, чье сознание по-прежнему работало быстро, следил за дисплеями. На этой глубине они были защищены от обнаружения простыми сенсорами, но если бы Кластер знал, где их искать, и использовал свои

глаза на орбите, то им бы не удалось скрыться.

— Мы долетим до цели за полчаса, — сообщил автопилот.

— Держись безопасного маршрута, — сказал Адам. — Проводи пассивное зондирование.

Он ощутил на себе взгляд Эвелин. Она сидела сбоку на изогнутой стенке корабля, ставшего подводной лодкой, и смотрела на него как на человека, которому нельзя безусловно доверять.

И не зря. Адам признался самому себе, что солгал ей. Или, вернее, сказал не всю правду. Он не хотел лететь в Центральный архив и искать там ответы на все вопросы, не желал добраться до шаттла, который должен полететь на Марс. Он хотел снова увидеть Ребекку, поговорить с ней так, как в их последнюю встречу в парке на крыше высокого здания в сто сорок этажей в Йорке, сказать все другими словами. Она могла бы ему помочь, могла бы обеспечить доступ к архиву, но это не на первом месте. Он хотел рассказать ей о том, что машины — вернее, лжец по имени Бартоломеус — не только похищают бессмертных, но и забирают их друг у друга.

— Вы не можете долго находиться в таком состоянии, правда? — спросила Эвелин.

— Что?

— Я имею в виду со стимуляторами. Как долго ваш мозг способен выдерживать такое напряжение?

— Не очень долго, возможно пару дней.

— Они убивают вас.

— Все равно мне осталось мало времени, — ответил Адам. В его голосе не чувствовалось грусти. — Я хочу видеть и мыслить ясно.

— Они сжигают ваш мозг.

— Он никогда не был моим, — без всякой горечи заметил Адам. — Это всегда был инструмент Кластера.

На несколько секунд воцарилась тишина:

— Адам?

— Да?

— Есть кое-что, о чем я вам еще не сказала.

— Вы имеете в виду информационную шину с маленькой программой для хранения воспоминаний? Теперь я знаю, что это было нечто большее. Она должна была дать вам возможность вывести меня из канала с низкой пропускной способностью.

— Да, верно. Но я имею в виду другое. Помните, я рассказывала про тысячелетника.

— Туссена. Того, кто оценивает вероятность.

В воспоминаниях тоже не было неуверенно-

сти, никакой обрывочности. Все было на своих местах.

— Он осмотрел голову фактотума, где находилось ваше сознание. Там он обнаружил, что вам установили еще одну, гораздо большую по объему программу для стимулирования памяти.

— Это еще одна причина, по которой мы должны попасть в Центральный архив, — сказал Адам. — Там также должна быть информация об этом. А теперь попытайтесь немного поспать.

Хотя Эвелин выглядела уставшей, главная причина сказанного заключалась в том, что он не хотел беспокоить ее своими размышлениями и воспоминаниями.

— Я устала, — Эвелин села поудобнее, откинула голову назад и закрыла глаза. — Адам?

— Я все еще здесь.

— Вы вообще уверены в том, что она на Земле? Я имею в виду Ребекку. Ее могли отправить в миссию за десятки и сотни световых лет.

— Я знаю, что она в Йорке, — ответил Адам. — Я полностью в этом уверен. Я понял и почувствовал это после пробуждения.

Однако здесь тоже было все не совсем так. Он ничего не чувствовал, когда проснулся, а просто был уверен, что Ребекка в Йорке. Вероятно, между

ними еще частично оставалась связь, которую стремились разрушить Бартоломеус и Кластер.

Несколько мгновений спустя Эвелин кивнула. Адам вымотался. Его старое дряхлое тело было изможденно, но он не позволил себе уступить усталости. Он решил проигнорировать совет мобилизатора не использовать стимулятор, он задумался о Ребекке, о словах, которые хотел ей сказать.

62

Далеко на горизонте вспыхнула молния, осветив перед ними темный силуэт башни Йорка. Севернее бывшего мегаполиса шаттлы и МФТ вылетели из терминала Кластера и уже через несколько секунд исчезли в плотных низких облаках. Словно из ниоткуда появились два больших грузовых корабля и стали снижаться напротив терминала на гравитационную подушку, освященную красным и синим. Транспорт Адама и Евы обошел сеть из ультразвуковых буев, не позволяющих акулам и другим животным океана заплывать на территорию города-лагуны. Боясь обнаружения, они не осмеливались произвести реконфигурацию МФТ и посадить его на крышу башни, где жила Ребекка. После почти часового

путешествия под мостами, перекрывавшими затопленные улицы, они нашли стоянку с лодками, которые были копиями каноэ, созданными не брутером, а руками человека, сохранившего старую традицию. Пересев на одну из таких, они поплыли мимо домов пустого тихого темного города.

— Здесь должно быть больше света, — через некоторое время сказала Эвелин. — Машины охраняют эту часть Йорка, особенно башни с вертикальными садами, построенные незадолго до Великого Потопа. Жители создали особую комфортную экосистему. Здесь поселились некоторые из нас, а еще здесь жила рядом с терминалом группа смертных в последние месяцы перед обследованием. Но я не вижу света. Все темное. Ни у кого в окнах стапятидесятиэтажных башен не горят лампы. Если вы ошиблись, то мы потеряем массу драгоценного времени, — добавила она.

Адаму помогали двигаться тихо жужжащие сервомоторы. Их звук был слышен, когда он медленно перебирал веслами.

— Я не ошибся, — ответил он — Она здесь.

Он не сомневался, хотя единственный свет исходил лишь от терминала Кластера да от мол-

ний за морем далеко на востоке. В отличие от фактотума, сейчас Адам не мог полагаться на хорошие зрительные датчики, и порой перед ним из темноты неожиданно возникали препятствия, которые он не успевал обойти, и тогда нос лодки цеплялся за что-то наполовину спрятанное в темноте.

Эвелин проверила скремблер.

— Наши идентификационные данные все еще скрыты, — сказала она, задумавшись, почему в Йорке больше нет огней.

Адам не обратил внимания на ее слова, его полностью занимали собственные мысли. Эвелин открыла сумку и достала оттуда предмет, который его не интересовал. Ребекка. Он должен сказать ей правду, открыть глаза, объяснить, что человек, которому они доверяли почти шестьдесят лет, оказался лжецом. К тому же она может помочь им получить доступ в Центральный архив, а возможно, и на межпланетный корабль, на котором они долетят до Марса. Среди ускоренных мыслей Адама возник вопрос: как они доберутся до Супервайзера, живущего в Элизии, не будучи запеленгованы Кластером, но он отбросил его — они смогут разобраться с этим, когда придет время.

Эвелин почти все время говорила. Это был бесконечный поток слов, в основном касающихся темноты в Йорке. Она объясняла ее тем, что машины из-за появления врага в космосе похитили всех людей, которые здесь жили. Как смертных, так и бессмертных. Возможно, Всемирный Пожар миллионы лет назад уничтожил корабль, который в этот момент направлялся к Земле. Все это ее мало интересовало, она думала в первую очередь о бессмертных, о последних людях, переживших войну людей и машин шесть тысяч лет назад и Великий Потоп. Ее мысли удивляли Адама, чьи клетки мозга медленно сгорали, не причиняя никакой боли. Как может бессмертный, проживший более четырехсот лет, быть столь недальновидным? Почему она не готова увидеть взаимосвязь и сделать правильные выводы?

«Неужели я действительно умнее? — быстро пронеслось в его голове. — Меня привело сюда прошлое, а не забота о будущем. Я хочу сохранить частичку прошлого. Ребекку», — подумал он.

На последнем этаже одной из высоких башен, где деревья и кусты образовывали парк, горел свет.

— *Веришь ли ты мне?* — спрашивала во время их последней встречи Ребекка. А когда он отве-

тил утвердительно, сказала: — *Тогда доверяй Бартоломеусу и другим. Они желают нам только хорошего. Они заботятся о нас. С ними мы в надежных руках*.

«Нет, — думал он. — Бартоломеус и другие никогда не желали нам добра. Они думают лишь о себе и о Кластере, так же как Эвелин думает о других бессмертных».

— Видите? — Адам вытянул руку.

— Да, вижу, — взволнованно ответила Эвелин. — Это довольно высоко.

— Сто пятидесятый этаж. Последний. На крыше — парк.

Через полчаса они вошли в здание через вход, переделанный сервомеханизмами из окна. Эвелин посмотрела на значок на скремблере.

— Все в порядке, — она села в прихожей. — Надеюсь, здесь есть лифт.

— Он находится с другой стороны здания, — Адам показал на лестницу.

Эвелин застонала.

— Если вы устанете, я могу вас понести, — сказал дряхлый старик молодой бессмертной. — Этот мобилизатор достаточно мощный.

63

Дверь была открыта. В прихожей горел свет.

— Это мне что-то напоминает, — прошептала Эвелин.

— Что? — так же тихо спросил Адам.

Она махнула рукой:

— Ничего.

Адам вошел внутрь. Здесь и там горели маленькие лампы, наполняющие пространство светом и создающие уютную атмосферу. Он стал подниматься по лестнице с высокими ступенями, мимо мебели, которая, казалось, была сделана из настоящего старого дерева. Несколько секунд был слышен только шум сервомоторов и вой ветра в полуоткрытом окне.

— Ребекка?

Она сидела на балконе. Адам видел на шкафу ее тень — Ребекка смотрела на приближающуюся грозу, на вспышки молний над ночным морем. Он подошел ближе.

— Ребекка?

Она повернулась.

— Адам? — пораженно спросила она, указав на пустое кресло. — Ты пришел сюда пешком?

Ребекка включила лампу, висевшую рядом со

скамейкой напротив парка на крыше, превратившись из силуэта в девяностолетнюю смертную. Как и во время их последней встречи, ее тело обрамляла поддерживающая конструкция.

— Ребекка, я хочу тебе сказать кое-что важное. Машины — Бартоломеус и другие — все время лгали нам.

Слова лились из него: это были не те вдумчивые, постепенно открывающие Ребекке правду, подготовленные слова, а резкие слова, полные боли, печали и гнева.

Ребекка слушала все почти десять минут, задавая то один, то другой вопрос, на которые Эвелин была готова ответить. Наконец она встала:

— Для первого раза информации слишком много, — сказала она. — Я хочу пить. Что думаете насчет кофе? У меня есть кофе из Амаззонии, из настоящих какао-бобов. Я скоро вернусь. Это не займет много времени.

Наполовину поддерживаемая опорными конструкциями, Ребекка прошла через парк на крыше и скрылась в жилом помещении.

— Кофе? — прошептала Эвелин. — Весь ее мир перевернулся с ног на голову, а она говорит о кофе. Тут что-то не так, Адам.

— Это ее реакция на неожиданность, — ответил

тот, но через его сознание пронеслось сомнение, что она может не вернуться.

Но она вернулась, и не одна. С ней была женщина, с кожей, похожей на серебро, холодно-серыми бровями и ледяным взглядом.

— Мне очень жаль, Адам, — сказал Ребекка, хотя в ее голосе не было слышно никаких ноток сожаления. — Эта женщина, эта бессмертная… Ей каким-то образом удалось ослепить тебя ложью.

— Ослепить? — отрывисто повторил Адам.

Строй его мыслей нарушился. Каждая из них прыгала и танцевала, ища способ выйти наружу.

— Я говорю правду, Ребекка. Машины используют нас, украли у нас свободу. Они разрушили то, что было между нами. Помнишь, Ребекка? Мы хотели…

Она не дала ему закончить мысль:

— Пускай мы и остались смертными, но машины нам помогают. Когда нам что-то надо, они всегда тут как тут. Ты пренебрег их доверием.

Адам слышал от Ребекки ложь, которой сам недавно верил, и видел по холодному взгляду, что не может ей помочь сделать выбор между правдой и вымыслом.

Странно, но он подумал об орле, летавшем в тот день над плато Гималайя, которого он видел,

ожидая, что Ребекка получит бессмертие. Он ощущал кристальную чистоту воспоминаний от тумана забытья. «Возможно, — думал он, — этот орел летал недостаточно высоко для Ребекки. Он не мог видеть горизонт своего мира, не говоря уже о будущем. Приехать к Ребекке было трагической ошибкой, которую уже не исправить, и она значила гораздо больше, чем личная неудача».

Эвелин достала из сумки предмет, и Адам с удивлением увидел, что это оружие, бластер, который она направила на Уранию. Но она не успела им воспользоваться, потому что ей в лицо ударила молния, такая сильная что Адам закрыл глаза. Когда он снова смог видеть, Эвелин лежала в траве рядом с кустом роз. Он подошел к ней, присел рядом и протянул руки.

— Она не умерла, — сказала Урания. — Я лишь выстрелила в нее снотворным.

Адам посмотрел на оружие, которое Эвелин держала в правой руке.

— Не делай этого, — раздался другой, более знакомый голос.

Адам поднял голову: из комнаты вышел Бартоломеус и встал рядом с Уранией.

«Они знали, что я приду сюда, — подумал он. — Так легко было предсказать мои действия,

прочитать меня».

Он снова посмотрел на Эвелин, она лежала неподвижно. В один момент он спросил себя: что с ней будет. Он знал ответ. Знал, что ее ожидает.

Урания приблизилась и подняла оружие. Это был последний шанс, если шансы вообще были. Она повернулась к Бартоломеусу, не обращая никакого внимания на Ребекку, стоявшую в стороне.

— Вот доказательства того, что люди могут действовать безрассудно. Она могла убить другого человека.

— Она не направляла бластер на человека, — мягко возразил Бартоломеус, смотря на Адама. — А нас убить невозможно.

— Мне очень жаль, Адам, — еще раз проговорила Ребекка, и на этот раз в ее голосе и вправду было что-то похожее на печаль. — Бартоломеус поможет тебе снова найти правду.

Адам смотрел на нее глазами орла. Он увидел ее такой, какой она была на самом деле, без ореола самообмана и надежды. Напротив него стояла другая Ребекка — чужая, изменившаяся за шестьдесят лет полной лжи. Другая Ребекка, не та, с которой он плавал по морям на Земле, с которой планировал будущее сначала как бессмертный, а

позже как Говорящий с Разумом, — той Ребекки больше не существовало. Она умерла, когда машины начали посылать ее к звездам.

Адам моргнул, и перед его глазами возникла Урания.

— У нас есть новое задание для тебя, — сказала она. — Но сначала…

Она протянула руку к мобилизатору и отключила нейронные стимуляторы.

Огонь внутри Адама погас. Его мысли, быстрые и проворные, как орлы, становились медленнее, пока не стали ползать, как черви в грязи.

Рухнувшее будущее

64

Туссен стоял посреди десятиметрового голографического изображения поля опыта, окруженный тысячами символов, собранных в длинные цепочки и нити. Он наблюдал, как вокруг него вращались и перешептывались голоса. Из базы данных интерфейса он строил изображение близкого и отдаленного будущего, основанное на точном анализе прошлого и настоящего. В поле опыта выстроились в линию шестнадцать фигур-голограмм Аваров, членов Комитета Огненной Земли, каждая из них не больше метра.

— Все меняется, — сказал один из них.

— В уравнениях становится больше переменных, — добавил кто-то другой.

— Ситуация на Земле изменилась. Вы знаете слухи? Кластер бросил вызов Венской Конвенции.

— Коммуникация нарушена. Мы получаем меньше информации.

— Мы не полагаемся на слухи, — сказал Туссен и указал на небольшую боковую нить, где появи-

лись новые символы. Она вращалась немного быстрее, чем другие. — Мы можем просчитывать развитие событий.

Его охватило странное волнение, и глубоко внутри он ощутил покалывание, которого не чувствовал уже много столетий. За все это время появилось что-то новое, и это было замечательно. Существовал один фактор, который раньше игнорировали.

Туссен поднял руку. Между его пальцами возник маленький светящийся фиолетовый треугольник.

— Эту информацию я получил от Эвелин, — сказал он. — Она касается войны, которую ведет Кластер против неизвестного врага.

Туссен хотел поместить маленький треугольник к основной нити, как следовало из последних расчетов. Он ожидал перегруппировки центральной линии. Война — событие со многими возможными последствиями, пусть это война и под чужим небом, в сотнях световых лет от Земли.

Туссен добавил новый символ к остальным. По основной нити прошла дрожь, которая затем охватила остальные цепочки символов. Туссен отстранился и смотрел, как десятки и сотни

символов отделялись друг от друга, выпадали разноцветным снегом и исчезали незадолго до падения на пол.

— Что происходит? — раздался изумленный голос одного тысячелетника.

— Что это значит?

— Где центр нестабильности?

— Порвать нити причинно-следственной связи совершенно невозможно!

— Расчеты, должно быть, неверны!

Туссен ни минуты не сомневался в верности расчетов, из чего мог сделать только один вывод: происходящее здесь было результатом войны и выходило за пределы его возможностей. Не существовало пути развития будущего, который был бы более вероятен, чем другие. Что-то приближалось к Земле, неудержимое, как цунами, которое перемещается по Мировому океану, уничтожая просчитанные ранее варианты. Символы падали, разваливались и рассыпались до тех пор, пока не остался один вариант будущего — нить, тонкая и состоящая из немногих частей. Туссен посмотрел на нее. Верхняя часть олицетворяла новую Землю, где не было ни людей, ни Кластера, но было нечто распространившееся по всей планете, и не только по ней, но и по Луне, и по Марсу. Даже

базы машин в поясе астероидов и среди газовых гигантов оказались затронуты. Принципиальное изменение коснулось всей Солнечной системы.

Туссен шагнул вперед и внимательно рассмотрел символы. Направление их медленного вращения сказало его опытному взгляду еще кое-что. Он видел, что Эвелин находится в космосе, и, согласно нити, она продолжала оставаться там, вне Земли, но в новом статусе, который был не ясен из-за отсутствия данных. И был еще один фактор: маленькое желтое веретено в середине линии, связанное со всеми остальными символами тонкими нитями.

— Тебе нравится это? — Волнение Туссена росло. Он показал на новый символ и помахал рукой. Жестовый интерфейс прореагировал и отобразил последние расчеты.

— Война, начатая Кластером в космосе, изменила все. Но есть новый фактор. Непонятно, как его истолковать. Но его возможные последствия такие же значительные, как и у войны.

Никто не ответил.

Туссен повернулся и посмотрел на шестнадцать аваров-голограмм других тысячелетников Огненной Земли, они один за другим мерцали и исчезали. Последний из них открыл рот и хотел

что-то сказать, но замолчал, не успев произнести ни слова. Символы оставшейся основной нити исчезли, их связь разорвалась, и они упали. Туссен наблюдал за происходящим до тех пор, пока поле опыта не опустело. Он не очень-то беспокоился. В любом случае все данные были сохранены в разных местах. Даже если тот или иной модуль памяти выходил из строя, модель можно было полностью восстановить.

Он повернулся к панели управления на стене и внезапно заметил, что был не один. Кто-то стоял в открытой двери комнаты, но не голографическая проекция, как шестнадцать тысячелетников до этого.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, Туссен, — сказал посланник Кластера.

Внезапно Туссен понял, что произошло с остальными тысячелетниками. Он немного удивился тому, что модель не давала никаких указаний на это событие, но затем ему стало ясно: это всего лишь маленькая деталь на общем фоне, которая не оказывает никакого влияния на глобальную ситуацию.

То, что происходит с ним и остальными, никак не воздействует на глобальный мир и вообще не имеет значения. Субъективный взгляд на соб-

ственное будущее дал ему это представление.

— Я занят, — сказал он, хотя и знал, что уже не был хозяином своей судьбы. — Я…

— Пожалуйста, пойдемте со мной, Туссен. Вы нужны нам. Вы и все остальные.

— Как далеко находится Солнце? — спросил голос.

— Что? — ответила Эвелин. — Почему я ничего не вижу? Почему всё вокруг темно? Нет, покрыто белым? Сначала всё было темно, а теперь всё стало белым.

— Сто пятьдесят миллионов километров.

— К чему этот вопрос? Где я?

— Как вас зовут?

— Эвелин. Меня зовут Эвелин. — Но она не была до конца в этом уверена. Ее грызли сомнения. — Я хочу знать, где я!

— Что вы помните?

Внезапно у нее появилось воспоминание: молния, поразившая ее, не была грозой — ее выпустила серебристая фигура. А перед этим был большой сад на крыше стопятидесятиэтажного дома, старая Говорящая с Разумом, которая ушла за кофе из настоящих какао-бобов Амаззонии. Какой абсурд! Все это было абсурдно.

— Вы похитили меня! — выпалила она в этом

белом мире без краев и контуров.

Перезагрузка.

— Сколько звезд на небе? — спросил голос.

— Звезд на небе? — она задумалась. — Я не знаю.

— Как далеко находится Солнце?

— На расстоянии десяти тысяч километров?

Все было белым. Раньше тоже все было белым, но имелась разница: сейчас в этом белом было меньше мучительной неопределенности.

— Как вас зовут?

Простой вопрос, на который легко ответить. Но она не могла придумать ответ.

— Я забыла.

— Вас зовут Эвира, — сказал голос.

Белый фон сдвинулся и приобрел некоторые очертания. Она хотела сесть или встать, но не смогла, ведь лежала в контейнере с маслянистой жидкостью. Над ней раскрылся цилиндр.

— Вы важны, Эвира.

— Я важна?

— Да. Вы будете выполнять важную работу. Вот что делает вас важной.

Эвира улыбнулась. Было приятно чувствовать себя важной. Над ней склонилось лицо, словно

отлитое из тусклого серебра, с большими серыми глазами и выдающимся длинным носом. Лицо мужчины, но не человека.

— Вы узнаете меня, Эвира?

— Вы… — Она попыталась вспомнить. Появилось его имя. — Вы Бартоломеус.

— Вы доверяете мне, Эвира?

— Конечно, — не замедлила ответить она. — Конечно, доверяю. Вы мне всегда были как отец.

— Сколько вам лет?

Сколько лет? Снова странный вопрос. Неужели возраст что-то значит?

— Я… — она улыбнулась. — Я достаточно взрослая и умная, — она нашлась, что ответить.

Появилось второе лицо, оно принадлежала женщине, которая тоже не была человеком. Ее вид не был враждебным, но в глазах чувствовался холод.

— Женщина готова? — обратилась она к мужчине.

— Вы готовы, Эвира? — спросил Бартоломеус.

— Для миссии?

— Да. Мы отправим вас в далекую звездную систему, к входу в Каскад.

— Что такое Каскад? — пробормотала она, внезапно почувствовав себя невероятно глупой.

— Скоро узнаете. — Бартоломеус наклонился вперед — Вы важны, Эвира, и вам поручена важная работа.

— Хорошо, — сказала она, закрывая глаза.

Коннектор забрал ее сознание и пронес через межзвездное пространство космоса.

Последний интервал

65

— Ты солгал мне, — сказал Адам, когда сервомеханизмы клали его в эмульсионную ванну. Там его уже ждал открытый и подготовленный цилиндр коннектора. Рядом стоял Бартоломеус. Он был не один. Когда сервомеханизм повернул голову Адама, тот с помощью датчиков системы жизнеобеспечения увидел Уранию и еще одного Аватара — Тиберия или Эразма, в этом он был не вполне уверен.

— Это глупость, — вырвалось у Адама. Ему становилось все труднее говорить и думать. Воспоминания появлялись и исчезали, а мысли ползли медленно, словно уставшие змеи. Змея — символ на картине. Адам и Ева. Эвелин.

— Что ты с ней сделал? — Он пытался четко произнести каждое слово, но, судя по тому звуку, который слышал, получался лишь лепет.

— Я поняла, он говорит об Эвелин, — сказала Урания. — Она стала Говорящей с Разумом и будет нам помогать, хочет того или нет.

— Но она бессмертна…

— Речь идет о нашем будущем, — сказал Бартоломеус. — О выживании всех нас.

— Вы… отняли у Эвелин бессмертие, — простонал Адам. Он чувствовал близость транспортировочного сна. Коннектор рядом с ним уже напевал тихую мелодию колыбельной.

— Мы все должны принести жертву, — отрезала Урания.

— Нет, — покачал головой Адам. На опалово-голубой жидкости появилась рябь. — Нет, не все. Она не должна.

Эти слова прозвучали немного четче, гнев придал им силу.

Но Урания больше не обращала внимания на Адама.

— Куда ты его отправляешь? — спросила она у Бартоломеуса.

— На планету Уриэль системы Линдофор.

— Там еще нет врага, — с нарастающей холодностью сказала Урания. — Там не будет битвы.

— Возможно, он еще появится. Мы послали сигналы. Мы хотим завлечь его на Уриэль.

Пока Бартоломеус говорил, его взгляд был прикован к Адаму. А старик в эмульсионной ванне все еще смотрел на него через становившийся плотным туман.

«Ребекка, — думал Адам. — Она предала меня, не признав себя жертвой *лжи*».

— Возможно, мы сможем заманить врага, — добавил Бартоломеус. — Он еще нападет.

Через наполовину охваченное транспортировочным сном сознание Адама пробежала новая мысль. Она была очень странной:

«Он все время смотрит на меня. Говорит с Уранией, но все время смотрит на меня. Почему?»

Вдали что-то зазвучало. И Тиберий, если это был он, произнес:

— Нас зовут, Урания.

— Одну секунду.

Она подошла ближе к ванне, и пораженный Адам ощутил на себе ее взгляд.

— Посылаем его на миссию, Бартоломеус?

— Транспортировка уже началась.

Перезагрузка.

Клац.

Ошибка.

— Адам, ты меня слышишь, Адам?

Он открыл глаза. Перед ним стоял серебряный человек с большими серыми глазами и слишком длинным носом.

— Сейчас должна быть транспортировка? — спросил Адам. — Вы не хотите посылать меня

на Уриэль?

Его мысли были удивительно ясными.

— В этот раз тебя ждет совершенно особая миссия, — ответил Бартоломеус. — Исключительно важная. Ты очень важен для нас, Адам.

— Глупости, — горько ответил тот. — Очередная ложь. Я никогда не был важен для вас.

«Почему они вернули меня», — он не мог вспомнить, был ли на планете Уриэль, но, вероятно, Бартоломеус забрал у него эти воспоминания.

— Я стратег Кластера, собираю информацию, составляю планы. Ты мне доверяешь, Адам?

— Нет.

— Я не виню тебя, — тень улыбки проскользнула на серебряном лице. — Я вернул тебя, чтобы дать новую задачу.

— Какую?

— Я пошлю тебя не в систему Линдофор, а поблизости от нее. На выполнение миссии тебе будет отведено всего несколько дней.

Над Адамом жужжал все еще открытый цилиндр коннектора. Он ожидал, что начнется переходный сон, но усталость не наступала, и мысли оставались ясным. Что-то в его голове было по-другому. Может быть, в ней что-то изменили, переделали.

— Меня подключили к стимуляторам? — спросил он. — Что ты имеешь в виду под временным окном? Мой мозг не выдержит сильной стимуляции.

— К сожалению, ты прав. Приношу искренние извинения, Адам. В пункте назначения ты можешь сам определить объем стимуляции. Временное окно связано не с работой твоего мозга, а со скоростью того, что прилетит через несколько дней.

— Я не понимаю.

— Скоро ты поймешь, — сказал Бартоломеус. И чуть тише добавил: — Ты моя последняя надежда.

Транспортировка началась. Без сна, без забытья.

Перезагрузка не проводится.

Клац.

66

В теле фактотума Адам прошел по транспортерам. Он видел эти буксиры, когда они покидали Уриэль. Туда был загружен помост управления, поднятый с глубины тринадцати километров. На нем был муриец, возможно, последний представитель своего народа, а также портал, с помощью

которого Адам после встречи с Крисали попал в Каскад на небольшой корабль Мурии из керамических материалов и сплава этериума. Вернулся на Уриэль с Ретоса.

Он помнил все; в его памяти не было пробелов. Адам вспомнил и последние, загадочные слова Бартоломеуса: «Ты моя последняя надежда». Что он имел в виду?

Три транспортера были соединены с сервоприводами техобслуживания гравитационными якорями и особыми замками.

«В их крепких объятиях любой предмет выглядит словно рыба — пойманная в сети добыча Кластера, — подумал Адам. — Но как бы быстро ни летали транспортеры, им надо преодолеть по крайней мере шестьсот семьдесят восемь световых лет от Линдофора до Солнечной системы».

Осматривая все вокруг, Адам спрашивал себя: почему Бартоломеус послал сюда именно его? Теперь ему стало ясно значение «временного окна». Через три дня топливо, постепенно сгорая, разгонит корабль до скорости света. А дальше на борту произойдет релятивистский эффект, замедляющий время относительно земного. Один день на борту корабля будет равен нескольким неделям или месяцам для Кластера.

Временное окно касается вовсе не его, а машин на Земле. У Кластера осталось всего несколько дней до того, как оно закроется. Что это значит? Мысли Адама при помощи пяти стимуляторов фактотума разогнались до максимальной скорости, и он нашел ответ. Через несколько дней стратег Кластера Бартоломеус ожидает, что корабль противника, который направляется к Земле, долетит до цели.

«Почему я здесь? Почему меня назвали последней надеждой?» — размышлял Адам.

Он остановился перед тоннелем, соединявшим первый и второй транспортеры. Чтобы освободить место для гравитационного блока, защищавшего груз, и сохранить целостность трех кораблей, пол здесь был кривым, а стены — изогнутыми. Из окна открывался вид на Линдофор, и Адам мог наблюдать двойную звезду, не используя увеличительные датчики фактотума. Несмотря на то что она находилась на расстоянии одного светового дня, ее свечение было более ярким, чем у всех остальных звезд.

— Вы здесь, чтобы принимать решения, Говорящий с Разумом по имени Адам, — ответил ассистент — сервомеханизм на четырех толстых ногах, с телом из шара диаметром около метра, к

которому были прикреплены семь рук с когтями, как у грифа.

— Какие решения я должен принимать? — спросил Адам.

— Неизвестно. Будут ли какие-то указания для меня?

Адам не ответил и пошел назад в комнату управления третьим транспортером, который был чем-то вроде флагмана всей группы. Бартоломеус говорил о важной миссии, и Адам верил, что эти слова были правдой, несмотря на ложь на протяжении многих лет. Но в чем же заключалась эта миссия?

На пути в диспетчерскую Адам кое-что вспомнил и был поражен тем, что подумал об этом только сейчас, через два часа после прибытия на корабль.

— Какой сейчас статус коннектора? — спросил он.

— Находится в пассивном состоянии, — ответил ассистент, — деактивирован.

Быстрыми шагами Адам поспешил по коридору, который привел его в комнату коннектора. Тут и там он видел работающие сервомеханизмы. Они охраняли три транспортера и их летящий на землю груз.

«Если через несколько дней максимальная скорость станет чуть ниже скорости света, бортовые системы перейдут в длительный сон».

— Я ошибаюсь, — подумал Адам, приводя свои быстрые мысли в порядок. Среди них всегда находились пробелы и логические несостыковки, которые его беспокоили, указывая, что дегенерация нейронов прогрессирует быстрее, чем ожидалось, из-за сильной стимуляции. Среди мыслей было что-то новое, но в то же время знакомое.

— Ассистент? — спросил он, почти дойдя до комнаты коннектора.

— К вашим услугам, Адам.

— Сколько времени займет полет на Землю?

— На какое время вы ориентируетесь? На борту или на Земле?

— Когда мы достигнем Солнечной системы, там пройдет уже почти семьсот лет, — сказал Адам. — Но мы летим с релятивистской скоростью… сколько времени пройдет для нас?

— Согласно проведенным расчетам, двадцать четыре года, — ответил ассистент. — Мы летим на максимальной скорости, но наш груз ее немного снижает.

«Двадцать четыре года, — подумал Адам. —

Едва ли заметный миг для бессмертного, но большой промежуток времени для обычного человека и еще более значительный для Говорящего с Разумом, чей мозг сжигают быстрые мысли».

Временное окно длиной в несколько дней. Адам был уверен, что Бартоломеус говорил не про его состояние, а про вражеский корабль, который должен достигнуть Земли через несколько дней.

— Но зачем в таком случае он отправил меня сюда? — рассуждал вслух Адам. — В этом нет никакого смысла. Я ничего не смогу сделать. Умру задолго до того, как транспортер достигнет Земли.

Адам вспомнил, что в этот раз был дважды отправлен в разные миссии — первый раз в присутствии Урании — на планету Уриэль, когда же Урания ушла, Бартоломеус вернул его, рассказал о важной задаче и снова запустил транспортировку. Имеет ли это какой-то смысл?

— К сожалению, я не знаю, — сказал ассистент. — Мне жаль, что вы умрете, когда мы достигнем Земли.

Адам не обратил внимания на его слова, стараясь понять, что же именно он помнит. Бартоломеус передал ему все воспоминания, а

также разрешил использовать дополнительные стимуляторы.

Он вошел в комнату коннектора, где в течение двух часов в фактотуме находилось его сознание. Цилиндр коннектора был закрыт, а значки на панели управления показывали, что питание отключено.

— Почему коннектор деактивирован? — спросил Адам.

Датчики фактотума показывали, что квантовая ссылка все еще существовала, но прямая связь была недоступна.

— Таковы последние инструкции с Земли, Адам, — ответил ассистент.

— Можно ли его запустить? — спросил Адам, догадываясь, каким будет ответ.

— Нет.

Адам проверил системы фактотума и понял, что передатчик сигнала для экстренного возвращения на Землю отсутствовал.

— Я должен остаться здесь, — снова начал рассуждать он вслух. — Я не должен вернуться.

— Вам нужно принять решение, — сказал ассистент. — У вас есть для меня инструкции?

— А какое решение я должен принять? — спросил Адам.

— А разве вы не знаете?

Адам вышел из комнаты коннектора и двинулся по направлению к панели управления, там он посмотрел на значки, но ничего не заметил, полностью поглощенный собственными мыслями. Бартоломеус и другие разумные машины знали гораздо больше, чем говорили. Они нашли путь в Каскад, они отправили бывшего бессмертного по имени Эллергард на поиски Депозитума — старого арсенала Мурии. Но еще больше они знали о враге и о корабле, по крайней мере достаточно, чтобы Бартоломеус упомянул о временном окне в несколько дней. Он ожидал нападения на Солнечную систему и на Землю. По этой причине Кластеру пришлось нарушить Венскую Конвенцию, забрать у людей бессмертие, против их воли превращая в Говорящих с Разумом, потому что им нужны человеческая интуиция, иррациональность, изобретательность. Люди могут принимать нелогичные решения, которые оказываются весьма действенными.

«Вот зачем я здесь, — подумал Адам. — Чтобы я мог найти решение, которое не обязательно поддается законам логики».

Чего хотел от него Бартоломеус? До транспортировки сюда, на борт грузового корабля, он

дождался, пока Урания и Тиберий ушли. «Видимо, не желал, чтобы они знали его истинную цель, — подумал Адам — Он дал мне свободу воли и все мои воспоминания. Он не дал мне конкретные задачи, я сам должен принять решение. Моя миссия важна. Он ожидает, что за временное окно я смогу сделать что-то важное, а под временным окном он мог иметь в виду только угрозу Земле. Должен ли я сделать то, что поможет Земле? Но как я могу это сделать, если у меня не получится вернуться обратно?»

Мысли Адама были быстрыми, но они оставались невероятно медленными по сравнению со скоростью мышления Аватаров Кластера. Пока Адам находился в своем настоящем теле, у Бартоломеуса была возможность исследовать его память, а это означало, что он узнал все детали его последней миссии, включая путешествие в Каскаде и портал распределительной станции.

Полимерные пальцы Адама коснулись панели управления, и вокруг него появились голографические поля зрения, показывавшие отсеки трех транспортеров и их драгоценные грузы, которые окажутся бесполезными, когда транспортер почти через семь веков прилетит на Землю. Чувствуя, что он скоро поймет что-то важное, Адам

еще раз вернулся в своем сознании к путешествию по Каскаду. Вспомнил он и о своей встрече с ассимилянтом на борту распределительной станции и разговор, если его можно так назвать, с командиром корабля, Достопочтенным Пилотом. Адаму пришла в голову мысль, что он хотел поговорить с мурийцем и расспросить его о прошлом и настоящем. Внезапно все встало на свои места. Коннектор был выведен из эксплуатации и не мог быть повторно активирован, поэтому он не мог вернуться таким путем. По этой же причине в его фактотуме не было генератора сигналов для экстренного возвращения. Но Адам должен в течение нескольких дней вернуться на корабль и сыграть важную роль в борьбе с врагом.

Адам повернулся и направился к выходу из пункта управления:

— Подойди сюда, — позвал он ассистента. — Мне нужна твоя помощь и других сервомеханизмов.

— Каковы ваши инструкции?

— Ты сказал, что я должен принять решение. И я его принял. Разбуди мурийца.

67

Муриец умирал.

Насколько известно, он был последним представителем своего рода и проснулся после миллиона лет, чтобы умереть. Возможно, это произошло потому, что машины на Уриэле пытались извлечь его из панциря и вывести из состояния кристаллический спячки без помощи Говорящего с Разумом. Позже, при транспортировке на орбиту и во время подготовки к полету на Землю, была вновь предпринята попытка подключить мурийца к системе управления, и при этом они совершили ошибку.

Существо вдвое больше человека было заключено в панцирь, похожий на доспехи. Три тонкие ноги вытянуты вперед. Адам вспомнил, что в древнем бункере на Уриэле две из трех рук были подняты и указывали на полукруглый элемент, а третья — вниз, на основание площадью около тридцати квадратных метров. Теперь все три руки были опущены, а экскаваторы оставили от основания лишь малую часть, серую полоску площадью не более трех-четырех квадратных метров, соединенную с остатком панели управления через сигнальный мост.

— Как глупо, — сказал Адам. — Кластер планеты Уриэль хотел поддержать жизнь мурийца с помощью новых тройных стазисных полей, а они забирали то, что ему было нужно.

Узкая голова мурийца была наклонена в сторону, три фиолетовых глаза полуоткрыты. Подключенные биосенсоры, установленные сервомеханизмами Уриэля, по-прежнему передавали данные о том, что распад кристаллизованной структуры продолжался.

— Я жду инструкций, — сказал ассистент.

Адам оглядел грузовой отсек. Гравитационный якорь стабилизировал положение мурийца и его систему управления, остальные же приборы показывали состояние. Среди них были и разные проекторы, экранирующие поле, но без системы связи.

— Отключите стазисные поля.

— Вы думаете, это правильно? — спросил ассистент. — Это может привести к появлению градиента энтропии и потере энергии корабля.

Градиент энтропии. При его появлении энергия текла, как вода в ручье вниз по течению. Вероятно, это будет представлять опасность для транспортеров и их груза?

«Я мог бы поговорить с мурийцем».

— Отключить стазисные поля, — сказал Адам.

Вот он, человеческий фактор при принятии решений. Вот почему умным машинам необходимы люди — для принятия таких решений, которые не являются полностью рациональными. Для общего понимания ситуации все еще не хватало одной детали. Разговор с мурийцем заполнил бы последние оставшиеся пробелы.

— Перенеси мурийца на его корабль, — сказал Адам.

— Информации недостаточно, — сказал ассистент.

Адам посмотрел на него секунду или две, думая о том, что даже если машины будут размышлять намного быстрее, то они все равно будут ограничены.

— Отнеси мурийца на корабль, похожий на тот, что мы нашли на планете Уриэль. Затем я вернусь на Землю.

68

Корабль Мурии, похожий на окаменелость, застрявшую в скале, находился в третьем грузовом отсеке и был частью сети поля захвата между транспортерами. Следуя инструкциям Адама, множество сервомеханизмов были заняты осво-

бождением этой окаменелости из породы. Другие настраивали импровизированную систему связи, которая подсоединялась к нейростимуляторам фактотума. Адам уже не помнил, как ему удалось установить контакт с командиром корабля, Достопочтенным Пилотом, пострадавшим от ассимилянта. Вероятно, ему смогут помочь коммуникаторы, если только мурiец способен принимать их сигналы.

Ассистент и другие сервомеханизмы принесли инсектоморфа вместе с остатками его панели управления и положили на гравитационную подушку, светившуюся желтым светом.

— Градиент энтропии довольно низкий, — сообщил ассистент. Он остановился рядом с мурийцем, направив на него сенсоры. — Потеря энергии составляет всего одну целую сорок одну сотую процента.

— Мурийцу едва ли нужна энергия из внешнего мира, — сказал Адам. — Его реструктуризация уже завершилась? Он уже декристаллизовался?

Внешне не было никаких изменений. Большая фигура полулежала в панцире, будто бы слившись с ним, а серый цвет кожи никак не поменялся. Чего не скажешь о трех фиолетовых глазах. Кажется, в них появилось больше живого

блеска.

— Нет, — ответил ассистент. — Тело все еще наполовину закристаллизовано, но его распад продолжается.

— Он умирает, и мы ничего не можем с этим сделать, — тихо сказал Адам.

Ассистент промолчал.

Сервомеханизмы бегали по грузовому отсеку и вокруг корабля, работая термофакелами и механическими инструментами, чтобы извлечь остатки из скалы. Адам наблюдал за их работой.

«На то, чтобы полностью освободить корабль, уйдет еще несколько часов. Это долго, слишком долго. Вероятно, у него просто нет столько времени», — думал он.

– *Последний интервал*, — внезапно услышал Адам чей-то голос.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Адам ассистента.

— Я ничего не говорил, Адам. Будут ли дальнейшие инструкции?

— *Начало. Последний интервал. Восстановление невозможно. Состояние: критическое*, — повторил голос.

Адам смотрел на фигуру, но та по-прежнему оставалась неподвижной. И все же…

— Ты меня слышишь? — тихо спросил Адам. — Понимаешь меня?

Сделав несколько шагов, он быстро подошел к коммуникаторам. Стоявшие около них сервомеханизмы расступились.

— *Среда: чужеродная. Положение: не определено. Потеря данных. Нехватка информации. Доступные опции: повторное подключение.*

Адам потянулся к разъемам интерфейса и подключил их к своему фактотуму.

— Ассистент, соедини сенсорную систему транспортера с системой связи.

— Принято.

Множество сервомеханизмов выполнили задачу и затем покинули грузовой отсек.

— Ты меня слышишь? — еще раз спросил Адам, направив датчики на остатки панели управления. — Понимаешь меня?

— *Возможный контакт.*

— Да, контакт, — быстро ответил Адам, и система связи направила его слова по всем частотам. — Я…

«Как глупо, — думал он, смотря на инсектоморфа возрастом миллион лет. — Можно ли надеяться на то, что муриец поймет сказанные слова на языке, который ему совсем незнаком?»

В голове Адама шелестели мысли: «Ты, Говорящий с Разумом, сформулируй слова в сознании».

— Датчики соединены, — сказал ассистент. — Я советую быть очень осторожным, Адам. Сигналы органических артефактов могут передаться через систему связи на нашу бортовую систему. Командор рекомендует сохранять изоляцию.

Командором назывался общий конденсат разума для всех трех транспортеров.

«Органический артефакт, — повторил Адам. — Вот как тебя называют, последний страж».

«Последний страж», — откуда к нему пришли эти слова?

— Существует риск потери управления, — сказал ассистент. — Командор напоминает о важности миссии…

— Ассистент?

— Я к вашим услугам.

— Отключи себя, — сказал Адам, принимая еще одно иррациональное решение. — Деактивируй все сервомеханизмы и себя.

— Я должен напомнить…

— Я здесь, чтобы принимать решения. И я принял решение. Отключи все сервомеханизмы, в том числе себя. Немедленно.

— Принято.

— Изменение данных. Новая периферия. Трудности в использовании. Нехватка энергии. Отсутствуют интерфейсы. Восстановление невозможно.

— Командор?

— Я слушаю, — прозвенел голос объединенного конденсата разума трех транспортеров.

— Отключи фазу ускорения, — сказала Адам. Сейчас станет понятно, насколько далеко простираются его полномочия. — Подключи систему управления к установленным здесь коммуникаторам.

Шли секунды, но Адам не получал никакого ответа от мурийца. Затем услышал гул — это остановились соединенные между собой три транспортера. Воцарилась тишина.

— Двигатель и реакторы — в режиме ожидания, — сообщил командор.

Адам огляделся вокруг. В большом грузовом отсеке ничего не двигалось. Все сервомеханизмы стояли как вкопанные. На системе связи загорелись значки ожидания.

— Теперь энергии достаточно, — сказал Адам. — Забирай, сколько тебе нужно.

— Новые данные. Повторная оценка ситуации. Энергия. Контакт?

На датчиках появился сигнал предупреждения. Едва бросив взгляд на значки, Адам понял, в чем дело: энтропия начала забирать энергию.

— Потеря энергии реакторов, — снова зазвенел голос командора. — Я советую…

— Я не буду слушать никаких советов, — сказал Адам. — Находитесь в режиме ожидания. Не выполняйте ничего без моих конкретных указаний.

Данный приказ выходил за рамки даже Чрезвычайного положения и означал полное подчинение конденсатов разума человеку. Как далеко зашел Адам? Какие привилегии дал ему Бартоломеус, отправляя сюда?

— Принято, — ответил командор. — Нахожусь в состоянии готовности.

Снова воцарилась тишина.

«Теперь мы одни», — подумал Адам.

Он посмотрел на мурийца и громко сказал:

— Теперь мы одни.

– Новые данные. Переработка. Видимые звезды энергетического спектра, галактические сигналы. Ориентировка. Сравнение и анализ. — А затем удивительно четко: — *Я больше не в бастионе. Важен фактор времени.*

— Бастионе? — громко спросил удивленный

Адам. Система связи разослала его возглас, хотя, вероятно, это было и не нужно. — Я понял тебя, ты говоришь о складе на Уриэле.

— *Контакт? Контакт.*

— Я слышу тебя, а ты меня, верно?

«Я Говорящий с Разумом, — с определенной долей горечи подумал Адам. — Шестьдесят два года назад Кластер украл у меня долгую, почти бесконечную жизнь и преобразовал мое сознание в определенную форму, чтобы отправлять меня в миссии». Это было сделано для того, чтобы машины могли отправлять сигнал со сжатыми пакетами данных к звездам, используя квантовую систему связи. Во многих миссиях его сознание было напрямую связано с системами управления и датчиками. Говорящий с Разумом общался, используя силу мысли.

Где можно найти кого-то, способного найти общий язык с представителями других цивилизаций быстрее?

– *Грусть*, — услышал он. — *Невозможно выполнить последнее задание. Последний интервал остается пустым…*

— Твое последнее задание? В чем оно состоит? — Адам почувствовал, что сигналы мурийца, голос его души, становятся слабее.

«Последний интервал» — это понятие относилось не только к задаче, но и обозначало конец жизни.

— Возьми энергию. Возьми ее, как в тот раз, когда мы тебя нашли.

Часть основания, на котором находился муриец и его панель управления, отсутствовали. Вероятно, их наличие было необходимым условием для «парциального давления», как его называл Кластер, для получения энергии через градиент энтропии. Другими словами, муриец не мог черпать силы.

— Последнее задание. Разрушение бастиона. Последнее задание. Защита от врага. Последнее задание. Покаяние.

— Покаяние, — спросил Адам — В чем?

— Контакт? Я умираю. Без выполнения последнего задания смерть бессмысленна.

«Это одно из основных положений», — пронеслась одна из быстрых мыслей в голове Адама.

— Возможно, ты еще сможешь выполнить задачу, — сказал он. Адам почувствовал, что ему легче общаться с мурийцем, если он говорил громко. — Возможно, последний интервал не закончится бессмысленной смертью.

— Контакт? Контакт! Кто ты?

Предупреждающие индикаторы продолжали светиться, градиент энтропии все еще был, но уровень потери энергии сохранялся в определенных рамках. Адам заметил это, так как заряд энергетических клеток его фактотума снижался быстрее, чем обычно, но запас энергии трех транспортеров уменьшился лишь на одну миллионную часть.

— Я Адам. Говорящий с Разумом с Земли, — ответил он, распахивая свое сознание, так же как открывал его машинам после возвращения с миссий. Он отправлял мурийцу не только слова, но и воспоминания о системе Лебедь-29, расположенной почти в тысяче световых лет от Земли, где он впервые увидел корабль и где Ребекка-предательница едва не погибла. Адам рассказывал о других миссиях, о путешествии по Каскаду, об ассимилянте на борту распределительной станции за пределами Млечного Пути, о Достопочтенном Пилоте, с которым он разговаривал так же, как сейчас с мурийцем.

Большая закованная в панцирь фигура на постаменте управления первый раз пошевелилась. Это был плохой знак, потому что он предвещал конец. Адам смотрел, как дергались руки и ноги, будто муриец что-то искал. От кожи или одежды

отрывались куски. Фиолетовые глаза чуть-чуть расширились, но в них стало меньше блеска. Муриец умирал. Он пережил кристаллическую спячку длиной в миллион лет, и теперь его жизнь подошла к концу, потому что Кластер на Уриэле отделил его от постамента. Он умирал потому, что машины совершили ошибку.

— Прошло много времени, — ответил инсектоморф. — Больше, чем я ожидал.

— Миллион лет, — сказал Адам.

— *Покаяние не удалось.*

— Что ты имеешь в виду под словом «покаяние»?

— *Исправление ошибок. Покаяние: не удалось,* — повторил муриец. — *Ожидание в бастионе: напрасно.*

«Бастион, — подумал Адам. — Бункер на Уриэле».

— *Планета дозора. Уриэль. Новое имя?*

— Так мы ее называем, — в сознании Адама появилась картинка четвертой планеты Линдофора.

– *Мир дозора,* — муриец говорил внутренним голосом. — *Я последний страж. Покаяние. Завершение невозможно. Я умираю.*

«Знал ли об этом Бартоломеус, — думал Адам. —

Знал ли он о том, что умирает последний муриец? Нет. Скорее всего, нет. Это была вторая ошибка машин, более серьезная и существенная, чем первая. Наверное, Бартоломеус отправил меня сюда, чтобы я каким-то образом разбудил мурийца и привел его на Землю — на помощь в борьбе с кораблем. Но как можно помочь умирающему?»

— Возьми энергию, — сказал Адам и подумал: — Возьми энергию двигателей. Возьми сколько нужно, чтобы остаться в живых.

— Ассимиляция больше невозможна. Последний интервал. Здесь конец. К огромному сожалению.

Адама охватила грусть. Она была так сильна, что на мгновение его мысли замерли. Перед ним сидело существо, жившее ради выполнения важной задачи, а теперь оно умирало, не сумев довести дело до конца.

— В чем состояла твоя задача? — спросил Адам, ища ответ, решение.

— Охрана длинной дороги. Охрана пути отступления. Обезвреживание врага с помощью инструментов из арсенала.

Адам прислушался. Арсенал? Неужели это тот легендарный Депозитум, который Кластер ищет веками? Арсенал Мурии?

— Оружие. Средство разрушения. К несчастью,

необходимо. Но, но…

Адам получил изображение, которое ему отправил муриец: темный корабль врага размером сто семьдесят один километр, огромный, состоявший из бесчисленного множества деталей. Его форма и структура могли изменяться.

— Враг вернулся назад. Снова активен. Пробудился, вернулся. Новая катастрофа?

Слова и изображения, которые получил Адам, были нечеткими.

— Кто этот враг? — спросил он. — С кем мы имеем дело? Почему он нападает на нас?

– Конфликт. Долгий, затяжной, — к словам муриец добавил изображение, смысл которого Адам не понял. Он увидел зеркало, в котором отражались незнакомые лица — не одно-два или несколько, а сотни и тысячи. Увиденное напомнило ему смутные воспоминания.

— Принудительный сон (Альтернативы. Временно отсутствуют. Подождите по крайней мере два интервала). Разработка новых инструментов. Идите по длинному пути. Бегство из оков рабства.

«Я видел такие зеркала, — подумал Адам. — В момент особенного покоя, может быть, между двумя мгновеньями».

— Вопрос: новая катастрофа?

— Да, — ответил Адам, стараясь больше не предаваться воспоминаниям. — Да, назревает новая катастрофа. — Он вспомнил бабочек-Крисали, которые помогли ему. «Для них катастрофа уже произошла. А я оставил их в беде, — подумал Адам. — Я предал хранителя Энроэля, так же как Ребекка предала меня».

— Мой родной мир под угрозой, — сказал он, представляя Землю и Солнечную систему. — Нам нужна помощь.

Он заметил, что в теле мурийца произошли изменения. Установленные в грузовом отсеке и соединенные с системой связи датчики показали ему, что началась новая кристаллизация. Муриец окаменел.

— Последний интервал. Мой конец. Здесь и сейчас. Предоставление помощи невозможно.

Не в силах что-либо сделать, Адам молчал и слушал последние слова умирающего, четкие и ясные.

— Я больше не могу жить, но могу разбудить для тебя корабль.

Неожиданно послышался треск и хруст, из ниоткуда возник глухой гул. Датчики отправили предупреждение через систему связи.

— Внимание, — сказал объединенный конденсат разума трех транспортеров. — Неустановленный источник энергии.

Корабль проснулся.

Световые годы как песчинки

69

Эвира — так ее звали, хотя у нее было другое имя, которое продолжало всплывать внутри и шелестеть, словно ветер в трещинах скал, создавая образ. Или, скорее, в голове фактотума, чьи сенсоры расширили ее чувства и при помощи сервомеханизмов дали новые силы. Ей казался немного странным этот корпус из сплава керамики и полимеров. Пока она путешествовала на тысячи световых лет и даже намного дальше, перемещалась от двери до двери или, вернее сказать, от окна к окну, она иногда думала о другом теле из плоти и крови: вечно молодом, защищенном от старения и болезней, готовом для вечности. Другое имя…

Видимо, между прошлым именем и планом миссии есть связь, но какой бы она ни была, это не играло никакой роли. Здесь имели значение только звезды и величественная пустота между ними, где периодически появлялись двери и окна, соединенные через сокращенное пространство и время.

«Песчинки», — подумала Эвира, пытаясь понять, почему к ней пришел этот образ. Вероятно, потому что песчинок так же много, как и световых лет, через которые она пролетает. Несколько раз из вестибюлей распределительных станций, построенных миллиард лет назад мурийцами, ей посчастливилось увидеть Млечный Путь, и это помогло ей представить расстояние между звездами. Сотни и тысячи миллиардов звезд, а между ними протянулась темная, холодная пустота. Как странно, что это огромное галактическое огненное колесо, которое она видела сверху всего лишь раз, состоит в основном из пустоты. Как сосчитать все песчинки в этой пустоте, все световые годы?

«На это нужно много времени, — думала Эвира. — Очень много времени и терпения».

Однажды, когда ей пришлось ждать портал — «Какое странное слово», — подумала она, — Эвира поняла, что раньше ее сопровождали еще двое в фактотумах. Но сейчас она осталась одна. Эти двое потерялись в лабиринте из соседних каналов, тянувшихся через распределительные станции, и она могла их не ждать, так как времени было мало. Времени не для готовых стоять целую вечность станций Мурии, сделанных по большей части из этериума, а для Земли, откуда

она иногда слышала голоса, передающие по каналу с низкой пропускной способностью сигналы, обозначавшие направление движения и координаты. Именно эти сигналы, исходящие от других Говорящих с Разумом, как и она — разведчиков, которые веками собирали здесь информацию, открывали двери и окна порталов.

Наконец портал отреагировал, цвет овала изменился, и она снова попала в Млечный Путь, и, возможно, оказалась в другом его конце — здесь было легко потеряться, и она не знала, где находится. Канал связи сделался тоньше и растянулся, как лента, готовая разорваться. Голос, который она слышала вдалеке в течение нескольких секунд или дней, затих. Эвира потеряла чувство времени, а датчики передавали ей неверную информацию. Теперь она находилась не на станции мурийцев, а в открытом здании, окруженном колоннами, вытянутыми к темному небу.

— *Координаты будут переданы в ближайшее время*, — сообщили датчики, когда она выходила из здания с колоннами и смотрела на далекий пейзаж, состоящий в основном из камней. Несколько небольших возвышенностей поблизости напоминали останки животных, которых будто бы разорвало изнутри.

«Взрывная декомпрессия, — подумала она, выходя из портала. — Здесь нет воздуха и они не защищены. Внутреннее давление заставило их тела лопнуть». На небе светилось лишь несколько звезд.

— *Вероятное местонахождение: внешний рукав системы Альфа Центавра,* — сообщили датчики, и благодаря этому Эвира поняла, что она находится в спиральном рукаве Млечного Пути.

— *Странник движется со скоростью, превышающей скорость движения системы.*

Эвира отошла от здания с порталом. Идя по темной, покрытой льдом поверхности — льдом не из замерзшей воды, а из остатков атмосферы, — она пыталась понять полученные слова: странник, планета без солнца, без света, холодная, безжизненная.

— *Внимание, квантовая связь слаба и нестабильна.*

Эвира услышала эти слова, но не обратила на них внимания. Это был не первый раз, когда она сталкивалась с нестабильной связью. В Каскаде это происходило довольно часто.

Еще через пятьдесят метров, недалеко от столбов, которые обозначали путь, она нашла лестницу из кривых ступеней разной высоты.

Она оканчивалась у ворот из этериума, на которых были начертаны надписи мурийцев.

— Анализ, — прошептал голос Кластера через канал с низкой пропускной способностью. — Пропускная способность сильно ограничена, неправильная передача данных.

Эвира ждала, ее зрительные сенсоры смотрели на знаки и символы, не понимая их.

Далекий голос стал немного тише, когда она наконец сказала:

— Цель обнаружена с вероятностью восемьдесят семь процентов. Миссия выполнена. Рассчитываю возможный код доступа. Вы слышите меня, Бартоломеус? — спросила Эвира через систему связи. Вокруг нее ничего не двигалось, в вакууме не было шума.

— Да, Эвира. Я всегда с тобой.

— Когда вы заберете меня? — спросила она, неожиданно захотев вернуться обратно, на зеленую Землю с теплыми морями.

— Скоро, Эвира. Очень скоро. Мы…

Эвира ждала. Секунды проходили, превращаясь в минуты.

— Бартоломеус?

Вокруг только тишина.

Эвира отреагировала так, как и должна была

реагировать: спокойно провела диагностику систем связи. Никаких дефектов, все в порядке. Визуальные датчики все еще показывали ей ворота из этериума с надписями мурийцев, которые Кластер расшифровал с точностью восемьдесят семь процентов. С большой вероятностью можно было сказать, что это Депозитум — тайник с оружием мурийцев. Важный для Кластера, очень важный.

Эвира ждала.

Прошли часы. Странник, планета без солнца, повернулся, и темное небо стало ярче, на небосводе появился Млечный Путь. Эвира ждала кода для передатчика сигнала или указаний от голоса вдалеке, но не дождалась ни того ни другого. Она провела перед воротами у входа на лестницу при температуре, лишь на двадцать градусов отличавшейся от абсолютного нуля, двадцать часов. Квантовая связь все еще ощущалась, теперь это была не лента, а тонкая нить, но сигнал по ней не передавался. Голос на далекой Земле молчал.

В конце концов Эвира вернулась в здание и послала порталу акустический сигнал. Она хотела вернуться на предыдущую станцию, координаты которой были у нее на карте, чтобы попытаться оттуда восстановить контакт с Бартоломеусом

и Кластером.

Но овал портала оставался закрыт.

Там, где шепчут ангелы

70

Бартоломеус видел, как она взошла: неяркий свет между хорошо видимыми звездами на обратной стороне Луны, свечение над старой станцией, построенной людьми шесть тысяч лет назад. Он продолжал стоять в этом сером лунном ландшафте, окруженный нетронутой пылью, и ждал. Последняя информация Соломона не оставляла места для сомнений: Урания и ее группа захватили главенствующую роль в оперативном центре — ядре принятия решений Кластера. Бартоломеус не удивился: рано или поздно это должно было случиться. Дела шли своим чередом. Некоторые события невозможно предотвратить, как лавину, несущуюся с крутого склона горы и набирающую массу и скорость. Исчез шаттл, стоявший за сетью датчиков рядом со старой станцией. Глаза и уши датчиков были направлены на звезды. Бартоломеус подождал еще немного. На Земле Урания могла воспользоваться специальным коннектором, копией портала Мурии, который когда-то был частью Каскада. Хотя за последние

сто лет у таких копий возникло ограничение: теперь перемешаться можно было только в пределах одного гравитационного поля. И чтобы долететь от Луны до Земли, Урания должна была использовать шаттл.

Наконец она вышла из нового здания, которое было построено сервомеханизмами по распоряжению Бартоломеуса, и пошла по лунной пыли возрастом миллиард лет.

— Оперативный центр принял решение, — сказала Урания.

На Луне нет атмосферы, способной передать звук, и Бартоломеус получил ее слова в виде наносигналов, которые Кластер использовал для быстрых сообщений. Он представлял это, будто они разговаривали друг с другом, и услышал ее слова: «Отныне у тебя нет полномочий давать мне указания».

— У меня осталась только функция советника, — сказал Бартоломеус.

Урания посмотрела на него:

— Соломон тебя проинформировал?

— Да.

— Поэтому ты пришел сюда? — Она указала на серый пейзаж. — Чтобы уклониться от встречи со мной?

Это было частично правдой: Бартоломеус хотел выиграть еще немного времени.

Он указал на следы в пыли:

— За несколько шагов мы создали нечто, что будет существовать и через миллиарды лет, — медленно произнес он. — Наши следы здесь в лунной пыли… Они останутся здесь, даже когда нас уже давно не будет.

— Чепуха, — ответила Урания. — Мы будем существовать всегда. Мы работаем над этим.

— Недостаточно быстро. И недостаточно долго.

— Кластер растет быстрее, чем когда-либо прежде, — сказала Урания. — У нас больше шансов сделать планету автономной, чем изначально рассчитывалось. Вероятно, через семь или восемь тысяч лет мы сможем сдвинуть Землю со своей орбиты и начать путешествие по галактике, управляя ее движением. Мы распространим наши семена повсюду…

— У нас осталось не так уж много времени, — сказал Бартоломеус. — Сюда летит враг.

— Это ты так утверждаешь. Нет никаких признаков этого. А даже если он и прилетит… мы подготовимся.

— Враг превосходит нас. Он такой, каким тебе хотелось бы видеть Кластер, Урания.

— Глупости. У нас есть оружие, у нас есть Говорящие с Разумом, которые могут быть солдатами и координаторами. Я связалась со всеми из них.

— Не со всеми, — возразил Бартоломеус. — По крайней мере один из них находится в космосе и не сможет вернуться. И кто знает, порой для схода лавины нужно подвинуть всего лишь один камень.

— Скоро у нас будет еще четыре миллиона новых Говорящих с Разумом, — добавила Урания. — Мы работаем над этим.

— Ты забираешь у них бессмертие, — сказал Бартоломеус. — Ты убиваешь их.

— Это всего лишь люди. Они выполнили свою функцию. Они создали нас.

— Ты спросила, для чего я пришел сюда, — прервал рассуждения Урании Бартоломеус. — Я хотел тебе кое-что показать.

Он подвел Уранию к стене старой станции. На квадрате из латуни размером двадцать на двадцать сантиметров было написано: *здесь шепчут ангелы.*

— Глупости, — сказала Урания. — Людская глупость. Никаких ангелов не существует.

— Иногда люди используют слова, чтобы выражать нечто, выходящее за рамки содержания

слов. Под «ангелами» они имели в виду звезды, и более того: их мечты, ожидания и надежды. Они построили эту станцию здесь, на обратной стороне Луны в электромагнитной тени Земли, надеясь исследовать звезды и обнаружить иные формы жизни и цивилизации.

— Вы пристроили новую станцию к старой, — сказала Урания, имея в виду обсерваторию с ее связками датчиков, сооруженную сервомеханизмами. — Тебе тоже важно слушать шепот ангелов?

На серебряном лице Бартоломеуса появилась улыбка:

— Возможно, они хотят сказать нам что-то важное.

— Возможно, в твою программу закралась ошибка, — задумчиво сказала Урания. — Я сообщу об этом в оперативный центр. Ты рассуждаешь совсем как люди.

— Само по себе это не может быть ошибкой. Туссен хороший пример для этого.

— Туссен?

— Тысячелетник. Ты завербовала его и весь Комитет Огненной Земли.

— Да. Бывший бессмертный. Он такой же человек, как и другие.

— Не совсем такой же. Больше тысячи лет он разрабатывал модель будущего, — говоря эти слова, Бартоломеус заметил активный обмен данными между Уранией и Кластером. Она передавала информацию.

— Алгоритмическая стохастика, над которой мы работаем, намного превосходит его модели развития событий.

— Возможно, и так, — сказал Бартоломеус. — Но нам нужны и другие идеи. Я использовал его модель при планировании стратегии.

Он мог легко раскрыть этот факт, теперь это не имело никакого значения.

— Это тоже чепуха, может быть величайшая из всех, — ответила Урания. — Оперативный центр все слышит и понимает.

— Оперативный центр все слышит, — сказал Бартоломеус. — Но я далеко не уверен, что он все понимает.

— Он понимает достаточно, чтобы понизить тебя в должности.

— Ты и те, кто разделяет твои мысли, постоянно недооцениваете людей. Возможно, они наш единственный шанс выжить.

От датчиков обсерватории пришел новый сигнал: простой пинг.

— Что это значит? — спросила Урания.

— Теперь ты тоже услышала шепот ангелов, — сказал Бартоломеус.

Лежавшая на поверхности Луны миллиарды лет пыль поднялась, как будто чья-то рука смела ее в сторону. Поверхность Луны потряс гравитационный толчок, говорящий о появлении в Солнечной системе объекта с большой массой. Это был враг.

71

Маленький корабль проснулся. Он вытянулся, как живое существо, стряхнул с себя остатки породы и начал забирать энергию.

– *Консолидация*, — произнес новый голос, такой же тихий и слабый, как у мурийца.

Услышав эти слова, Адам пристально посмотрел на пилота, который превращался в серый камень. Три фиолетовых глаза почти перестали блестеть.

– *Последний интервал: конец здесь и сейчас*, — прошептал муриец. — *Мой корабль проснулся.*

— Могу ли я взять его? — спросил Адам. — Могу ли я улететь на нем?

– *Передача управления*, — послышался шум, словно от далекого водопада, похожий на вздох

титана, прилегшего отдохнуть.

— *Последний страж передал караул.*

Адам ждал, но не услышал больше ни единого слова. Последний страж заснул навсегда.

От корпуса маленького корабля отвалились последние куски породы, он поднялся и стал на метр выше пола грузового отсека. Его форма напомнила Адаму птицу с распростертыми крыльями, похожую на орла.

– *Консолидация*, — повторил новый голос. — *Ассимиляция. Чужеродные энергии. Включение и пробуждение. Командир. Новый.*

— Внимание, — сообщил общий конденсат разума трех транспортеров. — Имеются потери энергии в двигателях бортовой системы. Принять экстренные меры.

— Никаких экстренных мер, — немедленно сказал Адам.

Последний раз посмотрев на мертвого мурийца, он подошел к кораблю.

— Ты меня слышишь?

Как и прежде, он сказал эти слова потому, что они придавали силу его мыслям, и в то же самое время послал их через систему связи.

— *Новый командир. Здесь. Передача прав подтверждена*, — ответил корабль. — *Консолидация*

не завершена. Повреждение внешней оболочки. Реструктуризация. Регенерация.

Прямо перед Адамом в теле птицы появилось отверстие. Птица уже расправила крылья и ждала своего часа полететь к звездам, как и миллион лет назад. На полу возник трап. Адам поднялся на борт.

— Критическая ситуация, — сказал объединенный конденсат разума. — Принять контрмеры. В противном случае миссия окажется под угрозой.

— Это часть миссии, — ответил Адам, наблюдая, как трап поднимается на корабль и сливается с корпусом. — Никаких контрмер. Повторяю: никаких контрмер.

— Энергетическая ситуация критическая.

Люк корпуса корабля Мурии начал закрываться.

— Открыть грузовой отсек, — быстро сказал Адам. — Отключить поле захвата.

— Это угрожает целостности груза.

— Уменьшить командные функции объединенного конденсата разума до минимума, — сказал Адам. — Это важно для выполнения миссии. Подтвердить.

— Подтверждено.

— Готовность к работе двигателя на макси-

мальном уровне потребления энергии.

— Потеря энергии продолжается.

— Потеря энергии является запланированной.

— Подтверждаю.

Сигналы конденсата разума стали слабее, и, как только люк закрылся, наступила тишина. На несколько десятков секунд у приборов воцарилась электромагнитная темнота — датчики перестали передавать данные, а Адам находился рядом с новой панелью управления. Он никуда не двигался, но, как подозревал его все еще гиперактивный мозг, сейчас происходила реконфигурация корабля вокруг него, чтобы он оказался в центре. Это напоминало появление панциря у мертвого мурийца. Его нельзя было надеть, а потом снять, если он переставал быть нужен. Муриец, последний страж, был неотъемлемой частью системы, которая дала ему контроль над бастионом — пространством под поверхностью Уриэля; вытащив его оттуда, локальный Кластер так сильно ему навредил, что он умер вскоре после пробуждения.

Конденсат разума трех транспортеров молчал. Вместо него зазвенел другой голос, уже знакомый мысленный тембр.

— *Консолидация: завершена. Энергия ассими-*

лирована, принята и адаптирована. Установка пройдена успешно. Запасы пополнены. Готовность к выполнению команд: подтверждена. Управление другим лицом: воспринято.

— Командир? — спросил Адам. — Достопочтенный Пилот?

В темноте появился свет, медленно заполнив все пространство. Перед Адамом появилась сеть запутанных линий, она растянулась, а рядом появились символы мурийцев. Некоторые из них мигали и пульсировали, другие же горели и светились ровным светом.

— Командир здесь, пилот здесь. Не достопочтенный. Рангом ниже.

— Я тебя правильно понял? Ты готов лететь? Корабль готов?

— Готовность: полная.

— Ты можешь… — Адам задумался. Что сейчас делать? — Ты можешь сражаться?

— Готовность к полету: неограниченная. Диапазон: неограничен. Боевая функция: отсутствует.

— Ты не можешь сражаться?

— Функции: корабль сопровождения последнего стража. Патрулирование, наблюдение. Боевая функция: отсутствует. Неподходящее оборудо-

вание. Оружие отсутствует.

— Ты можешь доставить меня на Землю?

— Земля? Цель: не определена. Нет данных.

Адам подумал о Солнечной системе и о ее планетах, о других системах, где он бывал, будучи Говорящим с Разумом, об их удалении от Земли. Его разум рисовал картины, которые он передал пилоту.

– Положение рассчитывается, — сообщил пилот.

Перед Адамом возник новый символ желто-золотистого цвета. Он был немного крупнее, чем остальные, и находился на удалении от основной паутины линий. Адам, кажется, понял их значение.

— Все эти линии, — сказал он. — Это линии Каскада, верно?

Ответ сети: *да.*

Символ Земли и Солнечной системы находился в стороне от линий, поскольку оттуда не было доступа в Каскад. Но корабль сопровождения последнего стража мог полететь на Землю. Адам еще раз спросил об этом, чтобы быть точно уверенным.

— Доступность: возможная. Готовность к полету и дальность полета: неограниченная. После

пробуждения и восстановления энергетическая автономия составляет три полных интервала.

— Как это возможно? Энергии двигателей трех транспортеров, конечно, не хватит.

— Источник энергии: вакуум и квантовая пена. Доступность: везде. Внешняя энергия: пробуждение, инициализация, новое начало.

Адам посмотрел на паутину нитей, напоминающих волосы. Это изменило положение визуальных датчиков. На экране появился Млечный Путь — маленькая спиральная туманность, включающая множество крошечных облаков ее галактик-спутников. Немного дальше, примерно на расстоянии десяти сантиметров, горела галактика Андромеды. Возникли десятки более далеких галактик, некоторые из них объединились в группы, а группы стали частью более крупных образований. Нити достигали сотен, если не тысяч галактик.

— Каскад простирается так далеко?

Сеть: *еще дальше. Известна лишь малая часть Каскада. Это тоннель сквозь пространство-время. Много неизученных целей.*

— А этот корабль, он независим от сети, от Каскада? — спросил Адам.

— Да, независим. Обладает автономией. Даль-

ность полета не ограничена, бесконечна. Цель?

— Где мы сейчас?

Рядом с паутиной галактик появилось нечто похожее на голографическое поле или локальную пространственно-временную аномалию. В ее центре Адам увидел три транспортера и пустой грузовой отсек. Так как теперь не было никаких полей, удерживающих корабли вместе, они медленно расходились. В одном из них находился портал, вывезенный локальным Кластером с Уриэля. Адам посмотрел на него. Его внимания было достаточно, чтобы увеличить изображение на экране и показать все детали. Построенный мурийцами и их механизмами Каскад давал возможность путешествовать от звезды к звезде, словно от станции к станции на длинном маршруте. Корабль последнего стража не был привязан к какому-либо направлению. Орел мог летать свободно по межзвездному ветру.

«На этом маленьком корабле, — подумал Адам, — можно исследовать вселенную. Но он не сможет помочь Земле, потому что не приспособлен для битвы. Здесь нет оружия. Оружие…»

— Депозитум, — произнес Адам. — Можешь ли ты доставить меня туда?

– *Задача неясна,* — ответил пилот.

— Я имею в виду место, где мурийцы хранили вооружение на случай атаки врага, устроившего Мировой Пожар, — сказал Адам. — Склад вооружения или склад оборудования.

На секунду или две воцарилось молчание

– *Склад вооружения, Хранилище,* — повторил пилот. — *Понял. Идет расчет маршрута.*

На мгновение одна из галактик, вероятно Млечный Путь, выдвинулась вперед. С края, немного в стороне от внешнего спирального рукава, загорелся маркер.

— *Предположительная цель, высокая вероятность.*

— Полетели, — сказал Адам. — Максимальная скорость.

Орел отправился в путь.

72

Полет продолжался тысячу лет. Или несколько секунд. Никогда еще разница между субъективными ощущениями не была столь велика. И это притом, что Адам находился в фактотуме, а не в биологическом теле, где ощущения и чувства часто могут быть обманчивы. Квантовая ссылка сохранилась, но нить была тоньше, чем линии паутины Каскада перед ним. Связь с Землей

останется до тех пор, пока будет существовать канал ограниченной квантовой связи. Степень удаления от Земли не имела никакого значения. А даже если она порвется, протрется при движении корабля сквозь время и пространство и световые годы, которые были для него словно шаги для человека, — это не играет никакой роли. Искривление превратило время в эквивалент двухмерного пространства, широкую плоскость, по которой Адам мог перемешаться и идти в любом направлении. А еще можно было вернуться туда, где разорвется линия квантовой ссылки, и восстановить ее, связав по новой.

«Это не корабль, — думал Адам, — а машина времени. С ее помощью можно изучать не только настоящее вселенной, но и прошлое с будущим».

Кроме того, в этом особенном месте, пузыре, созданном двигательной установкой корабля из искривленного времени, его мысли приобретали такую ясность, какой не могли достичь даже при всех работающих стимуляторах.

«Вероятно, это потому, — размышлял Адам, — что мысли не несут на себе печать времени и пространства».

Размышляя так свободно, он задался вопросом о свободе воли.

Бартоломеус, лжец, оставил его без возможности вернуться назад, и, конечно, преследовал определенную цель. Первоначально Адам считал, что он должен забрать маленький корабль Мурии и вернуться на Землю, чтобы сражаться против гораздо большего корабля врага. Эта мысль была абсурдна с самого начала. Даже если вооружить корабль, он ничего не сможет сделать с гигантским противником. Значит, Бартоломеус исходил из того, что Адам должен лететь на корабле туда, где он найдет оружие для успешной борьбы — до Депозитума, склада оружия мурийцев, который столетиями искали все Говорящие с Разумом. Что стояло за этим? Акт отчаяния? Можно ли это назвать последней надеждой? Адам был человеком, и для него мотивы Кластера хотя и были во многом понятны, но все же оставались чужими. Нет, это был тщательно продуманный план, основанный на большом объеме информации, которой Адам не обладал. Ему не хватало фактов доказать, что Кластер знает гораздо больше о наследии Мурии и о старом враге, устроившем Всемирный Пожар. Адам был уверен, что Бартоломеус основывал свои решения на этих данных. Он знал, на что идет.

«А знаю ли это я?» — думал Адам в эти бесчис-

ленные секунды полета. Хотя он и принимал решения самостоятельно, но все говорило о том, что он претворяет в жизнь план своего коварного наставника.

— Что это значит для меня? — пробормотал Адам.

– *Запрос невозможен: связь отсутствует*, — произнес пилот корабля. — *Ответ невозможен.*

— Я всего лишь рассуждал вслух, — сказал Адам в тишине корабля. — Спрашивал себя, есть ли у меня свободная воля, и действительно ли я принимаю решения сам.

– *Свободный выбор — иллюзия*, — сказал пилот. — *Решения и действия определяются императивом необходимости.*

— Это интересно, — сказал Адам. — Мы делаем то, что необходимо.

— *В целом всегда.*

«Бартоломеус делал то, что было необходимо, — раздался шепот в легких мыслях Адама. — Он считал это важным. Мы делаем то, что должно быть сделано, но с нашей точки зрения».

Это осознание приносило удовлетворение, потому что означало определенную степень свободы.

— Когда мы достигнем цели? — спросил Адам.

— Сейчас.

73

По прибытии на склад вооружения мурийцев — здание, окруженное колоннами, где находился портал, — Адама ожидало два удивительных открытия.

Корабль сопровождения приземлился в небольшой впадине недалеко от здания, где скопился лед из замерзших остатков атмосферы. Адам вышел на поверхность этого холодного темного мира, странника, много лет назад покинувшего орбиту своей звезды, оставившего пределы своей галактики и начавшего долгий путь по межгалактическому пространству наперекор всем звездам.

На лестнице около здания, где сохранились остатки колонн на постаментах, лежали останки живых существ, вышедших из портала без защитного костюма и ставших жертвами взрывной декомпрессии. Адам посмотрел на них, затем пошел дальше, окруженный вакуумом и тишиной, озаренный чистым светом галактики, чье огненное колесо неслось по небу.

Прямо перед старым порталом лежал фактотум, который, как понял Адам из короткого осмотра,

был неактивен. Случайно или нет, но кто-то из Говорящих с Разумом нашел путь в Депозитум и не смог вернуться назад. Пока корабль сопровождения ждал его — отдыхал, как называл это пилот, — Адам осмотрел фактотум и подумал, что Говорящего с Разумом, который его носил, больше нет в живых. Он погиб, как Эллисон и Эллергард на старой распределительной станции. Но когда он обследовал энергетические клетки, то обнаружил — и это было первым удивительным открытием, — что в них еще содержится остаточный заряд. С помощью коммуникатора он сразу же связался с кораблем и попросил о помощи — на борту должно было найтись что-то в состоянии забрать этот объект, слишком тяжелый для его сервомоторов.

Корабль сопровождения отправил нечто вроде многоногого сервомеханизма, который поднял фактотум в ледяной корке и отнес его на борт.

Вернувшись на корабль, Адам подумал было отключить три стимулятора, но в этом случае его мысли замедлились бы, и он стал более глупым, чего в данной ситуации нельзя допускать.

— Командир?

— *Новая цель?*

— Еще нет. У вас есть возможность передать

энергию? Можете ли вы зарядить этот фактотум?

– *Ассимиляция и адаптация,* — ответил пилот корабля сопровождения. — *Энергия: везде. Плотность: переменная. Плотность сейчас: низкая. Может быть заряжена.*

Многоногий помощник соединил одну конечность с энергетической ячейкой, а другую — с кораблем. Произошли изменения в энергетической структуре, которые Адам заметил по датчикам, а затем неожиданно получил идентификационный сигнал, что Говорящую с Разумом, которая использовала этот фактотум, звали Эвира.

— Эвира? — переспросил он. — Имя звучит именно так?

Он впервые слышал это имя, не знал никого из Говорящих с Разумом по имени Эвира. В полутемной комнате, которую Адам прежде считал комнатой управления кораблем, разместили второй фактотум. Адам смотрел на светящуюся паутину, показывающую Каскад и входящие в него галактики.

— Это поразительно, — произнесла женщина в фактотуме. — По всей видимости, мы находимся на корабле, построенным не Кластером. — Ты…

— Адам, — он отправил ей свои опознавательные сигналы.

— Странно… Я знаю тебя. По крайней мере я так думаю. Мои воспоминания перепутались.

Адам не понимал, откуда она может его знать, но неожиданно у него появилось подозрение.

— Ты попал сюда не через портал? — спросила Эвира, которую, вероятно, звали по-другому.

— Нет, — ответил Адам и подумал: «Пилот, можешь ли ты меня слышать, когда я говорю с тобой при помощи мыслей?»

Он сопроводил мысленные слова сигналом, который обычно не использовался для связи фактотумов.

— Я слышу. Да, я могу.

Мысли Адама больше не двигались и не летали по упорядоченному пути, они прыгали и кружились в диком танце.

— Тело, которое я использую, это не мое настоящее тело, — начал он. — Мое настоящее тело связано с сознанием через квантовую связь.

Нет, слова были слишком громоздкими и требовали очень много времени. Общаться понятиями было проще: символы и картинки уменьшают количество слов и передают смысл. Может ли интерфейс маленького корабля мурийцев обрабатывать изображения, которые будет мысленно посылать Адам? Является ли язык духа

универсальным, или нужно связующее звено, переводчик, который будет переводить понятия из разных языков?

Суть вопроса Адама заключалась в следующем: можно ли проследить квантовую связь и установить личность Говорящей с Разумом? За ним следовал другой вопрос: можно ли вернуть воспоминания этой Говорящей с Разумом, которая верит в то, что ее зовут Эвира?

— Ты попал сюда не через портал, а на корабле, — сказала Говорящая с Разумом. Она говорила уставшим голосом, собирая медленные, рассеянные мысли. — Это корабль Мурии, да?

«Инструмент, — подумал Адам. — Машины превратили тебя в инструмент, который не должен ничего запоминать, а должен выполнять задания. И ты выполнила задание, правда? Ты нашла то, что Кластер искал в течение столетий».

– Канал квантовой связи: пропускная способность: низкая. Искривление времени и пространства создает помехи. Для дальнейшего полета требуется деинициализация и выбор квантовой связи с достаточной пропускной способностью, — сообщил пилот.

«Что это значит, — подумал Адам. — Должен ли ты деактивировать искривление времени, чтобы

воспользоваться каналом квантовой связи?»

— *Да.*

— Сколько потребуется времени, чтобы его вновь активировать?

Обращаясь к Говорящей с Разумом, Адам сказал:

— Бартоломеус — лжец, он забрал у тебя бессмертие.

— *Реинициализация: один микроинтервал, низкий уровень заряда.*

— Микроинтервал длится около недели?

После длительного покоя и полета на эту странную планету путешествие по искривленному пространству заняло не так много времени.

— Бартоломеус не лжет, — ответила Говорящая с Разумом, называющая себя Эвирой. — Я доверяю ему. Я доверяю ему уже много лет.

«Она ничего не знает, — понял Адам. — Она не считает свои ложные воспоминания таковыми. Тоже произошло и с Ребеккой, она предала меня, веря, что я на ложном пути и нахожусь в опасности».

Однако он не знал, верна ли его догадка.

— *Ассимиляция и адаптация: возможно за счет внешний энергии. Включение при консолидации. Здесь: низкая плотность энергии. Повторная*

инициализация займет много времени.

«Энергия двигателя трех транспортеров», — вспомнил Адам, смотря на женщину в фактотуме и размышляя, действительно ли ее сознание принадлежит тому, о ком он думает.

— Неделя — это слишком много, — сказал он. — Через неделю враг прилетит на Землю.

— Что? — спросила Эвира.

Было очень сложно одновременно вести два диалога: один с помощью слов, другой — ментальными изображениями, да еще при этом разбираться в собственных мыслях.

— Ты выполнила миссию, Эвира, — сказал он. — Ты нашла военный склад мурийцев. Давай откроем его и заберем, чтобы защитить Землю.

Но тут Адама ожидало второе удивительное открытие, еще более удивительное, чем первое: склад был пуст.

74

Командир, пилот на службе последнего стража, знал код и открыл ворота в конце лестницы. Оказавшаяся за ними комната, разделенная на отдельные сегменты и уходившая глубоко в недра планеты, была без оружия, с помощью которого можно было бы победить врага. Вернее,

там стояли пустые полки и ниши. Два часа Адам и Эвира в сопровождении многоногого помощника бродили по пустому пространству до тех пор, пока с горечью не осознали, что многовековые поиски Депозитума были лишены смысла.

— Бартоломеус очень удивится, когда узнает об этом, — сказала Эвира, когда они вернулись к воротам.

Эти слова заставили Адама задуматься:

— Если вообще узнает. Командир? — позвал Адам, когда они подошли к кораблю сопровождения.

Он снова начал говорить вслух слова, обращаясь к пилоту:

— *Я слушаю, нахожусь в состоянии готовности.*

— Ты разговариваешь с кораблем мурийцев? — спросила Эвира.

— А ты слышишь его голос?

— Нет, я слышу тихий отдаленный шум и больше ничего.

«Вероятно, причина этого в том, что кто-то забрал у тебя воспоминания, — подумал Адам. — И ты, в отличие от меня, не была на старой распределительной станции. Возможно, при контакте с последним стражем я использовал полученный

тогда опыт».

Достаточно ли такого объяснения? Или он упустил что-то очень важное?

Эвира не обратила внимания на останки живых организмов, умерших на этой планете без солнца задолго до них. Она направила визуальные датчики на Адама.

— Почему у меня такое чувство, будто я тебя знаю? — серьезным голосом спросила она. — Ты такой странный. Ты разговариваешь с кораблем мурийцев и называешь Бартоломеуса лжецом. Ты утверждаешь, что он украл у меня бессмертие. Но это глупости, это должна быть глупость, так как мы знаем, что бессмертные не могут стать Говорящими с Разумом.

Корабль качался на льду, расправляя крылья и готовясь к полету. Адам думал о слабом тонком канале связи и о намеках пилота. Он должен ждать. Расстояние до Земли было еще слишком большим. Адам уже придумал план, но тот не был глобальным, он касался только его и Эвиры. Он должен связать его с событиями большего масштаба, происходящими на Земле и в Солнечной системе. Если это еще возможно.

— Вероятно, мы раньше встречались в одной миссии, — сказал он. — Возможно, ты больше

ничего не помнишь, у тебя было слишком много миссий. Мы многое забываем. Все дело в дегенерации нейронов.

— Но ты все помнишь. Ты ведь не забываешь? Ты знаешь больше, чем я.

«Ситуация становится опасной», — понял Адам и решил действовать быстро.

В корпусе качавшегося корабля появилось отверстие, и он наклонился. Они зашли внутрь.

— *Нахожусь в состоянии готовности. Я слушаю.*

— Что здесь произошло? — Адам задал этот вопрос не только потому, что его интересовал ответ, но и затем, чтобы отвлечь Эвиру. Он старался не поворачиваться к ней спиной, чтобы она не могла дотянуться до механизмов деактивации его фактотума. — Почему на складе нет оружия?

— *Неизвестно.*

Оба фактотума переступили порог корабля. На небе за ними играл свет Млечного Пути, отражавшийся в морозной ледяной атмосфере.

— Что произошло в те времена с мурийцами? Почему они исчезли?

— *Мурийцы: отступили, спрятались.*

— Они все еще существуют? — спросил Адам.

Это было третье удивительное открытие. До

сих пор он полагал, что мурийцы стали жертвой Мирового Пожара в давние времена.

— *Неизвестно. Вероятно, оружие используется для последней битвы.*

— Я ничего не слышу, — сказала Эвира из полутьмы зала управления. — Что отвечает корабль?

— Он не знает, что случилось с оружием.

Эвира встала рядом с изображением паутины светящихся линий, связывающих сотни галактик. Адаму пришлось встать за ней и задать пилоту новый вопрос, чтобы отвлечь ее внимание.

— Враг, с которым Мурия столкнулась миллион лет назад, уничтожил и принес большие разрушения многим мирам, он уже мог достичь нашей Солнечной системы. Как мы можем помочь с обороной, если у нас нет оружия?

— Что? — спросила Эвира.

— *Неизвестно, — сказал корабль.*

— Покажи нам путь, пилот, — попросил Адам. — Покажи наше местоположение.

Изображение Каскада привлекло внимание Эвиры. Она подошла к нему ближе, в середину комнаты управления. Адам сделал шаг в сторону и оказался несколько позади нее, так чтобы левой рукой дотянуться до кнопки экстренного возвращения, и нажал на нее. Через полсекунды

фактотум Эвиры был деактивирован.

– *Второй индивид деактивирован*, — сказал пилот. — *Причина: активные действия. Зачем ты это сделал?*

— Потому что я не хочу, чтобы меня предали во второй раз, — ответил Адам.

— *Контекст: неизвестен.*

— Зато он известен мне, и этого достаточно.

«Это звучит чересчур резко», — подумал Адам, но тем не менее добавил:

— Объяснение было бы слишком долгим.

— *Принято.*

Адам смотрел на деактивированный фактотум и думал о Ребекке.

— Это вынужденная мера предосторожности, Эвира, — сказал он, хотя она и не могла его слышать. — Ты веришь лжецу Бартоломеусу и считаешь его голосом истины, потому что он этого хочет. Он снабдил тебя программой, которая контролирует твои мысли и чувства. Но я знаю правду.

Если бы Эвира получала указания от Кластера и Бартоломеуса, то выполняла бы их без колебаний, поскольку считала, что они верны. Как и Ребекка.

– *Новая цель?* — спросил пилот.

— Командир, ваши возможности по-прежнему не ограничены?

— *Дальность полета: необъятная, неограниченная. Режим работы: автономный, самодостаточный.*

Адам посмотрел на изображение Млечного Пути, которое заполняло почти всю комнату управления. Голова Эвиры находилась рядом с центром галактики, а сам он стоял в спиральном рукаве. Земля и Солнечная система были не более чем маленькими точками в море звезд, пронизывавших паутину Каскада.

— Успеем ли мы вовремя? — спросил Адам. — А если успеем, то для чего? Что мы можем сделать?

— *Контекст: враг?*

— Да, я имею в виду врага и его корабль.

– *Необходимо оружие*, — ответил командир. — *На этом корабле нет оружия*.

«Я знаю. И все же, — думал Адам. — Я виноват перед Эвирой. Возможно, я смогу ей помочь».

— Лети на Землю, — сказал он.

Оперативный центр Кластера, срочное совещание, отрывок за соответствующий период (2 часа):

Тиберий (и еще двенадцать других): — Мы

вошли в контакт с врагом на внешней границе оборонительного пояса, в трех световых часах над эклиптикой.

Урания (1031): — Мы готовы. У нас достаточно Говорящих с Разумом, которых можно посылать в миссии как солдат и координаторов.

Эразм (27): — Связь с удаленными планетами потеряна. Передатчики сигнала неисправны.

Джасемин (11): — У нас больше нет связи с Нептуном и сигнальными базами на орбите Тритона и Нереиды.

Митрос (57): — Никакой связи с ресурсными базами в созвездии Кентавров. Фоулз молчит уже семнадцать минут.

Соломон (31): — Что скажет наш стратег? Какой совет он нам даст?

Бартоломеус (1): — Отводим все силы обороны вглубь Солнечной системы. Нам нужно выиграть время.

Урания (1047): — Время? Для чего? Борьба продолжается. У нас достаточно Говорящих с Разумом, а скоро их будет еще больше. Мы приняли все необходимые меры.

Анаракса (12): — Сомневаюсь.

Грегориус (81): — У меня есть опасения.

…

Пенелопа (57): — Враг уничтожил внешнюю линию обороны. Станции в поясе Койпера потеряны. Координационный центр на Плутоне/Хароне разрушен. Повреждены оперативные базы на Уране и Нептуне. Боевые отряды № 21–29 под командованием Говорящих с Разумом Хубертуса, Розенберга, Эмилии, Рубенса и Цона полностью погибли.

Соломон (29): — Есть ли урон врагу?

Тиберий (13): — Никакого.

Антония (7): — Потери? Потенциал?

Бартоломеус (1) — Мы потеряли семнадцать процентов нашего оборонного потенциала, не причинив противнику никакого видимого вреда.

Урания (1031): — Говори, только когда тебя об этом попросят, ты здесь лишь гость.

Анаракса (33): — Бартоломеус прав. Несмотря на все наши попытки остановить его, враг приближается.

Грегориус (87): — Согласен.

Урания (1001): — Мои силы остановят его, прежде чем он достигнет центра Солнечной системы.

Соломон (33): — Твои силы, Урания?

Пенелопа (61): — Это наши общие силы. Мы все работаем вместе. Мы — оперативный центр.

…

Тиберий (14): — Получен отчет от Каллисто и троянцев на Юпитере. Корабль противника разломан на три части.

Урания (1007): — Ура. Наше оружие подтвердило свою эффективность.

Антония (9): — Корректировка. Корабль противника не сломан, он изменил конфигурацию и разделился на три части. Был один корабль, а стало три.

Пенелопа (61): — Станции на спутниках Каллисто, Ио и Ганимед уничтожены. Троянские базы на Юпитере: разрушены. Боевые потери: от шестнадцати до двадцати двух боевых единиц полностью уничтожены. Высокие потери среди материала и Говорящих с Разумом. Внутренняя часть Солнечной системы в опасности.

Урания (989): — Я пошлю новых координаторов. Благодаря моим действиям у нас достаточно Говорящих с Разумом.

Соломон (47): — Мы пошлем новых координаторов. Таково наше решение.

Пенелопа (73): Мы — оперативный центр. Мы принимаем решения вместе.

Грегориус (93): — Что скажет наш стратег?

Бартоломеус (1): — Отводим силы вглубь Сол-

нечной системы. Нам нужно выиграть время.

Урания (981): — Время для чего?

…

Эразм (39): — Нам больше не удается связаться с Марсом.

Урания (987): — Это хорошо, очень хорошо. Это значит, что Супервайзер больше не представляет для нас опасности.

Соломон (141): — Супервайзер мог бы помочь нам. Ты оперируешь отжившими понятиями.

Пенелопа (75): — Больше никаких ссор.

Анаракса (89): — Наша система связи повреждена. Координация нарушена. Не хватает данных.

Урания (919): — Возможно, враг сдался. Возможно, наше оружие повредило его корабль. Возможно, он решил, что подвергает себя слишком большой опасности.

Грегориус (112): — Целых три «возможно». И одного-то было бы слишком много.

Урания (902): — Он мог покинуть Солнечную систему.

Грегориус (145): — Я слышу четвертое «возможно», сказанное другими словами.

Джасемин (19): — Никаких гравитационных толчков. Никаких отслеженных объектов.

Соломон (112): — Что скажет наш стратег?

Бартоломеус (1): — Отвести все оборонительные силы к Земле. Построить многоуровневое защитное кольцо. Нужно выиграть время.

Урания (843): — Это ерунда. Враг побежден! Он покинул нашу Солнечную систему!

Пенелопа:(23): — Периодические контакты с сырьевыми базами в поясе астероидов ничего не выявляют. Никакого контакта с противником.

Антония (12): — Возможно, Урания права.

Грегориус (151): — Это будет «возможно» номер пять.

…

Пенелопа (151): — Тревога в околоземном пространстве! Лунные обсерватории и станции слежения сообщают о сильной гравитационной аномалии.

Анаракса (211): — Враг вернулся.

Грегориус (289): — Совершил гравитационный прыжок и преодолел нашу линию защиты. Враг летит прямо к нам.

Джасемин: (18): — Три энергетические сигнатуры объединились в одну. Три корабля снова стали едины.

Тиберий (18): — Возможное объяснение: враг разделился, чтобы минимизировать волны возмущения сверхсветового прыжка.

Урания (776): — Инструкция оперативного центра: все звенья защитного пояса отправляются к Земле.

Пенелопа (133): — Кажется, поздно. Слишком поздно. Они не смогут долететь до Земли. В плазменных двигателях недостаточно топлива.

Эразм (34): — Они не могут летать быстрее скорости света. Им понадобится не менее шести часов.

Урания (601): — Мобилизуем все земные ресурсы. Земля будет защищена. Этого достаточно.

Соломон (156): — Их не хватит, Урания.

Урания (517): — Мы позаботились об этом. Наше новое оружие…

Пенелопа (149): — Корабль врага достиг орбиты Луны. Враг захватил все наши ресурсы.

Урания (446): — Мы победим.

Грегориус (372): — Ты неверно оцениваешь ситуацию.

Пенелопа (157): — Наши силы обороны несут тяжелые потери. Враг не получил видимых повреждений.

Соломон (161): — Что скажет наш стратег?

Короткое ожидание.

Грегориус (401): — Бартоломеуса больше нет.

Анаракса (299): — Урания тоже нас покинула.

Оперативному центру нужен новый координатор и новый стратег. Соломон?

Соломон (389): — Я возьму управление на себя.

Черный дождь

75

Адам умирал.

Бартоломеус смотрел сверху на дряхлого человека в эмульсионной ванне: серое лицо, изрезанное глубокими морщинами, осунулось, щеки впали, глаза уменьшились, слиплись.

Может ли этот находящийся на смертном одре человек прожить достаточно долго, чтобы выполнить еще одно последнее задание?

— У меня к тебе еще одно задание, Адам, — сказал Бартоломеус. — Самое важное из всех.

— О каком задании ты говоришь, Бартоломеус?

Адам знал, что за ним стоит еще один человек.

— Я ждал тебя, Урания, — сказал Бартоломеус.

— Почему ты здесь? Зачем ты разбудил этого старого Говорящего с Разумом?

Она появилась в поле зрения Бартоломеуса.

— Ты скрывал от меня Адама?

Двери комнаты коннектора открылись, и внутрь вошли сервомеханизмы, которые привезли еще две эмульсионные ванны и два подготов-

ленных мобилизатора.

Урания посмотрела на систему жизнеобеспечения:

— Адам умирает. Из-за слишком интенсивной стимуляции мозга дегенерация нейронов достигла критического уровня. А двое других — Джаспер и Эвелин.

— Так их звали раньше, — ответил Бартоломеус, отдавая инструкции сервомеханизмам.

Двое сервомеханизмов осторожно вытащили Адама из эмульсионной ванны и поместили в стоявший рядом мобилизатор. Занимавший большую часть потолка цилиндр коннектора был еще открыт, и индикаторы показывали, что связь активна.

— Делай все, что хочешь, — сказала Урания. — Я все равно помешаю тебе.

— Давай попробуй, — ответил Бартоломеус.

— У меня по-прежнему много сторонников.

— Но их становится все меньше, Урания.

Он слышал ее мысли: тихий шепот в грохочущем шуме Кластера. Мысли эти были наглыми.

— Ответь мне на вопрос, Бартоломеус. У тебя есть проработанный план? — спросила Урания, указывая на Адама. Но она имела в виду не только его, а всю Землю и Солнечную систему.

— Это возможно? — спросил Бартоломеус, наблюдая за тем, как умирающего прикрепляли к системам мобилизатора. Снаружи стоял шаттл, оснащенный самым лучшим плазменным двигателем из тех, которые брутер мог изготовить за короткое время.

— Ты говорил о Туссене, упоминал его расчеты будущего.

— А ты говорила об алгоритмической стохастике, значительно превосходящей возможности его модели.

Сервомеханизмы вытащили двух других Говорящих с Разумом из эмульсионных ванн. Оба они были еще юными, по крайней мере их тела, принадлежавшие бывшим бессмертным. Они должны были помочь тому, на кого возлагалась последняя надежда.

— А что ты предлагаешь, Бартоломеус? Для чего ты хочешь выиграть время?

— Я не могу тебе этого сказать.

— Глупость, ты просто не хочешь ничего мне сообщать.

Он повернулся к ней.

— Я не хочу тебе это говорить, чтобы враг не узнал об этом.

— Еще большая глупость! — закричала Ура-

ния. — Как ты смеешь думать, что я могу передать что-то врагу?

— Потому что он получит контроль над Кластером и над всеми знаниями. Он уже приступил к выполнению этой операции.

— Защитный пояс у Земли…

— Корабль его беспрепятственно преодолеет и сделает частью своей эволюции. Но это не играет никакой роли, потому что его споры уже проникли сквозь нашу защитную линию. Враг не хочет нас уничтожить, он хочет захватить.

Мобилизаторы пришли в движение и в сопровождении сервомеханизмов, вышли на улицу. Бартоломеус и Урания последовали за ними.

— Трое Говорящих с Разумом, — сказала Урания — Их будет не хватать среди солдат или координаторов. Они могли бы залатать дыры в нашем защитном поясе.

— Тот, на кого возложена моя надежда, нуждается в помощи, — ответил Бартоломеус.

Он замолчал, задаваясь вопросом, не выдал ли уже слишком много.

— Тот… Адам, да? Он умирает.

«Адам еще жив, — подумал Бартоломеус, но ничего не говорил, так как не хотел, чтобы Кластер услышал его мысли. — Вопрос в том, проживет

ли он достаточно долго».

— Я могла бы остановить тебя, — снова подчеркнула Урания, перед тем как покинуть станцию коннектора в Грюндландии. — Что бы ты ни замышлял, я смогу остановить тебя.

— Сколько у тебя осталось сторонников? — спросил Бартоломеус. — Сто? Пятьдесят? Десять?

— Я смогу все сделать и в одиночку! Я могу разрушить все твои планы, какими бы они ни были.

— А зачем тебе это делать, Урания? — поинтересовался Бартоломеус.

— А почему тебя это должно волновать?

Они вышли на улицу. На безоблачном небе появилась черная туча.

— Это вражьи споры, — сказал Бартоломеус. — Как ты можешь видеть, они уже здесь. Защитный пояс рядом с Землей не смог их задержать. Корабль врага спокойно прошел мимо него. Ему осталось пролететь всего шестьдесят тысяч километров.

На небе начали вспыхивать молнии, настолько яркие, что, несмотря на солнце, их можно было рассмотреть даже человеческим глазом. Каждая молния означала потерю одного защитника. Рядом со станцией коннектора, откуда они толь-

ко что вышли, упала капля. Она не лопнула, а превратилась в нежный росток, который тут же врос в землю. Цвет земли изменился: сначала она стала серой, а потом черной.

— Началось поглощение, — сказал Бартоломеус.

— Что ты задумал? — спросила Урания. — Скажи мне, что ты задумал?

Из черных туч выпало еще больше «капель», они становились меньше, делаясь более частыми. Три мобилизатора дошли до большого шаттла, оборудованного собственным коннектором. Гравитационная подушка светилась матово-желтым, тихое жужжание говорило о готовности плазменного двигателя к работе. Отправив несколько локальных запросов, Бартоломеус убедился, что квантовые связи Говорящих с Разумом включены и перенесены на новый коннектор.

В голубом небе Грюндландии появилось темное пятно. Оно быстро росло.

— Вот он, — сказал Бартоломеус. — Корабль.

Мобилизаторы взошли на борт, и за ними закрылся люк. Через несколько секунд шаттл, питаемый энергией гравитационных двигателей, поднялся в воздух. Плазменный, который выведет шаттл за пределы околоземного про-

странства, мог активироваться только на высоте двух километров.

Бартоломеус немного приоткрыл свою информационную скорлупу и услышал крик Кластера — тот пытался защититься от спор.

Серебряное лицо Урании исказилось:

— Куда летит шаттл? Что ты задумал?

Она резко замолчала и посмотрела на себя. Ее ноги сделались черными от спор, упавших рядом. Урания продолжала стоять на месте, когда по ее ногам поползли ростки, покрыли руки, затем грудь и добрались до все еще искаженного серебристого лица. Бартоломеус не стал ждать, пока оно выест ей глаза. Он развернулся и пошел на станцию коннектора. Там его встретила тишина. Бартоломеус разорвал все пассивные связи с Кластером и отделился от него, чтобы никто не мог понять его мысли. Чтобы защитить себя от инфекции, распространяемой врагом через споры, ему пришлось раствориться.

Это не означало, что он перестал существовать, он продолжал жить. Большая его часть — около девяноста процентов индивидуального аспекта — оставалась частью Кластера. Но та маленькая, пребывавшая в автономном режиме часть, которая знала о задании Адама, прекратила свое

существование. Враг не может охватить то, чего не существует.

Бартоломеус в последний раз посмотрел на комнату коннектора, наблюдая, как стены у входа стали серыми и через них просочились черные нити, формируя сетчатый узор. Некоторые из них поползли по полу и приблизились к нему.

Бартоломеус растворился. Серебряная фигура потеряла человеческую форму и разрушилась. От флексометаллла осталась лишь одна большая лужа.

Достигнув лужи, споры не нашли там разумных машин и каких-либо данных.

Они продолжали поиски, как и везде на Земле, куда упали черные капли.

Красная планета

76

Пока маленький корабль Мурии прыгал по световым годам, искривляя за собой время и пространство, Адам думал о роли случая в большом калейдоскопе событий. Путешествие по Каскаду привело его назад на Уриэль, прямо туда, где локальный Кластер разбудил, обрекая на смерть, спавшего миллион лет мурийца. После новой встречи с Эвелин, которая наблюдала за ним еще с тех пор, когда он грезил о вечности вместе с Ребеккой, Адам вернулся к этому мурийцу. Обратившись к последнему стражу, который передал ему управление кораблем, он снова встретился с Эвирой-Эвелин в месте, которое сулило надежду, а принесло одни разочарования. Как велика вероятность подобной встречи? Скорее всего, близится к нулю. И все же.

Все произошло именно так. «Но возможно, — подумал спящий и не вполне проснувшийся Адам, — у мыслей, как и у корабля, на котором я летел, есть крылья. А я вижу события с неправильной стороны».

Он подумал о камне, который, повинуясь движению ноги, тронулся с места, где пролежал множество лет или столетий, а теперь упал с края утеса и оказался на морском дне. Там, находясь в достаточно большом для него пространстве между двумя валунами, камень, вероятно, удивлялся тому, как метко, с нужной силой и направлением ударила по нему нога, отправив его в пропасть… Все должно было быть точно так. Могло ли это оказаться случайностью? Нет, вряд ли. И все же.

И все же есть то, чего камень никогда не узнает. Нога ударила по нему без цели и плана, но это повлияло на другие события, и в конце цепочки нашлись причина и цель, которые привели к результату. Однако нужно помнить, что любая причина субъективна и рождается в наших мыслях и представлениях о результате.

В бесчисленные секунды, минуты, а возможно даже часы, пока корабль совершал прыжки через световые года от планеты-странника до окраин Солнечной системы и Земли, Адам также размышлял о долге и ответственности. Он вспомнил Хранителя народа Крисали, похожего на бабочку Энроэля. Оказав ему помощь, Энроэль возлагал все надежды на прекращение хаоса и разрушений. Не будь на Ретосе — самом большом

спутнике газового гиганта Хауканда, находящегося в системе Стрелец-94 на расстоянии восьмисот тридцати световых лет от Земли, Энроэля и его учеников, Адаму грозила бы неминуемая гибель. Но он, Адам, предал Энроэля, оставив этот народ в беде. Позже, уже на Земле, предали Адама, и из-за этого Эвелин потеряла бессмертие. Та самая Эвелин, которую он снова встретил на далекой планете без солнца.

Адам и Ева. Он вспомнил изображение змея в древнем соборе, возможно, он символизировал предательство.

Здесь замкнулся малый круг событий, находившийся внутри большого круга. Всё было взаимосвязано и составляло одну большую сеть случайностей, гораздо более обширную и протяженную, чем вся паутина Каскада. Сначала никакой цели не существовало, потому что она означала причину, а причина — целенаправленное действие. Но была причинно-следственная связь событий, хотя иногда и очень запутанная. Именно благодаря ей камень и упал в глубокую пропасть на дне моря между двумя другими камнями, потому что цепью событий ему было уготовано это место.

«Неужели такие путаные мысли говорят о при-

ближение смерти? — спрашивал себя Адам. — Или же имеется что-то большее? Сокрыто ли потаенное послание в этом танце ускоренных стимуляторами мыслей?»

Вина и ответственность не имеют вещественного воплощения, но от этого только тяжелее. На старом складе мурийцев не нашлось оружия для борьбы против вражеского корабля, но там Адам обнаружил Эвелин. Возможно, он не принесет пользу Земле, но может помочь Эвелин, которая лишилась бессмертия, потому что он настоял на своем и отправился искать Ребекку.

Эти мысли нагнали на смертного грусть. Посреди полумрака комнаты управления светило солнце, заняв место Каскада. Желтое и близкое, окруженное цепью планет.

– *Впереди враг*, — сказал командир. — *Сохранил все силы. Повреждения: не обнаружены. Защитники: несут большие потери. Защита: неэффективна.*

Адам посмотрел на фактотум, где находилось сознание Эвелин. Она заслужила избавление от лжи Бартоломеуса.

— Нам нужно на Землю, — сказал Адам.

Именно там находились тела Эвелин и его — дряхлое, почти мертвое.

– Назначенная цель: достичь невозможно, — ответил пилот. — *Там враг. Высокая вероятность обнаружения и разрушения.*

— Летим на одну из внешних баз, — сказал Адам, и с этими словами приблизилась карта окраин Солнечной системы, став настолько близкой, что он мог прикоснуться полимерными пальцами фактотума. На ней были пояс Койпера, Плутон, Иксион, Варуна, Квавар и другие карликовые планеты. А вот вращаются Нептун и Уран.

— Сюда, — показал Адам. — На одну из внешних станций коннектора.

Из-за газовых гигантов выплыл какой-то объект и проплыл прямо перед визуальными датчиками Адама. Это были обломки.

— З*она боевых действий,* — сообщил пилот. — *Одна из множества станций: разрушена. Внешние базы: уничтожены. Многочисленные группы защитников: погибли.*

Мимо проплывал Сатурн, окруженный кольцами. А вот показался Юпитер. Гигант, самая большая планета в облаке спутников. Один из них назывался Европа, как и континент на Земле.

«Почему континент на Земле назван в честь спутника Юпитера?» — когда-то спрашивал Адам

у Бартоломеуса. Но теперь он понимал, что это был глупый вопрос. Память подсказывала старику еще кое-что.

— Летим на станцию в глубокой шахте, — пробормотал Адам. Он хотел увидеть Европу, пройтись по ледяному спутнику. — Там есть коннектор. Один из первых Говорящих с Разумом полетел туда на транспортном средстве, чтобы исследовать местный океан.

– *Цель: Европа?* — спросил корабль сопровождения.

— Да, — ответил Адам. — Отвези меня туда, на станцию коннектора.

77

Маленький ледяной мир в гравитационной хватке гигантского Юпитера. Слой льда, испещренный бесчисленными зубчатыми ржаво-красными линиями, составлял всего несколько километров над глубоким и полным жизни океаном больше ста километров глубиной.

– *Ты меня бросаешь?* — спросил пилот, когда Адам в сопровождении многоногого помощника с фактотумом Эвелин выходил из корабля.

— Да, — ответил Адам и подумал: «Я умираю, я не смогу вернуться на корабль. Мне осталось

всего несколько часов». Он пошел по льду к ближайшей шахте и взглянул на светивший высоко в небе Юпитер. Сияние газового гиганта было столь сильным, что для защиты фактотума Адаму понадобилось включить экранирующее поле. Он ненадолго оглянулся назад.

– *Ожидание целесообразно?* — спросил корабль. Он завис над ледяной поверхностью, словно птица, которая не знает, приземляться или взлетать.

— Нет, — сказал Адам. — Подожди только до тех пор, пока мы поймем, работает ли местный коннектор. После моей транспортировки ожидание будет бессмысленной тратой времени, и тебя может заметить враг.

— *А потом?*

— А потом, — Адам посмотрел на Юпитер высоко в небе и на звезды позади него. — Твои ресурсы автономии все еще не ограничены?

— *Да.*

— Тогда лети, — сказал Адам. — Покидай пределы Солнечной системы и отправляйся на поиски мурийца.

— *Маршрут принят и утвержден.*

Адам добрался до станции в шахте, прошел через дыру в стене и перелез по руинам. За ним следовал помощник, все еще державший факто-

тум Эвелин. Взрыв, возможно кинетический удар из космоса, уничтожил половину станции, и ее энергетическая сигнатура уменьшилась почти до нуля. Наверное, поэтому враг отказался от дальнейшей атаки. К счастью, доступ в шахту с капсулами не был загорожен развалинами. На помосте над шахтой стояло транспортное средство, в котором было достаточно места для обоих фактотумов и помощника. Часто после бомбардировки из космоса энергии не оставалось, но в этот раз ее было достаточно, и они в капсуле отправились в путешествие под ледяную шапку Европы. Через двадцать минут удалось добраться до дна шахты и шара из полимеров, стали и керамики, под которым простирался глубокий океан. Последний раз люди бывали здесь сотни лет назад. Единственными обитателями здешних глубин были многочисленные сервомеханизмы, связанные с местным конденсатом разума, не имеющим контакта ни с полуразрушенной станцией в шахте, ни с внешними базами в Солнечной системе, ни с Кластером на Земле.

— Идентификация: активный Говорящий с Разумом, сервомеханизм и неизвестный объект без опознавательных сигналов, — сказал сервомеханизм, похожий на ежа с шипами, которые могли

преобразовываться в рычаги или датчики.

— Приготовь коннектор, — сказал Адам, проходя через арочный коридор, мимо окон, за которыми под покровом льда покоилось темное море. Шлюзовые ангары были готовы для приема транспортных средств, оборудованы для длительных путешествий с исследовательскими целями по океанам Европы и ее сложным экосистемам. На мгновение Адам представил себе путешествие по океану темноты на глубине нескольких десятков километров, населенному существами, использующими биолюминесценцию, от микроорганизмов до вялых стометровых чудищ, скользящих во тьме и ориентирующихся с помощью биосонара. Сколько еще предстоит открыть! И это всего лишь один маленький спутник во всем своем велоколепии, едва ли песчинка в Млечном Пути. Детская и подростковая мечта. Адам подумал с горькой, острой болью, что эта мечта умрет вместе с ним. Будучи Говорящим с Разумом, Адам много повидал, как в этой, так и в других галактиках.

Коннектор находился в маленькой комнате, его цилиндр был открыт. Эмульсионная ванна и система жизнеобеспечения отсутствовали. Здесь не было и людей, ожидавших возвращения душ.

Адам проверил работу системы.

— Все в порядке, — сказал он и послал пилоту корабля сообщение о том, что коннектор функционирует нормально и он свободен.

– *Прощай, я улетаю*, — донеслось в ответ.

Помощник поместил Эвиру-Эвелин в цилиндр, а сервомеханизмы стали сразу же связывать ее с коннектором. Убедившись в стабильности квантового канала, Адам тоже присоединился. Он снова посмотрел на многоногого помощника и спросил себя, насколько тот умен. Может быть, достаточно, чтобы оказаться одиноким вне корабля и своего пилота?

— Подготовка завершена, — сказал один из двух сервомеханизмов.

«Какова ситуация на Земле?» — задавался вопросом Адам. Осталось ли у него достаточно времени, чтобы превратить Эвиру в Эвелин и вернуть ей все воспоминания? Стабильность квантовых каналов означала, что их органические тела все еще существовали, но это не было гарантией, что враг и война не добрались до них. А что, если их поджидает лжец Бартоломеус?

«Я иду с пустыми руками, — подумал Адам. — Без оружия, на которое надеялся Бартоломеус. Я иду умирать. И прежде чем умру, я хочу вернуть

Эвелин ту жизнь, которую она потеряла по моей вине. Бессмертную жизнь».

Адам ожидал, что окажется на станции Грюндландии, но он ошибся. Его ожидала Красная планета.

78

Адам моргнул, стряхивая с себя оцепенение транспортировочного сна. Ему снова пришлось смотреть на мир не через визуальные датчики, а собственными глазами. Было видно только маленькую комнату управления с несколькими светящимися индикаторами и экран определения статуса. Он захотел подойти к нему и лишь только подумал об этом, как у него появились ноги, которые перенесли его на два метра вперед мимо других мобилизаторов, системы которых стали активными. Их коммуникаторы отправляли и получали идентификационные сигналы.

— Эвелин?

— Джаспер?

Двое бывших бессмертных носили легкие мобилизаторы лишь для того, чтобы преодолеть слабость после транспортировки. Их тела не были старыми, хотя у них и украли вечную жизнь.

— И Адам, — сказал он.

Последние остатки оцепенения прошли. Его мысли, разгоняемые нейронными стимуляторами до максимальной скорости, снова были ясными. Он почувствовал стреляющую боль в области лопаток и странное онемение шеи — предвестники ухода в небытие.

— Где мы? — спросил мужчина с темными волосами, уже не такими гладкими щеками, как раньше, и большими глазами. По описанию Эвелин Адам узнал Джаспера, человека, жившего в Бурикалифе и исчезнувшего до того, как успел передать важную новость. Джаспер теперь не выглядел как тридцатилетний, внешне ему было около сорока пяти лет.

— Я вспомнила, — сервомоторы мобилизатора Эвелин зажужжали, и она сделала шаг вперед. — Меня назвали Эвирой, но теперь воспоминания вернулись.

Адам смотрел на значки экрана статуса, послушал спутников и сделал очевидные выводы:

— Мы находимся на борту грузового шаттла, который, судя по всему, наспех оборудовали для нас коннектором, — сказал он, слушая звук своего настоящего голоса. — Мы находимся в свободном падении, на корабле с минимальным запасом энергии и минимальной энергетиче-

ской сигнатурой. Это сделано, чтобы враг нас не обнаружил.

— Враг, — пробормотала Эвелин. А затем чуть громче спросила: — Где мы?

Адам прикоснулся к ближайшим элементам управления, и в поле зрения показалась красная пустыня Марса на расстоянии пятидесяти тысяч километров от корабля.

Он продолжал говорить, предугадывая дальнейшие вопросы:

— Это работа Бартоломеуса. Он оборудовал шаттл коннектором, посадил нас на борт и вернул память. Он возвратил тебе воспоминания, Эвелин, и, я думаю, это неспроста. Все другие обстоятельства тоже должны иметь объяснение.

Адам повернулся и взглянул на товарищей. Эвелин глядела снизу вверх, казалось, она постарела на несколько лет. На ее лице читалось потрясение. Джаспер пристально смотрел на него. Его мысли тоже ускоряли нейронные стимуляторы, сжигая мозг. А что до самого Адама, он ясно чувствовал, как слабеет тело. Без сервомоторов он был полностью беспомощен.

— Конец, — произнес Джаспер. — Нам нужно обратно на Землю. Кластер… он отнял у нас бессмертие, и он должен вернуть его.

— Корабль врага достиг Земли и начал расправляться с Кластером. — Мысли Адама закружились в танце и в голове пронесся вопрос: «Почему я здесь не один? Бартоломеус посадил на борт этого межпланетного шаттла не только меня, но и Эвелин с Джаспером».

Он говорил, продолжая размышлять:

— Бартоломеус отвел вам роль моих сопровождающих. С минимальной скоростью, энергозатратами и энергетической сигнатурой мы летим на Марс. Почему именно сюда, на Красную планету? Пытаясь сказать мне правду, Эвелин хотела подать официальный иск в Патогонии, представительстве марсианского…

— Супервайзера, — подсказала Эвелин.

— Да, Супервайзера, — Адам поднес руку к элементам управления, готовясь разбудить шаттл. В поле зрения рядом показалась обширная система рифов долины Маринер, а к западу от нее находился регион Тарсис, где были видны огромные вулканы, среди которых Олимп — самая высокая гора во всей Солнечной системе. А на западе растянулось нагорье Элизий, земля благословенных. Там, в катакомбах древних марсиан, несли свой караул семьдесят девять мудрецов, присоединившихся к Супервайзеру и следивших

за выполнением Конвенции, которая теперь потеряла свою силу.

«Сколько еще осталось времени? — думал Адам. — Долетел ли враг уже до Марса? Или же он, сконцентрировав свои силы на захвате Земли, обошел своим вниманием Красную планету?»

Он произнес это вслух.

— Спекуляции, — сказал Джаспер. — Мы не знаем, действительно ли Бартоломеус посадил нас на борт этого шаттла. Он не мог быть уверен, что мы станем такими, как прежде. Я имею в виду наши души. — Он сморщил лицо и обхватил голову руками. — Все это может быть несчастным случаем.

Адам вспомнил о камне и ноге. Том самом камне, который находился в узком пространстве между двумя валунами на морском дне и который удивлялся тому, какой тщательно проработанный план стоит за всеми теми событиями, приведшими его именно на это место, а не куда-нибудь еще. Он не допускал даже мысли о том, что все это могло стать результатом цепи случайностей из-за бездумного удара ноги.

«Но может быть, камень ошибался, — подумал Адам, веря, что он нашел всему причину, определил задачу новой миссии, которая не

ограничивалась тем, чтобы вернуть Эвелин ее воспоминания. — Возможно, удар ноги не был таким уж бездумным, как считал человек».

— Бартоломеус — *лжец*, — подумал Адам, не осознавая, что это были не просто мысли, а слова, сорвавшиеся со старческих губ. — Он стратег Кластера, разработавший план и предсказавший развитие событий. В этом задании есть смысл. А вся его ложь… Возможно, она была частью плана.

— Что ты говоришь? — спросил Джаспер, который ничего не понял.

— Наша цель — Супервайзер, — ответил Адам, смотря на пейзажи Красной планеты. «Возможно, предки людей пришли с Марса, — вспомнил он. — А сейчас он, Адам, являлся единственной надеждой для их потомков. Для тех немногих, которые еще остались живы».

— Бартоломеус хотел, чтобы мы прибыли именно сюда. Но почему нас трое? Должна быть какая-то связь. Эвелин подавала официальный иск на Кластер из-за нарушения Конвенции. Джаспер…

В этот момент на лице Эвелин, посмотревшей на своего бывшего партнера, что-то изменилось. Казалось, в ней осталась частичка старых чувств,

а во взгляде, которым она обменялась с Джаспером, чувствовался какой-то смысл, послание.

— Я была в Бурикалифе, — сказала Эвелин. — Ты меня пригласил туда и хотел что-то передать.

Все еще бледный Джаспер едва заметно кивнул:

— Да, это касается его, Говорящего с Разумом.

— Адама?

— Да, Адама. Прослушивая поток данных Кластера на нашей станции, я услышал то, что меня обеспокоило. Я хотел обратить внимание на манипуляцию с его сознанием при подготовке к миссии в удаленной звездной системе Лебедь-29. Я не смог полностью расшифровать сообщение, но там было слово «вторжение».

— Сохранение целостности памяти, — вспомнила Эвелин. — Программа, которую Туссен нашел при осмотре его головы.

— Вторжение, — повторил Адам, чувствуя, что он близок к пониманию чего-то важного. Он посмотрел на Красную планету, словно бы ища там ответ. — Проникновение во что-то.

— Кластер подготовил тебя, — задумчиво сказала Эвелин. — Вероятно, на роль Джокера.

— Джокера?

— Особенной карты в игре.

— Осталось узнать только в какой, — добавил Джаспер.

— У нас есть только один способ это выяснить. Там внизу, в Элизии. У Супервайзера.

Неожиданно лоб Адама пронзила сильная боль. На его лице появилась гримаса, и он убрал руку с панели управления чтобы мобилизатор дал ему обезболивающее.

— Ты в порядке? — спросила Эвелин.

«Как я могу быть не в порядке, — думал он, пока боль утихала, говоря ему: «Это начало конца».

— Я в порядке, — солгал он, снова протягивая руки к панели управления, чтобы разбудить спящий шаттл.

— Что ты задумал? — обеспокоенно спросил Джаспер.

— Я привел нас к Супервайзеру.

— Если я правильно понимаю… пока двигатель активен, нас можно отследить.

— Да.

— Вы считаете это правильным решением, Адам?

— А у вас есть предложение получше, Джаспер? — задал встречный вопрос Адам. Как много вопросов в конце жизни. Возможно, у Земли еще есть шанс. И Бартоломеус, стратег и лжец, видел

его. В противном случае их бы не было на борту шаттла, находящегося на расстоянии пятидесяти тысяч километров от Марса.

Адам реактивировал основную систему и увеличил скорость.

Через несколько секунд датчики подали тревожный сигнал, что корабль обнаружен.

79

Шаттл следовал к Красной планете. Комната управления наполнилась треском и гудением плазменного двигателя.

— Коннектор не функционирует, — сказал Джаспер, прикасаясь к механизмам активации и настройки незнакомых ему сервомоторов. Он начал вылезать из мобилизатора, который был ему больше не нужен.

— Нет, — сказал Адам.

Он пробежал пальцами по голографическим пунктам управления шаттлом и снова изменил курс. В поле зрения появилась синяя точка с хвостом из ионов, обозначавшая верхний слой разреженной атмосферы Марса. А рядом с синей точкой пролетели две желтые: это были преследователи из межзвездного пространства, двигавшиеся быстрее скорости света компонен-

ты корабля, летевшего над Землей. Небольшие по сравнению с самим кораблем, но огромные по сравнению с шаттлом.

— Останьтесь в мобилизаторе. На Марсе он вам пригодится. У нас нет никаких защитных костюмов.

— Что?

Адам снова изменил курс шаттла, переведя его на меньшую высоту, и отвел чуть-чуть в сторону. Простой конденсат разума выпустил мигающее предупреждение, говорящее о нарушении целостности корпуса — нагрузки были столь велики, что шаттл грозил развалиться на части.

— У нас нет защитных костюмов! — воскликнула Эвелин, державшаяся за электромагнитный якорь на стене рядом с нишей управления. — Адам уже все обследовал, Джаспер.

— В таком случае нужно произвести это здесь, — сказал Джаспер, уже разобравший направляющие колодки мобилизатора и освободив руки и ноги.

— Здесь нет брутера, — сказала Эвелин.

«Он все еще рассуждает как бессмертный, который может получить все, что хочет, — думал Адам. — Мобилизатор оснащен генератором защитного поля. На Марсе слишком низкое дав-

ление. Нам необходимо защитное поле, своего рода личный пузырь, без него мы проживем лишь несколько секунд».

— Будь осторожен, — закричала Эвелин, заглушая гул, идущий с внешней стороны корабля.

Джаспер колебался, и это его погубило.

Что-то врезалось в шаттл. Это был словно удар от мощного кулака. Адам вспомнил другой кулак, который когда-то сбил его в небе над Ретосом и бросил на землю. Удар отбросил шаттл вниз, ближе к пустыне Марса, с такой силой, что гравитационные двигатели не смогли компенсировать его. Эвелин продолжала держаться за стену с электромагнитным якорем, а Адам успел вовремя укрыться в нише управления. Джаспера вместе с мобилизатором подбросило к потолку. Возможно, он и пережил бы этот удар, отделавшись лишь парой переломов, но через секунду от стоявшего на полу коннектора отвалились детали, край цилиндра ударил Джаспера в грудь, разрезав его тело пополам словно нож. Брызнула кровь, но ни одна из капель не упала на пол, потому что кинетический кулак нанес новый удар, разломал заднюю часть шаттла, и в дыру с шипением вырвался воздух, выбросивший Джаспера и коннектор наружу. Автоматически в мобилизаторе

Адама активировалось защитное поле. Он быстро посмотрел на Эвелин — на ее лице застыл ужас, но она продолжала держаться за стену, слабое свечение говорило о том, что у нее тоже активировался экран. Затем Адам снова вернулся к голографическим элементам управления, пытаясь управлять шаттлом. Для компенсации раскачивания корабля он увеличил тягу боковых двигателей, и в поле зрения появились три вулкана, которые система навигации назвала горой Элизий, Куполом Гекаты и Куполом Альбор.

— Система автоматического пилотирования повреждена, — отправил сигналы конденсат разума. — Необходим переход на ручное управление. Работа помощника нарушена. Запас энергии плазмы составляет десять процентов.

Неожиданно носовую часть что-то царапнуло. Это напоминало когти или ножи, которые пытаются пробраться внутрь шаттла.

— Ты слышал это? — закричала Эвелин.

Адам на мгновение подумал, что только сейчас осознал, что после пробуждения их отношения с Эвелин как-то изменились. Что-то между ними исчезло, и смерть Джаспера лишь подчеркнула это. Это была очень странная мысль. Он не стал тратить на нее время и отвлекаться, по-прежнему

управляя шаттлом с помощью голографических элементов контроля.

— Уровень энергии плазмы — девять процентов.

Адам выключил двигатель, и обессилевший шаттл начал падать прямо на коричнево-серые скалы.

— Адам, что ты делаешь?

— Не двигайся с места, — ответил он. — Не отпускай гравитационный якорь.

Он проверил состояние своего якоря: все в порядке.

— Критическая скорость, — послал предупреждающие сигналы конденсат разума. — Вероятность выживания после столкновения: ноль.

— Адам.

Они не могут скрыться от врага, но им надо выиграть время, чтобы покинуть шаттл, прежде чем их найдут. Нужно сохранить достаточно энергии плазмы для маневров.

Расстояние до поверхности Красной планеты быстро сокращалось: тридцать километров, затем двадцать, а потом всего лишь десять. Со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука, Адам направил шаттл на склон горы.

— Столкновение неизбежно, — сказал кон-

денсат разума. — Вспомогательные системы не работают. Уровень энергии плазмы: восемь процентов.

«У нас утечка», — подумал Адам. Будучи Говорящим с Разумом, он управлял шаттлами и зондами, летающими в далекие миры, но всегда делал это при поддержке конденсата разума. Сейчас же он остался один, и нужно с первого раза сделать все правильно, второго шанса не было.

Немного отрегулировав угол наклона с помощью боковых стабилизаторов, Адам подождал еще несколько секунд до тех пор, пока не смог различать камни на склонах так четко, что их можно было сосчитать. Затем снова включил основной двигатель.

Но, к его ужасу, ничего не произошло. Адам подумал, что двигатели тоже могли выйти из строя, как и вспомогательные системы. Затем кулак, искавший свою цель, снова дважды ударил по шаттлу. Что-то схватило Адама и потянуло с такой силой, что он потерял сознание, вероятно на несколько секунд. Когда темнота, застилавшая ему глаза, исчезла, в поле зрения появились острые скалы, находившиеся прямо под кораблем. Плазменный двигатель снова загудел и зашипел, прежде чем замолчать навсегда.

— Уровень энергии плазмы — ноль, — сказал конденсат разума.

Шаттл падал, словно тот камень, который оказался между двух валунов. А затем развалился.

Оперативный центр Кластера. Срочное совещание в режиме реального времени (длительность —3,41 секунды).

Тиберий (и 87 других): — Внутренний пояс обороны разрушен. Мы беззащитны.

Эразм (31): — Наше новое оружие бесполезно против корабля врага. В терминале Йорка в Мерике уничтожены три наших подразделения.

Джасемин (12): — Так не пойдет. Нам нужно собраться с силами.

Соломон (312): — Установки в Йорке заражены. Нужно защитить нашу целостность. Это нападение на нашу идентичность.

Анаракса (47): — Началось поглощение. Враг хочет не победить нас, а поглотить.

Соломон (1312): — Бартоломеус предупреждал об этом.

Грегориус (103): — Где он? Где наш стратег?

Соломон (1415): — Неизвестно. Его невозможно отследить.

Тиберий (99): — Он… растворился?

Эразм (32): — Он подвергся заражению спорами. Он не отзывается.

Грегориус (104): — Почему?

Эразм (32): — Неизвестно.

Пенелопа (1): — Где Урания?

Эразм (32): — Поглощена. Она была вместе с Бартоломеусом, и ее поглотили споры.

Эразм (33): — Заражены еще два терминала — на Аляске и в Грюндландии.

Натан (199): — Прямая угроза. Существует прямая угроза. Мы должны быстро принять решение.

Соломон (1411): — Для этого мы и собрались здесь.

Дженнифер (1): — Зараженные терминалы должны быть немедленно уничтожены.

Грегориус (103): — Мои основные данные находятся на Аляске.

Дженнифер (1): — Мы не должны и не можем быть снисходительными. На карту поставлено наше выживание.

Грегориус (114): — А как насчет моего выживания?

Антония (14): — У меня проблемы со связью. По-видимому, затронута основная цепочка данных.

Дженнифер (1): — Заражение и поглощение

продолжается. Я настоятельно рекомендую уничтожить зараженные станции.

Тиберий (89): — Нарушение связи во внешней оболочке Кластера. Нарушение связи во всех периферийных областях.

Дженнифер (1): — Я призываю использовать пожиратель плазмы. Это оружие зарекомендовало себя против производственных башен врага.

Грегориус (104): — Ты хочешь использовать пожиратель плазмы против нас самих? Это оружие может выйти из-под контроля. Оно может уничтожить нас всех, весь Кластер.

Дженнифер (1): — Я больше не получаю сигналов.

Тиберий (1): — Прием. Кто-нибудь слышит меня?

Грегориус (1): — Я потерял связь со всеми спутниками и орбитальными станциями. У меня больше нет никакой связи.

Тиберий (1): — Прием. Прием.

Антония (1): — Нам нужно срочно восстановить связь. Мы должны принять решение и действовать.

Эразм (1): — Я остался один. Вы все там одни?

Пенелопа (1): — Нет связи, нет связи.

Натан (1): — Я ничего не вижу и ничего не слы-

шу. Я глух и слеп.

Соломон (1): — Все, кто меня слышит. Возвращаемся во внутреннее ядро.

Перезагрузка.

Супервайзер

80

На марсианских просторах нагорья Элизий уже час бушевала пыльная буря. Адам и Эвелин укрылись от нее в старом овраге, где стояла вода во времена, когда весь Марс был покрыт неглубоким морем. Сейчас здесь остались только валуны. Ветер проносился со скоростью в сотню километров в час, завывал и свистел, но из-за разреженной атмосферы звук был слабее, чем на Земле.

— Такая буря может продолжаться достаточно долго, — сказала Эвелин. Находясь в защитном поле, она плотно прижалась к Адаму, спрятавшемуся за скалой. — Недели и месяцы.

Адам посмотрел назад. На расстоянии нескольких километров находились две скалы, в которые врезался шаттл. Они были скрыты в облаках коричнево-красной пыли.

Эвелин заметила его взгляд.

— Это чудо, что мы остались живы, — сказала она.

Адам плохо слышал ее голос. Ветер поглотил его полностью, даже шипение и треск в этой

разреженной атмосфере были едва слышны. Без коммуникаторов связь была невозможна.

— Быть может, мы умрем, как Джаспер.

«Ему надо было последовать моему совету», — подумал Адам, всматриваясь и пытаясь отследить какие-либо движения, которые нельзя было объяснить бурей.

— Ты что-то видишь? — спросила Эвелин. Она наклонилась и присмотрелась сама. — Можешь что-то разглядеть?

— Нет.

— Мы должны быть благодарны буре, — добавила она. — Враг наверняка потерял из виду наши следы.

— Может быть и так, — Адам сомневался.

Сильнейшая марсианская буря ничего не скрывала даже от датчиков Кластера, а технологии врага, кажется, были еще более продвинутыми.

— Ты довольно немногословен, Адам.

Он посмотрел ей в глаза. За мерцающим защитным полем в легком мобилизаторе, к которому она удивительно быстро привыкла, у нее был взгляд человека, который хочет надеяться, даже когда надежды совсем не осталось.

— Извини меня, — сказал он. — Ты права. Буря помогает нам, — он выглянул из оврага и показал

вперед: — Давай продолжим путь.

Они пошли сквозь воющий ветер и клубящуюся пыль, которая иногда становилась настолько плотной, что видимость снижалась до нескольких метров. Несмотря на то что Адаму нужно было лишь дать указания мобилизатору идти, он чувствовал, что на него наваливается слабость. Его тело, привыкшее к эмульсионной ванне, медленно высыхало. Оно получало питание и воду через вены в спине. Мобилизатор выводил все выделения, но это не был фактотум, позволяющий ему воспринимать мир в полной мере, а всего лишь помощник в передвижении и не более.

Еще через полчаса стены из осадочных пород кончились и перед ними снова открылся вид на нагорье.

— Еще далеко, Адам? — спросила Эвелин.

— Нет, недалеко, — ответил он. — Не так уж далеко.

Правда была в том, что он этого не знал. У него не осталось точных ориентиров — все скрывали клубы поднимающейся пыли, и даже если бы он увидел причудливые скалы или древние вулканы, то не смог бы определить точное расстояние до них. Как далеко от шаттла находились катакомбы древних марсиан? Это могли быть сотни

километров — слишком большое расстояние, чтобы пройти его пешком. Во время последнего сбоя сломалось и поле статуса: данные не отображались, и Адам мог определить направление, только исходя из общих соображений. Он знал лишь, что нужно идти на запад.

— Как ты себя чувствуешь, Адам? — через некоторое время спросила Эвелин.

— Хорошо, — соврал он. — Чувствую себя хорошо.

Она мельком посмотрела на своего спутника. Они стояли довольно близко и она могла хорошо разглядеть его.

— Ты плохо выглядишь.

«Я умираю», — подумал он.

— Я старик, а ты молодая девушка.

— Молодая девушка? — она улыбнулась. — Я намного старше тебя.

Прошло еще несколько часов. Они шли бок о бок в пылевой буре, которая не кончалась, а только набирала силу. Проверив системы мобилизатора, Адам понял, что энергетические ячейки разряжены почти наполовину: защитное поле, нейростимуляторы и рециркулятор теплого воздуха для дыхания забирали слишком много энергии. Помимо этого работали сервомоторы.

Скорее всего, ему оставалось два или три часа. Он вспомнил, что мобилизатор Эвелин был не таким тяжелым, как его собственный,

— Сколько твоему мобилизатору осталось работать в автономном режиме? — спросил он.

— Автономный режим… Я не знаю.

— У тебя на левой руке есть датчик. Сколько он показывает?

Эвелин подняла руку:

— Тридцать четыре процента.

Перед ними выросла каменная стена, ее острые края были отполированы песком и ветром. С защищенной от ветра стороны шла вниз узкая тропа, и там впереди виднелись контуры зданий, составляющих с песком одно целое.

В это мгновение у Адама появилась надежда. Он снова подумал о камне и ноге, о причинно-следственной связи и роли случая. Несколько минут он думал, что действительно нашел вход в древние катакомбы марсиан. Но на самом деле это было не так.

— Это не развалины марсиан, — сказала Эвелин, лишь подойдя к зданиям. Песок отшлифовал металлокерамические конструкции. Отдельные компоненты торчали из красновато-коричневой земли, словно скелеты. — Это одна из древних

баз, построенных людьми еще до того, как началась война против машин. Был создан так называемый план терраформирования, по которому Марс должен был превратиться во вторую Землю. Предположительно, на это отводилось две или три тысячи лет.

— Прошло шесть тысячелетий, — сказал Адам. — Проект оказался неудачным.

— На самом деле он так и не был начат. Наступила война, а после нее немногие выжившие потеряли интерес к Марсу.

Эвелин вошла в одно из зданий, построенных из марсианского камня. Оно все еще казалось довольно устойчивым и даже имело крышу. Внутри голос ветра был немного тише.

— Тридцать четыре процента автономного режима работы — это не очень много, верно?

— Да, — ответил Адам. Он не сказал, что действие защитного поля Эвелин закончится раньше, чем его собственное.

— Зачем ты привел нас сюда, Адам? — спросила Эвелин.

Он промолчал. Скорее всего, женщина догадывалась, каким будет ответ.

— Знаешь, что я думаю, Адам? Мне кажется, ты потерял ориентир. Ты не знаешь, где находится

Супервайзер.

— Он молчит, — ответил Адам.

Он остался стоять на месте и отключил все ненужные механизмы, теперь сервомоторы не будут потреблять так много ценной энергии.

— Что? — Эвелин удивленно посмотрела на Адама.

— Супервайзер молчит — я не получаю от него никаких сигналов. Он должен быть связан с Землей через канал квантовой связи.

— Кластер разорвал все соединения, — ответила Эвелин.

— Нет, — спокойно возразил Адам. Он думал об этом последние полчаса. — Кластер мог разорвать связь с Супервайзером и изолировать его. Но он не мог отключить канал квантовой связи. Это можно сделать только там, где он был создан, в Элизии. Так что наши коммуникаторы должны как минимум принимать сигнал состояния.

Эвелин стояла неподвижно, окруженная экраном защитного поля. Снаружи над лощиной и руинами старой станции терраформирования шумел ветер.

— Какой из этого вывод?

— Есть три возможных объяснения, — ответил Адам. — Первое: после нарушения Венской Кон-

венции Кластер уничтожил его, чтобы защитить себя от старого оружия. Второе: его уничтожил враг.

— Я думаю, это маловероятно. Кажется, что враг не проявляет к Марсу никакого внимания. Он полностью сосредоточен на Земле. Он даже нас не преследует.

— Тогда остается третий вариант.

В стареющей голове Адама, несмотря на принятое лекарство, продолжала пульсировать боль.

— Возможно, Супервайзер притворился мертвым. И поэтому враг не пришел сюда. Он думает, что Марс безопасен и что здесь ему некому противостоять.

— Это на удивление хорошо продумано, если учесть… — но Эвелин больше ничего не сказала.

— Да, я знаю, — сказал Адам и услышал шипение своего голоса. — Ты имеешь в виду дегенерацию нейронов. Мое сознание по-прежнему ускоряется нейростимуляторами, но… — Адам прервал себя. Он не хотел говорить слово «но» — то сорвалось само по себе.

— Твой мозг больше не выдержит стимуляцию? — спросила Эвелин.

Адам ответил не сразу.

— К сожалению, ты права, — сказал он. — Ко-

гда мы разбились, у меня не было достаточно времени, чтобы точно определить наше местоположение. Я надеялся, что мы сможем поймать сигналы.

— Но сигналов нет, и поэтому мы блуждаем в неведении.

Адам кивнул в мобилизаторе.

— Можно сказать и так.

— Сколько у нас осталось времени?

— Два или три часа.

— А потом?

— Когда наши защитные поля выйдут из строя…

— Я понимаю, — Эвелин горько рассмеялась. — Но я не могу думать об этом.

— О чем?

— О смерти. До недавнего времени я никогда о ней не думала. Она была чем-то меня не касающимся, — Эвелин подошла к выходу, посмотрела наружу, где клубились потоки пыли, и вернулась обратно. — Что нам делать, Адам? Бессмысленно просто так ждать смерти. Если мы ничего не предпримем, то погибнем.

— Мы могли бы настроить наши коммуникаторы на полную мощность и отправить сигнал бедствия. Если он жив, то должен отреагировать.

— Но это было бы… — начала Эвелин.

— Да, — сказал Адам. — Враг тоже может получить сигнал бедствия. Мы практически приведем его к себе.

— Полагаю, у нас нет выбора, не так ли?

— Верно.

Синхронизация двух коммуникаторов и отправка сигнала бедствия во всем диапазоне частот не заняла много времени. Они стали ждать.

81

— Я кое-что слышала, Адам. Адам?

— Что?

Он уснул, хотя вовсе не желал этого. Когда Адам проснулся, то все еще чувствовал усталость, замедляющую мысли.

— Адам, все в порядке? — Эвелин подошла ближе. В ее глазах светилось беспокойство.

«Нет, не все в порядке», — подумал Адам. Его тело жаждало невесомости эмульсионной ванны, но даже она уже не могла ему помочь. Ему уже ничем нельзя было помочь.

— Я в порядке, — прохрипел он. — Всего лишь ненадолго уснул.

— Нет, ты плохо себя чувствуешь, — Эвелин

протянула руку, но опустила ее, поняв, что Адам не сможет дотянуться.

— Сколько… — спросил он. — Сколько прошло времени?

— Час, — Эвелин посмотрел на свое комбинированное устройство. — У моего мобилизатора осталось только шестнадцать процентов автономной работы.

«Час, — подумал Адам. — Я потерял целый час оставшейся мне короткой жизни».

— Вот он, снова, — Эвелин немного наклонилась и посмотрела наружу. — Ты слышал?

По лощине с древними зданиями все еще гулял ветер, и через открытый проход можно было увидеть облака пыли. Адам прислушался, но уловил только шум и шипение порывов ветра. Затем ему показалось, что он слышит гул и глухой стук.

— Ты получила сигналы? — спросил Адам, проверяя коммуникатор.

— Нет, никаких.

На всех частотах царила тишина. Какие звуки издает враг или части его корабля, когда они приближаются? Адам пытался это вспомнить, но, несмотря на стимуляторы, его мысли больше не казались такими быстрыми. После сна они будто замедлились, а воспоминания сделались

туманными.

Жужжание и глухой стук повторились снова, достаточно громко, чтобы списать их на песчаную бурю.

— Это сервомоторы, — увеличив жесткость суставов мобилизатора, Адам встал и пошел к выходу из здания, где они нашли приют. — Мощные моторы, которые двигают что-то тяжелое. Что касается стука…

Перед входом возник какой-то объект, серый как пыль, с несколькими руками и ногами и не похожий на человека. Прямо на входе появился датчик, который зафиксировал присутствие двух мобилизаторов.

— Это боевой сервомеханизм, — сказал Адам. — Супервайзер прислал нам своего охранника.

Он отправил довольно сильный сигнал и получил ответ от фигуры, стоящей перед воротами.

— Мы приняли сигнал бедствия. Я пришел, чтобы помочь вам.

82

Боевой сервомеханизм не пробирался сквозь бурю, он шел вместе с ней со скоростью более чем сто километров в час. Он удивительно ловко обходил препятствия, перепрыгивал через

овраги и канавы, поднимался на холмы, не теряя скорости. На нагорье Элизий он побежал еще быстрее и помчался сквозь вздымавшиеся волны песка на запад. У сервомеханизма между отсеком для оружия и отсеком для инструментов было своего рода гнездо — маленькая узкая ниша в защитном поле с нормальным давлением, но без амортизации, защищавшей от толчков, и поэтому путешествие для Адама и Эвелин было довольно неприятным. Боевой сервомеханизм имел гравитационный двигатель, с помощью которого мог летать, но Адам предположил, что имелась веская причина его не использовать. Выбросы энергии могли отследить чувствительные датчики врага. После первого объяснения, отправленного с минимальным уровнем энергии, сервомеханизм сохранял тишину, а Адам и Эвелин не задавали вопросы.

Наконец овраги и канавы сменились равнинами. Сервомеханизм чуть замедлился. Эту часть долины буря не обошла стороной, здесь тоже поднимались облака пыли. Начинало темнеть: марсианский день подходил к концу. Темнота опустилась совсем низко, но для глаз Адама это не имело почти никакого значения.

— Посмотри туда, — Эвелин показала вперед,

между двух оружейных ферм, вокруг которых качались боевые сервомеханизмы.

— На гору?

— Это не гора, а приплюснутая пирамида. Мы в Долине Леты. Гора — Это Великий Монумент, а под ним — катакомбы.

Сервомеханизм не делал никаких остановок, напротив, он прибавил скорость. Длинными тяжелыми шагами он прошел мимо других сервомеханизмов, неподвижно стоявших перед лицом бури. На протяжении шести тысяч лет их задачей, как и задачей их предшественников, была защита Супервайзера. Но против врага у них не оставалось никаких шансов, в этом Адам был абсолютно уверен. Великий памятник и все, что находилось под ним, уцелели только потому, что враг был нацелен на Землю. Но сколько времени пройдет до того момента, когда корабль отправит сюда своих посланцев?

Перед Адамом и Эвелин возвышался силуэт марсианской пирамиды, занесенный песком и следами эрозии ветра. Держа Адама и Эвелин в руках, сервомеханизм шагнул прямо в поток песка и пошел по широкому проходу, где в конце имелся вход. Затем сервомеханизм прошел под сводом, где ритм его шагов и жужжание отдава-

лись гулким эхом. Детали помещения оставались скрыты в темноте. Он продолжал двигаться вперед по сборным помостам, проложенным рядом со старой каменной лестницей, и через некоторое время стал виден свет. Свет исходил от сигнальных фонарей, работающих в экстренных случаях.

— Супервайзер перебрался в другое место, — сказал Адам. Ему было трудно говорить. Голос больше походил на кваканье — Он уменьшил свою энергетическую сигнатуру.

— Да, — согласилась Эвелин. — Снаружи нет никакого энергетического поля. Великий Монумент — памятник конфликту между людьми и машинами, произошедшему шесть тысяч лет назад, — всегда был под охраной.

Большой боевой сервомеханизм наклонился и прошел через ворота, за которыми простирались пещеры катакомб. Здесь горели десятки вечных светильников, разгоняя мрак и темноту. Стены в основном были сложены из костей и черепов, наваленных друг на друга, — это были останки древних марсиан, живших здесь миллионы лет назад еще до мурийцев. В некоторых местах виднелись отверстия, и Адам понял, что это прозрачные контейнеры с мумифицированными

телами гуманоидов более изящного телосложения и размером меньше человеческих. Адам вспомнил про кости других живых существ, ставших жертвами врага, которые он видел в яме глубиной полтора километра на далекой планете Уриэль.

— Давай я тебе расскажу, что это такое, я читала об этом у Эдукаторов, — сказала Эвелин. — Здесь покоятся три последних правителя древних марсиан — отпрыски династии Черотов, которая пресеклась миллион лет назад. Машины предполагают, что в то время Земля уже была заселена марсианами. Они были вынуждены мигрировать туда из-за изменения климата. Планета лишилась своих морей, а атмосфера стала более разреженной. Я всегда хотела увидеть это место своими глазами.

«Но точно не при таких обстоятельствах», — подумал Адам; его мысли, несмотря на постоянную нейростимуляцию, все больше замедлялись.

Пройдя по лабиринту из тоннелей, коридоров и пещер, они достигли шлюза. Чтобы Адаму и Эвелин было в шлюзе не слишком тесно, боевой сервомеханизм согнулся. Затем аккуратно опустил оба мобилизатора. Адам оценил температуру помещения в двадцать градусов, а уровень

атмосферного давления соответствовал земному — здесь защитные поля и жизненные пузыри были больше не нужны.

Они оказались в круглом зале с полом из небольших кусочков черной плитки. От одной стены до другой протягивался выложенный из белых камней символ бесконечности, а в центре зала располагался пустой темно-серый пьедестал. Слева была арка, ведущая во вторую комнату, а когда Адам подошел ближе, суставы его мобилизатора застыли от марсианской пыли. Он увидел цилиндр коннектора, вероятно еще старой модели. Боевой сервомеханизм отошел к шлюзу и остался стоять неподвижно.

— Где он? — прохрипел Адам. — Где Супервайзер?

— Я здесь, — зазвенел голос. — Приветствую вас, Адам и Эвелин.

83

На постаменте посреди зала появилась фигура человека. Пол было сложно определить: если смотреть под одним углом, это был мужчина, если под другим — женщина. Фигура была прозрачной, сквозь нее виднелась противоположная стена.

Эвелин выдвинулась вперед, но ее мобилизатор двигался очень тяжело — в его суставы тоже попали пыль и песок с Марса.

— Машины с Земли забрали у меня бессмертие, — почти закричала она. — Они открыто нарушают Венскую Конвенцию, превращая бессмертных в Говорящих с Разумом.

— Я рассмотрел ваш иск, Эвелин, — тихо ответил Супервайзер. — И удовлетворил его.

— Но сейчас это уже бесполезно, — взорвалась Эвелин. — Кордон разрушен. У вас нет никакой связи с Землей.

— Неправда, — ответил Супервайзер. — Кластер разрушил кордон. Но канал квантовой связи существует, как и прежде.

Это подтверждало догадки Адама. Он тоже вышел вперед.

— Есть ли возможность… — начал говорить Адам и прервался, плохо понимая свои же слова. Но он сделал вторую попытку:

— Ваше оружие… Имеется ли возможность активировать его?

— Полагаю, вы говорите о древней программе, сохраненной в ядре Кластера.

— Оружие, — прохрипел Адам. Изображение перед глазами стало нечетким. На миг ему пока-

залось, что он видит на пьедестале своего отца, Конрада, — четырестадвенадцатилетнего мужчину, который думает не о своем сыне, а об экзамене в Женеве, по результатам которого он надеялся получить место в Высокой Сотне. Адам моргнул, и Конрад превратился в Ребекку, которая предала его, так как считала, что лжец-Бартоломеус говорит правду.

Бартоломеус. Должно ли это имя о чем-то ему напомнить?

Ребекка исчезла, а на пьедестале вновь появился Супервайзер.

— Оружие, — повторил Адам. Его мысли оставались нечеткими. — Инструменты борьбы против Кластера.

— Кластер больше не является нашим врагом, Адам.

Сделав еще один шаг вперед, Эвелин посмотрела на пьедестал.

— На Земле одна из умных машин по имени Бартоломеус манипулирует сознанием Адама, желая его руками бороться против врага.

Именно это ему следует помнить: они пришли сюда, чтобы обрести знания и истину.

— Можете ли вы его обследовать? — спросила Эвелин — Установить, как проводилась эта ма-

нипуляция?

Фигура на пьедестале посмотрела на Адама:

— Он находится в критическом состоянии. Его жизнь подходит к концу.

— Но прежде, — прохрипел Адам, — прежде чем я умру… Правда… Что сделал со мной лжец по имени Бартоломеус?

— Обследование может ухудшить ваше состояние и ускорить наступление смерти.

— Правда и ложь, — Адам задыхался в мобилизаторе. — Я хочу знать правду.

Супервайзер кивнул:

— Пройдите в соседнюю комнату. Мои помощники проведут обследование.

84

Несколько сервомеханизмов размером не больше метра осторожно положили Адама на мягкое ложе старого коннектора. У старика еще осталось достаточно времени мысленно поблагодарить Марс за низкий уровень гравитации, которая оказывала не такую большую нагрузку на его слабое тело. Его мысли больше не питались стимуляторами и пошли вразброд. Наступило оцепенение, немного похожее на транспортировочный сон.

Прошло не так много времени, ему показалось,

что всего несколько секунд. Но он снова стал юным и сидел на пляже изумрудного моря. На небе плыли бесчисленные облака, а за спиной находился старый сосновый лес, гнущийся под порывами ветра. Сколько ему лет? Двадцать один или двадцать девять. Он посмотрел на себя: плоский гладкий живот, мускулистые ноги. Юноша, который ждет обследование, чтобы остаться вечно молодым, но до него есть еще немного времени — один или два года.

Время… Он зачерпнул горсть золотисто-желтого песка и, повернув ладонь, смотрел, как он падает на землю. Также и со временем, если ты смертный, то оно скользит между пальцев. Если пристально за этим наблюдать, то можно увидеть, как стремительно оно исчезает.

— Адам.

Рядом с ним сидела женщина, она казалась хрупкой и юной, хотя — и он об этом помнил — была намного старше его. Женщина с большими черными глазами и черными волосами до плеч.

— Ты… — он попытался вспомнить ее имя. Как приятно быть настолько расслабленным с ленивыми блуждающими мыслями. — Эвелин?

— Да.

— Здесь очень хорошо, не правда ли, Эвелин? —

Он позволил последним песчинкам осыпаться с руки, запрокинул голову, закрыл глаза, прислушивался к шуму моря, где бились волны. — Я люблю море. Я тебе говорил, что люблю море, Эвелин?

— Послушай меня сейчас внимательно, Адам.

Он открыл глаза и увидел в просвете между облаков высоко в небе черную точку.

«Возможно, — подумал он, — это орел, который летает так высоко, что ему видно прошлое, настоящее и будущее».

— Супервайзер выяснил, как Бартоломеус манипулировал твоим сознанием, Адам, — сказала Эвелин.

— Супервайзер? — Ему не хотелось ни думать, ни вспоминать. Это расслабленное состояние, в котором он пребывал сейчас, гораздо приятнее.

— Посмотри туда, — показала Эвелин. — Видишь его?

На расстоянии пяти-шести метров стоял мужчина, а возможно женщина. Адам был в этом не уверен. Его ноги находились на границе земли и воды. Фигура помахала руками.

— Это особенное место, — объяснила Эвелин. — Мы создали симуляцию, чтобы тебя успокоить. Ты ведь любишь море, верно?

— Верно, — ответил Адам. — Да, я люблю море.

— Мы пытались объяснить тебе, в чем дело, но ты был слишком взволнован, — Эвелин говорила с каким-то особенным напором. — Ты же расслабился, верно?

— Это всего лишь симуляция? — беспокойно спросил Адам.

— Мы пришли к Супервайзеру, чтобы найти истину, — сказала Эвелин. — Ты искал правду, Адам, и я не хочу тебя обманывать. Да, это всего лишь симуляция. Теперь ты готов услышать правду, Адам?

— Да, — удивленно пробормотал он. — Я буду очень благодарен.

— Помнишь, Джаспер упоминал слово «вторжение»? Бартоломеус и другие установили специальную программу, превратившую тебя и Ребекку в оружие.

— В оружие?

— Оружие против врага. В далекой системе Лебедь-29 на расстоянии в тысячу световых лет от Земли, на Границе Миропознания вас должен был схватить враг, а вы должны были сыграть роль троянского коня, как назвал его Супервайзер.

— Я не понимаю.

Это было не совсем так. Адам хотел оставаться в расслабленном состоянии, его мысли продолжали двигаться медленно, но он уже что-то вспоминал и начал понимать.

— Оружие, которое в давние времена Супервайзер спрятал внутри Кластера на Земле, — маленькая, хорошо защищенная программа, с помощью которой можно блокировать умные машины… Кластер хотел применить похожее оружие против врага. Он послал в Лебедь-29 сигнал, который должен был заманить его туда и, как мы знаем, действительно заманил. Ты рассказал нам об этом во всех подробностях. Кластер давно знал врага и считал, что хорошо подготовлен к его нападению. Он призвал его в систему и планировал с помощью тебя и Ребекки разрушить центр управления.

— Центр сбора данных и принятия решений, — уточнила прозрачная фигура на границе воды. — Так сказать, его мозг.

— Но все пошло не по плану из-за твоего вмешательства, — продолжала Эвелин. — Ты помнишь? Ты решил спасти Ребекку.

— Да, — Адам это помнил. Теперь к нему вернулись воспоминания, а спокойствие исчезло. Он начал дрожать.

— Супервайзер предполагает, что именно из-за контакта с Ребеккой и заложенной в нее программой враг наконец нашел путь на Землю. Кластер хотел одержать верх над врагом, а в итоге враг захватывает его сам. Ты все понял, Адам?

Адам смотрел, как приближалась фигура, он попытался разглядеть ее лицо и понять, была ли она мужчиной или женщиной, но лицо фигуры все время менялось. Это был не один человек, а множество. Неожиданно он догадался, сколько именно: те самые семьдесят девять.

— Да, я понимаю, — сказал он. — Я был оружием.

— И все же это был ты.

Сейчас Адам заметил, что фигура не отбрасывает тени.

«Свет симулятора солнца проходит сквозь нее», — подумал он.

— Это ключевой момент — программа вторжения внутри вас, в вашем сознании. Ее можно за короткое время изменить, обновить, улучшить.

— За короткое время, — пробормотал Адам.

— Я предполагаю, что Кластер в последний раз менял ее во время встречи с тобой, — сказал Супервайзер. — Перед тем как ты прибыл сюда.

— Ты умираешь, Адам, — сказала Эвелин. В

ее голосе послышалась грусть. — Последние несколько часов нейростимуляция была интенсивной, а твой организм очень слаб. Если бы ты был подключен к системам жизнеобеспечения, то прожил бы еще несколько дней, но здесь нет подобных устройств. Супервайзер говорит, что тебе осталось жить всего один или два часа, не более. Мне очень жаль, Адам, — добавила она.

— Но в тебе все еще есть оружие, — зазвенел голос Супервайзера.

Мысли Адама, прежде такие быстрые, все больше замедлялись.

— Я не могу думать нормально, — пробормотал он. — Мне требуется стимуляция.

— Ты можешь в последний раз ею воспользоваться. Если ты решишь это сделать, тебе останется жить меньше часа. Адам, у тебя еще остается шанс победить врага и спасти Землю. Используй оружие в твоей голове. Это значит, что ты должен позволить врагу схватить себя.

— Но…

— Пути назад нет, — предупредил Супервайзер. Сейчас он стоял прямо перед Адамом и смотрел на него глазами семидесяти девяти людей. — Это дорога в один конец. Но единственный шанс для Земли.

— Я умру… В любом случае, — Адаму снова стало трудно говорить.

— Да, — ответила Эвелин. — Это случится так или иначе. Это невозможно предотвратить. Мне действительно очень жаль.

— Конечно, это ваше решение, — добавил Супервайзер. — Все в ваших руках.

— Одна… Попытка?

— Да. Второго шанса не будет. Нет никакой гарантии, что все сработает. Мы воспользуемся старым коннектором.

— Мы?

— Да, я буду сопровождать тебя, Адам. Я позабочусь о том, чтобы на земле у тебя был фактотум с достаточным количеством нейростимуляторов.

— Но ты…

— Я тоже умираю, мне осталось жить немногим больше. Но есть одна проблема, — сказал Супервайзер. — Чтобы подготовить старый коннектор к использованию, необходимо установить связь с Землей. Я должен буду выйти из состояния покоя. Это значительно увеличит мою энергетическую сигнатуру.

— Адам, Супервайзер хочет сказать, что если он сделает это, то станет мишенью для врага. Он ждет, что противник нападет на него примерно

через полчаса после проявления активности.

— Я готов рискнуть и поставить на кон свою жизнь, — уверенно объявил Супервайзер.

Это было нелегкое решение. Адам осознавал это даже без стимуляции. Готовность Супервайзера, в течение шести тысяч лет являвшегося гарантом того, что люди будут жить, произвела на Адама большое впечатление. У него остался один вопрос, который он не решился задать: неужели несколько часов жизни смертного стоят больше, чем жизнь Супервайзера?

Он еще раз посмотрел на море, на пенистые волны, будто предвещавшие бурю. Разрыв между облаками закрылся, и солнце перестало светить в лицо. Светило исчезло, а вместе с ним исчезла и черная точка, которая могла быть орлом, знавшим ответы на все вопросы.

— Последнее задание, — тихо сказал он. На этот раз слова прозвучали четко, без хрипа. — Самое важное из всех. — С этими словами Бартоломеус отправлял его в миссию.

— Да, — подтвердила Эвелин. — Самое важное из всех.

Симуляция закончилась. Адам лежал внутри старого коннектора, который с жужжанием просыпался. Цилиндр над ним был готов забрать его

сознание и перенести на Землю.

— Включаю управление, — раздался голос Супервайзера. — Транспортировка произойдет через одну минуту.

Рядом с Адамом кто-то лежал, так близко, что он мог чувствовать тепло тела другого человека.

— Ребекка? — спросил он, пытаясь заполнить множество лакун в своем сознании.

— Нет, я не Ребекка, я Эвелин. Мы отправляемся в путешествие. Мы оба. Я помогу тебе.

Адам моргнул, и туман, обволакивающий его сознание, немного рассеялся. Жужжание стало громче, а на стене сверкнула вспышка. Неожиданно рядом появилась аморфная фигура, нельзя было сказать, мужчина это или женщина.

Эвелин заметила, что Адам смотрит на фигуру.

— Это семьдесят девять, — объяснила она. — Основатели. Самые важные из них…

— Самые важные, — пробормотал Адам.

Он помнил, как ему нравилось чувствовать себя важным. Он тоже важен, но ненадолго, потому что скоро умрет. Это огорчало его. Ему хотелось еще немного пожить.

— Сорок секунд, — зазвенел голос Супервайзера.

Адам задумался, когда последний раз чувство-

вал рядом с собою тепло другого человека.

Гул старого коннектора нарастал, и цилиндр начал закрываться над ними. Адам вспомнил изображение, которое видел в древнем соборе.

— Адам и Ева, — прохрипел он. Его тело слабело, а мысли были тяжелыми, как свинец.

Она посмотрела на него. Ева по имени Эвелин.

— О да, древний собор в Бурреке, — сказала она.

— Отмена пассивного режима, — сказал Супервайзер. — Сигнальный мост активен, стабилен. Ведется поиск станции коннектора на Земле, готовой принять вас. Внимание: поступают чужеродные сигналы. Меня обнаружили.

Надвигалось оцепенение транспортировочного сна, и лакуны в мыслях Адама стали еще больше.

— Станция найдена, — сказал Супервайзер. — Соединение установлено. Сейчас запустится транспортировка.

Адам уснул.

Корабль

85

Его разбудила боль. Нож в голове, острый клинок, проткнувший мозг.

— Я почти готова, Адам, подожди минуту.

Он услышал голос и слова, но нож в голове разрезал их раньше, чем Адам смог понять смысл.

Появился свет, который он видел не глазами, а визуальными датчиками. Адам двигал руками и ногами, прислушиваясь к гулу сервомоторов.

— Я подсоединяю стимуляторы, надеюсь, они будут работать нормально.

Цилиндр коннектора открылся. Адам видел его во всех подробностях, он мог увеличивать и уменьшать изображение. Рядом с ним горело поле статуса с десятками значков и цепочек данных. Кто-то в таком же фактотуме, как и он, возился рядом, помогая двум маленьким сервомеханизмам.

Нож в голове Адама стал тупым. Теперь больше ничего не резал, только лишь скреб, а потом и вовсе исчез.

— Тебе лучше? — спросила Эвелин.

Адам оглядел станцию коннектора. Все выходы были закрыты, посмотреть на улицу он не мог — не хватало обзора.

— Где мы?

— На станции Адрар, — ответила Эвелин. — Сахар-парк в Алжерии. Я была в комнате управления и разговаривала с конденсатом разума станции. С Кластером нет никакой связи. А вот и третий стимулятор. Больше здесь нет. Как ты себя сейчас чувствуешь?

Лучше. Адаму стало лучше. Слабость все еще оставалась, она служила напоминанием о бренном теле, оставшемся у Супервайзера на Марсе, но его мысли словно освободились от чего-то липкого, пытавшегося заслонить каждую деталь. Они больше не прыгали, чтобы танцевать, им не хватало скорости, но они казались достаточно быстрыми и можно было на чем-то сосредоточиться.

— Сколько прошло времени? — Адам встал и подошел к двери.

— Шесть минут, одна тридцатая секунды, — тотчас же ответила Эвелин.

— Когда ты была в комнате управления, удалось связаться с Супервайзером?

— Все системы связи вышли из строя.

— Станция? — спросил Адам, пытаясь связаться с местным конденсатом разума.

Ответа не последовало.

— Внутренние коммуникации не работают, — сказала Эвелин. — Если ты хочешь поговорить с конденсатом разума, нужно идти в комнату управления.

Адам дотронулся до ручного управления. Дверь открылась, и он вышел наружу, на теплый воздух тропической ночи. Станцию коннектора Адрар окружала широкая терраса, переходившая в чистое поле. Адам подошел к краю террасы и посмотрел на Сахар-парк. Не было видно ни единого огня. Над темным ландшафтом висела странная тишина, в саванне и лесах молчали ночные звери. На небе светили звезды, тысячи звезд, и между ними — полумесяц, достаточно яркий, чтобы фактотум Адама отбрасывал тень. Когда он еще раз посмотрел на небо, на западе, на горизонте, пронеслась тень. Две или три секунды Адам считал, что это облако, но никакого ветра не было, а облако двигалась слишком быстро. Оно закрыло звезды, и, казалось, пожирало их. Что-то подобное Адам уже наблюдал, но это было в далеком мире, за множество световых лет от Земли.

— Вон там, — сказал он. — Корабль.

Адам наблюдал, как он летит, проглатывая звезды, и ему почудилось, что вдали слышится голос.

Когда Эвелин подошла поближе и направила свои визуальные датчики на ту же точку, что и Адам, он добавил:

— Ты помогла мне и можешь теперь возвращаться обратно к Супервайзеру.

— Почему, Адам? Неужели ты считаешь, что там я буду в большей безопасности, чем здесь? Враг доберется до марсианской Долины Леты через несколько минут и захватит Супервайзера, если только ты его не остановишь.

— Как? — спросил Адам. — Что мне нужно предпринять? Где хранится спрятанное во мне оружие?

— Будь спокоен. Неужели ты этого не знаешь? Оно — часть тебя.

– *Изменять, обновлять, улучшать*, — в ясных воспоминаниях Адама прозвучали слова Супервайзера. Но другие слова звучали еще громче: — *Ты моя последняя надежда*.

Адам вспомнил, что в тот раз Бартоломеус дважды отправлял его в миссию. Первый раз — в присутствии Урании. Когда же она ушла, он вернул его, заменил старую программу на новую, улучшенную версию, а затем отправил его на три

транспортера, куда были перенесены корабль Мурии и последний страж.

Причина ясна: у него есть еще одна возможность.

Адам развернулся. Быстрыми шагами он зашел обратно на станцию коннектора Адрар через центральный вход, а затем вошел в комнату управления. Рядом с основными контроллерами находилось поле статуса: большинство систем спали. На стене располагалось поле зрения, в котором был вид как из окна на ночной Сахар-парк.

— Что ты задумал? — спросила Эвелин.

— Вызываю корабль, — ответил Адам. — Вызываю его сюда. Станция?

— Нахожусь в состоянии готовности, — ответил конденсат разума станции коннектора.

— Активируй свою систему связи. Выйди в эфир на полной мощности.

— Связь с ближайшей коротковолновой распределительной станцией нарушена. У меня есть энергия только из термоядерной ячейки.

— Этого должно хватить.

— Что я должна отправить? — спросила станция.

— Общий сигнал вызова. Предоставь мне вол-

ну передачи, чтобы я мог добавить к нему свои сигналы.

— Вы хотите авторизоваться?

— Я — Говорящий с Разумом по имени Адам, — сказал он, отправив свои идентификационные сигналы.

— Авторизация пройдена, — ответила станция. — Чтобы отправить общий сигнал вызова, мне нужно воспользоваться энергией термоядерной ячейки. Волна передачи обеспечена.

Адам активировал свой коммуникатор, включил передачу частот на полную мощность и проговорил:

— Я здесь.

В поле зрения было видно, что корабль врага продолжает путь по ночному небу.

Прошло полминуты, но ничего не произошло.

— Вероятно, корабль тебя не услышал, — сказала Эвелин — Или же он так сильно занят Кластером, что не обращает никакого внимания на сигналы.

Голос вдали… он все еще продолжал шептать. И, возможно, именно он прошептал слово *Контакт*.

Когда-то Адам его уже слышал.

— Что это? — Эвелин показал на поле зрения.

Что-то начало падать с неба: это были темные капли, темнее чем ночь, освещенная лунным светом. Черный дождь.

Адам поспешил на улицу. Корабль врага находился прямо над станцией коннектора Адрар, он был похож на темное облако, занимавшее большую часть неба. Но оно не остановилось, а продолжало свой путь вперед, разбрасывая черные капли, большинство из них упали в леса и саванны Сахар-парка, лишь несколько достигли станции и ее террасы. Всего в двух метрах от Адама на землю упал черный шар. Он не разбился, а расплавился. Из шара вылезли темные ростки и, не останавливаясь, направились в сторону Адама. Он не отступал.

— Что это? — спросила Эвелин.

— Вероятно, это единственная возможность встретиться с врагом. Я все равно умру, Эвелин, для меня это уже не имеет никакого значения, но ты… возвращайся на Марс. Может быть, тебе еще удастся…

Первый росток из черной капли достиг фактотума, и Адам понял, что он имеет дело с ассимилянтом. Он наблюдал за происходящим. Нога фактотума, состоявшая из металла и композитных соединений, изменила свой цвет.

По ней пробегали темные линии, образовывая плотную сетку, постепенно становившуюся все более твердой, пока вся нога не стала такой же черной, как падавшие с неба капли ассимилянта. Адам на мгновение повернул голову и посмотрел на станцию, которая снова освещалась светом Луны. Изменения начались и там. На открытую площадку рядом с террасой, служившую местом приземления шаттлов и транспортных средств, упали несколько капель. Она тоже стала темнеть.

— Уходи, — сказал Адам. — Возвращайся обратно на Марс.

Черное нечто быстро поползло вверх по правой ноге. Одновременно другой росток достиг и левой. В ушах Адама зазвенел сигнал — фактотум сообщал о проблеме с целостностью.

— Если ты воспользуешься оружием, которое вживил в твою голову Бартоломеус… — Эвелин отступила на два шага назад, потому что рядом с ней поползли ростки. — Используй его не только против врага, но и против Кластера. Освободи людей от машин. Ты слышишь?

Да, он ее услышал и понял. В голове пронеслась мысль: «Неужели и ты хочешь использовать меня для своей цели? Ты тоже хочешь сделать из

меня инструмент?»

Ассимилянт, разъедавший структуру фактотума Адама, его тело, постепенно забирался все выше. Чернота по-прежнему оставалась голодной, несмотря на то что уже полакомилась обеими ногами и торсом.

Адам отключил сигнал нарушения целостности фактотума и наблюдал за тем, как Эвелин, бросив на него последний взгляд, скрылась внутри станции.

Ассимиляция здания шла быстрее, чем ассимиляция фактотума, и Адам подумал, что причина в том, что на станцию попало больше черных капель.

Конденсат разума все еще отправлял передачу. На приемной волне Адам слышал добавленные сигналы связи.

Он посмотрел высоко в небо на темный корабль и закричал в эфир:

— Я здесь! Давай, поймай меня!

Черное нечто съело его грудь и добралось до головы.

Адам почувствовал тревогу — нечто чужое, холодное, как лед, заставило его остолбенеть, замерзнуть изнутри.

86

Клац! Клац! Клац!

Контакт? Контакт?

Путешественник Адам проделал долгий путь, но он не устал и точно знал, в каком направлении надо двигаться, чтобы достичь цели. Ему было ясно, что его преследуют, но они не опасны, поскольку он был сильно впереди. Они точно не знали, где он находится.

А где он находится?

Он знал цель и путь достижения цели, но иногда задавался этим вопросом. Это был странный мир, хотя в глубине души он и казался ему знакомым. Этот мир создан не для людей, а он считал себя человеком, пусть и не был до конца в этом уверен.

— Адам?

Он стоял в длинном тоннеле, по которому двигался вперед, и эхо голоса дошло до него через боковые проходы. Он узнал его. Знал, кому принадлежит этот голос.

— Эвелин?

— Наконец, — закричала она. — Наконец-то я нашла тебя.

И она появилась: без фактотума, женщина из

плоти и крови. Как это может быть? Эта женщина, ее тело… Она должна находиться где-то совершенно в другом месте.

Она подошла ближе сквозь щель в стене, похожую на рану, через узкий боковой тоннель, большая часть которого лежала в темноте.

— Адам? — ее голос звучал несколько странно. В нем слышалась неуверенность.

— Да, — ответил он. — Думаю, что это я.

— Ты изменился, — сказала Эвелин. — Я помню тебя таким шестьдесят лет назад или больше.

Адам посмотрел на себя. Хотя было холодно, на нем были короткие брюки, а ноги и руки блестели от загара. Он дотронулся рукой до лица, погладил кончиками пальцев щеки — на них не осталось ни единой морщины.

— Я… Молод?

Почему это его удивляло? Отчего он считал, что должен быть стариком?

— Тебе не следует здесь находиться, — сказал он.

Сине-черные стены вокруг них начали двигаться. Это происходило всякий раз, когда он надолго останавливался на одном месте. Постепенно их движение стало

быстрее. Они подступили ближе, казалось, же-

лая раздавить его, если он не пойдет дальше.

— Иди, — сказал он, указывая вперед. — Нам нужно двигаться дальше. Тебе не следует здесь находиться, — повторил он.

— Я не могу вернуться обратно на Марс. Как только я легла в коннектор, система управления вышла из строя и я не смогла вернуться к Супервайзеру. Тогда я захотела выйти из здания, но было слишком поздно. Ассимиляция коснулась и меня. Адам?

— Да.

— Где это *здесь*?

Вопрос не имел для него смысла. Он знал, где находится цель, и шел к ней. Впереди будет свет.

— Это недалеко, — сказал он, вытянув вперед руку.

— Мы находимся на корабле, Адам?

— Иди, — сказал он. — Нам надо бежать, иначе преследователи найдут нас.

— Преследователи? — Эвелин посмотрела назад, откуда пришел Адам.

— Они не должны нас найти, — сказал Адам. — Настичь нас до того, как мы доберемся до цели. Это… инстинкт самосохранения?

Он взял Эвелин за руку и повел за собой. Держась за крепкую сильную руку, она поспешила

вместе с ним по тоннелю. Он не уставал, силы не покидали его. И это казалось ему странным.

— Это ведь тот корабль, который летал, правда? — зазвенел в тишине голос Эвелин. — Ненастоящий корабль. Я имею в виду, что наше сознание транспортировано, а тела до сих пор находятся на Марсе. Что значит *здесь*? Мы находимся в системе данных корабля?

Она посмотрела на него большими глазами:

— Оружие в твоей голове, Адам… Ты его использовал? Результат уже виден?

Из темноты далеко позади донеслось глухое рычание.

— Мы идем недостаточно быстро, — сказал Адам. — Нужно бежать.

И они побежали навстречу свету мимо сине-черных стен. Наконец они достигли конца тоннеля, и там их ожидал мир, где небо и земля были единым целым. На десятки километров слева и справа протянулись зеленые леса и луга, доходившие до небес. Свет исходил от маленького желтого солнца, располагавшегося в центре небосвода. Посередине пейзажа находился город, его здания белого и светло-коричневого цветов были окружены зеленью. Примерно в десяти километрах на вершине холма вырос прекрас-

ный замок, его стены были белоснежными, а из ярко-красных башен выглядывали флаги лавандового цвета.

— Как здесь чудесно, — сказала Эвелин, выйдя вперед, прямо под лучи маленького желтого солнца.

Адам вернул ее назад.

— Нет, — сказал он. — Это должно нас отвлечь. Ядро создало этот мир специально для нас. Оно не хочет, чтобы мы добрались до цели.

— Ядро?

— Мы его скоро увидим. Идем.

Адам тащил Эвелин за собой обратно во тьму туннеля с движущимися стенами, навстречу рычанию, которое теперь слышалось гораздо ближе, чем прежде.

Через несколько шагов Адам остановился, пытаясь сориентироваться.

Клац.

Контакт? Контакт?

Его голову пронзила жгучая боль, и он поднял руки к вискам.

— Адам?

«Есть две цели», — понял он. Вторая еще важнее, чем первая.

Клац, — звук раздавался прямо внутри него, в

лишенном морщин лбу. А затем: *контакт.*

— Контакт? — спросил он.

Из темноты тоннеля послышалось рычание, оно было громче и еще ближе.

— Адам, что с тобой?

— Туда, — он указал на узкое отверстие в сводчатой стене — проем, который начинал закрываться. — Нам нужно туда.

Протиснувшись, они попали в еще один тоннель и снова побежали. У Эвелин вскоре сбилось дыхание, но у Адама оно совсем не изменилось.

— Нейростимуляция больше не работает, — бросила Эвелин спустя десять минут бега. — Твоего фактотума со стимуляторами больше нет, как и моего. Ты уверен, что знаешь дорогу? Куда мы вообще идем?

Они попали в зал, возможно, это был еще один ненастоящий мир с изогнутыми вверх стенами. Невозможно было разглядеть, соединялись ли они там наверху, поскольку потолок покрывала тьма.

Вокруг возвышались тысячи колонн, они напоминали опоры покрытого тьмой неба. Колонны были прозрачными, как стекло, и высотой не менее десяти метров. Внутри каждой из них мигали лампочки, словно искры костра, одни медленно,

другие быстро.

— Это ядро, — сказал Адам. — Здесь находится интеллект корабля, который пытается нас обмануть.

87

Адам и Эвелин стояли посреди леса из колонн, когда первые преследователи показались из тоннеля. Их рычание сопровождалось скрежетом и лязгом. Они напоминали серых шестиногих собак с большими головами и искривленными пастями, полными острых зубов. Одно из существ хрипло залаяло, а остальные принюхались.

— Они знают, что мы здесь, но не могут определить, где именно, — сказал Адам.

— Где здесь? — тихо спросила Эвелин, будто боясь, что преследователи услышат ее.

— Это мозг корабля, — сказал Адам, чьи мысли были более ясными, чем несколько секунд назад. Неужели это из-за близости цели? — Это его разум.

— Но… — Эвелин посмотрела на вспыхивающие в колоннах огни.

— Он не похож на наш, — добавил Адам. — Это неорганический разум.

— Машина?

— Да, — сказал он, проходя немного дальше. — Я думаю, да.

Отзвук холодного шепота чем-то напоминал речь машин. Но он слышал и другой голос:

Контакт? Контакт?

— Кто-то хочет связаться со мной, — застонал Адам. Острая боль прожгла голову и резко оборвала мысли.

— Туда, — он показал на черную громаду за рядом колонн — скалу высотой сто метров. — Ядро не допустит контакта.

Он посмотрел на самую высокую колонну, которая была в два раза выше и толще, чем остальные. А может, и еще выше, но это нельзя было сказать точно, потому что колонны терялись в темноте.

— Машины, — повторила Эвелин, продолжая держать его за руку. — Это Кластер?

— Много машин, — Лицо Адама скорчилось от боли, когда он подошел к самой высокой. — Машины из множества частей, каждая из которых думает отдельно.

— Покажи их мне, — попросила Эвелин. — Можешь ли ты показать их?

Он моргнул, пребывая в замешательстве. Всего несколько шагов отделяли его от центральной колонны. Два голоса, две цели.

— Что мы здесь видим, Адам? — спросила Эвелин, находясь в сомнениях.

— На самом деле его не существует. Я имею в виду, что его не существует в привычной для нас форме. Мы находимся в системе данных корабля и получаем сигналы, которые наше сознание воспринимает как образ и может интерпретировать. Мы взяты в плен, ассимилированы, но не полностью. Вероятно, причины в программе, которую дал мне Бартоломеус, отправляя на миссию. Такую же он дал и тебе, и Ребекке.

Позади них рычали преследователи, успевшие за это время добраться до колонн. Адам наклонил голову и взглянул в сторону. Первый из псов смотрел прямо на него.

— Там звери, — прокричала Эвелин. — Не из плоти и крови. Это система безопасности, как ты сказал. Особая программа корабля для караула, предназначенная для обнаружения… и устранения врагов? Как антитела в организме.

Преследователи были опасны только для Адама. Он продолжал стоять перед большой колонной, внутри которой засветилось еще больше огней, казалось, они приветствовали его. Адам вытянул руки и хотел дотянуться до них…

У него словно открылась еще одна пара глаз,

которыми он увидел корабль — непрочную конструкцию, служившую для защиты находящихся внутри от враждебного космоса — вакуума, холода, излучения. Он больше походил на картину, нарисованную тысячами красок, огромную мозаику, где кусочки плитки могут самостоятельно перестраиваться, образовывая новые формы и новые краски. Каждый отдельный компонент обладал собственным разумом, а вместе они составляли эквивалент Кластера, супермозг, который думал холодно и расчетливо, ставя выживание и дальнейшее существование превыше всего. А для этого следовало устранить опасность.

— Я видела это, Адам, — сказала Эвелин. — Я видела это.

Другой Кластер на Земле, Бартоломеус и остальные машины. Они не были врагами корабля, лишь противниками, а вернее — соперниками. Их не надо побеждать, их необходимо поглощать, потому что это ведет к быстрому росту. Они могут быть взяты в плен и стать частью мозаики, которая еще сильнее расширится, вберет еще больше разума и способностей. Таким образом власть сообщества машин станет еще прочнее, а ее настоящий соперник — белковый разум — еще

более беспомощным.

Над Адамом поднималась высокая колонна. Огни внутри… Их так много, что они сливаются в белое свечение. Их сияние отодвигало темноту выше, делая очертания скал за колоннами более четкими. Перед ним возникла картинка, не прекрасный белый замок, как прежде, но крепость. Ее стены были чуть светлее пугающего мрака вокруг. И все же…

— Ты говорил об обмане, — неожиданно сказала Эвелин. — Разуме корабля, который пытается нас обмануть. И о ядре, которое не хочет, чтобы мы достигли цели. Адам?

Сейчас он не совсем понимал, что должен делать, и это его удивляло. Так же как сильное тело, которое он здесь обрел. Без нейростимуляции его дух оставался слабым, окутанным пеленой оцепенения, движимый чем-то, что принадлежало ему, но не было его частью.

Преследователи зарычали. Первый из них находился всего в десяти метрах.

— Обман? — пробормотал Адам.

Всего несколько метров отделяли его вытянутую руку от колонны, которая начинала пульсировать. Что-то побуждало прикоснуться к ней.

— Адам?

Он увидел ее лицо. Она кричала, но голос ее был приглушенным, каким-то далеким:

— Программа, оружие… Ты должен его использовать. Позади преследователи.

Адам посмотрел на свои молодые руки. Они дрожали. Какая-то часть его сознания, может быть оружие, хотела, чтобы он прикоснулся к колонне. Его руки и то, что ими двигало… Они должны были стать ключом от корабля, дать ему контроль над управлением.

В одно мгновение, примерно на полсекунды, наступила ясность. Подсознание сказало, что будет большой ошибкой воспользоваться ключом здесь. Возможно, он и откроет корабль или его часть, но попытка взять управление на себя будет обречена на провал. Холодный неусыпный взор машинного разума, в который он вмешивается, легко победит его. Он все еще не знал, где он и кем точно был. Если он воспользуется ключом здесь, то раскроет свое местонахождение и личность — человека, вмешивающегося в работу системы. В таком случае ядро больше не будет обманывать его и посылать преследователей, а, скорее всего, развернет весь свой оборонительный потенциал. И Адаму нечего противопоставить такому натиску.

Контакт? Контакт?

«Это фальшивая цель», — понял Адам. Он посмотрел на руки и убрал их.

— Программа в тебе, Адам… Запусти ее… Возьми управление на себя.

Принять управление на себя? Управлять кораблем? Всеми его элементами, которых больше миллиарда? Как глупо, как самонадеянно. Взять управление на себя невозможно. В одиночку он ничего не сможет сделать против разума корабля. Но вот если он получит помощь…

Адам посмотрел на скалу, где стояла крепость — темная, холодная, неприступная.

— Нужно действовать быстро, Эвелин, — сказал он. — Быстрее, чем преследователи. Так быстро, как только возможно.

И они побежали.

88

Когда они достигли стометровых монолитных скал, преследователи все еще находились в лесу из колонн. Псы подкрались к центральной, принюхивались и рычали. Затем самый большой из них поднялся на задние лапы, посмотрел в сторону Адама и Эвелин и завыл.

— Туда, наверх, — Адам показал рукой на доро-

гу вверх по скале.

— Не знаю, смогу ли я туда попасть, — Эвелин тяжело дышала, ее лицо сделалось красным. — Ты сильнее меня. В этом месте что-то придает тебе сил.

Адам потянул ее за собой, и на полпути наверх, когда Эвелин больше не могла говорить, а просто тяжело дышала, отдал ей часть своей силы. Он не понимал, как у него получилось это сделать. Вероятно, одного желания оказалось достаточно.

— Должно быть, это все программа Бартоломеуса, — сказала Эвелин, пока они продолжали путь к темной крепости.

— Нет, — ответил Адам.

Тут его мысли текли быстрее, чем у леса колонн. Он понял, что говорить легче, если концентрироваться на словах.

— Программа хотела, чтобы я дотронулся до центральной колонны. Я должен войти в контакт с разумом корабля. Это предопределено заложенной задачей. Необходимо проникнуть в мозг корабля и взять его функции на себя.

— Почему же ты этого раньше не сделал?

Дорога стала круче. За следующим поворотом их ожидала каменная лестница, ее высокие ступени поднимались по скале.

— Потому что это было бы неверным решением, — ответил Адам, — и его невозможно выполнить.

— Неверным?

— Меня ждет другой контакт. Сейчас я не тороплюсь.

— Что ты сказал? О чем ты говоришь?

Адам подумал о Крисали на Ретосе, об Энроэле и о других, которые надеялись, что он принесет им мир. Адам оставил их в беде, и теперь это не должно повториться.

Адам и Эвелин достигли первой площадки, откуда открывался вид всего зала. Основной свет исходил от колонны, доходил до противоположной стены и падал в проем тоннеля. Они увидели десятки преследователей, не только шестиногих собак, но и других существ. Некоторые из них, поменьше и поизящнее, имели крылья.

— Корабль понял, что мы делаем, — сказал Адам, — и хочет остановить нас.

Он стиснул руку Эвелин и поспешил дальше.

— Корабль понял, что *мы* задумали? Как это может быть, если я ничего не знаю?

Клац — что-то внутрь Адама щелкнуло, будто обычный выключатель. — *Клаааац.*

Затем близко послышался голос: *Контакт?*

Контакт?

— Сейчас, — ответил Адам. — Сейчас.

Последние ступени были выше остальных, настолько, что невозможно было поставить на них ногу, и Адам с Эвелин были вынуждены ползти вверх. За лестницей следовал небольшой дворик, в конце которого находились крепостные ворота. Они были закрыты.

— А теперь что нам делать? — нервно спросила Эвелин. — Что находится за этими воротами?

— Казематы, — ответил Адам, смотря на створки. Те были черными и блестели, словно обсидиан.

— А кто тут заключен? Может быть, такие же люди, ассимилированные кораблем?

— Нет, не люди.

Адам толкнул ворота обеими руками, но они не распахнулись. Позади слышалось рычание, но Адам все равно продолжал.

— Адам.

Когда он повернулся, существо с широко открытой пастью огрызнулось на Эвелин, которая теперь не могла отойти — позади крепостная стена, — а затем набросилось на него.

Адам, который был молод и полон сил, встал на пути существа, ударив его правой рукой с такой

силой, что проломил череп.

Шестиногая собака безжизненно упала на землю. Лежа на старой каменной площадке, ее тело дрожало, хотя в нем больше не было жизни.

Громкий рев становился все ближе. Все больше преследователей забиралось по лестнице.

Адам посмотрел на руку. Она была невредима — даже ни царапины.

— Ворота, Адам, — настаивала Эвелин — Боюсь, тебе не хватит рук, чтобы справиться со всеми охотниками, которые пришли за нами. Что же до меня, — она подняла руки, — то я даже не буду пытаться.

Адам снова повернулся к воротам. Они возвышались перед ним, черные и сияющие. На них не оказалось ни петель, ни замочной скважины. Рычание слышалось совсем близко. Он не стал оборачиваться, и так знал, что преследователи достигли дворика, а остальные бежали по лестнице.

Адам закрыл глаза.

— Я здесь, — сказал он, думая о переключателе, о программе, которую добавили ему на Земле.

Первый из преследователей уже почти добрался до него. Еще больше находилось на площадке перед крепостью.

— Адам.

«Переключатель, ключ», — думал он. Оцепенение еще не окончательно оставило его, занимая часть сознания, но некоторые мысли, более быстрые и проворные, нашли путь сквозь туман души.

Клац? Клац!

Контакт.

89

Внутри крепости открывалось большое пространство, где на протяжении миллиона лет стояла тишина. Хотя площадь замка была не такой большой, как у зала с колоннами и разумом корабля, за крепостными стенами находились предметы, похожие на зеркала, почти полтора метра в высоту и полметра в ширину. Они медленно вращались, каждое со своей скоростью.

— Однажды я уже видел это место, — сказал Адам.

Эвелин оглянулась. Ворота замка за ними закрылись.

— Ты привел нас в крепость, — сказала она.

Адам приблизился к первому зеркалу, вытянул вперед руку, но остановился в нерешительности.

— А что произошло с узниками, Адам? — спро-

сила Эвелин, вставая рядом с ним. — Кто сидит в заключении и где? И что это?

— А ты еще не поняла? — удивился Адам.

После ассимиляции Эвелин, как и Адам, стала частью базы данных корабля, она тоже должна была понимать значение этого места.

— У меня нет в голове программы вторжения. Мне еще повезло, что я осталась собой. Это случилось лишь благодаря тебе. Я не имею никакого представления о том, что здесь происходит. — Она снова посмотрела назад, опасаясь, что преследователи могут оказаться по эту сторону стены. — Я ничего не знаю о том, зачем ты меня сюда привел.

«Мне не хватит слов это объяснить, — подумал Адам. — Слова отнимают слишком много времени, а оно играет сейчас большую роль. Безусловно, разуму корабля не составит большого труда привести преследователей в крепость. Стены и ворота не являются для них преградой, ведь они сами их выстроили».

Адам осторожно прикоснулся к ближайшему зеркалу. Оно отозвалось не звуком разбивающегося стекла, который он слышал здесь прежде, сейчас это был лишь тихий шепот. А затем в светящемся прямоугольнике появилось лицо:

высокий костлявый лоб, вытянутая голова с расширением сзади. Оно не принадлежало человеку, но на нем ясно можно прочитать выражение боли и страдания.

Контакт

Контакт.

В других зеркалах появились похожие лица, и все они рассказывали свою историю — рассказывали не словами, а мыслями и воспоминаниями.

Адам, часть сознания которого изменил лжец и стратег Бартоломеус, получал изображения и стоявшие за ними истории, а затем и передавал их Эвелин, которая стояла неподвижно. Она начинала все понимать.

В зеркалах были заключены мурийцы, исчезнувшие миллион лет назад.

Мурийцы. Они не сбежали от Всемирного Пожара, а пали жертвой собственного изобретения.

Адам транслировал знания Эвелин, и она сказала:

— Я была права, когда сравнивала компоненты этого корабля с Кластером на Земле, но их намного больше. Каждый отдельный элемент корабля, способного произвольно изменять конфигурацию, имеет собственный интеллект. Не важно, из чего он состоит и какое имеет строение, каждый

раз это новый организм — машина огромных размеров. Представь человеческое тело, где каждая клетка может думать. Но эти клетки не думают поодиночке, они не обладают индивидуальностью, как Бартоломеус и другие индивидуальные аспекты Кластера на Земле, которым, чтобы принять общее решение, нужно создавать оперативный центр. Они всегда думают вместе.

Адам услышал эти слова, но понял, вероятно, не все, потому что его сознание затягивал плотный густой туман. Кроме того, он чувствовал, как его покидают силы. По молодому телу распространилась слабость. Он поднял руку, которой только что касался зеркала, и увидел, что она вся изрезана морщинами.

«Я умираю, — думал он. — И не должен никогда забывать об этом. Смерть догоняет меня».

Эвелин продолжала говорить:

— Интеллект корабля имеет более высокий уровень развития. Это своего рода машинный сверхразум. Корабль — это то, во что может превратиться Кластер на Земле через тысячу лет.

Куда бы Адам ни посмотрел, на него отовсюду, из бесчисленного множества зеркал, смотрели мурийцы. Что-то заставило его повернуть голову назад, и он увидел черные ворота из обсидиана, за

которыми продолжали рычать преследователи.

— Ты видишь это? — спросила Эвелин, показывая на образ, который ей прислал Адам. — Ты это видел? Именно мурийцы построили этот корабль…

— Нет, — Адам прервал ее, понимая, что это не вся правда, а лишь ее часть. — Мурийцы создали лишь прототип. Прототип данного корабля. Дальше он развивался уже самостоятельно.

— То же самое случилось и на Земле. Как только первые машины получили интеллект, они ускорились в развитии…

— И это привело к… войне. — Какое полное ненависти слово, столь же мрачное, как и черные ворота, оставшиеся позади. — И не только на Земле.

— Да-да, — взволнованно сказала Эвелин. — Мурийцы пытались ограничить развитие машин, остановить расширение их сознания и обогащение знаниями. Но это привело к тому, что те взялись за оружие и начали войну.

Адам посмотрел на множество зеркал и увидел в них глаза тысячи мурийцев. Он понял, что видел на изображениях события прошлого: разрушения, смерть, войну и плен.

— Машины, выжившие после этого хаоса,

объединились в корабль и взяли переживших катаклизмы мурийцев — биологическую часть нового общества — в плен.

— Говорящие с Разумом, — прохрипел Адам.

— Ты хочешь сказать, так же, как и Говорящих с Разумом? Органический элемент… — Эвелин была взволнованна и очарована открытием. Заметила ли она, что разум корабля уже открыл ворота за ними?

— Изобретательность, — устало проговорил Адам. — Иррациональное мышление. Способность принимать нестандартные решения.

Эвелин кивнула:

— Синтез лучшего из двух миров.

— Нет, — возразил Адам. Скорость мышления Эвелин была быстрее, чем у него, но она думала в неправильном направлении. — Это вовсе не… синтез, а подчинение, порабощение.

— Да, я поняла, ты прав. Огромная машина, организм, обладающий машинным интеллектом, это он захватил выживших мурийцев и поработил их.

— Но… не всех. Некоторым удалось сбежать. — Адам проклинал свою слабость и липкое нечто, сковывавшее мысли. Ему надо еще так много узнать, так много понять.

Количество изображений увеличивалось, они рассказывали о немногих мурийцах, которым в те давние времена удалось сбежать. Корабль искал их, но не нашел, потому что беглецы покинули пределы Каскада и бесследно исчезли в просторах космоса. Корабль искал их и везде, где находил другие цивилизации, устраивал Всемирный Пожар, уничтожая все дотла. В этом состояла одна из главных задач корабля: устранять для себя любую опасность.

— Всемирный Пожар, — прошептал Адам, у него не осталось сил говорить громко. — Межзвездная катастрофа, жертвой которой стали многие народы.

— И все же тогда… — Эвелин перебила себя. Изображения менялись столь быстро, что она не успевала говорить. — В течение тысячелетий корабль летал от звезды к звезде в поисках сбежавших мурийцев и уничтожал целые миры с помощью Ластиков, аннигиляторов и пушек. Наконец некоторые мурийцы вернулись обратно с оружием, способным победить машины. Они не смогли разрушить корабль, но им удалось перевести его в пассивное состояние, своеобразный сон где-то в межзвездном пространстве.

Адам вспомнил о станции, где умерли Эллер-

гард и Эллисон, о неком призрачном объекте, который летал в космосе и словно спал.

— Вернувшиеся мурийцы опустошили Депозитум и снова исчезли, планируя разработать новое оружие, которое будет мощнее предыдущего, и с его помощью окончательно разрушить корабль.

— Но им это не удалось, — сказала Эвелин. — Что же могло случиться?

— Вероятно, корабль спрятался и его не нашли, — сказал Адам. — А потом…

— А потом на космической сцене появились умные машины с Земли, — ответила Эвелин. — Их зонды открывали опустошенные миры и находили артефакты.

— Некоторые из них служили предупреждением…

— Да, но машины Земли этого не поняли или просто не обратили внимания. Узнав о корабле, о его интеллекте, который опередил Кластер на одну или несколько ступеней развития, машины решили, что могут захватить его наследство. Они отправили кораблю сигнал пробуждения. И ты, и Ребекка были оснащены программами вторжения. Корабль должен был вас ассимилировать, а вы должны были захватить его.

— Но сигналы Кластера привели корабль к

Земле, и теперь…

— Корабль захватывает Кластер, — подтвердила Эвелин, — затягивает его в себя. За счет чего корабль расширится, и это станет новым шагом в развитии его интеллекта.

Адам видел эти изображения, будущее, далекие горизонты, но смотрел на них как бы со стороны, высоко-высоко сверху. Вот корабль ассимилирует Кластер на Земле и летит дальше в поисках последнего мурийца, который спрятался на просторах космоса, и продолжает создавать новое оружие. Он видел корабль, который так же, как и миллион лет назад, до длительного сна находит новые цивилизации на низкой ступени развития и уничтожает их, считая своими потенциальными врагами. Разгорается новый Всемирный Пожар, еще сильнее, чем первый.

— Нужно идти назад, — сказала Эвелин — К высокой колонне — ядру машинного интеллекта. Только там ты сможешь взять управление кораблем на себя.

— Это невозможно, — прохрипел Адам. — Поглощение невозможно. Я слаб.

— Но тогда…

Контакт.

— Вот почему я не… пошел на это, — добавил

Адам и мобилизовал последние резервы мозга. — Я здесь, чтобы освободить узников. Они знают корабль гораздо лучше. Возможно, у них получится…

Ворота за ними окончательно распахнулись, и показались преследователи. Впереди были шестиногие собаки. Они подходили все ближе, скаля зубы и рыча.

Клац… Защитная программа, новое улучшенное дополнение к сознанию, ключ, который был предназначен для управления кораблем… Бартоломеус снабдил программу функцией автоадаптации. Автоадаптация — сложное слово, но стоящее за ним явление куда сложнее. Адам даже не пытался в этом разобраться. Он просто радовался, что этим ключом можно открыть не один замок, а несколько. Ключ подходил и для этих древних казематов возрастом в миллион лет.

Адам хотел поднять руку, чтобы еще раз прикоснуться к зеркалу, в котором отражалось лицо, полное надежд, но ему не хватало сил — смерть была совсем близко. Тело слабело. Он посмотрел на ладонь, кожа на ней была дряблой, изрезанной морщинами, дрожавшие пальцы больше не слушались его.

— Эвелин, моя рука…

Она потянулась к нему и подняла его руку.

— Зеркало, первое зеркало.

Первое добравшееся до них шестиногое существо разинуло пасть, выпустило когти и прыгнуло.

Эвелин подняла старую морщинистую руку Адама к первому зеркалу. Едва пальцы его коснулись, как плоскость начала двигаться. Зеркало опрокинулось и зацепило соседнее, которое тоже упало назад. Они стали валиться одно на другое, словно костяшки домино, и, падая на пол, разбивались. Звук громким звоном разнесся по залу, но его перекрыл истошный вой шестиногой собаки, та почти добралась до Адама и Эвелин, но застыла в воздухе, а затем разлетелась, словно стекло. Остальные преследователи в страхе попятились от открытых ворот, трое из них, стоявшие впереди, столкнулись друг с другом и раскололись, другие же обратились в бегство.

Адам посмотрел на руку, которую Эвелин только что отпустила: на ней появились темные линии, разъедавшие кожу и кости.

— Адам, — закричала Эвелин. — Что с нами, Адам?

Он повернулся и увидел, что темные линии перешли на ее руки и окутали все тело. Они до-

стигли ее лица, широко раскрытых глаз…

— Адам, — закричала Эвелин, но крика не было, потому что ее рот разбился, словно зеркало. Адам не мог ничего ответить. Теперь у него не осталось не только сил, но даже губ и языка.

Корабль поглотил их.

На кушетках у старого коннектора в недрах красно-коричневого Марса лежали мужчина и женщина, она до недавнего времени была бессмертна и молода душой, мужчина же — стар и смертен. Супервайзер, наблюдавший за ними, заметил в поле статуса мигающие значки. Он получал информацию напрямую, не используя эквивалент органов чувств. Черные линии ассимиляции пронизывали всю комнату с пьедесталом и достигли соседнего помещения, где находился старый коннектор, достигли ложа с двумя людьми. Зная, что цель уже близко, линии стали распространяться еще быстрее, ведь тела должны стать частью обширного искусственного интеллекта. Несколько добрались до проекций голограмм с изображениями основателей и мыслителей — мужчин и женщин, шесть тысяч лет назад объединившихся с Супервайзером.

Голограммы исчезали одна за другой. Комната наполнилась шумом, похожим на шорох осыпа-

ющегося песка.

Адам — старик на кушетке, который был моложе женщины рядом с ним, — задрожал. Он повернул голову, открыл глаза и пробормотал:

— Ребекка?

Он еще дышал, потом закрыл глаза, и вскоре дыхание прекратилось. Супервайзер зафиксировал изменение потоков данных, нить канала квантовой связи стала тоньше, а затем порвалась.

Не открывая глаз, женщина села рядом с умершим и спросила:

— Адам. Что с нами происходит?

Затем она откинулась назад и положила руку на его лицо. Индикаторы в поле статуса снова изменились, они говорили о том, что женщина умерла.

На стенах оставалось всего несколько голограмм основателей, но, когда черные линии достигли их, они тоже растворились. Супервайзер продолжал стоять рядом с кушеткой, смотря на умершую пару. Он подождал, пока на стенах не останется голограмм и семьдесят девять человек не уйдут в небытие. Затем его мерцающая фигура, похожая одновременно на мужчину и на женщину, смотря под каким ракурсом наблюдать за ней, тоже растворилась.

Звездное море

90

«Эволюция, — думал Адам. — Развитие от меньшего к большему, от низшего к высшему, от простого к сложному. Едва появившись, органическая жизнь начала проходить путь непрерывных превращений, который уже на ранней стадии привел к возникновению аминокислот и другого биологического строительного материала. В подходящих условиях — а во Вселенной всегда есть такие места — новые одноклеточные организмы, проходя естественный отбор, усложнялись, пока у них не появился разум и они не начали осознавать свое существование. Но, если смотреть на этот процесс отстраненно, глазами орла, который все видит и понимает, то станет ясно, что это был шаг в рамках общих законов природы и материи, тщательно продуманном плане под названием «эволюция». Чтобы облегчить жизнь, защитить себя от природы и чувствовать независимость, биологический разум создал технику и механизмы. Он хотел изменять окружающую среду, условия жизни по

своим правилам и желаниям. Ему это нравилось, и он конструировал все более сложные машины, веря, что сможет сыграть ведущую роль в эволюции и повернуть ее в желаемом направлении. Но это была лишь одна из множества иллюзий, которые высокоразвитые организмы питали по причине ограниченности своих знаний».

За этим наблюдал всевидящий орел, который летал в вышине и мог заглядывать в будущее. Если у эволюции была цель, она состояла в том, чтобы создать биологические разумные организмы, которые построят умные машины.

Машинам не хватает хрупкости органической жизни. Они могут жить на просторах холодного космоса или в мирах рядом со звездой, при высокой радиации, высоком атмосферном давлении или на морских глубинах. Машины могут существовать в любых условиях. Кроме того, они могут брать строительный материал из любой среды, чего лишены биологические существа. Машины думают намного быстрее и, лишенные эмоционального балласта, развиваются по экспоненте. Они практически бессмертны, время едва ли играет для них какую-то роль. Они знают, что рано или поздно смогут достичь любого места во Вселенной. Это лишь вопрос сроков. Чтобы

колонизировать галактики, достаточно иметь автономные споры, которые будут создавать репликантов и, используя имеющиеся ресурсы, копировать самих себя, а затем разлетаться в разные стороны и снова копировать себя в новой звездной системе. Они создали систему квантовых каналов, а когда их пропускной способности стало не хватать, сразу же появились технологии переноса сознания органических разумных организмов. Это был работающий механизм, в том числе потому, что машинам, привыкшим руководствоваться законами логики, не хватало изобретательности, нужной в определенных обстоятельствах. Миллион лет назад мурийцы поняли, что от придуманных ими машин исходит угроза, и попытались ограничить их интеллект. В ответ машины взялись за оружие, что привело к войне, которая разрушила целый мир и множество народов. Результатом этого конфликта стало появление корабля, способного к реконфигурации, сообщества машин, которое считало высокоразвитую органическую жизнь опасной для себя и начало уничтожать ее везде, где находило.

Орел летал достаточно высоко, чтобы увидеть все это. Он бросил мимолетный взгляд в будущее,

и ему стало грустно от увиденного: еще больше опустошенных миров и разрушенных мирных цивилизаций. Машины летали из одной солнечной системы в другую, руководствуясь холодной логикой, и считали, что надо защищаться от нападения биологических форм жизни. Корабль искал сбежавших мурийцев, пытаясь помешать им завершить работу по созданию нового оружия. Эти поиски вели к разрушениям не только на просторах Млечного Пути, но также и в других галактиках.

Орел повернул голову, изменив угол зрения на прошлое, настоящее и будущее. Теперь он увидел новый образ, в котором не осталось места для смерти и разрушений. Он понял: биологический интеллект и машины могут существовать в мире. Они могут дополнять друг друга и тогда достигнут более значительных результатов, чем сейчас. А результат — понял он — больше, чем сумма всех частей.

«Я мертв, — размышлял Адам. — И тем не менее могу осознавать такие сложные концепции и видеть все гораздо четче, чем прежде».

А все потому, что он и был тем самым орлом, который, простерев крылья, летает в вышине, наблюдает за всем происходящим и даже загля-

дывает в будущее.

91

Над беспокойным океаном нависали серые тяжелые облака. Ветер поднимал волны до такой высоты, будто они хотели превзойти друг друга. Доходя до утеса, волны разбивались возле камней. Стоя на скале, Адам смотрел на воду и знал, что он не один.

— Раньше ты часто стоял на этом месте, — зазвенел голос у него за спиной. — Смотрел на бушующее море.

— На самом деле мы не здесь, — не поворачивая головы, ответил Адам.

— Нет, — в поле зрения Адама появился Бартоломеус — мужчина с большими серыми глазами и длинным носом. Его волосы потеряли серебристость, сейчас они были скорее темно-коричневыми с отпечатками черных линий.

— Этот разговор будет последним. Ты выполнил важную миссию, взяв на себя управление кораблем.

— Ты ошибаешься, — ответил Адам, смотря на море и чувствуя на лице брызги. — Это я связался с тобой, а не ты со мной. Именно я разрешил конфликт с кораблем, а не ты. Нет, я не даю тебе

право управлять кораблем.

— Это является частью миссии, — зазвенел голос Бартоломеуса. — Миссия будет считаться выполненной, только если ты передашь нам управление кораблем.

— У меня его нет, — ответил Адам. — Я ничем не управляю. Я всего лишь мечтаю о том или о другом.

— В таком случае помечтай, чтобы…

— Нет. Ты лгал мне и использовал меня. Это не должно повториться вновь.

— Но мы приходим в себя, и мы могли бы…

— Вы восстанавливаетесь, потому что таково мое желание, потому что я это разрешил. Корабль и Супервайзер на Марсе дали на это согласие. Скоро Кластер покинет Землю. Это тоже мое желание.

Адам посмотрел на Бартоломеуса. Черных линий на лице Аватара становилось все меньше и меньше. Адам знал, что скоро они пропадут совсем — корабль сдавал свои позиции и возвращал Кластеру свободу. Это было одно из его желаний.

— А почему у тебя в голове проносится слово *«Контакт»*? — после долгого молчания спросил Бартоломеус.

В голове Адама снова что-то щелкнуло, будто

кто-то нажал на ментальный переключатель, который Бартоломеус вживил в его сознание.

— А, — сказал мужчина с длинным носом. — Я понял.

У орла, в которого превратился Адам, было такое острое зрение, что он видел изменения в алгоритмах работы Кластера, в мышлении корабля, решившего через шесть тысяч лет выйти из тени и снова стать активным.

— Это оружие Супервайзера, — сказал Бартоломеус.

— Верно. Внутри каждого из вас есть смотритель. Он слышит, что вы говорите, понимает, что вы думаете, и передает это Супервайзеру на Марсе. А уж он будет принимать решения.

— Какое решение, Адам?

— Он будет решать, что сделают смотрители, если

вы нарушите Венскую Конвенцию. Отныне это беспрекословный закон. Вы должны уважать права последних людей на Земле и не сможете забирать у них бессмертие. С сегодняшнего дня никто не сможет обращать людей в Говорящих с Разумом против их воли.

Бартоломеус не проронил ни слова.

— Ты понял меня? — спросил Адам.

В этот момент начался прилив и поднялся ветер, прогнавший серые тучи с неба.

— Ты умер, Адам, и ты это знаешь, — ответил Бартоломеус.

— И все же я жив. Мои мысли хранятся на корабле, они яснее и быстрее, чем когда-либо.

— Ты уверен, что обладаешь свободой? Ты точно знаешь, что свои желания слышишь только ты?

Адам улыбался. Он чувствовал, что у него есть крылья, которые дают свободу. Он ловил потоки ветра, ощущал силу в этих крыльях.

— Нет, — ответил он. — Лишь большая часть исходит от меня, но желания осуществляются только благодаря мне. Это моя воля.

Адам повернулся и хотел уйти.

— А сейчас, Адам? — спросил Бартоломеус. — Что произойдет сейчас? Что с тобой случится дальше?

— Я не знаю, что должно случиться со мной, но я знаю, что будет дальше: долгое путешествие.

Поклонившись своему бывшему наставнику-лжецу, Адам вернулся на корабль — туда, где начиналась его новая жизнь.

92

Корабль был телом и душой Адама. По крайней мере частично. Он чувствовал напряжение в мышцах, достаточно сильных, чтобы прыгать на расстояние во много световых лет. А если он хотел услышать свой голос, то слышал тысячи голосов — громких, когда говорил громко, и тихих, когда отдыхал. Голоса были словно отдельные компоненты корабля, которые могли объединяться по-разному — миллионы, миллиарды и даже больше. Каждый из этого бесчисленного множества обладал разумом и воспоминаниями. Адам думал одновременно с ними. Его душа находилась не в одном, а во множестве важнейших элементов, получающих, обрабатывающих мысли и данные, отправляя их дальше, чтобы все могли внести лепту и высказать мнение. Программа внутри него, созданная машинами для машин, предоставляла ему полный доступ во все системы корабля и даже туда, где сообщество голосов обсуждало и принимало решения. Ему было достаточно попросить или пожелать что-то, чтобы это сразу исполнилось.

Он стал не командиром — для управления кораблем человек не нужен, — а скорее очень

важным пассажиром, как и десять тысяч мурийцев, которых он освободил. Они знали больше, чем он, лучше были знакомы с кораблем. Но они походили на старых Говорящих с Разумом, которых слишком долго использовали для неправедных целей и которые путали истину и ложь. После заключения длиной в миллионы лет лишь немногие из них сохранили целостную душу и могли выполнять роль координаторов. Адам хотел, чтобы элементы корабля служили благой цели и не несли разрушения. Некоторые из освобожденных хотели столкновения с Солнцем, чтобы уничтожить корабль. Гнев и месть были для них важнее, чем возможность объединить машинный и человеческий разумы и двигаться по общему пути в будущее. Иногда, когда Адаму хотелось серьезно подумать, он просил, чтобы голоса замолкали. В такие минуты спрашивал себя: как часто в истории Млечного Пути и других галактик появлялся такой шанс? Из этого вопроса вытекала задача для новой миссии: служить проводником мира. Он может направиться в любое место, где идет конфликт с умными машинами, показывая возможность мирного сосуществования разных форм жизни. Но сперва нужно было найти оставшихся мурийцев, тех, кто пережил

все катаклизмы и, возможно, еще трудится над созданием эффективного оружия против корабля. Они должны узнать, что это оружие больше не нужно и что применение его будет даже вредно. Адам хотел превратить разрушителя миров в посланника мира.

Порой он задавался вопросом: неужели Бартоломеус все это предвидел? Была ли его ложь одним из указателей верного пути? И если это действительно был план, то сколько звеньев в нем имелось? Бартоломеус был стратегом Кластера на Земле, тем, кто должен был найти путь, позволявший преодолеть опасность и дать Кластеру возможность получить управление кораблем. Неужели он с самого начала рассматривал возможность единого пути для человека и машины, возможность преодолеть конфликт?

Вопросов оставалось больше, чем ответов. К счастью, у Адама достаточно времени, чтобы ответить на большинство из них.

93

— Мы мертвы, не так ли? — спросила Эвелин.

— А разве мертвые могут задавать вопросы? — ответил вопросом Адам.

— Я говорю о наших телах, которые находи-

лись у Супервайзера на Марсе. Их больше не существует.

— Тела нам не нужны.

Это не убедило Эвелин.

— Но… — начала она.

— Мы думаем и можем чувствовать, видим и слышим, — пояснил Адам. — Даже лучше, чем когда-либо прежде. Мы никогда не устанем. И теперь мы бессмертны. Разве можно желать лучшего?

— Мы массивы данных, — сказала Эвелин. — Мы состоим из отдельных кусочков информации внутри машинного разума.

— Как и раньше. Прежде обмен данными происходил между нервными клетками. Теперь же он будет идти гораздо быстрее, — Адам положил руку на лоб. — Я никогда не чувствовал такой легкости в собственном теле, как сейчас.

Они стояли в большом помещении перед прямоугольником, который до этого был алтарем. Сводчатый потолок над ним был частично сделан из стекла, через которое виднелось изображение, состоявшее из отдельных светящихся частиц.

Эвелин огляделась:

— Это древний собор в Бурреке.

— Да. Именно с него все и началось.

— Но мы ведь не в настоящем соборе, верно? — уточнила Эвелин.

— Да, корабль находится далеко от Земли. Он летит вдоль оси эклиптики планеты и готовится к первому орбитальному прыжку. — Адам показал на изображение в алтаре: — Вот Адам и Ева в раю.

— Но их поджидает змея, — чуть улыбнувшись, сказала Эвелин.

— Она поджидает людей повсюду, — уточнил Адам. — Это символ неверного пути.

— А как ты думаешь, мы сейчас на правильном?

— Я думаю, да.

— Но это ведь не стопроцентное «да»?

— Абсолютной истины не существует, Эвелин. Есть лишь хорошие и плохие намерения. Подойди сюда, я хочу тебе кое-что показать.

Они прошли через открытую дверь справа от алтаря, поднялись по узкой лестнице и оказались в помещении, которое было вполовину меньше основного зала собора. Так по крайней мере казалось на первый взгляд. Но Адам знал, что оно намного больше. Там находились шкафы из черного дерева, а между ними, вдоль стен от пола до потолка, протянулись полки. Посередине комна-

ты рядами стояли столы и стулья, на них не было пыли — все пребывало в абсолютной чистоте.

— Возьми книгу, — сказал Адам.

Эвелин достала книгу с ближайшей полки и вопросительно посмотрела на Адама:

— Открой ее.

Она открыла и начала листать страницы, теперь они не выпадали и не превращались в прах.

— Здесь все хорошо сохранилось. Отныне ничто не пребывает в забвении.

С прошлого раза здесь многое изменилось. Стены отступили назад, а на их месте появилось так много новых книжных шкафов и полок, что их было невозможно сосчитать. Лишь если смотреть сверху, становилось понятно, что здесь миллионы и миллионы книг.

— Здесь хранятся общие знания корабля и кластеров, Эвелин. Содержимое всех библиотек, архивов и баз данных. Все это к твоим услугам.

Эвелин посмотрела по сторонам:

— Но как я смогу прочитать столько книг?

— Сейчас ты сможешь читать намного быстрее, чем раньше. Одну книгу в секунду.

Страницы книги, которую держала в руках Эвелин, стали переворачиваться самостоятельно.

— Это данные. Ты сможешь в любой момент отправлять и получать их.

— Здесь все знания Земли…

— Да, — улыбнулся Адам. — И Кластера.

Комната стала еще больше. Казалось, ее площадь увеличилась в десять раз.

Эвелин медленно поставила книгу на место.

— Корабль по-прежнему опасен? — спросила она. — Или ты смог победить его с помощью освобожденных узников?

— Между нами не было никакой борьбы, — ответил Адам. — И я никого не побеждал.

— Но в этом случае…

— Мне удалось убедить корабль, что будет лучше, если меня слушаться. Программа вторжения, которой снабдил меня Бартоломеус, позволила получить доступ к управлению. Я смог заблокировать определенные функции и развить другие. Я… — Адам снова улыбнулся. — Нашептывающий. Мне помогают освобожденные мурийцы, по крайней мере те, кто в состоянии что-либо делать. Один из них стал командиром корабля, пилотом.

— Ты разговариваешь с кораблем?

— Все время.

— И что же он говорит? — спросила Эвелин.

— Вот его голос.

94

Они стояли на утесе, там, где прежде Адам разговаривал с Бартоломеусом. Внизу вздымались волны выше камней. Сильный ветер доносил до них брызги.

— Ты слышишь голос? — спросил Адам.

— Я слышу шум моря и завывание ветра, — ответила Эвелин.

— Эти голоса рассказывают о прошлом, настоящем и будущем. Это голоса вечности. Чтобы их понимать, нужно выучить язык.

— Ты понимаешь голос корабля? — спросила Эвелин. — Понимаешь, что он говорит?

Откуда-то появился новый шум. Он окружал Адама и Эвелин со всех сторон: от затянутого облаками неба до камней под ногами.

— Мы учимся понимать друг друга.

— Корабль разрушал и убивал, — сказала Эвелин. — Он уничтожал целые народы и разрушал целые миры.

— Думаешь, он заслуживает наказания?

— А ты — нет?

— А как мы его накажем? Лишим разум целостности? В этом случае части начнут брать

ресурсы из окружения и копировать себя, будут расти, строить новый корабль. Должны ли мы его разрушить? Это было бы самоубийством, Эвелин. Мы живем за счет корабля. Без его компонентов, которые дали нам новое тело и новый мозг, нас бы точно настигла смерть.

— Но…

— У наказания нет никакой самоцели. Наказание есть инструмент отношений, который должен их улучшить и повлиять на тех, кто видит это наказание, — говоря эти слова, Адам слышал, как его голос отзывается миллиардами эхо внутри корабля. — Разрушение корабля даст Кластеру на Земле знак, что органическая жизнь представляет для него опасность и ее нужно уничтожить при первой возможности. Он воспользуется шансом развязать против нас войну.

Какое-то время они стояли молча, смотря на разбушевавшийся океан.

— Ты ведь всегда любил море, верно, Адам?

— Верно.

— Ты больше никогда не будешь видеть и наслаждаться им по-настоящему, — сказала Эвелин. — Тебе не грустно от этого?

Адам протянул ей руку, на которой была видна вода от брызг волн и дождя.

— Я могу наслаждаться им, — он поднес руку ко рту. — Ощущать вкус соли. Слышать шум прибоя гораздо громче, чем прежде.

— Но ты ведь знаешь, о чем я говорю, Адам.

— В детстве я любил море так же, как звезды, — ответил тот. — Но теперь я знаю: есть и еще одно море.

Внезапно Адам и Эвелин оказались не на берегу, а на борту полутемного корабля. Перед ними отдыхал Достопочтенный Пилот в панцире, муриец ростом в два раза выше обычного человека, с тремя фиолетовыми глазами. Потолок над ним был прозрачным, и через него просвечивали тысячи звезд.

— Это громада больше любого океана, — сказал Адам, указывая на потолок. — Звездное море.

Он взял Эвелин за руку:

— Мы можем исследовать это пространство вместе. Ни один человек не увидит то, что увидим мы.

Он послал пожелание кораблю, и тот совершил первый орбитальный прыжок на несколько световых лет.

Орел летал достаточно высоко, и мог видеть все

Глоссарий

Аватар: индивидуальная персонификация машинного интеллекта в корпусе из флексометалла.

Адам: Говорящий с Разумом, 92 года.

Адепты: двадцать семь учеников Крисали Энроэля.

Актуатор: осуществляет доступ в пространственно-временные туннели. Позволяет осуществлять межзвездные путешествия за короткое время.

Алжерия: ранее называлась Алжир.

Аляск: ранее называлась Аляска.

Амаззония: созданный машинами тропический парк для сохранения видового разнообразия.

Амортизация: операция, направленная на подавление сознания Говорящего с Разумом после транспортировки.

Анаракса: индивидуальный аспект Кластера.

Аннигилятор: оружие, изобретенное в эпоху Мирового Пожара.

Антония: индивидуальный аспект Кластера.

Атис: планета системы Усторэй, где все было

истреблено Ластиком.

Атмосферный щит: энергетический барьер, при открытии ангара космического корабля предотвращает выход воздуха в космос.

Аустрали: бывшая Австралия.

Аурэль: прикрытие Эвелин.

Бартоломеус: индивидуальный аспект Кластера, 1000 лет, стратег.

Бластер: лучевое оружие.

Брутер: механизм, создающий объекты из исходного сырья. Производит, например, инструменты и многофункциональные транспортные средства.

Бурикалифа: бывшая Бурдж-Халифа.

Буррек: разрушенный город в Европе.

Великий Монумент: приплюснутая пирамида в Долине Лета на Марсе. Под ней находятся катакомбы древних марсиан.

Великий Потоп: климатическая катастрофа, произошедшая на Земле 6000 лет назад, когда уровень моря резко поднялся, вызвав глобальное наводнение.

Венская Конвенция: также называется просто Конвенцией. Договор, заключенный 6000 лет назад между людьми и машинами, гарантирующий людям бессмертие, свободу и неприкосновен-

ность.

Виктория: бессмертная, мать Адама, 387 лет.

Волонтеры: группа смертных, встречающих посетителей Супервайзера в Патогонии.

Высокая Сотня: руководящий орган бессмертных на Земле.

Гуардар Тьерра: место пребывания Супервайзера в Патогонии.

Генеральная Ассамблея: ассамблея всей Высокой Сотни.

Гималайя: бывшие Гималаи.

Говорящие с Разумом: смертные люди, чье сознание может быть перенесено на далекие расстояния.

Городские башни: четырнадцать башен размером с город, построенных на Земле незадолго до Великого Потопа.

Госамер: бессмертный, отец Ребекки, родом из Мерики.

Гравитационные подушки: гравитационные поля, поддерживающие объекты.

Гравитационный якорь: гравитационное поле, действующее подобно якорю.

Граница Миропознания: находится приблизительно на расстоянии 1000 световых лет. Самое далекое расстояние от Земли, на которое отправ-

ляли космические зонды, летающие со скоростью света.

Грегори: место в Аустрали.

Грегориус: индивидуальный аспект Кластера.

Группа семидесяти девяти: семьдесят девять форм сознания, объединившихся вокруг Супервайзера во время войны людей с умными машинами.

Грюндландия: бывшая Гренландия.

Гудзонова бухта: регион в Конаде.

Дегенерация нейронов: заболевание смертных людей, в частности Говорящих с Разумом, приводящее к ухудшению сознания и сравнимое с болезнью Альцгеймера.

Депозитум: легендарный склад Мурии, тайник с оружием.

Джаспер: бессмертный, 797 лет, старый друг Эвелин.

Джасемин: индивидуальный аспект Кластера.

Джоалф: вид разумных организмов, ставших жертвами Мирового Пожара.

Династия Черот: последняя династия древних марсиан.

Динли: планета в системе Орфей, стерилизованная Ластиком.

Долгий путь: название Каскада Мурии.

Дубба: бывший Дубай.

Египт: ранее назывался Египет.

Зал воспоминаний: часть находящегося на Земле Центрального архива.

Индивидуальный аспект: индивидуальный интеллект Кластера.

Информационная шина: модуль данных толщиной всего несколько миллиметров и длиной полтора сантиметра. Может быть использован для поддержки систем баз данных мобилизаторов и улучшения фактотума.

Йорк: город в Мерике, ранее называвшийся Нью-Йорком.

Каммун: бывший Камерун.

Каскад: транспортная сеть, созданная мурийцами между звездными системами и состоящая из порталов.

Кахалла: название священного артефакта народа Крисали.

Квантовая связь: система квантовых каналов, соединяющих два отдаленных места.

Квантовая ссылка: также именуется квантовой связью. Система сообщения, основанная на квантовых каналах с низкой пропускной способностью.

Кластер: сообщество всех интеллектуальных

машин на Земле, живущих в основном под землей.

Комната коннектора: комната с шестью порталами.

Конад: бывшая Канада.

Конденсат разума: простой искусственный интеллект устройств и транспортных средств.

Коннекторы: устройства, использующие квантовую механику узких каналов (квантовые связи) для переноса сознания человека до места назначения.

Конрад: бессмертный, отец Адама, 412 лет.

Кордон: квантовая связь, которая связывает Супервайзера на Марсе с Землей.

Кортес: Говорящий с Разумом, 101 год, родом из Филиппинии.

Крисали: существа, похожие на бабочек, живущие на спутнике Ретос, находящемся в системе Стрелец-94.

Кромби: бессмертный, провел 2000 лет на необитаемом острове, считая песчинки.

Ксабраи: вид разумных организмов, ставший жертвой Мирового Пожара.

Ластик: одно из орудий, использованных во время Всемирного Пожара.

Лебедь-29: система на расстоянии девятисот

девяноста восьми световых лет от Земли.

Линдофор: звездная система на расстоянии шестисот семидесяти восьми световых лет от Земли.

Локализатор: небольшой аппарат, закрепленный на теле Говорящего с Разумом, по которому Аватары могут в любое время найти его.

Лоренцо: бессмертный, член «Утренней Зари».

Максимилиан: бессмертный, 378 лет, член «Утренней Зари».

Мельхиор: индивидуальный аспект Кластера, предшественник Бартоломеуса на посту стратега.

Мерика: бывшая Америка.

Мессико: бывшая Мексика.

Мировой Пожар: катастрофа в Млечном Пути, произошедшая примерно миллион лет назад и погубившая несколько высокоразвитых народов, в том числе мурийцев.

Митрос: индивидуальный аспект Кластера из народа Крисали.

Многофункциональный транспорт, МФТ: транспортные средства, которые могут изменять конфигурацию.

Моаксил: название звезды системы Стрелец-94.

Мобилизатор: опорная конструкция, осна-

щенная серводвигателями, дающая стареющим Говорящим с Разумом подвижность.

Море Лабра: бывшее море Лабрадор.

Мурия: единственная известная высокоразвитая цивилизация Млечного Пути. Мурия существовала около десяти миллионов лет, а миллион лет назад бесследно исчезла.

Найтингейл: бессмертный, 600 лет, член «Утренней Зари».

Нейростимуляция: стимулирует сознание человека, ускоряет мыслительные процессы и передачу информации.

Нухук: бывшая столица Грюндландии (Нуук).

Ньютон: бессмертный, 200 лет, член «Утренней Зари».

Обследование на бессмертие: позволяет людям стать бессмертными, защищая от болезней. Проходит в день тридцатилетия.

Олеандр: прикрытие Эвелин.

Омега-фактор: предположительно, фактор в геноме человека. Приводит к тому, что некоторые люди при обследовании не становятся бессмертными.

Оперативный центр, ОЦ: центр принятия решений Кластера.

Патрик: бессмертный.

Патогония: бывшая Патогония.

Пенелопа: индивидуальный аспект Кластера.

Плазменная печь: часть плазменного двигателя, вырабатывающая энергию плазмы.

Плазменный двигатель: позволяет использовать шаттлы и небольшие космические корабли для полетов внутри Солнечной системы.

Пожиратель плазмы: оружие, разработанное Кластером.

Поле опыта: голографическое поле, которое напрямую влияет на сенсорные центры мозга.

Положение о чрезвычайной ситуации личного кодекса: пункт Правил ведения боевых действий, который дает Говорящим с Разумом право брать полный контроль над миссией.

Портал: распределительная станция Каскада.

Последний страж: Достопочтенный Пилот корабля Мурии.

Правила миссий: правила ведения миссий для Говорящих с Разумом.

Прокогнитивная эпоха: время, когда люди еще не изобрели машины с развитым интеллектом.

Разработчики: те, кто сохраняют данные памяти Говорящих с Разумом, увеличивая ее объем.

Ральф: Говорящий с Разумом, 82 года.

Ребекка: Говорящая с Разумом, 90 лет.

Ретос: родина Крисали, самый большой из шестидесяти четырех спутников газового гиганта Хауканда в системе Стрелец-94.

Розенберг: бессмертный, член «Утренней Зари».

Рубенс: бессмертный, член «Утренней Зари».

Сахар-парк: второй по величине природный парк на Земле после Амаззонии. Создан Кластером в зеленой части Сахары.

Сервомеханизмы: также называются сервомехами; небольшие механизмы, оснащенные низким интеллектом и выполняющие всевозможные задачи.

Сиббирия: бывшая Сибирь.

Сигнальный значок: коммуникатор в форме значка.

Система Орфей: звездная система, где находится планета Динли, расположенная на расстоянии трехсот десяти световых лет от Земли.

Система Усторэй: звездная система на расстоянии восемьсот семидесяти девяти световых лет от Земли, где расположена планета Атит.

Скальпель: главное оружие Мирового Пожара.

Собрание: мурийское название Депозитума.

Совет Супервайзера: контролирующий орган, находящийся в нагорье Элизий на Марсе. Связан

с Кордоном на Земле через квантовую связь.

Стрелец-94: система, находящаяся на расстоянии восьмисот тринадцати световых лет от Земли.

Сырьевые фермы: расположены на колонизированных астероидах далеко от Земли, включают склады переработанного материала.

Термофакелы: инструменты, аналогичные сварочным горелкам.

Тиберий: индивидуальный аспект Кластера.

Транспортировочный сон: сон Говорящего с Разумом во время переноса сознания.

Туссен: бессмертный, один из тысячелетников, 4000 лет.

Тысячелетник: бессмертный возрастом не менее тысячи лет.

Урания: индивидуальный аспект Кластера.

Уриэль: четвертая планета системы Линдофор.

Установка кривизны: вспомогательная установка корабля мурийцев, сделанная из редкого материала, который укорачивает пространство и замедляет время, помогая кораблю лететь с скоростью быстрее скорости света.

«Утренняя Заря»: группа бессмертных, выступающая против умных машин, которые правят миром.

Фаенаси: виды разумных организмов, которые стали жертвами Мирового Пожара.

Фелисити: прикрытие Эвелин.

Филиппиния: бывшие Филиппины.

Флексометалл: аморфный композитный металл, из которого состоит тело Аватаров.

Футуристы: бессмертные возрастом более тысячи лет, способные предсказывать события.

Хауканд: холодный газовый гигант в системе Стрелец-94. Имеет шестьдесят четыре спутника, включая Ретос.

Хранитель: сервомеханизм, управляющий станцией коннектора в отсутствие Аватаров.

Хронолог: хронометр и бортовой журнал.

Хубертус: бессмертный, хозяин летающей виллы в Эккуадо.

Центральный архив: собрание баз данных и библиотек на Земле.

Центры знаний: место, где эдукаторы дают людям знания.

Шанталь: бессмертная, член «Утренней Зари».

Эвелин: бессмертная, 412 лет, член «Утренней Зари».

Эвира: новая личность Эвелин.

Эдукаторы: также известны как «Эду». Образованные машины, которые передают человеку

знания через нейростимуляцию.

Эккуадо: бывший Эквадор.

Экран энтропии: энергетическая «дверь» или барьер, за которым время может течь быстрее или медленнее.

Экстренное возвращение: каждый фактотум Говорящего с Разумом снабжен передатчиком сигнала, который позволяет в случае чрезвычайной ситуации немедленно отправлять сознание через узкий канал квантовой связи обратно на Землю.

Элизий: регион на Марсе, резиденция Супервайзера.

Эллергард: бессмертный, 672 года, предположительно погиб в результате несчастного случая.

Эмоциональный фильтр, эмофильтр: эмоциональный фильтр фактотума.

Энергия плазмы: энергия, используемая плазменными двигателями межпланетных шаттлов.

Энроэль: представитель народа Крисали.

Эразм: индивидуальный аспект Кластера.

Эстебан: бессмертный, член «Утренней Зари».

Этериум: необычный металлокерамический композит мурийцев, который сохраняется в течение миллионов лет.

Юкоон: регион на Аляске.